

**Антология авторской песни
серия «ГИТАРА ВРЕМЕНИ»:**

- «Грушинский» (Фестивальная летопись 1968-2000 гг)
«Заповедная страна» (Песни бардов Самарского края)
«Берег надежд» (Песни ленинградских авторов 1950-1960 гг.)
В. Вихорев. «В океане времени».
А. Яшунская. «С вами вместе»
«Янтарная струна» (Песни бардов Калининградской области)
Б. Полоскин. «Музыкальные истории»
В. Шабанов. «Ребус под названием Русь»
Ю. Панюшкин. «Чтобы быть большинству понятным»
«Духовная лирика»
«Поющая душа» (Песни ленинградских авторов 1970-е годы)
А. Тимофеев. «Приснился мне сон...»
Руководитель проекта В.К. Шабанов

**Проект Библиотеки Автограда
«Тольятти. Избранное»:**

- Дендрарий-1
Первый ректор
Дендрарий-2
А. Рудой. Поддавки
О. Вавилина. Система Кислюка
Ю. Панюшкин. В начале повторения пути
С. Дьячков. Книга Бытия
Дендрарий-3
А. Рудой. Выходки
Ю. Панюшкин. В начале повторения пути.
2-е дополненное издание
Редактор и составитель О.А. Вавилина
Дизайн и верстка Ю.А. Хализова

**Проект Фонда им. Валерия Грушина
и Библиотеки Автограда
«Гитара Времени. Избранное»:**

- Грушинский XXI век
Л. Фельдблит. ...Заплакать?! ...Засмеяться?! ...Забеременеть?!
Грушинское братство
Т. Карамалов. Гольфстрим впадает в Волгу
А. Воронцов. Вначале была жизнь. В 2-х томах
Руководители проекта
В.К. Шабанов, О.А. Вавилина

**Проект Фонда им. Валерия Грушина
и Библиотеки Автограда
«Гитара Времени. Избранное»**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В. К. ШАБАНОВ, О. А. ВАВИЛИНА (руководители проекта)
В. И. ШЕМШУЧЕНКО (главный редактор)
В. И. ВИХОРЕВ, А. П. ВОЛОШИН, А. М. ГОРОДНИЦКИЙ,
М. Н. ДОБЫНДО, Б. Р. КЕЙЛЬМАН, О. Г. МИТЯЕВ,
Ю.М. ПОЛЯКОВ, А. Я. РОЗЕНБАУМ, К. Б. ТАРАСОВ

Дизайн и верстка

Ю.А. Хализова и О.А. Вавилина

А.С. Воронцов. Вначале была жизнь. Т. 2. / [рук. Проекта В.К. Шабанов, О.А. Вавилина]. Избранные стихи, проза, публицистика, очерки. – Самара : Новая техника, 2013. – 282 стр. : ил. – (Гитара Времени. Избранное).

Со стихами Александра Воронцова широкие читательские круги знакомы давно: он издал 5 стихотворных сборников и сборник песен на его стихи. Но другие грани его писательского дарования доступны довольно узкому кругу читателей. Эта книга позволяет расширить его, т.к. в настоящем сборнике кроме стихов и двух рассказов-новелл размещены автобиографические очерки и публицистические работы автора, что позволит несколько «догнать упущенное».

В них легко прослеживается неразрывная связь его личной жизни и творчества с жизнью страны. Богатство эмоциональных красок и добрый мягкий юмор, присущи не только его стихам, но и прозаическим работам. Читатель точно не будет скучать, читая предлагаемую книгу.

Книга разделена на два тома.

В данный том включены два раздела 3-ей части книги.

Александр Воронцов

ВНАЧАЛЕ БЫЛА ЖИЗНЬ

Том 2

*Р.С.: С целью экономии объёма
книги некоторые места купированы,
они указаны отточиями
(не путать с многоточиями ...).*

Тольятти
2013

Часть 3.2 ЖУРАВЛИ И СИНИЦЫ

1. ЗДРАВСТВУЙ, ОРУЖИЕ!

Широка страна моя родная

Но вот подъехал военкоматский «ГАЗ-63» с откидными скамейками вдоль бортов, нас пересчитали ещё раз, в кабину и в кузов сели два офицера из военкоматских, мы замахали руками, мама всё же не сдержалась и стала вытирать глаза, а «ГАЗончик» въехал на аппарель паром. Дон отделил старую жизнь от новой. Осень была тёплой, даже в кузове грузовика я не мёрз, но поясница продолжала болеть, о чём я в военкомате умолчал: мне не хотелось в другую команду. В Миллерово приехали на склоне дня. Мне впервые за долгое время не надо было беспокоиться о билете: капитан решил этот вопрос, для того он и был главой нашей команды из 15– 6 человек. Вообще-то, я знал, как приобретаются билеты по воинским требованиям: я ведь уже ездил в Баку по такому билету. И обратно, увы...

Под утро мы были уже в Ростове, вернее, в Батайске. Нас привели на сборный пункт, капитан и его помощник сдали нас по списку, распрощались и уехали домой. А нас разместили в просторных казармах, которые дня через два оказались переполненными. Ходить в строю мне было несложно: на занятиях по физкультуре и по военной подготовке, слава богу, обучили. Кормили здесь более чем сносно, а Баку не шёл ни в какое сравнение. На второй день я попал в наряд на пекарню. Работой за сутки (с перерывами на отдых) не замучили, а с едой проблем вообще не стало. Режим был довольно вольготный, так что мы (я и ещё трое земляков) смогли даже смотаться в город и принести по бутылке вина на брата. Потом мне предстояло почти полтора года провести в трезвости, но в Батайске я ещё не знал, что будет впереди.

И вот зашуршало по казарме: «купцы приехали». Нас опять проверили медики. Про поясницу я снова ничего не сказал и даже чуть ли не с улыбкой наклонялся и доставал пол руками. Но был счастлив, что на сердце и здесь нет нареканий. А ещё я обрадовался, что на погонах у «купцов» были «птички» – нас брали в авиацию!

Батайск подтвердил войсковые принципы Баку: и на море и в воздухе, да и в поле, люди и судьбы тасуются с лёгкостью карт в руках шулера:

- Ряды вздвой!
- Напра-во!
- Нале-во!

В результате рядом со мной из 16 земляков, отправленных из Казанской, стоит только один Коля из Коноваловского. Я его немного знал: он пытался ухлёстывать за Марусей Циндриной, но по-

том она всё равно вышла за Митьку-«Козлёнка». К вечеру мы уже тряслись на нарах «теплушки» в товарном поезде. Ну, к таким поездкам мне не привыкать, а тут даже какие-никакие удобства: нары, тюфлячок, и не сифонит! Утром оказалось, что поезд идёт на Сталинград и как раз проходит родные места: Тацинская, Морозовск, Чернышки, Обливская, Суровикино. Есть такая поговорка: «Мимо дома с песнями». Нет, я ещё не истосковался, но мне уже, как лягушке-путешественнице, хотелось квакнуть: «Эй, земляки! Это я еду в Армию! Посмотрите!» Но сотовых телефонов тогда не было, так что сёстры только через несколько недель узнали, что в одном из обычных товарняков, которые бессчётно проходят через Чернышки, гордо пронёсся их брат.

Сталинград поразил новым вокзалом, башню которого венчал высоченный шпиль, одинаково новыми домами, нарядными улицами и огромной стройкой, которая шла на Мамаевом кургане. Как-то не верилось, что легенда, о которой так много читано, слышано, – вот она, перед глазами, и посмотреть на неё – словно самому оказаться причастным к ней. Потом всю жизнь можно многозначительно говорить: «Я был в Сталинграде...». ..

В Сталинграде нас пересадили в пассажирские вагоны и повезли вдоль Волги. А Волга-то длинная! Где же мы остановимся и приступим к несению службы? В Сталинграде нам добавили ещё несколько сот призывников, поэтому состав оказался длинным. В вагоне уже не только казанских и мигулинских, но и вообще ростовских оказалось не больше половины: колоду перетасовали опять.

С новенькими мы вскоре познакомились, тем более что сталинградские мне тоже земляки. А через некоторое время я уже выделял двоих: Димку Афанасьева и Гришку Инюхина. Димка призывался из Палласовки, Гришка тоже откуда-то из Заволжья. Димка отличался тонкой, как у девушки, талией и хорошей начитанностью, а с Гришкой тоже было о чём поговорить, но, самое главное, у него были неудержимые (антиманитные, противоударные, водонепроницаемые, с чёрным циферблатом!) часы «ЗИМ», до которых моей «Победой» было далеко. Потом, уже в казарме, я пытался их остановить магнитом – шаманил после отбоя, пока Гришка спал, подложив обе руки под голову. Стали... мои, а его как шли, так и шли.

На следующий день проехали Сызрань, а потом в Батраках по длинному мосту пересекли Волгу. Она долго не отпускала поезд – всё пойма и пойма, протоки, острова. Огромная река, не то, что Дон, и всё же совсем не то, что Дон. Он уютнее и роднее.

Ночью проехали Куйбышев, потом Кинель. Это название мне через год с небольшим снова встретилось, когда я попал в полк, созданный в Кинеле в 1942-м году.

Далее пошли Заволжские степи. Они похожи на придонские, но коровьих троп по склонам холмов меньше, травы не такие пёстрые, впрочем, здесь уже было заметно холоднее, осень заявляла о себе. Куда же везут? Пора бы и остановиться. Но будь, что будет.

Поезд передвигался не быстро: длинные стоянки по ночам, небольшая скорость на перегонах. В вагонах шла своя жизнь: политинформации, художественная самодеятельность, разговоры обо всём, особенно о недавней жизни «на гражданке». Надзор и дисциплина были жёсткие. На одной из станций ребята ухитрились купить 5 бутылок водки, но все они были не распиты, а разбиты об рельсы. Потом, уже в части, узнали, что всем офицерам, сопровождавшим состав, была объявлена благодарность. Было за что: ни одного киоска не снесли, все живы, вагоны не поломаны – несколько окон и полок не в счёт.

И все были здоровы, вот только у меня поясница болела всё сильнее. Но я приспособился: ложился на спину и сгибал ноги в коленках, тогда боли почти не было. А когда спускался с полки, старался больше ходить по вагону. Так я проходил Уфу, Ашу. Скоро Урал. Вечером по команде: «Отбой!» – я улёгся и всё-таки заснул, несмотря на боли в пояснице. А когда проснулся, оказалось, что некоторые из ребят только притворялись спящими, за что и были судьбой вознаграждены: где-то около Златоуста они увидели обелиск «Европа-Азия». Я завидовал им: проспал такой таинственно-романтический момент! Потом был задымлённый Челябинск, потом бескрайные равнины с колками, которые попадались всё чаще. Лиственных деревьев становилось всё меньше, а хвойных – всё больше, а ветер за окнами вагона всё холоднее. Из Кургана я отправил первые два письма в Павловский: домой и, ясно, кому. Ответов я пока ожидать не мог: некуда было их отправлять. Куда же везут? Пора бы и остановиться. Но будь, что будет.

Как-то незаметно миновали Курган, но когда подъехали к Омску, оказалось, что не одна Волга такая широкая. Город мы видели, в основном, из вагонных окон. Много не разглядишь, но город огромный, из того же ряда, что Ростов, Сталинград, Куйбышев. Поезд шёл, природа и погода становились всё более сибирскими, и, наконец, мы подъехали к сибирской столице, которая, по многочисленным разговорам, обладает самым красивым в Союзе вокзалом (второй, говорят, – в Харькове). Но и в Новосибирске дальше перрона я не мог продвинуться, поэтому пришлось поверить на слово. Ещё одно украшение города – могучая красавица Обь, одна из трёх сибирских рек, о которых на уроках географии говорилось с невольным трепетом. Но вот и Новосибирск остался позади. А в Красноярске, откуда я отправил вторую серию писем, появилось ощущение, что мы уже никогда не остановимся. Но будь, что будет. Зато вторую легенду Сибири –

Енисей – пересёк по гулкому мосту. За Енисеем дорога повела к Байкалу, стали спускаться к югу, но теплее не становилось, тем более что путь лежал через станцию Зима!

И вот однажды утром в правых окнах показались не очень высокие, но обрывистые и неприветливые горы, которые теснили поезд, а в левых – простор, простор и опять простор. И только где-то далеко-далеко сквозь дымку проступали, как фотография при проявлении, ещё горы. А простор между этими горами занимало море! И это море было Байкал! И кое-где, как водяные жучки, застывшие на месте кораблики, видимо, завершающие сезон навигации. Картинка даже в разгар осени впечатляла, и даже то, что прошли Иркутск ночью, из-за этого не огорчало.

В Слюдянке, где бабки на перроне наперебой предлагали «омуля с душиком», поезд стоял совсем близко от берега. Многие ребята побежали к воде. Нашлись человека два – даже в воду залезли, но я, как и большинство, ограничился умыванием. Через год, когда я ехал в обратную сторону на настоящем пассажирском поезде, этот ритуал повторился. Тогда трудно было представить, что когда-нибудь священный Байкал превратится из объекта духовного и эстетического в объект вожделения многих местных и забугорных вурдалаков, которым Байкал (20% мировых запасов пресной воды!), конечно, не выпить, но вот распродать его в пластиковых «ваучерах» хоть европейцам, хоть американцам, хоть кому угодно, очень хочется: жаждущие заплатят любую цену. ... Но в далёком, 1958-м году, я думал только о том, что теперь всю жизнь буду с гордостью заявлять друзьям:

– Я умывался байкальской водой!

Паровозный гудок прервал мои сладкие мысли. Путь на восток продолжился, Байкал ещё долго не отпускал наш поезд, но к вечеру утомился и отстал. На следующее утро Забайкалье стало разворачиваться во всей своей мрачноватой красе. «Вот на пути село большое» – Улан-Удэ. Нам дали команду собираться на выход. Неужели дошли до точки? Нет! Просто сводили в баню, в которой кроме обычной помывки нас при помощи квача фрагментарно дезинфицировали карболкой. На теле легчало. А на душе всё тот же вопрос. Куда же везут? Но будь, что будет.

Опять перестук колёс, опять сопки, которые становятся всё выше, всё лесистей и всё круче, а дорога, большей частью, идёт вдоль рек с крутыми берегами, что придаёт пейзажу особую красоту, схожую с красотой тигрицы: лучше любоваться издали.

Чита! Пошли каламбуры от простого украинского вопроса: «Чи та, чи нэ та?», до знаменитой Читы из сериала «Тарзан». Город немалый, но много непривычных до Урала и обычных после Урала бревенчатых двух- трёхэтажных домов, ставших от времени и город-

ской пыли тёмно-бурыми, что придавало им вид (как бы это сказать?) небогатый. Вообще, вопреки расхожему мнению, Сибирь показалась не такой уж процветающей. В Придонье к концу 50-х жизнь маленько оперилась. В Павловске я жил небогато, но уже сыто, а здесь на малых станциях люди просили у нас чего-нибудь съестного, мне их было жалко: я сам предметно знал, что такое – «хочется есть». Видимо, таких, как я, в составе было немало: хлеба и консервов мы много раздали. Нас в дороге снабжали неплохо, так что и самим оставалось.

Чита оказалась тоже обычной остановкой на неведомом пути. Когда переехали Волгу, то сто километров дальше или ближе от дома перестали иметь значение. После Красноярска точность в тысячу километров уже была достаточной. От Байкала отмахали эту тысячу, вот уже Ингода превратилась в Шилку, а мы всё двигаем на восток Неужто до океана?

Приехали!

Серое осеннее утро 1-го ноября 58-го года. Подъём. Поезд стоит. В левом окне огромная каменная полка, вырубленная в склоне сопки, на ней-то и стоит наш поезд. В правом – ещё 2..3 колеи, далее – обрыв непонятной высоты, под ним – широкая река, шире даже, чем Дон в Ростове, а по реке льдины плывут, хотя и не весеннее половодье. Но ещё удивительнее та скорость, с которой они плыли (да что там плыли – неслись!) по реке. На том берегу, который тянулся неширокой более-менее равнинной полосой, тоже поднимались сопки.....

Капитан Мишако, сопровождавший наш вагон, объявил:

– Приехали! Здесь будете служить. Вы будете курсантами Школы механиков авиавооружения. Это город Сретенск, а река – всё та же Шилка.

Как говорится, сердце ёкнуло: 2 недели ехать, оставить за спиной интереснейшие города и пейзажи и остановиться в каменном чулке? Разочарование прокатилось по всей душе. Несколько человек, в том числе и я, резво выпрыгнули из вагона, чтобы посмотреть пошире на нашу судьбу. Но мы так же резво заскочили в вагон: за его стенками было около десяти градусов мороза! А что же будет зимой?

Примерно через час нас повагонно начали грузить на катера, ухитрявшиеся проскакивать между льдинами и бороться с течением, и – на «тот берег». Там в крытых машинах довольно скоро привезли к огромным воротам со звёздами. Города мы почти не видели через полузакрытый полог заднего борта. Ворота распахнулись, мы въехали на территорию гарнизона – ворота затворились. Мы, утеплённые, кто как может (вспомнились немцы 42-го), по команде спустились на землю и нас тут же завели в спортзал.

Вскоре началась уже знакомая мне процедура:

– Первая – три шага вперёд, вторая шеренга – два шага вперёд, третья шеренга – шаг вперёд, шагом марш!

– Первая-вторая шеренги, напра-во!

–Третья- четвертая шеренги, нале-во!

В итоге Коля-землячок попадает в седьмую учебную роту второго батальона, а я – в пятую первого. Коля будет изучать вооружение бомбардировщиков, а я – истребителей. Зато со мной в одном учебном взводе оказались Димка Афанасьев и Генка Инюхин. Я и этому был рад. В нашей же роте оказался ростовчанин (с 10-й линии Нахичевани, армянского района Ростова) Эдик Саиев-Есаянц, единственный со сдвоенной фамилией. Балагур, гитарист, слегка приبلатнённый (Ростов!) и любитель выпить. А ещё в нашем учебном взводе оказались несколько человек с Украины: Колька Саввов, болгарин из-под Одессы, Витька Политун из-под Винницы и кто-то ещё, уже не помню. Они прибыли на неделю раньше, им потом вскоре ефрейторские лычки дали, т.е. готовили заранее как командиров отделений (часть-то учебная, с одногодичным циклом – старослужащих нет).

После переключки нас распределили по учебным взводам и отделениям. Командиром нашего взвода оказался старший лейтенант Ефремов, усач, который сопровождал соседний вагон. Ефремов был чувашин, у него были некоторые нелады с дикцией, но это оттого, что в 45-м в Манчжурии был ранен в верхнюю челюсть; по этой же причине он и усы носил. У него был прирождённый педагогический талант, и уже через несколько дней весь взвод считал, что нам повезло с командиром. Его вскоре зауважала вся рота, и чтобы отдать приказ любому курсанту, даже не из нашего взвода, ему не надо было повышать голос или «качать права»: приказ его выполнялся легко и просто.

Потом нас отвели в казарму и распределили места. Мне повезло: досталась койка в нижнем ярусе, правда, раза три стукался головой об верхний. Через тумбочку от меня – Гришка Инюхин. Димка оказался на соседней койке слева. На койках лежали матрацы, заправленные соломой. Городские крутили носами, а для меня это было обычным делом.

Началось

Учебная рота огромная – 240 человек! – переключка долгая, а старшина роты сержант Подвербный ни таланта, ни авторитета Ефремова не имел, поэтому старался «на горло брать». На всех переключках, и на вечерней поверке, естественно, Димка Афанасьев назывался в числе первых, я тоже вверху списка, но ведь стоять по стойке «смирно» надо до самых «Чакир! Хиль!.. Рота, вольно!» Если кто-то принимал стойку «вольно» до конца поверки, то Подвербный с садистской ухмылкой начинал поверку с начала списка. Когда, наконец,

звучало: «Чакир! Хиль!.. Рота, отбой!», можно было расслабиться, но не мешкать: на раздевание и нырок в постель Подвербный тоже давал ограниченное время, которое постепенно сокращалось. Тех, кто не укладывался «в регламент», он тренировал отдельно, а иногда со всем отделением и даже со всей ротой. Чаще в таких случаях обижались не на штрафника, а на Подвербного. Потом уже, через несколько лет, когда зазвучало имя певца Эдуарда Хилья, он сразу стал мне симпатичен, потому что эта фамилия ассоциировалась с приятной командой: «Отбой!». В первый месяц службы мы проходили курс молодого бойца по общевойсковой программе, поэтому самолёты, стоявшие на площадке у берега Шилки, видели только издали. Недели через две ночью объявили подъём по тревоге. Построили в проходе, произвели перекличку, далее спасительные: «Чакир! Хиль!.. Рота, отбой!». Всё отлично. Приобщились. Ещё через недельку опять ночная тревога. Я почему-то решил, что теперь тоже ограничатся поверкой, только не в казарме, а на плацу. Поэтому для «ускорения процесса» не стал наматывать вторые (меня уже выбрали комсоргом роты, и я считал себя обязанным стать в строй в числе первых) портянки, которые нам выдали сразу, так как зима в Забайкалье – дело не шутейное. Сначала всё так и шло, но после переклички команда:

– Справа! Повзводно, правое плечо вперёд, шагом марш!

И, как говорится, «мимо дома с песнями». Ладно, пройдем по гарнизону чуть-чуть и – в казарму! Ан, нет. Колонна двинулась к воротам гарнизона. К открытым! И по улицам спящего Сретенска – на околицу к сопкам. Новая команда:

– Газы!

Мы надели противогазы и ускоренным шагом – вверх по склону сопки. Хорошо, что снега мало: в городе он вообще смешивается с песком. «Снять противогазы!», потом снова надели, так раза три. Дыхания не хватает, голова потная, под бушлатом жарко, а ноги начали мёрзнуть: мороз за 20. Я ругал себя, что не захватил с собой не намотанные суконные портянки: во время кратких остановок я бы их намотал. Что делать? Решил разрезать полотенце и использовать его вместо портянок. Димка дал складной нож, я разрезал полотенце, но тут команда: «Подъём!» – и опять надо, сопя, взбираться на сопку. Вверху деревья, хоть и не густые, и снег лежит – идти трудно. Пальцами ног шевелю непрерывно. Больше привалов не было, и на восходе солнца мы вернулись в гарнизон. На подходе ноги как-то меньше стали мёрзнуть. После команды «разойдись!» я стрелой влетел на третий этаж и сразу стащил сапоги. Что за чертовщина?! Ноги голые. А где же портянки? Байковые я точно наматывал! Заглядываю в сапоги – портянки там: примёрзли к сапогам. Я подался в умывальник оттирать ноги холодной водой. Всё обошлось, даже насморка

не было. Но в последующем я уже с морозом не заигрывал, тем более что было уже за 40.

После десятиминутной ходьбы из столовой в учебный класс сапоги начинали звенеть чугунным звоном в буквальном смысле этого слова. Потом, в классе, когда они начинали оттаивать, весь холод шёл в ноги. На улице хоть ходьба спасала, а тут иногда приходилось под партой сапоги снимать. При этом однажды меня вызвали к доске – то-то я отделение повеселил. Казалось невероятным, как люди могут переносить такие морозы: днём 40..42, а ночью все 45? Прав Тургенев. В середине декабря мы приняли присягу и были допущены к несению караульной службы. Почётное воинское дело. Но в конце службы думалось: «Как хорошо, что я не в пехоте и не в роте охраны! А то бы в караул в двадцать раз чаще ходил». Первый наряд в карауле прошёл благополучно. Из-за сильного мороза мы менялись через каждый час, а не два, как по Уставу. Тулуп, валенки, овчинные рукавицы, полотенце вокруг лица – как тут воевать, если что? Но затвор СКСа даже на 45-тиградусном морозе не примерзал к ствольной коробке. Но уже на втором наряде мы условились, что будем стоять по два часа, а полотенце я ещё в первом карауле в карман сунул: оно не столько грело, сколько закрывало видимость: уже через десять минут оно покрывалось таким инеем, что Дед-Мороз позавидует. При втором наряде мне достался пост на складах вещевого довольствия. Это было опаснее, чем на складе боепитания: шпионов и диверсантов пограничники поыволовили и напугали, а уголовников и беглых «ЗЭКов» в Читинской области – как омуля в Байкале. Вдобавок, склады находились за пределами гарнизона, всего-то в пятидесяти метрах, но за гарнизонной оградой. На посту находилось четыре амбара-склада метров по 5-6 шириной и метров по 20...25 длиной. Три склада стояли шеренгой, а один – чуть поодаль, как разводящий на инструктаже. Освещение, как и на остальных постах, самое глупое: зона перемещения часового ярко освещена, а по периметру, сразу за колючкой забора – темнотища. Часового видят все, а он – никого. Время тянулось медленно. Наконец моя «Победа», показала, что с минуты на минуту Сова (Колька Савов) должен привести мне смену.

Я посмотрел на незапиравшуюся калитку и для коротания времени решил обогнуть «разводящего». Когда я обошёл склад с торца, то на долю секунды оторопел: к другому торцу строения приближались трое и о чём-то разговаривали. Наши так быстро не могли пройти от калитки до склада, кто же это? Что делать? Устав сразу подсказал:

– Стой! Кто идёт?

В ответ – смех, и троица продолжает шагать. Я сбрасываю меховую рукавицу, под которой предусмотрительно присланные мамой

шерстяные трёхпалые варежки. Как они пригодились на сорокадвухградусном морозе! Даю вторую команду:

– Стоять! Осветить лицо!

Смех прекратился, зажёгся фонарик, и луч ударил мне в глаза. Всё ясно: злодеи! Вскидываю карабин и передёргиваю затвор, но, пока ещё не совсем отпустил рукоятку затвора, снова командую:

– Себе осветить!!!

Там, наконец, понимают, что шутки кончились – поворачивают фонарик, и я вижу растерянную физиономию Савова. Паразит! С такого расстояния промахнуться было невозможно, хорошо, что какое-то сомнение у меня оставалось. Я отвернул ствол вправо-вниз, оттянул затвор и пальцем загнал патрон снова в магазин, а потом осторожно отпустил пустой затвор. Немного поматюгались друг на друга и решили Ефремову ничего не говорить.

Кстати, курить я бросил уже на первом месяце службы. Это произошло довольно легко: комсorghовских забот было так много, что о куреве некогда было думать. Ещё я занялся самовоспитанием. На территории недалеко от нашей казармы стоял обычный спортгородок: бревно на пятиметровой высоте, шест, канат. Взобраться по шесту или по канату мне ещё с чернышковских времён было делом нетрудным, а вот пройти на высоте не получалось: робел. Разработал немудрёную программу: каждый день по несколько раз поднимался на последнюю перекладину лестницы, пока перестал страшиться. Потом так же становился на край перекладины, держась за стойку леера. Когда стало не страшно – пошёл по перекладине, держась за леер. Так что недели через две я ходил по перекладине на высоте пяти метров, не держась за леер, и никакого страха не испытывал. Через 9 лет это пригodiлось: в Тамале мне довелось руководить монтажом нескольких кран-балок.

Да, поясницу я вылечил, выяснилось – это радикулит. Мне и в голову не приходило, что в 19 лет может быть «стариковская» болезнь. Оказалось, у трактористов – может. Много лет спустя в одной из медицинских брошюр я прочёл: «Если у вас случился приступ радикулита, то рано или поздно он повторится». Вот тут медики не врут. Только через двадцать пять лет при помощи иглоукалывания маленько укротил его, но он до сих пор, как верный спутник, со мной.

В декабре курс молодого бойца закончен, присяга принята, медкомиссия пройдена. Никто не верил: несмотря на примитивное питание, все потяжелели на 3...5 килограммов. Мне намерили 165 сантиметров и 65 килограммов. После я на сантиметр вырос, а вес ещё лет 15 колебался около этой цифры на кило туда-сюда, а теперь вот целых 73. В Забайкалье почти ничего не растёт, там даже яблоки с вишню. Картошка привозная сушёная, морковка тоже. Зато рыба – не се-

лётка, а какая-то красная: то ли горбуша, то ли кета. Ужасно солёная и ужасно жёсткая. Экзотика! На второй день – опять экзотика. Через неделю захотелось простой селёдки. В армии всё по команде:

- Садись!
- Приступить к приёму пищи!
- Встать! На выход!

Аппетит у меня был хороший, поэтому последняя команда, в точном соответствии с диетологией, поднимала меня из-за стола «с чувством лёгкого голода», который скоро проходил. Из столовой несколько месяцев по «бодрящему морозу» ходили либо на занятия (утром и днём), либо на прогулку (с песней) и в казарму. Занятия мне нравились: как будто второй курс УМСХ, только вместо тракторов – самолёты, и предметов больше. Были и знакомые: материаловедение, слесарное дело, политехзанятия. Добавились: тросозаплётка, жестяницкое дело, столярное дело, электротехника. Совсем новые: взрывчатые вещества, боеприпасы, стрелково-пушечное вооружение самолётов, бомбовооружение, прицелы, основы теории полёта аппаратов тяжелее воздуха, конструкция самолётов. На занятиях при ответе у доски требовали чёткости, мямлить не позволяли. Примерно, так:

– Курсант Ерёмин к ответу готов. Вопрос такой-то. Тра-та-та-та-та- ... Ответ закончен!

Далее следует дополнительный вопрос, ответ по прежней схеме и объявление оценки. Учился я неплохо, и оценки были хорошие (десятилетка, УМСХ + интерес облегчали учёбу).

Фотография

Свободного времени почти не было, по крайней мере, у меня. У кого оказалось побольше, те тратили его на курилку, письма домой и обмен адресами. Частота написания писем обратно пропорционально продолжительности службы. Первые недели почту заваливают грудой конвертов, потом как-то реже, реже, а к концу второго года обратный поток писем командованию части с жалобой на сына, который перестал писать. К середине третьего и родители теряют настойчивость и смиряются со своей участью. С дороги я раза три отправлял письма родителям, друзьям и Вере. Через несколько недель, уже в Сретенске, я получил письмо от мамы. Она подтвердила получение моих посланий. А от Веры – ничего. Потом – чего, но не от неё, а от Вани Мрыхина. Он сообщил, что какого-то октября (уже не помню, но, кажется, когда я был между Красноярском и Иркутском) Вера вышла замуж. Ну, дай Бог счастья и здоровых деток молодым. Не скажу, что я был убит этим сообщением, но после него я с большим интересом отнёсся к работе самодеятельной биржи знакомств. Как только чуть огляделись ребята, так началось:

- Хочешь, познакомлю с бывшей одноклассницей? Во, девах!
- Слушай, какая сеструха у тебя! Можно, я ей напишу? Дай адрес.

Мне это всё казалось несерьёзным, плохого в этом я не видел, но усмехался скептически. И вот Димка Афанасьев показал мне фото своей сестры Люси, которая училась на 2-м курсе Пензенского пединститута. Ничего особенного я не увидел, просить адреса не стал. Зачем? Переписываться, лишь бы переписываться? Невезуч я в амурных делах. А закрутить простой флирт, так это физически невозможно: до неё 7000 километров. Свято место пусто не бывает – Димка дал фото и адрес Вовке Хорольцеву, парню заурядному, однако, интересному тем, что щёки у него были буквой «Ф», и сердце было справа, так что медиков иногда ставил в тупик. Вовка написал письмо Люсе. Недели через две-три он получил ответ! Но когда я прочитал этот ответ, мне стало ясно две вещи: а) Вовка теперь, после такого «бритья», уже никогда ей не напишет; б) хорошо, что не я попал под обстрел, хотя такой глупости, как Вовка, я бы не написал. И ещё я «зауважал» Люсю: достойный противник. А тут ещё Димка взялся меня стажировать в фотоделе. У меня был простенький фотоаппарат – Клава подарила. Проявлять плёнки я научился ещё в Чернышках, а вот до печати дело толком не дошло: не успел – выпуск маячил на горизонте. Димка был уже фотоассом, поэтому я пошёл к нему в подмастерья. До 3-4-х часов сидели в каптёрке и колдовали над листами, на которых из ничего появлялись люди, дома, горы.

Самое интересное началось, когда Димка решил заняться увеличением фотографий при помощи фотоувеличителя, который в этом случае работал как фотоаппарат. Потом 6х9 превращались в 12х18 и в другие форматы.

- Дима, кто это?
- Это Лида С., я её люблю.
- А это кто?
- Это Рита У., я её люблю.
- Дима, может, одну любишь, а с другой это... ну, фигли-мигли?
- Нет, обеих люблю и не знаю, которую больше.
- Тут уж я ничем не мог помочь, кроме совета:
- Рита моложе. С ней любись, а Лиде дай отставку...
- Нет, Саня, не могу...

Через четыре года Дима женился на Вале В. Лида и Рита к тому времени были замужними.

Фотографию Люси Дима поручил обработать мне. Я трудился старательно, он ограничивался советами. Пока я с трудами сделал несколько экземпляров, то стал несколько иначе смотреть на портрет. А Пигмалиону труднее было: камень всё-таки. Нет, желания завя-

зять переписку у меня не появилось, но вскоре я стал подшучивать над Димой:

– Димка, давай адрес, я после армии женюсь на твоей сестре, а ты ей в приданое дашь свой трёхколёсный мотоцикл (у него был «Урал», мечта моей юности).

– Зачем он тебе?

– Твоих племянников буду возить.

Такое зубоскальство продолжалось года полтора.

А ещё я стихи писал в тетрадку, в которой они, по счастью, и остались. Месяца через два службы, когда я ещё не избавился от синдрома «первого поэта района», я послал несколько стихотворений в окружную газету «На посту». Довольно скоро мне их вернули без особого разбора. Ну, думаю, гад-редактор в поэзии ничего не понимает. Посылаю новые – результат почти под копирку с предыдущим. Я обиделся лет на пятнадцать, стал писать в тетрадку и иногда «датские» для друзей. Собратьев-поэтов в батальоне не оказалось. Писал ещё Витька Полюх, но он писал прозой, всё больше рассказы-новеллы, почему-то почти все порнографические.

Коротко лето в горах

Учёба шла своим чередом. Зима стала сдаваться. Начались ветры, верный признак того, что Байкал скоро вскроется. Зимой было тихо, но туманно. Чем сильнее мороз, тем гуще туман. Зато когда после двухнедельного мороза 40...45 отпускало до 30 градусов, это казалось теплыню: можно было поднять клапаны шапки, и сапоги не звенели.

Весной стали выходить на матчасть на аэродромную площадку, которая стояла на высоком берегу Шилки. Вообще город стоит на высоте в 900 м. над уровнем моря, поэтому и дневные и сезонные перепады температур там – дело обычное. Когда вскрылась Шилка (боже, какой ледоход был!), начал работать паром-самолёт, и пошли пароходы. Паром не требовал ни грамма горючего: Шилка сама его перемещала. Принцип этого до смешного прост: посредине реки крепится мощный якорь, к которому на длинном (метров 600 или больше) тросу крепится паром. Бешеное течение натягивает трос, как струну. Рулевой поворачивает в нужную сторону руль, и напор воды прижимает паром к соответствующему берегу. Потом наоборот. Как маятник.

Два раза в неделю мимо стоянки учебных самолётов проплывал почтовый пароходик. Собственно, «проплывал» – не то слово. Когда он, пыхтя, шёл вверх, то его по берегу, пожалуй, можно было бы обгонять любому марафонцу, даже курсантам в сапогах; но какой дым валил из трубы! Я опасался, что пушки на самолётах придётся чи-

стить дополнительно. Зато, когда пароходик шел вниз, он напоминал лебедя, разбегающегося по воде для взлёта. Тут уже не всякий спринтер смог бы обогнать его. А над трубой небрежно вился лёгкий парок, слегка разбавленный серым дымком.

К середине июня вода в Шилке (на мелководье у берегов) прогревалась настолько, что можно было даже купаться. 14 июня, в день моего второго юбилея, сдавали нормы ГТО по плаванию. Место для этого Шилка, как будто нарочно, подготовила у берега недалеко от гарнизона – заводь заметных размеров. У самого берега вода двигалась в обратном направлении, в середине заводи стояла, а со стороны стрежня снова текла в правильном направлении со скоростью, которая по мере удаления от берега росла от нуля до лошадиного галопа! Заплыв делали сразу пять человек. Результат зависел от спортивной подготовки и удаления от берега. Почти всегда левый фланг пятёрки показывал лучшие результаты. Я сдал на третий разряд. Димка Афанасьев вообще плавать не умел, но его поставили слева, поддерживали на плаву, остальное сделала Шилка. А ещё в это лето на Шилке разгружали муку для гарнизонной пекарни. Мешки были центнеровые, брали их по два человека. На сходнях это было неудобно, скоро надоело, я и ещё несколько ребят стали носить одни, нам только поддавали на плечи. Увы, сейчас это только вспоминается. Жаль, конечно, что от бывшего остались одни воспоминания, но ведь хорошо, что есть о чём вспоминать. К началу августа учёба закончилась. Тем, кто закончил её с красным аттестатом, предложили на выбор пять мест дальнейшей службы: Липецкая область, Грузия, Карелия, Баку и Львов. Мы с Димкой посоветовались и выбрали Львов. К нам присоединились Витька Политун, Колька Верблюдов и ещё несколько ребят (всех уже и не помню), всего в команду во Львов набрали десять человек. Политун уже получил сержантские лычки, кое-кто – ефрейторские. Генка Инюхин поехал в Приморье, ещё дальше на восток. Потом писал, что работает на самолётах, которые по сравнению с «МИГ-15» были, как «новые «ГАЗоны» по сравнению со «старыми «полуторками».

10 августа, когда вечера и ночи уже стали, мягко говоря, прохладными, мы получили проездные документы и «финансы», попрощались с обжитой казармой школы, со ст. лейтенантом Ефремовым (с сожалением), со старшиной Подвербным (с радостью) и на станции Кокуй, на которой не раз доводилось разгружать уголь для гарнизона, сели в маршрутный пассажирский поезд №125 «Хабаровск – Киев». Спиртным не баловались, частью, оттого, что наказания в дорогу получили, частью оттого, что денег почти ни у кого не было, и частью оттого, что уже привыкли к трезвой жизни.

Опять в Европу

Обратная дорога оказалась куда как лучше. То, что мы теперь почти вольные пассажиры, это само собой. Но лето, даже на исходе, так украсило окрестности, что трудно было глаз оторвать от вагонного окна. И вода в Байкале, когда повезло ею снова умыться, была куда теплее.

Иркутск миновали днём. Впечатлили дуга плотины на Ангаре и водосброс на ней. Плотина подняла воду и затопила легенду о старике Байкале, который бросил камень-скалу в свою строптивую дочь Ангару, убежавшую от родительской опеки к красавцу Енисею. Но даже и без этого пейзаж легендарный. В районе станции Татарка поезд шёл медленно, с частыми, иногда даже «у столба», остановками. Витька Политун прыгивал и набирал цветов, которых там было неисчислимо, для проводницы. Не помогло.

Урал пресекли на этот раз днём, и я увидел обелиск «Европа – Азия». Несколько мгновений он помаячил в окне и – пейзаж тот же, а название другое. Но ещё долго, почти до самой Уфы Европа не отличалась от Азии. В Куйбышеве Димку встретил старший брат Борис, капитан милиции. Димка познакомил меня с братом. Борис произвёл на меня хорошее впечатление: он намного старше нас, участник войны, офицер, имеет боевые награды, а общается с нами на равных. Закончил службу он начальником следственного отдела в звании подполковника. Много лет спустя я хоронил этого замечательно-го человека, а вот Дима по болезни не смог приехать.

На следующее утро пейзаж за окном изменился и стал напоминать (отдалённо) неледовский. Проехали Балашов и в Борисоглебске нырнули в родную Воронежскую область. С каждым часом пейзаж всё больше походил на родные места. Хотя север Воронежской области заметно отличается от юга, схожесть ландшафта до того заметна, что мне трудно было отрываться от окна. Воистину, чтобы узнать цену своему краю, надо его покинуть. И потом только понимаешь:

*«Край воронежский – он лучший,
Хоть Россию всю пройдёшь...»*

А на следующее утро – опять смена пейзажа, который по мере приближения к Киеву становился всё более украинским: хаты всё аккуратнее, зелени на улицах всё больше и она всё разнообразнее. Калина и раины всё чаще, «ставки» всё зеркальнее и романтичнее в окружении деревьев. Наконец, священный трепет охватил душу: сказочно-исторический Днепр, который по ширине может стать в ряд с Волгой, Обью, Енисеем. А на том берегу (опять тот берег!) поднимается красавец Киев – отец городов русских, каким я его считал с первых уроков истории.

Поезд на Львов должен был идти поздно вечером, поэтому Дима повёз нас почти всех к своим родственникам на улицу Саксаганского. У него там жила тётка, работавшая то ли в горсовете, то ли даже в горкоме Киева, четыре двоюродные сестры и один брат, отсутствовавший на тот момент. Мы толпой ввалились в их просторную квартиру, но долго задерживаться не стали: сразу после чая все кроме Димки поехали осматривать город. Искупались на пляже Труханова острова, прокатились с экскурсией по городу. Побывали и на Крещатике, и у памятника Богдану Хмельницкому и даже в Киево-Печерской лавре. У нас на Неледове, невесть каким образом попавшая к бабушке Танюше (скорее всего от бабушки Дашонки), была старинная литография «Общий вид Киево-Печерской лавры», на которой все здания были занумерованы, а внизу все номера были расписаны. Я всегда рассматривал, как замороженный, эту литографию. Какая красота! Запомнилась своим звучным иноземным названием «трапезная». Мне потом разъяснили, что это такое, – я понял, но очарование не исчезло. И вот вся эта экзотика перед моими глазами! Ради одного этого стоило идти в армию. Как хорошо, что я учился на отлично и выбрал такое место службы, к которому надо ехать через Киев!

День показался очень коротким. Вечером нас проводили на вокзал Димкины сёстры, и мы уехали в темноту, за которой где-то далеко нас ждала служба в боевой части. К середине следующего дня приехали во Львов и тут же отправились искать штаб лётной армии, в соответствии с предписанием. Наконец, выяснили, каким трамваем надо ехать на нужную улицу. Город своеобразный, но после Киева вызывал не очень радостное впечатление. Киев – это город-праздник (1959 год), а Львов, с его узенькими улочками, с дворами-колодцами невольно напрягал, как-то не давал расслабиться. Штаб армии размещался в закрытом дворе пятиэтажного дома, искали его довольно долго. Старшим у нас был Политун, он и вёл переговоры со штабистами.

Как там они изучали наши документы, не знаю, но часа через два-три мы опять знакомым трамвайным маршрутом ехали на вокзал: нашу команду в полном составе направили в Луцк, где размещался штаб дивизии, в которой нам предстояло служить. Так что к вечеру 24 августа мы опять ехали по Украине, теперь уже на северо-восток. Поезд был местного маршрута, со 125-м ему не тягаться, но и с электричкой не сравнить. Пассажиры менялись часто и «уси розмовляли вкраїнською мовою», причём с западноукраинским выговором, так что только Витька Политун понимал почти всё, я – кое-что, остальные – почти ничего. Я много времени проводил в тамбуре у раскрытого окна. Контраст с Забайкальем – разительный. Там ещё до нашего отъезда вечера были очень холодные, а здесь даже через пол-

торы недели – теплынь. Даже на ходу поезда! В окно врывались запахи деревьев и трав. Темнота с заходом солнца наплывала мягко, не навязчиво. Хотелось петь, причём украинские песни. Тогда я их знал не много – то, что помнил с детских лет; поэтому попеременно мурлыкал: «Гэй, вышенка-черэшенка по над слободою...» и «Посияла огырочки близько над водою...». До Луцка ехали почти сутки: поезд «кланялся каждому столбу». На вокзале нас встретил старшина-сверхсрочник, спокойный мужчина средних лет. Мы немного проехали на автобусе и потом немного прошли пешком: гарнизон находился в черте города, на окраине. Первым делом старшина завёл нас в гарнизонную столовую. Это обнадеживало. А когда начался наш поздний обед, мы поняли, что Волынь и Забайкалье – это не одно и то же! Борщ, котлета(!) с гречкой, компот(!) – так служить можно.

Дальше-больше: когда из столовой пошли в казарму, оказалось, что гарнизон вообще не огорожен. На лужайке паслась стреноженная лошадь. Через час на эту же лужайку стали собираться местные жители: там скоро собирались показывать кино на открытом воздухе – даже Неледов вспомнился. Мы тоже пошли. Да-а-а! А в Сретенске я за 10 месяцев не больше семи раз ходил в увольнение, да и то потому, что был комсоргом роты. (Правда, там, среди чалдонов, которые по физиономиям были полурусские, полубуряты, я казался высокорослым, особенно на фоне девчонок, с которыми танцевал.)

Приехали мы в пятницу, так что два дня прокантовались, как в санатории, гадая, будет ли эта лафа в полку, в котором придётся служить? В понедельник одного, кажется Политуна, оставили при ТЭЧ (технико-эксплуатационная часть) дивизии, а остальных – по три в полк: в Луцке (центр Волынской области), в Бродах (Львовская область) и в Дубно (Ровенская область). Мне, Димке и ещё кому-то выпало служить в Дубно. Я не сразу вспомнил, откуда я знаю это название. Только в автобусе осенило: ба! да ведь это же крепость, которую пытался штурмовать Тарас Бульба! Это ж надо, какой зигзаг судьбы!

Ехали в новом междугородном «ЛАЗе», который я впервые видел в Киеве. Дубно оказался районным городом, но он был больше Богучара и совсем не похож на него. Автобус пришёл на булыжную площадь, с одной стороны которой стоял католический костёл, на фронте которого надпись: «Gloria tibi, Domine», т.е. «Слава тебе, Господи», а с другой стороны – та самая(!) крепость, которую не смог взять Тарас, но в которую его тайно провёл еврей Янкель.

Новые пенаты

На площади нас встретил старшина Плугин (тоже сверхсрочник), и мы поехали на городском автобусе в гарнизон, который тоже стоял

на окраине. В отличие от Луцкого, этот гарнизон был обнесен забором, но! Но на КПП стояли гражданские вахтёры.

Полк, в котором нам предстояло служить, был истребительно-бомбардировочный, т.е. штурмовой. Лет пять назад его перевели с винтовых «ИЛ-10» на реактивные «МИГ-15», которые в истребительной авиации уже устарели, а в качестве штурмовиков были ещё хороши: скорость при штурмовке большая не требуется, а вооружены они серьёзно. Для начала нас всех троих зачислили в ТЭЧ полка, это, грубо говоря, то же, что СТО для автомобилей. Правильно сделали: учёба учёбой, а практика на реальной технике – это другое. Группа вооружения состояла из семи срочников и двух сверхсрочников. Командир – капитан Устинов.

Вскоре после нашего прибытия в часть вышел приказ министра обороны о демобилизации. Приказом по полку новичков (кроме нашей тройки прибыло немало и других) закрепили за «дембелями»: как только новичок будет готов к самостоятельной работе, так «старика» демобилизуют. Стимул очень эффективный. А мы оказались под «крышей», как теперь говорят. Так что, когда я в первый раз пошёл на танцы в солдатский клуб, мой опекун дал мне свой китель с сержантскими погонами и значками. Правда, знак «Отличник ВВС» у меня свой был: школу-то в Сретенске без единой четвёрки закончил.

Не знаю, китель помог или просто случай, но мне «выпал счастливый билет»: я познакомился с симпатичной девушкой моего возраста. Ну и что такого? Да там все наши гости симпатичные. Дело в другом: когда я после танцев пошёл проводить до КПП, оказалось, что это излишне: Валя жила на территории гарнизона, да ещё в изолированной комнате! Почему? Да потому, что она работала в офицерской столовой. Вот это перспективы!

Ещё через одни танцы я был приглашён в гости. Перспективы разворачивались... Но их свернул один человек. Кто? Сам Брежнев, который тогда был «простым» членом Политбюро. Я открыл бутылку вина и, пока Валя возилась в крохотной кухне-прихожей, начал разглядывать её (а, может, и мои?) владения и на стенке обнаружил отрывной календарь, на котором было 19 декабря. Среди прочих дат – день рождения члена Политбюро Брежнева. Я поделился этим открытием с Валею:

- О, сегодня Брежневу 53 года!
- А откуда ты знаешь? – полушутливо откликнулась Валя.
- Да он родился в шестом году, а сейчас 59-й.
- Ты и арифметику не забыл, – так же игриво.
- Так я сейчас всё повторяю: хочу в институт после армии поступать, – в тон ей.

Тут наступила тишина, которой я не придавал значения. Минуты через три входит Валя с шипящей сковородкой – глаза вниз, губы поджаты.

- Валя, что случилось?
- Значит, в институт собираешься? На дневной?
- Да. А что в этом плохого?
- Значит, уедешь, а меня бросишь.

Я что-то растерянно бормотал: под этим углом я наши отношения ещё не рассматривал, потому растерялся. Оазис счастья растаял, как мираж в Сахаре. Институт меня погубил ещё раз через восемь лет, когда я хотел попасть на ВАЗ.

Еще более новые планы

Ещё на первом году службы я додумался, что с кондачка в институт не поступить – нужна хорошая подготовка. Но на первом году начинать подготовку слишком рано: до поступления опять всё забудется. Повторять надо не весь курс десятилетки, а только те предметы, по которым будут экзамены. Какие предметы сдавать, и в какой институт поступать, я уже решил, когда учился в УМСХ. Почти случайно... У дяди Васи Бугая средний сын учился в Харькове в политехе. Иногда приезжал на каникулы, и однажды он привёз институтский рекламный буклетик, который он за ненадобностью отправил за сарай, где размещались «удобства». Там этот буклет и попал мне на глаза. И уже через полчаса я знал, что поступлю в ХПИ им. Ленина на факультет «Тракторного и сельскохозяйственного машиностроения» учиться по специальности «Автомобили и тракторы». Туда, только туда и никуда больше. Для этого я должен сдать 5 экзаменов. Ну, и что? Сдам! Сочинение по литературе, математика, физика и немецкий – так это мои любимые предметы, немецкий, конечно, не очень, но ведь надо! Поэтому, как только я немного освоился в Дубно, я составил график занятий, купил тетради, учебники по этим предметам за 8...10-й классы и – вперёд! В один день планировал проработку не более двух предметов. Субботу не занимал: танцы и др. культмассовые мероприятия. В воскресенье выкраивал время на один – два предмета.

Физически тоже себя подстёгивал. Помимо штатных занятий физкультурой я (для себя) заглядывал в спортзал: там оказалась штанга, и во мне заговорила старая привязанность. Жаль, и здесь тренера не было – «тягали» штангу самоуком. А ещё я, пользуясь льготным режимом и дырами в заборе, ежедневно ездил на городской пляж, который располагался на острове рядом со знаменитой крепостью. Речка Иква не могла тягаться с Шилкой ни шириной, ни скоростью течения, зато она была намного теплее, купальный сезон начинался

раньше, а островок окаймлён чудесными вербами да ивняком. Пройдёшь по мостику, разденешься под ивовым кустом – гуляй по островку: плавки-то без погон и аксельбантов. Правда, Сатана неистощим на каверзы: я однажды и в плавках был изобличён, но сейчас о другом.

Однажды я резонно подумал, что вода в Икве не может остыть мгновенно, и если я буду купаться ежедневно, то я буду успевать адаптироваться к этому остыванию. И я осенью купался до ноябрьских праздников. На Шилке для этого надо быть «моржом» и рубить прорубь. Служба шла своим чередом, поощрения в послужную карточку записывались. Матчасть освоил неплохо: разборки-сборки много было. Мой верстак стоял напротив окна. Однажды я в такой азарт вошёл, что при чистке гильзы катапультного устройства сидения вытолкнул её из тисков и разбил стекло. Димка долго надо мной потешался. Капитан Устинов, командир группы, журил не очень. Вообще в авиации было (не знаю, как теперь) удивительно много покладистых людей. Недаром в Сретенске капитан Макаров, преподаватель по стрелково-пушечному вооружению, любил говорить: «В авиации всё лучшее: появится хороший материал – в авиацию, появится хороший человек – в авиацию!»

Параллельно с подготовкой в институт мне захотелось освоить украинский язык. Нет, по-хохлачьи я неплохо понимал, но вот настоящий украинский... Тут схлестнулись два интереса: давний бескорыстный и свежайший прикладной – на танцах с местными девчатами легче было общаться, «якщо розмовляти вкраїнською мовою». Меня осенило: в ТЭЧ со мной служило немеряное количество украинцев, владеющих чистым родным языком безукоризненно – кто-нибудь научит. Я попросил одного. Ответ был до невероятного прост (как я сам не догадался?!):

– А ты бери украинскую книгу и читай – языки похожи, многое поймёшь, а что непонятно – спросишь.

Видимо Витьке не хотелось возиться со мной, недаром говорят, что лень – мать изобретательности. Я оценил эту методику. Первой прочитанной мною книгой оказалась «Витэр в обылчча». Что касается ветра, то это знакомо и понятно, до обличия тоже нетрудно дойти. Я и Витьку не стал тревожить: и так ясно – «Ветер в лицо». А вот дальше пошли «стовбуры», «тендитність» – надо спрашивать. А вот и хитрые «стилэць» и «пид гору», «видчуваты». Кажется, проще могут быть только «кит» и «кыт», ан, нет. Через полтора года в ХПИ от Валерии Дмитриевны, «англичанки», я узнал термин «ложные друзья переводчика». Впрочем, важна не лингвистика, а результат. Месяца через два я с местными стал разговаривать на смеси русского и украинского, постепенно наращивая долю украинского. И однажды на танцах в городском ДК состоялся такой диалог:

Я: «Ну, що? Як я розмовляю українською мовою?»

Оксана: «Гарно, алє дуже кныжково!».

В дальнейшем я обнаглел до того, что выдавал себя за украинца, правда, на всякий случай, говорил, что я из Сумской области: как и в любом языке, в украинском местные наречия отличаются, и разоблачить меня было сложнее. А ещё учебники по физике и математике мне попались на украинском языке, и это мне не мешало готовиться к экзаменам. Ещё лет двадцать спустя я мог читать глазами сказки на украинском языке, а вслух дочке говорить русскими словами. Сейчас, без регулярной практики, многое забылось, «протэ в мэнэ е гарный вкраїнсько-российський словник», он меня и выручал, когда я писал «Ворсклу»:

*«...Не з'являлась кільки років,
І не чула ти пісень,
Як реве Дніпро широкий
Ніч у ніч, та й день у день!...».*

А служба идет через аэродром

Майские праздники принесли новости. Мне присвоили высокое звание «ефрейтор» и перевели в другое подразделение. Теперь я стал механиком авиавооружения в первой эскадрилье. Дело в том, что произошла реорганизация... ..

И вот Димка остаётся в ТЭЧ (опять армейский принцип: «Напра-!.. На ле -!...»), а я переведён в первую эскадрилью. Географически это выглядело так: со второго этажа западного торца казармы я переселился на третий этаж восточного торца. Командир группы авиавооружения ст. л-т Смуров, значительно моложе Устинова. Старшина эскадрильи Патрикеев тоже значительно моложе старшины ТЭЧ Сукрута (интереснейший дядька, но не буду затягивать повествование); если Патрикеева охарактеризовать одним словом, то это слово – «молодцеватый». (Позже оказалось – в кавычках: всю молодцеватость одной оплеухой на глазах дежурного по штабу сбила супруга; я заступиться не мог, т.к. сам пил со старшиной – мог «погореть».)

А на аэродроме шла своя жизнь. Задача мастеров и механиков вооружения – произвести предполётную подготовку, т. е. зарядить пушки, подвесить бомбы и ракеты в соответствии с полётным заданием, сдать под роспись начальнику группы или старшему по смене и получить подпись лётчика: он по заданной схеме проверяет десятка полтора точек по всем специальностям, в том числе по вооружению. Особенно тщательно – фиксацию бомб на наружной подвеске: плохо закреплённая бомба, раскачиваемая встречным потоком, как минимум, затрудняет управление и даёт перерасход керосина, а как максимум – подумать страшно! По завершении полётов технический состав

должен осмотреть самолёт по всем специальностям, найти и устранить последствия применения (для нас – чистка стволов и иных частей пушек) и любые дефекты систем. Всё, опять же, под роспись. Искать дефекты и устранять их должны разные люди.

Все эти действия требуют немалых знаний и большой внимательности. Первого у меня хватало, а вот со вторым у меня всегда были проблемы (да и до сих пор: «Люся, где мои носки? Люся, где мои очки?..») Уже на вторых ночных полётах чёрт пошутил со многими, в том числе и со мной: произошло ЧП – с 05-й машины на взлёте из-под левой консоли сорвалась бомба и скакала 600 метров по ВПП вдогонку за самолётом. Переполюх поднялся большой: бомба была учебной и малого калибра – 50 кг, взрывчатки, да и то не фугасной, в ней всего килограммов 25-30. Лётчик заметил на взлёте, что сигнальная лампочка мигнула и опять загорелась ровным красным светом – замок закрыт, значит, бомба на месте. И он переключился на радиостанцию полигона, поэтому не знал (слава Богу!), что творилось на аэродроме.

Инженер полка по вооружению майор Шмелёв помчался к бомбе первым и обнаружил, что подвесной бугель стёрся о бетонку почти на всю толщину, а ветрянке (предохранительный колпачок с лопастями, как на вентиляторе) оставалось отвернуться всего на один оборот. Этот последний оборот и предотвратил возможный взрыв, когда самолёт был ещё не высоко и не далеко от бомбы – могло бы тряхнуть капитана Хакимова. Может, и удержал бы самолёт на курсе – 1-й класс всё же. А если... Но Бог опередил Сатану на один оборот ветрянки.

Хакимов на полигоне отбомбился, всё нормально: обе красные лампочки погасли, зажглись зелёные – замки открылись, бомбы ушли, чего ещё? Но с земли передали: бомба только одна. Он сделал повторный заход, нажал на кнопку сброса – зелёные лампочки безмятежно светились, как ни в чём ни бывало, а бомба не падала (откуда ей взяться – она же раньше свалилась!). 05-я пошла домой, Хакимов переключил рацию и понял, куда делась вторая бомба.

Я сильно переживал, потому что пятёрку мы готовили вдвоём с Колькой Губаревым, а я никак не мог вспомнить, под какой консолью работал я.

Из Москвы приезжала комиссия, долго исследовала в ТЭЧ замок бомбодержателя, пытались подвесить бомбу так, чтобы она держалась при неправильно закрытом замке и срывалась при толчке – ничего не получалось: или бомба сразу срывалась с замка при поджатии винтами, или сидела «железно». Электрические параметры замка – в полнейшей норме. В конце концов «компетентная комиссия» вынесла такой вердикт, что все в полку восхитились её учёностью: из-за не-

ровностей ВПП (взлётно-посадочной полосы) вертикальные колебания самолета при наборе скорости привели к резонансным колебаниям несущего рычага замка, и он, бедолага, один раз качнулся сам по себе, вот бомба и сбежала.

Так или иначе, все (от комполка до меня) вздохнули с облегчением: физика виновата и немного бетонщики, что строили ВПП, но что с них возьмёшь – они все давно разъехались. Но я всё равно не мог вспомнить, кто крепил злополучную бомбу, я или Колька. А если я, то каким образом я ухитрился подвесить бомбу так, что это не могли повторить на стенде?

Прошло несколько месяцев и меня даже назначили старшим механиком. В моём звене были механики Сашка Карасёв, земляк-ростовчанин, Вовка Подгорный, тоже земляк из Цимлянска, и мастера Жора Сергиян и Алик Бугай, дяде Васе просто однофамилец, но очень соответствовал фамилии – сам мог снять и поставить пушку Н-37Д (а она, зараза, 106 кг весила).

Потом, когда набрался сноровки, я тоже в одиночку мог снять и поставить на стенд эту пушку, но Алику особые приёмы были не нужны. Ещё я приноровился тоже в одиночку штабелировать в два яруса бомбы из боекомплекта НЗ (всегда на стоянке эскадрильи на случай реальных боевых действий). Это бомбы калибра 100, реального веса 120 кг, а с деревянной упаковкой все 140 кг. Это не штанга, а громоздкий предмет, силой не возьмёшь – приходилось кантовать особым образом, чтобы взгромоздить на второй ярус. Эх, «как молодые мы были!»

Учебные и учебно-боевые бомбы привозил со склада боепитания ещё один Алик. Фамилию не помню, да её и не применял никто, просто звали Алик-бомбовоз. Когда я в первый раз увидел, как Алик сгружает бомбы с «ЗИС-150», то чуть не задохнулся: ещё свежи были в памяти наставления по мерам безопасности, а тут Алик просто спихивал бомбы из кузова грузовика своим сапогом 47-го размера прямо на железное покрытие рулёжной дорожки. Месяца через два-три дыхание у меня восстановилось, и я перестал обращать внимание на треск упаковки в трёх шагах от себя, тем более что и ста шагов было бы мало, чтобы чувствовать себя в безопасности.

Но однажды я сам чуть беды не натворил, правда, не бомбой. После полётов с боевым применением мы с Аликом Бугаём почистили пушки, подняли лафет, застопорили и поставили обтекатели. Вдруг я вспоминаю, что у пушек «НР-23» мы, понадеявшись друг на друга, забыли самое главное – почистить стволы. Снова опускать лафет, потом опять поднимать его... «Давай отведём затворы и почистим стволы на месте». «Давай!»

Алик включает АЗС и нажимает кнопки в кабине – запирающие агрегаты отведены, и мы прочищаем стволы. Потом я становлюсь на стремянку и тяну руку к гашетке для спуска затворов. И тут Алик истошно орёт: «Сашка! Пушки-то под одну перезарядку оставлены!» Я похолодел: в полутора километрах перед самолётом в низинке село Панталая, а скорострельность пушек 950 выстрелов в минуту. Каждой! Сколько я домов мог бы поджечь, пока отдернул бы руку? Что было бы с нами и самолётом, если бы затвор хотя бы одной пушки сорвался от наших манипуляций, мы как-то и не подумали: когда чистили – считали, что затворы пустые.... Дело в том, что мы всегда оставляли два пустых звена в патронной ленте (для безопасности), и лётчик в воздухе должен был при помощи пневматики двукратным нажатием кнопок ввести первый патрон в затвор, и после этого можно было начинать стрельбу. Но тут сбили проклятого Пауэрса, и поступил приказ: пушки оставлять под одну перезарядку в воздухе. Пришлось-таки снимать лафет и с превеликой осторожностью разряжать пушки вручную. Сэкономили время, называется.

Но такие казусы были нечасты и заканчивались благополучно.

Правда, однажды случились массовые взыскания в полку, но я, по счастью, был к этому не причастен. Наш полк после переучивания с «ИЛ-10» на «МИГ-15» 5 лет не имел ни одного тяжёлого лётного происшествия, поэтому из Москвы прислали комиссию во главе с генералом-отставником для изучения нашего передового опыта. Комиссия работала недели две, всё проанализировала и собралась обратно в Москву готовить благодарности, звёздочки на погоны и другие поощрения. Руководство полка потирало руки в предвкушении... Но Сатана неистощим на каверзы – он подсказал руководителю полётов выпустить капитана Кутемова до отлёта «Дугласа», на котором отбывала комиссия. Капитан Кутемов пошёл на взлёт, а «Дуглас» остановился на старте, ожидая, пока освободится ВПП. Но тут Кутемов, самолёт которого уже поднял носовое колесо и через считанные секунды должен взмыть в воздух, прекратил разбег, опустил носовое колесо и стал плавно скатываться влево. Правда, Боженька опять вмешался и впустил самолёт в кукурузное поле, но капотирования (переворот через голову) не допустил.

Кутемов, бледненький, вылез на консоль и никого не подпускал к самолёту, пока не подъехал главный инженер полка Шумилин. (Сатана, наверное ухмылялся: предполётный осмотр этой машины делал сам Шумилин.) Шумилин первым делом сунул руку под парашютную чашу сидения. Точно! Вытащил пассатижи. У «МИГ-15 и -17» рулевые тяги проходят над полом кабины с зазором миллиметров в 15. Когда машина задрала нос, забытые кем-то пассатижи скользнули по полу и попали под левую тягу. И всё это на глазах пассажи-

ров «Дугласа»! Во что превратились ожидаемые поощрения, нетрудно догадаться. Радость оттого, что Кутемов остался жив и машина целая, превратила для нас это ЧП в забавный инцидент, а когда месяца через три «посыпались орехи», все подтрунивали над ожидавшими поощрений. Эх, если бы «Дуглас» взлетел первым! А чьи же пассатижи? У каждого механика свой комплект инструмента в ящичке наподобие портфеля. Для каждого инструмента – своя ячейка. На каждом инструменте – личный учётный номер (у меня был 125, например), в котором было закодировано подразделение и личный номер механика. В конце смены каждый ящик проверяется, опечатывается и сдаётся на хранение. Иначе нельзя: причиной более половины всех ЧП в военной авиации были посторонние предметы, оставленные в самолёте. Казалось бы, что маркировка инструмента исключает такие случаи, но!.. Казаться-то казалосьсь... а оказалось, что владелец инструмента и сегодня, и вчера не был на аэродроме. Кто брал его инструмент? Над этим вопросом «особист» бился две недели, но так и не выяснил ничего. Вопрос «замяли для ясности».

До демобилизации я стал очевидцем ещё только одного ЧП, которое опять же закончилось благополучно! Подполковник Скобунов (зам. комполка по лётной подготовке, асс, такой в дивизии был ещё только один – полковник Гаранян, зам. комдива по лётной подготовке) возвращался с разведки погоды в зоне пилотажа, и у него произошло обледенение лобового стекла фонаря кабины. Почему не работала или не сработала противообледенительная система, не знаю. Устроена она просто – как омыватель лобового стекла на автомобиле. Только брызгала спиртом. Когда-то спирт списывали вёдрами (куда он фактически уходил, понятно), потом стали пломбировать бачки со спиртом. Расход резко уменьшился. Но русский технический гений по изобретательности не уступает Сатане: один залазит в кабину и жмёт на кнопку, второй стоит на стремянке и раскрывает рот, а спирт сам к нему летит. Сам Скобунов этим, может, и не баловался, но, рассказывали, ещё года два-три назад он выкидывал пустые бутылки из кабины прямо на взлёт. Однако в воздушных боях ему не было равных – молодых в пот вгонял!

Он посадил-таки машину, но мы, глядя на его кульбиты, зеленели все. Посадочная скорость у «МИГ-15-го» около 200 км/час, это больше 50 м/сек. И на такой скорости Скобунов приближался к земле, заваливаясь то на левую консоль, то на правую, то на хвост, а то ещё страшнее – носом клюёт (работал ручкой управления по командам СКП (стартовый командный пункт) и неизбежно запаздывал). Это ужасное состояние, когда на твоих глазах человек на волоске от смерти, а помочь ему ни ты сам, никто иной не в силах.

Работа на аэродроме была нелёгкой: весь день на ветру, под дождём, под снегом, на морозе. Физические нагрузки большие, особенно во время полётов: свою работу сделал – помогай другим. Чтобы не сорвать график вылета, даже офицеры не гнушались совместно с рядовым составом «заносить хвосты» самолётам и бомбы подвешивать, особенно когда «сотки» цепляли. Крыло у «МИГаря» низкорасположенное – чуть больше метра, – потому, согнувшись в три погибели четверо (больше нигде подступиться) человек должны 120 кг резко приподнять и подвесным ушком бугеля точно попасть в замок и защёлкнуть. А если мороз градусов 10...15 с ветром, то эта операция очень непростой оказывается.

И всё-таки я благодарен судьбе, что служил именно в авиации. В отношениях с офицерским составом меньше формалистики, перемещения более вольготные: выпало окно, пока звено в полёте на задании – поочередно пошли в аэродромную столовую. Добавки повара давали почти всегда (не Сретенск!). С аэродрома вернулись – до вечерней поверки.

Вокруг казармы

Как-то так получается, что я только о ЧП вспоминаю, но это не потому, что вся служба из них состояла, а просто они дольше помнятся. Закончил я службу с семнадцатью поощрениями в послужной карточке, включая письмо на родину и десятидневный отпуск. А от существенных наказаний Боженька уберёг. Хотя Сатана и старался. И принимал различные обличья. Однажды меня Брежнев подставил, а потом сам Хрущёв. Увы, не вру! Как-то в самоволке я спрятал форму под кусты на заветном острове и пошёл, как гражданский, по бережку. Глядь – Валька со швейной фабрики лежит на узкой песчаной полоске, а рядом какой-то парень. Я присо-единился к компании. Вальку я знал давно, она была «хороший парень», но ни духовно, ни телесно меня не волновала. Но тут кто-то (видимо, сам Сатана) толкнул меня в бок. Я «забил баки» и Вальке, и её собеседнику и минут через пятнадцать-двадцать увёл её на другой конец острова.

Наутро по приезду на аэродром Смуров отвёл меня в сторону и вопрос в лоб:

– Ты зачем вчера в самоволку ходил?

Я был поражён: он что, ясновидящий?

– Не отпирайся, я точно знаю, мне лейтенант Н. сказал.

Тут я вспомнил, что это фамилия одного из четырёх лейтенантов, которые на днях прибыли в полк откуда-то с Севера. Никита Сергеевич заигрывал со Штатами и сократил вооружённые силы на миллион двести тысяч человек. Многие полки и дивизии расформировали, часть техники и людей рассовали по оставшимся частям и сое-

динениям. Так вот, Хрущёв нам навялил эту четвёрку, а Сатана мало того, что разместил среди них человека с неавиационным типом поведения, он ещё подsunул ему Вальку как неудачный объект ухода. Как говорится, за всё надо платить. Я заплатил за победу над лейтенантиком тремя нарядами вне очереди. Правда, отбыл только один: отремонтировал Смурову замок в квартире, и он снял остальные наряды.

Однажды Сатана выступил в обличье самой Вальки. А получилось так. Когда я немного отошёл от удара Брежнева, на одном из конкурсов художественной самодеятельности (тогда в Дубно проводилось немыслимое количество песенных и танцевальных конкурсов) я обратил внимание на одну дивчину, которая сидела в двух – трёх рядах от меня. А через неделю в городском ДК (надо же!) я встретил её на танцах. Пригласил. Разговорил. Познакомился. После танцев пошёл проводить Оксану домой. Но, не доходя нескольких домов до её дома, она попрощалась со мной: живёт на квартире – как бы хозяйка чего не подумала. Потом через неделю она пришла на танцы в наш солдатский клуб, через неделю – снова. Наши отношения медленно, но верно теплели. Памятуя прошлые уроки, я не заикался о своих институтских планах. Оксана мне понравилась почти по-гоголевски – «во всех отношениях»: очень приятная внешность, подходящие рост и возраст, серьёзное поведение, довольно широкий кругозор и начитанность, интерес к песне. «Чего ж вам боле?...». В общем, лёгкий флирт или «солдатская любовь» как-то сами собой исключались, и досады на это у меня не возникало.

Но Сатана не унимался: в одно воскресенье, когда у меня должна состояться очередная встреча с Оксаной, нас подняли по тревоге и повезли на аэродром. Учения продолжались два дня. Очередная благодарность была получена, но ниточка оборвалась. В следующее воскресенье я описывал круги и писал вензеля по всему городу, но безуспешно. Вот тебе и кинокомедия «Девушка без адреса». Ещё через два – три воскресенья я прекратил поиски и смирился со своей участью. Не везёт, так не везёт. Но что подумает Оксана?

В какое-то по счёту воскресенье мы с Вовкой Подгорным перед началом танцев в ДК пошли в «чепок» для «поднятия духа». Одного захода оказалось мало – дух поднимался слишком медленно и не высоко. При повторном подходе к «чепку» сталкиваемся носом к носу с Валькой. Ба! Да на безрыбье и рак рыба!

– Вальуха, пойдём на танцы?

– Звычайно!

– Ну, тоди почекай до висьмой годыны, а в мэнэ зараз дуже поважни справы. Зустринэмось у фойе БК (будынок культуры).

Я спровадил Валентину, и мы с Вовкой пошли «добавлять». Поскольку денег у нас было немного, то мы не сильно задержались и пришли в ДК чуть раньше. В фойе народа было ещё мало, но музыка, для разминки, уже играла, и три пары танцевали, в том числе две девушки. Я глянул – и обомлел: одна из них – Оксана! Пригласил её на следующий танец; с жаром рассказал, сколько километров намотал по улицам Дубно, сколько часов драгоценного увольнительного времени проторчал на её улице (а уже осень злодействовала!). Чаше всего не верят, когда говоришь правду. Это удручало, но беспокоило другое: сейчас Валька нагрянет. Что делать? Это уже трагикомедия. Что придумать? Эврика!

– Оксана, я сейчас на 10 минут отлучусь: с товарищем в гарнизон надо кое-что передать.

В «лажу» поверила. Я выскочил и подежурил у входа, пока Валька появилась, наплёл ей три короба про «товарища и гарнизон». Без меня судьба ВВС рухнет. Вызывают! Проводил её как можно дальше от ДК, убедился, что она пошла домой, и вернулся в фойе.

К концу вечера отношения с Оксаной начали восстанавливаться. Следующая встреча должна состояться уже в нашем гарнизоне, только не в солдатском, а в офицерском клубе: там проводилось какое-то мероприятие.

И оно состоялось. Народу набралось много. Оксана пришла вовремя, я тут же пошел с ней вальсировать. Всё отлично, но... Но Оксана ледяная. Что случилось?

– А ты куда выходил на прошлой неделе из ДК?

– Так я же говорил, что с товарищем...

– А ты знаешь, что я с этим товарищем в одном цехе работаю?

И тут же, как из-под земли, вырастает Валька! Внутренний голос командует: «Через левое плечо кру – гом, марш!» Я выполняю команду.

Недели через две этот же голос подсказал: «Если срывы, значит, это – не твоё. Жди». А через несколько лет я узнал, что после второго ранения, потеряв глаз, Кутузов сказал: «Если я не умер от этих смертельных ран, значит, судьба мне готовит что-то особое». Впереди был 1812-й.

Возвращение зелёного змия

Должно быть, у каждого человека жизнь – многослойная, как в новомодной байке о «параллельных мирах». В каждом слое – свои заботы и задачи, свой круг общения. А лет через двадцать на одном из семинаров лекторов-международников в Куйбышеве старичок-профессор психологии напомнил аксиому, лежащую на поверхности, но на которую почти никто не обращает внимания: «Общение воз-

можно только через третий предмет». И каждый такой предмет собирает вокруг себя соответствующее сообщество, или «этнос», как говорят социологи и политологи. Так образуются ВСЕ этносы, начиная от самого недолговечного, например, от выпивох и кончая такими огромными, как подданные великих Держав. Первые существуют считанные минуты, пока не опустеет бутылка и не закончится сопровождающий выпивку трёп, а вторые могут существовать годы, десятилетия, века и даже тысячелетия. Поскольку «третьих предметов» множество, то каждый человек одновременно состоит в огромном количестве этносов (как в «матрёшке»), о которых почти не задумывается.

В Сретенске у меня надолго пропали два «предмета общения» – табак и спиртное; я кратко упоминал об этом. Поэтому в курилку я не заглядывал, в «чепки» в увольнениях – тоже. В первые месяцы пребывания в полку в Дубно тоже было не до этого, да и не сразу новички «борзеют» на новом месте. А когда начал «поднимать голову», прошло больше года от батайских «пузырей», привык к трезвой жизни, на выпивку и не тянуло.

Но я уже говорил, что Сатана – непревзойдённый артист и интриган. (Думаю, читатель понимает, что и Бог, и Сатана – это художественные образы, представляющие светлую и тёмную стороны наших натур.) Однажды он предстал в облике моего лучшего друга Димки Афанасьева. Потом расщепился надвое, и вторая часть оказалась прелестной молодой женщиной. Как раз перед 1-м Мая, когда меня перевели из ТЭЧ в 1-ю эскадрилью, Димка пригласил меня на день рождения, совпавший с праздником, к своей приятельнице. Когда я узнал, кто она, то поразился: вот так Дима-скромник! Даже я ничего не знал! Она оказалась давно известной мне Аллой, библиотечаршей гарнизонной библиотеки, дочерью старшины-сверхсрочника из второй эскадрильи. И жила на территории гарнизона! Я с грустью вспомнил, как Брежнев перешёл мне дорогу, а то теперь сам бы, глядишь, приглашал друзей на именины...

На следующий день после городской демонстрации, на которой был представлен и наш полк, печатавший шаг мимо трибуны, поставленной почти у самой крепости (эй, Тарас, подывысь и ты на нас, батько!), я вернулся в гарнизон и после небольшой праздничной суматохи, не снимая парадного мундира, зашёл в казарму ТЭЧ к Димке. С ним шёл ещё Славка Патрикеев (однофамилец моего нового старшины). Понимая, что без водки именин не бывает, я поставил себе лимит – 250 граммов (есть математический термин – «необходимо и достаточно»). И Алла, и её семья встретили нас дружелюбно. За столом собралось огромное количество сверхсрочников, родственники из Ровно, Аллины подруги и... двухгодовалая дочь её. На-

чались тосты. Помня свой лимит, я следил за дозировкой. Всё нормально, обстановка хорошая: именины – дело весёлое. И вдруг, как удар грома среди ясного неба: появляется старшина Патрикеев с женой! Димке и Славке пофигу, а мне-то он старшина эскадрильи! Как он расценит моё застолье со спиртным? Как назло, Дементьевич (отец именинницы) сажает чету рядом со мной, причём, Патрикеева справа от меня, а его жену слева. Я почувствовал себя как ослик в клетке между львом и тигрицей. Что делать? Решение созрело почти мгновенно: поскольку Патрикеевы опоздали, то им положена штрафная доза. Я схватил бутылку, налил пол стакана Марии, а старшине набухал в гранёный стакан по «манькин поясок». Ну, думаю, если пить откажется – я пропал. Ура! Возражения только со стороны Марии. А Патрикеев без долгих уговоров опрокинул 200 граммов, как стакан морса. Тут я понял всю мудрость Дементьевича, разъединившего супругов. У Марии, работавшей в лётной столовой, до Патрикеева был «неформальный муж», капитан-лётчик, который подарил ей дочурку и улетел куда-то в Среднюю Азию. Но Мария была настолько хороша и настолько стержовзна, что нашла себе официального мужа и умудрялась держать его в страхе и трепете.

Но это их семейные проблемы, а у меня настроение поднялось. Поскольку надо было «стимулировать» старшину, я принял решение о поднятии «лимитной планки» на 50 граммов, но в новые рамки вписался. Однако Зеленый Змий (33), самый верный подручный Сатаны, снова появился на горизонте и стал ждать момента. И он подвернулся через полтора месяца – теперь мой день рождения. Решено было его «отметить». Конечно, скромнее, чем Алла, но самых близких друзей – Димку, Сашку Карасёва, Славку (благо, он малопьющий) – угостил в одном из «чепков» города. А там и ещё один момент подоспел – меньше, чем через месяц, у «Карася» день рождения. Дальше – больше. На третьем году службы редкая суббота обходилась без 33. Он услужливо показал все точки, где «вуйки» (дословно «дядьки») продавали самогон – он ближе солдатским деньгам, чем «казёнка». Ассортимент спартанский – бутылка самогона, пол буханки хлеба и луковица. Цена набора – 1р. 40коп. Особой популярностью пользовалась «явочная квартира» с плакатом на стене прихожки: парубок и две дивчины лихо отплясывают гопака. Кто-то бросил лозунг: «Не уйдём, пока они не задвигаются!» И ведь бывало, что двигались.

Тем не менее, 33 не смог мне помешать получить отпуск и поехать в родные края. Отпуск мне дали в конце лета, но реально его я использовал только во второй половине ноября, когда новичков «натаскал» маленько. Может, и хорошо: чтобы не «пролететь» с отпуском, я это время почти не дёргал за хвост Сатану.

В отпуск поехал поездом с тремя пересадками: в Киеве, Ворошиловграде (кажется, он уже опять был Луганском) и Миллерове. В Киеве заехал на Саксаганского, 65 к Димкиным родственникам, но пробыл у них не долго – успел немного походить и поездить по городу, который даже осенью красив и отдаёт какой-то трудноуловимой магией. В Киеве, практически, каждый мог разговаривать по-русски, но мне доставляло удовольствие общаться с местными в трамваях и на улицах по-украински. Вони розумили мэнэ гарно, а я йих ще краще. В Луганске говор был уже почти как в Батовке, Богучаре или Чертково, так что там не надо было розмовляты україїнськю мовою – они могли и не понять.

По мере продвижения на восток, становилось всё дождливей, прохладней и грязней. Когда я прибыл в Чертково, оказалось, что оставшиеся 70 километров до Павловска преодолеть сложнее, чем пройденные 1200 от Дубно: что такое грунтовая дорога в ноябрьскую слякоть, многие понимают. Автобусное сообщение напрочь закрыто. Благо, в Чертково два двоюродных брата и сестра Клава. Переночевал и подался на почту, в надежде приблизиться к заветной цели: Чертковский район граничит и с Богучарским и с Верхнедонским. Надо же, на почтовом дворе встречаю брата Митю! Он живёт далеко от Клавы и Коли, и я его вечером не видел. Митя работал шофёром на почтовом вездеходе и готовился к поездке в Сохрановку. А это всего 16 км от Неледова и 25 – от Павловска. Мы оба обрадовались встрече. Я – особенно. Поскольку почту надо было развезить (и забирать) в разные хутора по маршруту, то в Сохрановку мы приехали далеко за полдень. Мои попытки выпросить на почте верховую лошадь и на ней доехать до Тихой Журавки не увенчались успехом: всё же я из другого района. Делать нечего – пошёл пешком. Если бы летом, да налегке, для меня 25 верст – плёвое дело. Но моросящий дождь, грязь по щиколотку на обочине и до половины голенища в колее, да чемодан в придачу сделали мою прогулку менее романтической, чем хотелось бы. Всё же свой туристический подвиг я совершил. Затемно, но оказался у родного порога, когда мама вся извелась – не случилось ли чего? Радостные возгласы перемежались охами и ахами: «Ды как жа ты дашёл в такую пагоду! Ды как жа ты намучилси!»

Пока я служил, мои сводные сёстры подросли: Рае шёл семнадцатый год – совсем взрослая, а Нине – почти семь, летом в школу пойдёт. Наутро земляки встретили уважительно: как же, служивый, по третьему году уже! Да ещё голубые погоны с птичкой, да ещё ефрейторская лычка, да ещё значки на груди: «Отличник ВВС», третий спортивный разряд и т.д. Нет, кто-кто, а казаки умели ценить военных!

10 дней пролетели незаметно: посещение военкомата в Казанке – день пролетел; вечер встречи, на котором я уже «как взрослый» пил водку наравне с отчимом и соседями, которые уважительно со мной чокались. Потом проводы. Так что тут ЗЗ выглядел не как посланник Сатаны, а почти как ангелочек. Друзья, жалко, не все были: Витька Лагутин уже приходил в отпуск, а Ваня и Вася Мрыхины уже тоже служили: они с 40-го года оба.

В Миллерово уехал с какой-то оказией на грузовике, но это всё равно лучше, чем пешком с чемоданом. Ждать поезда до Луганска не хотелось, я поехал на товарняке (по старой привычке) до Чеботовки: оттуда пригородный ходил. В Чеботовке в буфете ко мне привязалась какая-то Приблуда (теперь есть термин «бомжиха»):

– Солдат, возьми меня, я буду тебе верной женой, дождусь, когда ты отслужишь!

– Куда же я тебя возьму? В казарму, что ли?

– А ты отправь меня к своим родителям. Я им помогать буду...

Она приехала откуда-то из Белоруссии. Что-то нелёгкое случилось у неё в жизни. Было страшно жалко её: я сам полу сирота, видел сирот, но такой безысходности не встречал ещё. Мне ведь даже собак бродячих жалко, а тут – живой человек... Но то, что она предлагала, настолько нереально... Я чувствовал себя примерно так, как при слепой посадке Скобунова. Единственное, что я мог сделать для неё, – это покормить в буфете, угостить кружкой пива и купить билет до Луганска. Через полтора суток я был в части. Господи, как хорошо домой возвращаться!

Самогона в грелке я не привёз (в Павловске он применялся, но широкого распространения не имел), а несколько бутылок «белой» доставил. Угостил ребят и Смурова: теперь на правах старослужащего я мог позволить себе такую вольность. Старший лейтенант Смуров и старший лейтенант Ефремов – разные люди, но служба под их началом была не в тягость. И отличались они, кроме всего прочего, тем, что имели разную степень лояльности к ЗЗ. Смуров – либеральнее.

После отпуска дело покатилося к «дегбелю», тем более что мне предстояло в части быть только до августа: я был уверен, что поеду поступать в ХПИ, и моя многолетняя мечта осуществится. Для желающих поступить в ВУЗ в части организовали подготовительные курсы. Курсы как курсы, только одна изюминка: немецкий вела тётенька в годах, почти бабушка, которая в войну попала в Германию и провела там несколько лет. Знала она язык не только теоретически. Благодаря ей я освежил свои познания во вражеской речи. В детстве я от повара Ганса нахватался немецких слов и даже знал, что “Schaisen” и “verflucht” – это плохие слова. В школе я изучал хорошие слова, но со временем позабыл очень многое, особенно хорошие слова. За-

нятия на курсах мнегодились через 4 года: в командировке на Лейпцигскую ярмарку И даже через 23 года в ленинградской гостинице “Карелия”, когда мы с покойным Володей Богачовым в буфете познакомились с венгром – он меня понимал, и с каждой рюмкой всё лучше и лучше. Но как мы расстались, я не помню. Наутро Володя сказал:

– Я тебя от международного скандала спас.

– Как так?

– А так: ты Ференцу чуть усы не оборвал: орал, что он – немецкий шпион, а усы у него – приклеенные.

– Да, Володя, возможно, мне показалось, что он слишком хорошо немецким владеет. В общем, 33 до хорошего редко доводит. Но на третьем году службы он встречался на моём пути более регулярно, однако, как-то обходилось. И всё же Сатана приготовил мне каверзу.

В июне 61-го мне пришло долгожданное официальное письмо из ХПИ, которым извещали, что допустят к вступительным экзаменам, если командование части отпустит меня. Дня через 3...4 разрешение я получил, и дело стало за отправкой. Тут Сатана и сделал первый ход: разрешение мне вручили в субботний день, когда почта работала по укороченному графику, и отправить разрешение я не успел. Второй ход рогатого – он подsunул мне Вовку Антонюка, с которым мы регулярно навещали одну «явочную квартиру». Было решено нанести прощальный визит и под благовидным предлогом отказаться от дальнейших услуг. После этого должен последовать «месячник трезвости и безукоризненного несения службы» – для исключения всяких случайностей. Сказано – сделано! Через пол часа мы уже в «точке randеву», а после распития одной бутылки ещё через полчаса мы, как ни в чём не бывало, в гарнизоне. Но тут рогатый делает третий ход: на гарнизонном стадионе играет в футбол один из моих мастеров – Жора Сергиян. Если его заснять во время игры – такая память будет, тем более что скоро расставание. Бегу в казарму, беру фотоаппарат, возвращаюсь и начинаю «ловить моменты». А Сатана шепчет: «Крупный план дай, крупный план!» Я простодушно послушался и вылез на поле, как заправский «папараци», и стал увековечивать Жориковы финты.

И, наконец, рогатый делает четвёртый решающий ход: приводит к футбольному полю адъютанта эскадрильи ст. л-та Сумовского. Должность адъютанта наземная, штабная, возможно, Сумовский «комплексовал» по этому обстоятельству, точно не знаю, но мелкие пакости делать подчинённым он любил (на большие, видимо, масштаб личности не вытягивал). До того у него это въелось в натуру, что однажды, когда я на стрельбах с дистанции 200 метров из трёх пуль две в десят-

ку, а одну в девятку «запулил», он вывел меня из строя и торжественно заявил:

– За отличную стрельбу объявляю выговор!

И только когда весь строй захохотал, до него дошло, что он сморозил. Пришлось поправляться:

– Отставить! Объявляю благодарность!

Так вот, Сумовский тут же заметил мою необыкновенную ретивость. Ребята подали мне сигнал, но было поздно: метров за сто от стадиона он всё же выловил меня и повёл. Куда? В святая святых коменданта гарнизона капитана Швангерадзе – на гауптвахту. Тот был ещё свирепее Сумовского, на «губу» сажал с наслаждением. Казалось, судьба моя предreshена!.. Я мысленно ругал себя и вертлявость Фортуны: бывало, лез на 3-й этаж в казарму на четвереньках – ничего, однажды чуть не облевал капитана, остановившего нашу троицу, – ничего, «в портянку» пьяный у Забрамы забрякался с Колькой Верблюдовым и Вовкой Лебедем в автобус, набитый офицерами, батальона обслуживания – ничего; а тут бутылку на двоих выпили, и – «чего»! Да ещё как «чего»! Почти три года прослужил, 17 поощрений, включая письмо родителям, и вот в одном шаге до «дембеля»!..

Но тут Боженька не вытерпел такого самоуправства Сатаны и вывел на крыльцо гауптвахты начальника караула – знакомого старшину-сверхсрочника, который тут же запросил:

– Где записка об арестовании?

Такую записку Сумовский не имел права оформлять, а нашего комэска и Швангерадзе Боженька предусмотрительно отправил на охоту под благовидным предлогом – суббота! Сумовский начал бормотать, что в понедельник обязательно оформит. Я из-за спины Сумовского делал просительные-запретительные жесты. Наша взяла!.. На время: на следующий день сразу по возвращении с аэродрома – собрание, взбучка, изъятие согласия на досрочную демобилизацию.

Возникла дилемма: что лучше – махнуть рукой и пуститься во все тяжкие или походить по струнке около месяца и попытаться «решить вопрос положительно»? Выбрал всё же второй вариант: надежда умирает последней. Надо сказать, Смуров поддержал меня: не стал давать особо сложных заданий, чтобы, не дай Бог, ещё и техническая зацепка не получилась, и когда из летнего лагеря ночью ходил «по саmogон», то брал с собой только Яшку Нугуманова и Кольку Губарева (тем более, что они уже решили оставаться на сверхсрочную), а я оставался в палатке для исправления. Тогда было несколько обидно, но разумом я понимал, что «так надо».

Вскоре после моей неудачной попытки стать «папараци» полк перебазировался на летний аэродром под Бродами недалеко от братского полка из нашей дивизии. Место изумительное: невдалеке полу-

кругом лес, за лесом село (самогонное), тишина, которую даже самолёты почти не пробивали. Пребывание в палатке, умывание под открытым небом, палаточная же столовая – что может быть лучше для успокоения и умиротворения? Есть ли другие места?

Оказывается – есть! Однажды часть нашей группы отправили километров за сто на помощь полигонной команде: во время учений поразбивали силуэты и макеты мишеней, а через день должна быть снова массовая бомбёжка, и их надо было срочно восстанавливать. Полигонная команда (человек 15...20) размещалась в одноэтажном строении на опушке леса. Цветы, шум деревьев, трава по пояс, шмели. И это не всё: в каптёрке фляга с мёдом, кастрюля со сливками, масло в невообразимых количествах, мясо нескольких сортов в леднике и т. д. и т. п. А в двух километрах – село, в котором проживает немереное количество «дивчин». Вот где санаторий! Секрет простой: бомбят не каждый день, а в перерывах разрешают «вуйкам» косить траву на полигоне. Всем хорошо, все довольны, а мы – завидуем!

Летний аэродром, как и основной, заставлен выведенными за штат самолётами, в полку полно новичков – тоже выведены за штат, да и части многие расформированы. Вечером иду из столовой на лётное поле: начинаются ночные полёты. Вдруг меня окликает часовой, охранявший самолёты. Оглядываюсь – ба! Колька Болдырев! Нет, не Колька Болдырев, а его однофамилец, учившийся со мной в Сретенске. Надо же, ведь его направляли куда-то в Петропавловск. Я тогда ещё не знал, что это начало серии фантастически маловероятных, но всё же состоявшихся встреч в моей жизни. С часовым общаться не положено, поэтому мы встретились с Колькой на следующий день. Оказывается, он попал в транспортную авиацию, а там, кроме сигнальных ракетниц и катапультных сидений, вооруженнику обсуживать и нечего. Зато он на монстрах, в брюхо которых можно запросто засунуть наш «МИГ-15», облетал всё тихоокеанское побережье от Чукотки до Южно-Сахалинска и «Владика». А потом по воле Хрущёва он оказался на другом краю Союза и попал в роту охраны на наш запасной аэродром. От Сашки я и узнал кое-что про наше училище и про Ефремова. Боже, где они теперь, мои далёкие сослуживцы? Все ли живы? А ведь я многих и забыл за полвека.

Но эта встреча оказалась предвестником хороших перемен. Уже через вечер ко мне в палатку заглянул дневальный и сказал, что меня вызывает Сумовский. Дневальный показался мне Азраилом (ангел смерти в исламской религии). Но!.. Но Сумовский пригласил меня пройти с ним в штаб. Там подал конверт и сказал, что принято решение вернуть мне разрешение на поступление в ХПИ. Вида я не подал, но внутренне ликовал, а Сумовский что-то бормотал о том, что он не сомневался во мне, что я молодец и т.д. На следующий день я

попросил увольнение – и документ отправился в невиданный, но уже любимый ХПИ имени Ленина в огромный город Харьков. Зелёный Змий потерпел фиаско. Надолго ли? Недели через две пришёл вызов и ... со мной в Харьков поехали ещё 8 человек, почти все – в ХПИ, причём, только затем, чтобы сдавать экзамены со мной! Дело в том, что я подготовку начал почти на полтора года раньше всех, поэтому знал материал глубже и после занятий на подготовительных курсах охотно давал консультации всем желающим: пока растолковывал материал другим, я сам его понимал и запоминал крепче. Чаше других ко мне обращался Вовка Подгорный.

Земляк

Вовка был земляк – из Волгодонска. Это в Ростовской области у знаменитой плотины на левом берегу Дона, напротив Цимлянска. От Чернышков километров сто. В армии земляк – почти всегда друг. Сашка Карасёв тоже земляк, но он был какой-то закрытый, трудно-понимаемый, кличку он получил очень скоро – «Карась-идеалист». Я не мог понять, почему он перешёл из эскадрильи в батальон обслуживания шофёром на ЗИС-топливозаправщик (от самолётов-то!). Вовка же был «рубаха-парень», но иногда фанфаронистый. Простакам он иногда тонко намекал, что он в родстве с Подгорным, 1-м секретарём ЦК Украины. «Пускать пыль в глаза» (особенно девушкам) было для него любимым занятием. Из-за этого однажды оконфузился.

Пресловутый Н.С. Хрущёв метался в отношениях с Западом из одной крайности в другую. Было объявлено, что СССР увеличивает приём иностранных туристов, в том числе и на собственном транспорте. Какие «туристы» поедут в первую голову, даже козе понятно было. А наш аэродром находился в 3-х километрах от трассы Львов – Ровно – Киев и с некоторых участков шоссе просматривался, как на ладони. «Особняк» принял решение на этих участках разместить наблюдателей, которые должны фиксировать автомобили, пассажиры которых пользуются оптикой и кино-фототехникой. Для этого понадобились дополнительные люди сверх штата спецотдела. Вовку взяли: спортсмен, энтузиаст! Дали ему справку – и он две недели мог не ездить на аэродром, валяться в духмяной травке, обедать в городском кафе и т. п. Что ему ещё надо? Кайф продолжался три дня – до ближайшей субботы. Вечером у одного из «чепков» (без меня, подлец, пил!) его попытался задержать патруль, но Вовка начал размахивать перед их носом справкой. В итоге «особняк» обозвал его болтуном и отобрал справку – кончилась его карьера спецagenta. Однажды он и меня в авантюру втянул, хорошо хоть, безобидную.

– Сашка ты знаешь, что у нас через две недели дивизионные соревнования по борьбе проводятся?

– Нет, а мне-то что?

– Понимаешь, у нас в команде нет «классика» в лёгком весе (тогда я весил около 66 кг).

– Я-то при чём? Я же борьбой с детства не занимаюсь. Штангу вот тягаю, да и то без тренера. Ты же знаешь, в один спортзал ходим.

Вовка напирал:

– Вот-вот! Сила у тебя есть, приёмов тебе штуки три покажу. Понимаешь, «баранку» полк получит, если не выставим человека. И потом, три дня освобождение на подготовку и три дня на соревнование. Опять же, спецпитание: котлеты, пончики, компот! Вот Алик Бугай согласился, он в «тяже» выступит.

Эти аргументы покачнули мой железобетонный негатив. Но...

– Вовка, а что Смуров скажет? Три человека из одного звена – представляешь? Кто в группе неделю вкалывать будет?

– А честь полка? – нашёлся этот «сачок».

В общем, он подключил физорга полка, и они обработали Смурова, благо, у того душа мягкая. Вовка занялся мною. Объяснил, что такое «стойка» и что такое «партер», показал несколько приёмов и объяснил правила. Лучше всего я запомнил: если хотя бы пятками вылезешь за пределы ковра, то схватка останавливается.

И вот первый день соревнований. Алик накануне съел с полсотни пончиков: ему до второго тяжёлого с пол килограмма веса не хватало. Набрал – автоматически грамота за первое место, т. к. в других командах в этом весе никого не нашлось! Наступил мой черёд выходить на ковёр. Первую трёхминутку я держался хорошо: просто сила выручала. На второй, когда она стала убывать, меня поймали на самый элементарный приём – бросок через бедро. Я грохнулся на ковёр, но мгновенно сделал «мостик», противник попытался давить – куда там: на тренировках я делал «мостик», на который сажал Вовку (68 кг) с двухпудовой гирей в руках. «Шайтан», как говорил отчим Пётр Ильич, у меня ещё с 16 лет был крепкий. Так что с ковра я сместился довольно просто. Ни одной встречи я не выиграл, но и на лопатки меня никто не положил – и то, слава Богу! Вовка был доволен. Сам он занял второе место. Другие наши выступили успешней. В целом, команда полка заняла первое место. А если бы Алик недобрал пончиков, могли бы и на второе скатиться.

Как-то незаметно Вовка Подгорный стал одним из моих лучших друзей, а после отъезда Димки Афанасьева – самым лучшим другом. И он первый заявил, что поедет в ХПИ, чтобы сдавать экзамены со мной.

Димка и его семья

А Димки просто уже не было в полку: его комиссовали по зрению. Это, казалось бы, чисто его личное обстоятельство сильно повлияло на мою судьбу, а, точнее, определило её на многие десятилетия, пожалуй, до конца жизни. Но это произошло не в один момент.

После осечки с Оксаной меня уже как-то не тянуло на серьёзные отношения с девушками, да и к институту подготовку вёл всё интенсивнее. Поэтому я, когда забегал в ТЭЧ на аэродроме или в казарму в городке, всё чаще подтрунивал над Димкой по поводу его девушек и сестры. А потом, я маленько настрополился по фотоделам (даже на самогон зарабатывал) и дружба подкреплялась сотрудничеством, так что всю его семью и всех друзей (и подруг) переснял и увеличил не единожды. Как-то исподволь срабатывал принцип: «Друг моего друга – мой друг». Из ничего появляющиеся фигуры и лица непонятным образом становились близкими, почти родными. Можно понять Пигмалиона.

Так что многочисленные Афанасьевы и даже их киевские родственники толпились в моём мозгу довольно часто, и я даже начал опасаться, что Людмила перепрыгнет из черепушки в грудную клетку. Димка читал мне её письма, как и от других родных, и я был в курсе их домашних дел. А других, казалось, и не существовало. (Потом оказалось, что это казалось!)

Димка, вероятно, стал улавливать разницу и, в свою очередь, начал подтрунивать надо мной. Шутки его сводились, большей частью, к предложениям написать за него письмо родным. Такой уклон объяснялся просто: он был большой лодырь на письма, даже на первом году писал не часто. Но я помнил урок, полученный Хорольцевым, и не поддавался на провокации. Но однажды его чёрствость перешла границы: родители прислали письмо на командира части. Ну, как это обычно бывает. А Димка (надо же!) как раз лежал в госпитале в Ровно. “*Volens nolens*” пришлось мне, по праву и обязанности лучшего друга, написать ответ, в котором я признал, что кроме основного диагноза он ещё страдает болезнью, именуемой “*Svintius grandiosus*”. И ответ этот я отправил не в Тамалу к Димкиным родителям, а в Пензу Людмиле (она там училась в пединституте), естественно, с просьбой успокоить родителей.

Через некоторое время от Людмилы пришло письмо, но не Димке, а мне. Во! И совсем не такое, как Вовке Хорольцеву, а тёплое, дружеское и с благодарностью даже и «даже» с разрешением написать ещё. Я, конечно, воспользовался разрешением, хотя Димку уже выписали. Через некоторое время его вывели за штат и после месяца «сачкования» комиссовали, т.е. досрочно уволили из армии по состоянию здоровья. Проводы Димке мы (Эдик Солопихин, я, ещё кто-то и капитан Устинов) устроили в вокзальном буфете: выпили «на посошок» (Димка уже, считай, был гражданским, а я давно не в ТЭЧ – Устинов мне не начальник). В общем, уехал Димка, а переписка осталась. Письма ходили туда-сюда «тёплые, дружеские», причём, из Дубно всё более «тёплые», а из Пензы всё более «дружеские». Людмила по-

ступила в институт сразу после школы, так что она уже оканчивала третий курс, а я только готовился к поступлению, зато у меня за плечами было УМСХ, работа в колхозе и два года армии. Один год разницы в возрасте – почти ровесники – тем не менее, я чувствовал себя более многоопытным и знающим жизнь. Однако превосходства своего не выпячивал: предо мной был «достойный противник», превосходящий меня по другим «показателям».

Димка из армии вернулся не в Палласовку, где у него брат работал председателем колхоза, а к родителям в Тамалу, районный посёлок в Пензенской области на стыке с Тамбовской и Саратовской областями. На гражданке он так и не стал поклонником эпистолярного жанра и за год написал мне не более двух-трёх писем, да и то куценьких и написанных корявым почерком. Так что загрузка почты шла, в основном, по линии Дубно – Пенза.

Говорят, капля камень долбит. Оказалось, что капли моих писем долбили, в основном, меня же самого, в итоге я стал думать о Димкиной сестре намного больше и чаще, чем он сам. Когда служебная и иная круговерть чуть отпускали, я задавался вопросом: что это со мной? Ответ или не находился, или пугал, и тогда я действовал по принципу: «замнём для ясности». Когда я проезжал вдоль Кавказского хребта, заметил: отдельные вершины маячили в дымке на непонятном удалении – то ли рукой подать, то ли в бесконечности, и по мере приближения к ним они не казались ближе, а только виделись резче. Нечто подобное происходило в моей жизни на третьем году службы. И вот, когда одна из вершин – ХПИ – стала почти осязаемой, рядом стала вырисовываться вторая – Люся Афанасьева, известная «по географии», но полная загадок в дымчатой реальности, если таковая имелаась. Мне предстояло не просто с любопытством посмотреть издали на эти чудеса природы, но и «покорить» их. А я же не альпинист. «Надо, Федя, надо!»

И вот настал радостный летний день, когда я в окружении 9-ти друзей-сослуживцев попрощался с воинской службой, с родным полком, который уже почти год возглавлял Герой Советского Союза полковник Голембиевский. Интересный дядька, фронтовик, лётчик-штурмовик, совершивший почти 300 боевых вылетов на «Ил-2». Както он рассказал в курилке, что его однажды сбивали над Псковским озером. Он посадил машину на воду, но до берега не дотянул совсем немного, метров сто. Самолёт начал медленно и неуклонно тонуть, а у него заклинило замок фонаря кабины. Тогда он через бронефорточку перелез в кабину стрелка-радиста, у которого фонарь открылся, и успел покинуть самолёт. «Потом на аэродроме в спокойной обстановке я пробовал повторить этот манёвр – ничего не получилось! Как это я на озере смог?!» Это было всего лишь 16 лет назад. До на-

шего полка он командовал полком «Ил-10»-х, на реактивные переучился недавно и как лётчик далеко отставал от Скобунова, но как командир он не уступал Ефремову, только в соответствующем полковом масштабе. Вообще мне повезло с командирами в армии. Сам же я возвращался из армии с одной ефрейторской лычкой. Как-то так получалось, что в учёбе, да и на аэродроме, да и потом, на гражданке, я был в числе первых, но в «служебном росте» меня легко обходили другие. В Сретенске командиром учебного отделения был назначен Колька Савов, в Дубно, когда старшина Плугин ушёл в запас, командиром строевого отделения назначили Яшку Нугуманова.

Да и «на гражданке» я только год был бригадиром слесарно-сборочной бригады, менее года начальником пуско-наладочной группы и четыре года начальником бюро. Похожая картина и в общественной работе: в комсомоле и в КПСС я всегда был или рядовым или замом по идеологии, если в бюро выбирали. Иногда это огорчало, иногда радовало, а чаще я это воспринимал как должное. И только, когда я прочёл книгу «Психология политической борьбы», я понял, что я лидер «фронтальный» (т.е. всё делает вровень со всеми, но лучше всех), а не «иерархический», который всё делает вровень со всеми, не обязательно лучше, но умеет заставить других делать больше и лучше. Для этого кроме профессионализма, знаний и т.п. он должен иметь ещё то, что в психиатрии называется «комплекс власти», тогда как «фронтальному» достаточно «комплекса первенства». («Комплекс власти» даётся человеку генетически. Если он гипертрофируется – это беда для всех окружающих, зачастую, и для самого носителя: своей смертью такие почти никогда не умирают. Зато у кого этот комплекс атрофирован – тех часто постигает судьба «подкаблучников»). Ну, что ж, недаром проклятые фашисты имели лозунг: «Каждому – своё».

Из девяти моих спутников один ехал на химфак, один ещё на какой-то (не помню), а семь – на факультет тракторного и сельскохозяйственного машиностроения (ТСМ), со мной, то есть. Дорогой пили мало – по разным причинам. Для меня главной была ограниченность средств: сверх того, что выдали в части, я получил от матери перевод рублей на пятьдесят, больше мне запрашивать было неудобно, а надо было не только более трёх недель прожить в Харькове (5 экзаменов всё-таки), но оттуда ещё и ехать домой окольным путём, не предусмотренным маршрутом, поэтому рассчитывать на льготный воинский билет я не мог. Почему окольным путём? Дело в том, что Димка Афанасьев пригласил меня погостить после сдачи экзаменов. Как откажешь старому армейскому другу, с сестрой которого полтора года вёл переписку?

2. ОПЯТЬ «ГРАЖДАНКА»

ХПИ им. Ленина

Если Киев – это праздник, то Харьков – суровые трудовые будни. Он почти так же огромен, но дома – серые, покрытые пылью и сажей неисчислимых заводских труб, многие из которых торчали чуть ли не посреди города. Чем-то он мне напоминал Шахты, только размеры гигантские и у самого города, и у домов на его многокилометровых улицах. Вывески на магазинах и учреждениях на украинском языке, но говор на улицах не тот, что в Киеве, тем более, в Дубно или во Львове, а почти как в Чертково. Зато общение лёгкое – можешь говорить по-украински, можешь по-русски, а можешь на их смеси в любой пропорции. Но в Харькове я однажды случайно наткнулся на источник, из которого можно было вволю пить самой что ни на есть «москальской балачки» – это Белгородский вокзал. Сюда приезжали каждое утро, особенно в воскресные дни, на рынок с немудрёным сельским товаром белгородские торговки, в основном, простые сельские бабы. Белые кружевные платочки, расшитые кофточки, просторные юбки, семечки (!!!) и «балакають». Я застыл вначале: как будто опять чудодейственным способом оказался на Неледове. И во время экзаменов, и потом во время учёбы я ещё долго по воскресеньям приезжал и слонялся по залам и привокзальной площади. И если бы кто спросил: «Чяво табе тут нада?», я, наверное сказал бы: «Ни знаю, проста хажу и слухаю, слухаю – душа прося».

Но знакомство с городом началось с Южного вокзала (з Пивдэнного вокзалу), куда нашу дружную группу привёз поезд. Об этом вокзале ходили две легенды: первая, что это второй по красоте в Союзе вокзал после Новосибирского; вторая, что, несмотря на это, вокзал не понравился Сталину и, побывав на вновь отстроенном после войны вокзале, он, с присущим ему лаконизмом, изрёк: «Долго, дорого, некрасиво». Но мне вокзал нравился. С вокзала трамваем поехали на Пушкинскую до «Гиганта», потом прошли немного пешочком и стали оформляться как абитуриенты. Среди «абитуры» я уже побывал и мне было известно, как на неё смотрят свысока первокурсники, только что переведённые на 2-й курс. 3-й курс уже почти не важничает, а 5-й просто не замечает, а если заметит, то ностальгически и даже окажет шефскую помощь.

«Гигант» – это название главного корпуса общежитий ХПИ. Здание соответствовало своему имени – серый мрачноватый колосс в пять этажей с коридорами невообразимой длины, да ещё и с ответвлениями в виде буквы Ш, только стоек было больше – не то 4, не то 5. Поскольку в ХПИ было 17 000(!) студентов, то даже этого гиганта не хватало – были ещё большие и малые белые и красные кор-

пуса. Тех, что приехали со мной, т.е. на ТСМ-фак, поселили в МКК. Подготовка к экзаменам началась с того, что уже через час после заселения мы вышли в город поискать «где бы чего бы». Поскольку город не знали, то решили ехать в вокзальный ресторан, тем более, что там, в камерах хранения, у некоторых ещё лежали вещи. Ресторан был шикарный, таких я даже в Шахтах не видел, он под стать вокзалу, даже картинами расписан. К концу нашего пира люди на картинах задвигались. Так что когда вернулись в «общагу», то сразу завалялся спать и проснулся только глубокой ночью, когда меня «травануло». Но я быстро сориентировался, достал тазик и привёл всё в порядок, довольный тем, что ребята спали. (Но утром я узнал, что это только казалось.)

После пробуждения я полностью соответствовал присказке: «У головы шуметь, а у кышэни (в кармане) – тихо, тихо!» В нашей «шараге» только Вовка Лебедь не испытывал финансовых затруднений. После подсчёта вчерашних «боевых потерь» я, Вовка Подгорный, Коля Верблюдов и кто-то ещё (забыл уже) решили организовать коммуну с ежедневным взносом по три рубля. В студенческих столовых борщ стоил копеек пятнадцать, котлета с гарниром – двадцать пять... двадцать семь, манная каша – десять копеек, компот – пятак, чай – две копейки, а хлеб был бесплатный. Для меня, выросшего в деревне, это было то, что надо. Вскоре мы освоились и начали сдавать экзамены. Первый – математика письменно. Я всё сделал, проверка, вроде бы, показала баланс по всем пунктам. Результат узнал только дня через три. Четвёрка. Что ж, хорошо для начала: в те времена для абитуриентов с трудовым стажем или отслужившим в армии была льгота. Математика устно – тоже четвёрка. Не блеск, но это уже не Шахтинский энэрготехникум, у меня фора! А кое-кто из наших отсеялся. В нашей коммуне осталось трое: я, Коля Верблюдов и Вовка Подгорный. Взнос сократили до двух рублей: по фактическому остатку. Деньги, несмотря на дешевизну продуктов, непостижимо таяли, никакая математика и физика не помогала замедлить их испарение. А ведь каждый сданный экзамен отмечали предельно скромно: вина чуть-чуть или пива. И вот пробил час – сегодня самое страшное: сочинение. Я всегда писал хорошо по стилистике и содержанию, но внимательности не хватало, а проверку, как в математике, не сделаешь. Так что побаивался. А тут ещё Вовка Подгорный утром заявил:

– Всё! Я сегодня валюсь.

– Это почему ты так считаешь? – я заподозрил его в кокетстве.

– А я сегодня почти всю ночь не спал – клопы не давали.

В это я не поверил, хотя знал, что их – легион:

– А вот я спал нормально, ни один клоп меня не укусил.

– Так ты же их в первую ночь напугал, они к тебе и не подползают! – похлеще клопа укусил меня Вовка.

Но выглядел он, и вправду, неважно, а после экзамена ещё хуже. И начал собираться домой, но я его всё же уговорил остаться до объявления результатов. Результат был потрясающий: я получил первую в жизни пятёрку по сочинению! А Вовку предчувствие не обмануло. Колька тоже завалился. Выделили им из «общака» на дорогу, осталось у меня «шиш да маленько», лимит я себе назначил – рубль на сутки: маму беспокоить не хотел и НЗ на дорогу тоже не мог трогать.

Потом любимая физика – тоже пять. После этих двух пятёрок я понимал, что на немецком меня топить не станут, но готовился усиленно. Увы, после физики лимит снизил до 50-ти копеек в день. Хорошая тренировка перед студенческой эпопеей. Как хорошо, что хлеб был бесплатный, а компот – пятак за стакан! Немецкий я сдал тускло – «тройк», но 21 балл из 25-ти возможных для демобилизованного солдата – более чем достаточно, чтобы ликовать. Жалко, денег не осталось, а то бы я поликовал немного.

Судьба и мои усилия компенсировали мой провал в Баку: я был зачислен на 1-й курс факультета ТСМ Харьковского Политехнического института им. В.И. Ленина. Теперь множество корпусов – целый городок с красивыми деревьями – всё моё! Первая гора, на которую я карабкался четыре года, была «покорена». То, что я осилю учебную программу, и меня не выкинут ни с первого курса, ни со второго, я не сомневался: ещё в Дубно делал контрольные работы за Смурова, который учился заочно в каком-то Ровенском институте – были бы учебники. Настроение у меня было приподнятое, с ним я и поехал на встречу с армейским другом. Себе я строго говорил, что именно к Димке еду... Но, как в арифметике: два пишем, три – в уме.

Как это сделать, я не представлял: то ли лобовым штурмом, то ли глубоким обходом с фланга? А разведанных – почти никаких. По сути, моя поездка была разведкой боем, но «себе я строго говорил, что именно к Димке еду...». Вечером я уехал с прекрасного Южного вокзала. А когда проснулся утром, поезд шёл по щемящим сердце родным местам – с детства знакомые и милые названия: Оскол! Острогжск! Дон! Лиски! От них так близко к Богучару и ещё ближе к Верхнему Мамону! Пейзажи, так похожие на богучарско-неледовские, не нагладишься!

Потом медленно, но верно пейзаж стал меняться – заросли ольхи всё чаще и гуще, недаром здесь популярное название сёл – Ольховка.

Мы ехали, ехали и, наконец,... приехали.

Поезд «Харьков – Владивосток» уехал в немыслимые дали, часть из которых мною уже была осмыслена три года назад, а я остался на станции Ртищево. Она напоминала Лихую с её неисчислимыми колеями, только вокзал стоял не на острове, а сбоку от путей, и был он более «казарменный», чем Лиховской, имевший некоторые претензии на изящество. Зато картины внутри вокзала (тогда была хорошая мода: станционные залы украшались картинами) были лучше, особенно одна жанр-пейзаж – семья за городом на берегу реки, а по ней скользила парусная лодка, и через неё вдали перекинут мост, по которому бежал поезд, и на переднем плане девочка 4-5 лет гоняется с сачком за бабочкой, тогда как родители с малышом сидят на обрывчике у реки. Местность немного напоминала вид на Пензу, и такое умиротворение шло от этой картины! На моей памяти картина держалась лет двадцать пять, потом обветшала, но тут начали реставрировать капитализм, а не картину, и она была похерена. Жалко. И картину, и ту жизнь, что была написана на ней. Но в Ртищеве я был недолго: подкатил то ли саратовский, то ли астраханский поезд, на котором я проехал последние 50 вёрст до Тамалы. Мир тесен! Когда я начал спрашивать попутчиков о Тамале, со мной заговорил один молодой мужчина, в лице которого мелькнуло что-то знакомое. Оказалось, это старший брат Риты У.

А вскоре показалась и сама Рита. Первое, что я увидел в Тамале, это были тополя, напоминавшие чернышковские, и под ними Люся и Рита, обшаривающие взглядами поезд. Встретили меня весело, дружески, но без «телячьего восторга» (поймал себя на мысли, что это мне понравилось бы ещё больше). Рита скоро переключилась на брата, а мы с Люсей подождали Димку и Витьку Е., которые пошли искать меня в другом конце поезда. Они вскоре подошли, Димка познакомил меня с Витькой, я отдал чемодан ему, отправил их вперёд, а сам неспешно пошёл с Люсей. (Не знаю, что там испытывал Витька, – много позже я узнал, что это был один из воздыхателей и претендентов. Их, оказывается, было столько, что мне пришлось бы у всей эскадрильи одалживать чемоданы, чтобы всех загрузить, – но я об этом не знал, да и не задумывался). Идти надо было с километр, на протяжении которого я всё старался повернуть разговор «в русло», но Люсе удавалось непостижимым образом вести его «обо всём и ни о чём»; чёрт! вот что значит филологическое образование. Бедный Хорольцев, куда он лез!

Димкины родители встретили меня радушно, без настороженности (что меня и озадачило). Они были старше моих родителей лет на десяток. Сергею Ивановичу было уже 63 (надо же? – я сейчас на 5 лет старше! Нет, на 10 – 2013г.), он дорабатывал последние меся-

цы до ухода на пенсию. Пока он работал директором Райпищекомбината и проживал в служебной квартире в виде однокомнатного домика с кухней и сенями. Домик стоял под клёнами, вплотную примыкая к пищекомбинату, рядом был огородик сотки полторы-две. Елизавета Сергеевна была тремя годами моложе, она пенсии не получала, т.к. почти всю взрослую жизнь была домохозяйка и занималась детьми, которых было семеро, но Галя умерла в младенчестве, а Виктор погиб в войну под Ленинградом. Директором в доме был не Сергей Иванович, это я понял сразу.

Елизавета Сергеевна была с 1901 года. Родом она с Украины – из Макеевки, что рядом с Донецком. Девичья фамилия – Мурай. Окончила церковно-приходскую школу, и считалась грамотной. Любила читать, что и делала чуть не до последних дней жизни, так что была начитанной без всяких натяжек. Читала и говорила по-русски, так что со временем почти забыла «вкраиньску мову». Сергей Иванович родился в 1898 году в Сердобске в семье украинских переселенцев, но по документам проходил как русский. Детей они почему-то записали по-разному: старшие числились украинцами, а младшие – русскими, хотя все пользовались только русским языком и украинским не владели.

У Сергея Ивановича была вставная челюсть. Оказалось что с молодых лет: он участвовал в 1-й Мировой, воевал в составе корпуса, оказавшегося в результате Брусиловского прорыва на территории Румынии. После революции в России румынские власти задержали корпус, солдаты в нём сильно голодали, началась цинга, результат – в 20 лет вставная челюсть. Корпус выручил Ленин, приказав арестовать румынское посольство и держать, пока не отпустят наших солдат. На родине Сергей примкнул к красным и во время Гражданской войны в донецких степях нашёл Лизу Мурай. А если бы разминулся – не служить бы мне с Димкой, и много бы чего не было.

Я предполагал пробыть в Тамале дня четыре. На следующий день Димка организовал пир в мою честь, пригласив нескольких друзей, а из подруг – только Риту. Всё шло «путём», но я вскоре почувствовал, что продолжительный «пост» в Харькове бесследно не прошёл: хмелеть я начал быстрее, чем хотелось бы, поэтому после четвёртого маленького гранёного я остановился. Вовка У. (брат Риты, но не тот, что был в поезде) предложил пройти к ним, я захватил фотоаппарат и мы всей тёплой компанией направились к У – м. Смотрели фотографии (моя работа была среди прочих), фотографировались во дворе... Всё бы хорошо, но Вовка поставил «пузырь» на стол. Традицию я не пересилил, но от второго стограммового тоста отказался наотрез. Через четверть часа попросил Димку возвратиться к нему: уже было тяжело. Показываться Елизавете Сергеевне в таком виде не хоте-

лось, я попросил Димку принести какую-либо подстилку в сад, чтобы отоспаться до вечера. Увы, директорша оказалась глазастой – ничего не сказала, но запомнила надолго. На следующий день я, как знаменитый Велюров, «принёс свои извинения». Несчастный случай, но я чувствовал, что поступил тактически правильно, предварительно отоспавшись в саду – молодец, что не полез сразу в дом. Но разговора на эту тему не было, а потом пошёл дождик, заставший меня, Люсю и её шестилетнюю племянницу во дворе. Я, почти как Матросов, прикрыл их собой и замечательным кустом сирени (жалко, что она в августе не цветёт).

А на следующий день оказалось, что подвиг мой был недостаточен: у Людмилы взбунтовалась ангина, так что она почти весь день отлёживалась, а я развлекал её игрой в «морской бой». В одной партии она потопила почти все мои корабли, остался один трёхмачтовик. Проанализировав расположение «утопленников», она самоуверенно заявила, что «сейчас попаду в последний». Но получила отпор:

- Нет, не попадёшь!
- Нет попаду! Спорим?
- Спорим. На что?
- На желание!

Я остолбенел от такого демарша. Что это, святая наивность, или у меня появился шанс?

- Согласен! Если проиграю, что потребуешь?
- Воды из колонки принесёшь! (Интересно, она на 5-й курс института перешла или в старшую группу детсада?) А ты что потребуешь?
- Люся, я при отъезде скажу своё желание. Ладно?
- Ладно.

Она называет координаты и «мажет». Я ликую. После недолгих дебатов о правильности расположения моих кораблей она признаёт поражение в споре. А уже завтра – на поезд. Провожать меня пошли оба: и Димка, и Люся. Поскольку Витки Е. теперь не было, я всучил чемодан Димке, дал общее направление и сказал, что мы его у вокзала догоним. Он всё понял правильно. Отступать дальше некуда: через 45 минут отъезд, поэтому разговор «обо всём и ни о чём» я быстро пресекаю:

- Люся, а ты чего такая бесшабашная? – Вопрос в лоб.
- Это почему ты так считаешь?
- Разве можно спорить «на желание»? Или ты думаешь, что споренное необязательно? – Я не унимался.
- Нет, но что тут такого? Мы с Грашкой часто так спорим и ничего: я даю ему щелбаны или посылаю за водой, а он – меня, если проиграю. (Грашка – это Грант Мирзаянц, муж Вали, одной из её лучших подруг. Она «стояла на квартире» у них в целях экономии средств,

а они снимали частный дом. По достатку родители у них были не чета Людмилиным, а уж о моей колхознице я помолчу.)

– Хорошо... А если бы я пожелал чего-то серьёзного? – я всё ближе подходил к «моменту истины».

– Чего, например?

Я несколько мгновений подбирал оборот поделикатнее. Подобрал:

– Ну, вот если бы я захотел жениться на тебе?

– Да что ты, зачем это тебе? – это было сказано с наивным простодушием Гончаровской Марфеньки; именно это простодушие ударило сильнее и неожиданнее грома с ясного неба. Если бы она просто отвергла моё притязание, я бы не поразился.

Значит, меня просто не было в её жизни! А дружеский тон в письмах и теперь в личном общении – не более чем результат хорошего воспитания хорошей девушки, нормального человека. А я так часто думал о ней и в тишине поста в нечастом карауле, и на грохочущем аэродроме, и в Ленкомнате при витийствовании над очередным письмом, и... В общем, в тайне даже от себя самого эта частота раздумий и мечтаний сроднила меня с Людмилой до такой степени, что мне начинало казаться, будто и я ей уже сродни. И вот миф, мираж, бред в одно мгновение, как взрыв гранаты, гремит, разлетается... и тишина, звенящая тишина, как 1 мая 1947-го. Я не мог ни почувствовать сердцем, ни понять умом, что причина взрыва – потеря цели или потеря мечты об этой цели? Скорее, последнее, ведь когда мы покупаем лотерейный билет, мы почти уверены, что он пустой, но никогда не сокрушаемся из-за этого, пока ... не заглянем в таблицу выигрышей, особенно если «на один номер не сошлось».

Кажется, несмотря на своё деревенское происхождение, я тоже был неплохо воспитан: уже через одну-две минуты я повёл разговор «обо всём и ни о чём», и мы, как и обещали, догнали Димку у вокзала. Поезд, к счастью, пришёл вовремя. Почти стандартное прощание. Вагон. Окно. Прощальный взмах. Поехали! У меня очень много стихов на дорожные темы. Почему? Всё просто: вокзал – всегда драма! Даже если со счастливым концом, а уж если...

«Снова Дон, снова краткая встреча...»

Вагонная толчея. Но я одинок. Кто из нас не слышал, как вагонные попутчики, даже не представившись, рассказывают друг другу истории своей жизни и истории из своей жизни. Почему? Да просто им надо выговориться.

Но я даже этого не мог сделать. На меня навалилась такая тоска, которая оказалась сильнее той, что я испытывал после бакинского провала. Я ещё не знал, что это зовётся «фрустрация».

Тогда, в августе 61-го, я умирать не собирался: оставались и другие большие цели. Но одна растворилась, «как сон, как утренний туман». Пересадку в Саратове делал в этом самом тумане. Зато потом, несколько лет спустя, я слегка познакомился с этим огромным городом, в котором останавливался у Витьки Е. (да-да, у того самого), с которым у нас долгие годы до самой его гибели от 33 сохранялись дружеские отношения и в личном плане и шире – «дружили семьями». Е-вы жили на Чернышевского, недалеко от речного порта. Это было особенно удобно, когда я один или с семьёй (ведь были же такие времена – мог позволить!) плывал по Волге на теплоходе.

От Саратова до Чернышков ехал той же дорогой, что и три года назад, только в обратном направлении. В Сталинграде на Мамаевом кургане работы уже были завершены. Поезд проходил у его подножия, и главная скульптура – фигура Родины-матери была хорошо видна. Деревья были ещё небольшие и не заслоняли вид. На время мой минор принял несколько иную окраску. В таком сложном настроении прибыл в Чернышки. Клава и Володя встретили меня хорошо, на следующий день организовали пирушку, и я уже, «как взрослый», сидел в кругу бывших учителей, которых Клава пригласила как своих коллег. Были и новые родственники – Володиные сёстры с мужьями.

В отличие от Тамалы, водка меня не брала, поэтому «лимитов» я себе не устанавливал, но после 5-го или 6-го тоста ушёл в свою комнату (Клава и Володя жили уже в просторном собственном доме недалеко от вокзала) и сел писать письмо Людмиле. Впервые за два с половиной года на меня опять накатил приступ стихосложения (по пьяни чего не натворишь!) и письмо я написал в стихотворной форме – хоть с Татьяной Лариной переписывайся.

Поскольку теперь уже скрывать и терять было нечего, то это вылилось в «эмоционально насыщенное, художественно яркое» признание в любви, которое тут же, чтобы, не дай Бог, не передумать, я и отправил по почте. Сатана не мог удержаться от вмешательства и драму превратил в фарс: через несколько месяцев выяснилось, что мой «шедевр» Людмила не получила. То ли почтальон в степи замёрз, то ли какая-то почтовая работница оказалась романтической и забрала себе письмо в качестве сувенира, то ли я по пьянке адрес неправильно указал. Но письма Людмила не получила, и всё тут. Письмо сыграло роль безымянного вагонного попутчика, и мне немного полегчало, так что в Павловский я прибыл уже не в такой тоске, как в Чернышки.

Встреча была организована по всем казачьим канонам, ясно, что «круче», чем прошлой осенью: во-первых, полностью отслужил, во-вторых, поступил в институт. Мама и радовалась и грустила: ско-

ро опять провожать, пусть и не в армию, но далеко. Через день-два я поехал в Казанку в военкомат сниматься с учёта. Снова Дон, снова паром на механической тяге («ДТ-54» без гусениц), те же офицеры в военкомате, только я уже другой. В военкомате мне не стыдно было предъявить свои документы. Да, были у меня завихрения, но, в целом, я отслужил хорошо, привёз кучу поощрений, а это плюс не только мне, но и военкомату. И досрочно отпустили из части не зря: экзамены в ВУЗ я сдал. Так что меня демобилизовали здесь же, в Казанской. К парому я возвращался уже без погон. Пока ждал парома, умылся донской водицей. Жалко, пляж далеко.

Мои сводные сёстры подросли: Рая окончила школу и уехала в Каменск, а Нина пошла в школу. Бабушка Танюша сильно одряхла и уже почти не выходила из своей комнатёнки. Вскоре я уехал в Харьков.

3. МОИ НЕДОЛГИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

Лиха беда начало

Сразу же по прибытии в ХПИ, я включился в водоворот суеты, обычной для начала учебного года. Меня поселили в тот же самый МКК (малый красный) и даже на тот же этаж, только в другую комнату, огромную, «на семь персон». Кроме меня: Сашка Ивахненко, один из немногих молодых, поступавших сразу после техникума, но по росту, массе и силе под стать Алику Бугаю; Марк Остапенко, привозивший с каникул самогон в грелках на всю комнату; два монгола – Цэнд Пурев и Хасэрдэне Болд (просто Вовка, он полукровка – мать русская); Витюля Проголаев, вечно голодный, немного флегматичный. Седьмой – Толик Кудинов, тоже демобилизованный. Вся наша семёрка была из одной группы «ТСМ-21а», т.е. вторая «а» группа 61-го года. Группы «а» – автотракторостроение, «б» – сельхозмашины.

В эту же группу был зачислен Николай Высоков, серьёзный очкастый парень, запомнившийся мне ещё по вступительным экзаменам. Он имел техникумовское образование, успел поработать на «ХТЗСП» и получил с него направление в институт. Жил он на частной квартире, которую снимал у дяди Вани и тёти Оли в Дергачах (пригород Харькова в 20-ти минутах езды на электричке). С ним квартировал недавний выпускник нашего факультета, от которого мы узнали много полезного: сдал «начерталку» – можешь влюбляться, сдал «сопромат» – можешь жениться; а «ТММ» вовсе не «Теория механизмов и машин», а «тут моя могила». А ещё узнали, что есть на кафедре математики монстр Могилевский Николай Иванович, который до экзаменов – человек, а на экзаменах – робот, от которого

не укрывается ни один пробел, и которого не то, что слезой, соляной кислотой не проймешь, и вообще, «был бы пистолет – я б его застрелил, а с ножом на него бесполезно лезть: всё равно не справлюсь».

В институте и в общежитии царил весёлая суматоха: готовились к отъезду на целый месяц «на кукурузу» в Полтавскую область (причём, в Миргородский район, и я имел счастье лицезреть памятник Гоголю на станционном перроне!). В Дубно мы ездили «на свёклу»: армия тоже оказывала шефскую помощь. Мы рвались помогать колхозникам: там колхозные поля были распределены для обработки и уборки подворно, и семьи получали хороший процент от урожая, поэтому нас благодарные «вуйки» угощали так, что некоторых приходилось забрасывать в кузова «МАЗов», как мешки со свёклой. Я, по счастью, до такой кондиции не доходил. Так что для меня мало что изменилось, только гимнастёрка без погон. В группе было много демобилизованных, кроме меня гимнастёрку носили ещё несколько, я их тогда по именам не успел запомнить. При отъезде к нам случайно приехал Славка Мизин: он был из группы «М-21а» (с Металлургического факультета) и по неопытности немного ошибся. Но с руководителем «практики» мы согласовали, потом всё обошлось, и у меня появился ещё один друг, хоть и с Метфака. В колхозе нас распределили по квартирам, показали место столования, и на следующий день мы отправились в поле. Для меня, бывшего колхозника, полевые работы были привычны. Другие вскоре освоились: кто сам из деревни, кто в армии «шефствовал». Группа, естественно, не могла сложиться в одночасье, поэтому староста – Миша Шкуть – был выбран формально, и все «кучковались» в «группах по интересам».

Рыбак рыбака видит издалека, поэтому уже на третий день я, Коля Высокосов, Славка Мизин, Славка Усачёв и Генка Грибакин после работы пошли на квартиру не сразу, а сначала завернули в Сельмаг, потом опять в него вернулись. Одним словом, назавтра Генка Грибакин предложил присвоить «подпольные клички» для членов нашей шайки. Поскольку сам он в профиль отдалённо напоминал армянина, то получил новую фамилию Сутрапьян, Славка Мизин – курчавый полумолдаванин из Кишинёва – стал грузином Похмелидзе, Коля Высокосов – Стограмович (у него от злой и неудачной любви была язва, и он всегда просил не наливать больше ста граммов, но числа «приёмов» не ограничивал), Славка Усачёв – Рыгалов (подлец Генка уследил, как тот при помощи местных пацанов форсировал овражек между сельмагом и клубом и что при этом произошло). А я – Наливайко (как-то так получилось, что я оказался штатным «барменом», даже сейчас, когда я 18 лет непьющий, на застольях обычно разливаю я). Поскольку рядом с Сельмагом был клуб, то уже вскоре кто-то предложил сходить на танцы. Приняли. Я тоже: избав-

латься от тоски-кручинушки («фрустрации»), так избавляться. А что нам, молодым неженатым?! Только сходить переодеться. Танцевальный «ассортимент» был обычным, ритуал общения – тоже, так что было не скучно. Танца через два-три моё внимание привлекла одна сельская красавица («чорнобрыва, чорноока...»), сидевшая на скамейке в кругу подружек. Танцевать она со мной не пошла, но оказалась приятной собеседницей, так что ещё через два-три танца я опять пошёл к ней, заговорил и уже больше танцевать не стал.

Красавицу звали Наташей, я тут же скалмбурил и стал называть её Наталка-полтавка (спасибо Ивану Котляревскому). Она не обиделась. После танцев я проводил её домой, условились, что опять встретимся в клубе. Когда вернулся на квартиру, Генка и ещё кто-то не спали, и они сверху (им стелили на печке, как в отдалившиеся сороковые) начали подтрунивать надо мной: «Сашка, а что она у тебя поскрипывает при ходьбе?» Я огрызнулся: «Завидуете, гады?», – и вскоре заснул.

На следующий раз дорога в клуб опять пролегла через Сельмаг, опять начинали осторожно, но потом раза два посылали «гонца» за добавкой. Наталка и на этот раз не танцевала, но мне с ней и без того было не скучно, и мы даже ушли с танцев «досрочно». Первая половина сентября, полтавская ночь, которую я не буду описывать: её уже описал Гоголь, да так описал, что мне его не перещеголять. Разбросанностью село немного напоминало Павловский, левады усиливали сходство. Раин, правда, побольше было. Я не форсировал события, вёл себя прилично, правда, один раз чуть не угнал колхозный «ГАЗ-51», который шофёр оставил с ключами у своего дома. На моё счастье он заглох уже через 10 метров и больше не завёлся. Выговор от Наталки я получил: она перед танцами в Сельмаг не заходила и поэтому не могла понять романтических порывов моей души.

Зубоскальство «собратьев» продолжалось; наконец, я не выдержал и решил удостовериться лично. С этой целью однажды ушёл с места «заседания», не дожидаясь гонца, поэтому в клуб пришёл почти трезвый. Сценарий вечера не стал менять: всё должно идти обычным путём, никакого подвоха не должно чувствоваться. В обычный час пошли прогуляться, и тут я заметил: правы охальники – что-то не то! Пригляделся – точно, хромает. Как можно деликатнее стал расспрашивать, в чём причина. Наталка всё же застеснялась, но сказала, что нечаянно угодила под трамвай, когда училась в медтехникуме в Полтаве. Теперь она работала в сельском медпункте, к которому мы и направлялись: там было такое удобное крылечко. Мне стало до боли жалко Наташу, и я понял, что гусарско-студенческий роман здесь не уместен. Однако меня ужасно тянуло к ней, и я разрывался между страстью и совестью, подкреплённой здравым смыслом, благо,

что был почти со свежей головой. Борьба была ой как сложной и шла с переменным успехом. И вот, когда страсть стала брать верх, «колы я вже зирвав троянду» (не знаю откуда она взяла такой чудесный образ для поцелуя, но я сразу вспомнил слова песни: «Ой, вы очи во-лошкови,/ Мов троянды пелюстки вуста....») и «вона уся затрэмтила», на помощь моим совести и здравому смыслу пришли её стеснительность и, возможно, её здравый смысл. Мы остановились в двух шагах от «точки невозврата». Одним словом, зарождение рассвета мы встретили, будучи «хорошими друзьями», каковыми и остались до моего отъезда. Однако когда я начал копаться в себе (долго не засыпал, хотя и лёг поздно), то понял, что оказался таким «здравомыслящим» большей частью потому, что Людмилу из головы и души так и не смог выкинуть. Вопрос Чернышевского вновь обострился, и ответа на него я не находил ещё долгое время.

Впрочем, всё рано или поздно кончается. Сначала кончились деньги – Сельмаг осиротел, потом кончились кукуруза на полях и наша весёлая «командировка» – осиротело село, зато пополнился Харьков. Но он такой огромный, что, вероятно, не заметил возвращения нескольких тысяч студентов ХПИ. Парторг факультета, он же старший нашего отряда «кукурузников», дал справку Славке Мизину – и наш «Похмелидзе» без особых нареканий был принят в лоно родного Метфака. Но я и другие члены «великолепной пятёрки» долго поддерживали с ним дружеские отношения. У меня с ним были ещё общие фотозаботы.

Стипендию мне назначили 29 рублей в месяц, мама твёрдо пообещала присылать десятку ежемесячно (слово держала), это даже при тогдашних ценах было не густо. Но развитая железнодорожная сеть Харькова и мои фотографические навыки усиливали этот бюджет, так что я умудрялся даже 1..2 раза в месяц посещать ресторан, обычно, в составе нашей «пятёрки». Особым уважением у нас пользовался «Театральный» на Сумской: он был очень демократичен, а у Коли Высоковского была папка для конспектов, в которую входило до пяти бутылок. Так что мы для прикрытия заказывали только одну бутылку недорогого вина и такую же недорогую закуску. Иногда нас выручали «Стограмович» и «Рыгалов»: Николай получал стипендию от завода ХТЗСП, а Славик имел отца-полковника, преподавателя танкового училища. Был ещё ресторан «Динамо» в парке Горького. Ресторан «Динамо» по выходным часам до двух работал по столовским расценкам. Конечно, не за 50...60 копеек, как в студенческой столовой, а за девяносто – рубль там можно было получить обед из трёх блюд с ресторанным качеством! В «Динамо», обычно мы ничего крепче пива не брали.

Молодость. Как это я всё успевал? Лекции посещал почти без прогулов, усваивал материал пусть не на уровне Васьки Передрия или Сашки Ивахненко, но от Коли Высоковского, точно, не отставал. При этом я записался в планёрный кружок и еженедельно ходил сначала на теоретические занятия, а потом на учебный аэродром в районе Павлова Поля. Теория полёта и управления «летательным аппаратом тяжелее воздуха» давалась мне легко: теоретические азы, получены в Сретенске. Изучение «матчасти» тоже не затрудняло: шасси, плоскости, хвостовое оперение, лонжероны, стрингеры, нервюры, элероны, интерцепторы – всё было почти как на самолётах, но какое-то игрушечное. А уж «БРО-11» – фанерный скелет, местами обтянутый перкалем, затруднить сложностью конструкции никак не мог. Особенно умилял его движитель: резиновый шнур длиной метров двадцать, который соученики растягивали, как бурлаки на Волге, ещё метров на двадцать-двадцать пять, после чего курсант (профессионалам, конечно, на этой этажерке делать было нечего) снимал стопор и мог взмыть метров на 5-7 и даже выше. Я однажды с похмелья и недосыпа «взмыл» выше десяти метров, но при этом потерял горизонтальную скорость и, чтобы не свалиться, пошёл в резкое пикирование, как на санках с горки, за счёт чего смог частично восстановить скорость и выйти на глассад (заданная траектория снижения), хоть и с некоторым опозданием, так что приземление оказалось довольно жёстким, но всё же не падением. Ребята, которые на воздухе «не унюхали» моё состояние, начали поздравлять с рекордом, посчитав, что я этот манёвр заранее продумал. Чтобы их не разочаровывать, я не стал рассказывать ни о «Театральном», ни о скандале Генки с Шурой, ни о том, что мне пришлось, «спасая добро», выпить все налитые рюмки, ни о ночных приключениях.

На занятиях по физкультуре после обязательного общего курса я записался в секцию тяжёлой атлетики и, наконец-то, стал осваивать штангу под руководством настоящего тренера. Довольно быстро я восстановил свои прежние достижения, но уже с соблюдением правильных элементов техники. Потом медленно, но верно стал набирать результат и к концу первого курса сдал норму третьего разряда. А к концу второго курса я завис ровно посередине между третьим и вторым разрядами: жим – 72,5; рывок – 80, толчок – 102,5. Результаты могли бы быть лучше, если бы не одно обстоятельство, нарушившее регулярность моих тренировок.

«И не то, чтобы «нет», и не то, чтобы «да»...»

А случилось вот что... После долгих колебаний я всё же решил написать Людмиле: чтобы ответить мне на послание из Чернышков, она должна знать мой адрес. Поскольку в «вышеупомянутом» посла-

нии я расшифровал себя, то в письме из Харькова я дал понять, что любой вариант ответа меня устраивает, НО надежду мою можно реанимировать. Надо полагать, что моё письмо пошло почтово-багажным № 913 «Харьков – Владивосток», так что примерно через пол месяца я получил конверт в котором таился мой приговор. Пока я распечатывал его, в голове вертелось что-то вроде – «лучше ужасный конец, чем ужасы без конца». Но ужасы продолжились. В письме: «...из Чернышковых ничего не получала, с учёбой всё нормально, скоро поеду на практику и т.п.». Полный туман. Я опять в море без компаса.

Пишу ещё более откровенно, вопросы задаю ещё прямее. На почте меня уже запомнили: получал «до востребования», но востребовать было нечего: письма приходили раз в три...четыре недели, а я в 63-м отделении появлялся чуть не каждый день. Результат – «близкий к нулю». И вот получаю письмо-матрёшку: внутри ещё один конверт. Короткое письмо и так же короткая приписка: «Нинка К. хочет тебе что-то сказать, но почему-то просит отправить вместе с моим письмом». Нина К. – одна из её лучших подруг, наравне с Валею М. (О Людмилиных подругах и сокурсниках я знал по переписке гораздо лучше, чем о потёмках её души. Я даже приветы им предавал.) Читаю послание Нины – глазам не верю: «Саня, не обращай внимания на Люсины увёртки: она любит тебя, но стесняется сказать об этом. И т.д. и т.п.» После первого ошеломления зашевелилась логика: не может быть, чтобы женщина впустила другую женщину в своё письмо, не зная, о чём та пишет. А если знает и разрешила, то не возражает против содержания вставки. А если не возражает, значит... Но мне уже боязно верить в этот «детектив». Выход только один: ехать и разбираться на месте. Решение принято, начал проработку действий. Всё – надо досрочно сдать сессию, выиграть дней 5-7 времени и ехать. Куда? Людмила уже была на последнем, 5-ом, курсе. Пока мы переписывались, её послали на практику в село с редким названием – Ивановка! Экзотика усиливалась тем обстоятельством, что Ивановка находилась в соседнем с Тамалинским Бековском районе. Если натянуть нитку, то от Тамалы до Ивановки километров 50 всего. Но если учесть, что дело было зимой 61–62 года, а зимы тогда были позлее нынешних, что асфальтовых дорог практически не было, то экзотики ещё прибавлялось.

Написал письмо с просьбой разрешить приезд, отказался от всего второстепенного и засел за подготовку к первой сессии. Замахнулся я «не хило»: решил досрочно сдавать три экзамена. Ставку сделал на два фактора: на хорошую подготовку и на тактику сдачи устных экзаменов. Ещё на вступительных экзаменах я обратил внимание на то, как мямлят «гражданские» при сдаче экзамена. Даже если всё отве-

чает правильно, кажется, что не уверен и материал знает неважно. То ли дело в Сретенске:

- Курсант Воронцов к ответу готов.
- Приступайте к ответу!
- Билет № ..., вопрос № 1, «тра-та-та-та-та». Ответ закончен! Вопрос № 2, «тра-та-та-та-та». Ответ закончен! Вопрос № 3, «тра-та-та-та-та». Ответ закончен!
- Оценка «пять». Садитесь!

Тактика сработала верно: на одном из экзаменов (кажется, «Технология Машино-строения») я отлично знал один вопрос, частично – другой и один практически не знал. На моё счастье они оказались расположены в таком же порядке. Я быстро сообразил, что если буду сидеть над вторым и третьим вопросами хоть час ещё, то ответы на них не вспомню, но дам повод преподавателю усомниться во мне. И уже минут через 10 заявил, что к ответу готов. Четко, как в Сретенске, назвал номер билета, прочёл первый вопрос и уверенным голосом стал молотить ответ. Как и предполагал, меня остановили досрочно: «Достаточно!». Но я, как бы с разгона продолжил ещё до повторного: «Достаточно! Приступайте ко второму вопросу». Тут уже я остановился и начал так же чётко и уверенно отвечать на второй вопрос. В башке вилоось: «А что, если не остановит?», но ни голос, ни физиономия меня не выдали, и меня остановили ровно в ту секунду, когда запас моих знаний по второму вопросу иссяк. Вместо третьего вопроса преподаватель задал какой-то дополнительный вопрос, который меня не затруднил. Вышел я с «Отл.» в зачётке.

В целом сессию я сдал хорошо: только одна тройка по математике. Так это же у Могилевского! Интереснейшая личность! Лекции начинал так:

– Кто у вас дежурный?.. Скажите, на чём мы остановились в прошлый раз? Записывайте.

И дальше шарил без конспекта в любой группе, по разным темам. Причём, слушать его было так интересно, будто это не математика, а история древнего Египта. На экзамены он запускал всю группу сразу и начинал рыться в своих бумагах, пока мы выбирали и обменивались билетами. Николай Иванович не смотрел (но всё видел!). А ему и не надо было смотреть: он спрашивал не по билетам. Причём, как артиллерист, очень скоро «брал в вилку» и с неумолимостью машины (вот когда я вспоминал соседа Николая Высоковского!) приближался к вопросу, который не знаешь, но чувствуешь, что он об этом знает! Наслушавшись Колиного соседа, я даже бороду сбрил: он сказал, что Могилевский с особым удовольствием «топит» бородатых. А я «на кукурузе» отпустил скиперскую «шотландку». Мне тут же дали ещё одну кличку – «Куба». Но вернусь к экзаменам. У Моги-

левского даже безбородые девчата иногда пускали слезу. Бесполезно: «Милочка, идите в ветеринарный, там математика не нужна!». Говорили, что он мог поставить 15 двоек в группе. А пятёрку у него получить!... Когда наша группа в третьем семестре не получила у него ни одной двойки, а пятёрок оказалось больше, чем троек, то он был настолько шокирован, что разрешил тут же пересдать Васёке Передрию с «четвёрки» на «пятёрку».

А на почте письма с изложением ответных пылких чувств и позволением на приезд всё не было. Я начал слегка «мандражировать»: сдам досрочно, а визы не получу – тогда что? Наконец, получаю... телеграмму: «Сообщи день выезда. Люся». Я опять в шизофрении: одна часть ликует, другая – в тревожном недоумении. В конце концов «голос мысли говорит»: не садистка же она, чтобы вызвать за тысячу вёрст только для того, чтобы сказать: «Санечка, пошёл на фиг! Ты мне не нужен». В общем, уже в конце января я написал письмо маме, что еду в Ивановку свататься, хотя уверенности в положительном ответе нет, и что из Ивановки загляну на пару-тройку дней.

«Шел я сквозь ветер, шел сквозь вьюгу...»

Как доехать до Ивановки я представлял, опираясь на свои знания по географии, память о путешествии в Тамалу и смутное Людмилино описание. Сборы были недолгие: кинул в чемодан пары три носков, чистый носовой платок, зубную щётку, выходную рубаху, бутылку водки и бутылку вина. Что-то пожевать в дороге. Больше кидать было нечего. И поехал.

Интересное зрелище представлял я «об ту пору». Зимней обуви у меня не было: она денег стоит, а из общежития в институт и обратно не так далеко было – обходился. Зимнего пальто тоже не было по тем же причинам. Зимней шапки – тоже, опять же по этим причинам. На мне были обычные демисезонные ботинки (не путать с полуботинками или «баретками» по-казахски!), роскошное широченное, почти колоколом, серое «в рубчик» осеннее пальто, имевшее только два недостатка: во-первых, оно было модным в 57-м, а в 62-м, сами представляете; во-вторых, под ним было так вольготно зимним ветрам, что даже пижонский шарф Генки Грибакина не спасал от сквозняков. Венчала мою красоту фетровая шляпа. Она не отставала от моды, но отстала от своего сезона.

На следующий день я был в Ртищево, оттуда легко доехал до Вертуновской, что на пол пути до Тамалы, не стал ждать пригородного до Бекова, откуда всё равно неизвестно как было добираться до Ивановки. Меня подгонял фактор времени: зимний день короткий, а дороги неизвестны. Сел на грузотакси, как когда-то в Суровикино, и доехал до села Гранки, от которого оставалось всего 10 километров

до заветной цели. Местные мне показали дорогу, которая была неплохо укатана, чемодан был, в силу упомянутых причин, не тяжёл, а ходок я был отменный. Поэтому я не сомневался, что ещё засветло решу свою судьбу. На моё счастье погода была хорошая: ветра почти не было, а морозец – градусов 15...17. К заходу, чуть побольше. Первые 2...3 километра я представлял, как гордо войду, сходу задам вопрос и при отрицательном ответе так же гордо повернусь и уйду в ночную мглу. Но потом, по мере того, как дорога стала терять укатанность, а перемёты стали попадаться всё чаще и были всё выше, гордыня моя начала увядать. Когда, наконец, показались тусклые огни Ивановки, я пришёл к мысли, что «последний и решительный» разговор и гордый поворот лучше перенести на завтра.

Школа оказалась при входе в деревню, окна обнадёживающе светили. Когда я вошёл в учительскую, там оказалась только «техничка», сообщившая, что Людмила Сергеевна ведёт урок, но скоро освободится. Уборщица загадочно посмотрела на меня и спросила, не родственник ли я Людмиле Сергеевне. Я начал изворачиваться, как уж под вилами, уходя от ответа: свой статус я и сам не знал, скомпрометировать её я не хотел, а врать тоже не знал, что. Кое-как выдал из себя нечто, вроде: «Да!». Но стерва уборщица не унималась:

– А Вы давно знаете Людмилу Сергеевну? – пожалуй сам майор Знаменский не был таким хитрым.

– Да-да! Конечно! Несколько лет! – закукарекал я с облегчением, но тут же понял, что меня обвели как мальчика, несмотря на все мои аттестаты и студенческий статус. Если я родственник, то я знаю её всю жизнь, а не несколько лет! Уборщица иронически посмотрела на меня и, наконец, утихомирилась, благо, что зазвенел звонок. Людмила появилась через одну – две минуты. Бурной встречи и решительного объяснения не получилось: майор в юбке и со шваброй находился рядом. (Потом, недели через полторы эта пронцательная стервоза заявила: «Я сразу поняла, что вы не родственники – не обнялись, не поцеловались».) Людмила тут же дала указание:

– У меня ещё один урок, не жди здесь, я сама дойду, а ты пойдёшь по этой улице, повернёшь направо и по левому ряду такой-то дом. Там будут тётя Феня и дядя Коля, я у них квартирую.

Что оставалось делать? Даже Багдадский Джинн повиновался в таких случаях. Тётя Феня и дядя Коля встретили меня приветливо. Тётя Феня приступила к расспросам, но я, пройдя школу «майора Знаменского», не дал себя разоблачить и смог таки удержаться до прихода Людмилы. Потом встал вопрос об ужине. Я с облегчением вытащил из чемодана заветные две бутылки и не перепутал: красное – женщинам, беленькая – нам с дядей Колей. Он, правда, хотел козырнуть самогонкой, но я благоразумно предложил отодвинуть её

на завтра. Женщин, естественно, мы обогнали. По мере того, как наша с дядей Колей бутылка пустела, уверенность моя возрастала, а Люсины квартирохозяева открывались всё с лучшей стороны. Свои в доску люди!

Когда мы расправились с бутылкой, я предложил Людмиле прогуляться перед сном. Отнекивания со ссылкой на погоду я преодолел, тем более что погода почти не ухудшилась, только посыпал лёгкий снежок. Хорошо, что он подождал моего прихода в Ивановку.

Принятая доза оказалась оптимальной, и я развил такое красноречие, что самому Цицерону не стыдно было бы ... Однако Людмила оказалась не Цицероном и вознаградила моё красноречие весьма умеренно. Тем не менее, я узнал, что: а) она относится ко мне «очень хорошо» и считает хорошим парнем; б) письмо из Чернышков она «точно не получала» и о моих пылких чувствах узнала только из харьковских писем; в) в конверт Нинки К. она не заглядывала, но Нина – хорошая подруга и ничего плохого она написать не могла.

С тем мы и вернулись с прогулки. В последующие дни дела мои очень медленно, но стали клониться в «правильном направлении». Нас даже пригласили в гости к Петру Ивановичу, одному из её коллег. Встретили радушием и... самогоном. В Ивановке я отъелся и мог позволить себе более значительную дозу, чем в первый вечер, однако ставил себе предел (в те времена я ещё мог себя контролировать). Пока Людмила с женой Петра Ивановича обсуждала школьные и хозяйственные вопросы, мы с хозяином поднимали более значимые темы, например, надо ли было «разоблачать культ личности?».

Днём, когда Людмила была на работе, я иногда приходил к ней в школу и там в столярной мастерской научился на токарном станочке, которым командовал Пётр Иванович, вытачивать шахматные фигуры (кроме коня, естественно).

С ума сошла

Время проходило неплохо, но проходило. Скоро к родителям надо бы ехать, а главный вопрос мой висел в воздухе... И вот однажды, когда мы беседовали о «Домострое» (боже, о чём мы только не беседовали, даже тётя Феня удивлялась, что мы вдвоём не умолкаем ни на минуту), я заявил, что в «Домострое» всё правильно сказано, и что, когда я буду женатым, «буду драть жену, как Сидорову козу». Но Людмила неожиданно заявила:

– А за что меня бить?

Я обомлел, как в Тамале, только «в другую сторону».

– Так, значит, ты пойдёшь за меня?!

– Да!

– Так значит, ты любишь меня?

– Да!

Батюшки, неужели на вторую вершину вскарабкался? Не сразу, но я поверил в это. После этого наши дружеские отношения стали быстро теплеть и вскоре мы дошли до поцелуев. Встал вопрос о сроках женитьбы. После здравого обсуждения этого «серьёзного вопроса» мы решили, что летом, когда она получит диплом, а я окончу первый курс, я приеду снова, и мы поженимся, а дальше, видно будет.

Всё, вроде бы, логично. Можно ехать домой.

Я начал собираться, но уезжать так не хочется! И тут какой-то чёртик дёргает за язык:

– А чего ждать лета, давай сейчас поженимся!

– Давай!

Сказано – сделано. Утром Людмила заявляет тёте Фене:

– А мы с Саней решили пожениться!

– Ну, и правильно!

Потом я узнал, что тётя Феня поцелуйчики наши слышала и она беспокоилась, не испорчу ли я если не девушку, то её «имидж» в глазах ивановской общественности. Так что у неё на сердце отлегло. Сотовых телефонов тогда и в помине не было, но когда Людмила позавтракала и пошла в школу, по дороге её два раза поздравляли. Слухи – одно из чудес наших деревень.

В школе её тоже поздравляли, и директор пообещал три дня законного отпуска для совершения «законного брака». Я написал маме, что в связи «со вновь открывшимися обстоятельствами» приехать в эти каникулы вообще не смогу и прошу меня извинить за это. А вечером после работы мы пошли на почту, чтобы позвонить в Тамалу и осчастливить Людмилиных родителей. После относительно недолгого ожидания соединили с конторой Тамалинского Райпищескомбината, во дворе которого они проживали. Трубку, конечно, взяла Елизавета Сергеевна. Слышимость, на грех, оказалась хорошей, и я, стоя рядом с кабиной, тоже почти всё слышал. Людмила радостно доложила:

– Мама, я выхожу замуж!

– За кого?

– За Саню Воронцова!

– Ты что, с ума сошла? Приезжайте в Тамалу, тут всё обсудим.

– Но я уже в школе всем сказала...

– Ничего, приезжайте. Если что, распишем вас и тут ...

Счастливый водевиль начал превращаться в драму. Но недаром же тот морячок сказал, что «рыжие упрямы». Услышанное разбудило во мне не только обиду, но и упрямство. Пусть я тогда налопался и заснул под вишней, пусть Людмила директорская дочка, а я – нищий студент, но мы поженимся, причём, распишемся здесь же! Так я и заявил Людмиле, которая после маминого демарша слегка заколеба-

лась. Ни я, ни Елизавета Сергеевна тогда и представить не могли, что последние 17 лет её жизни пройдут в квартире Сани Воронцова.

Что касается «расписывания», то тётя Феня нам уже подсказала простой вариант: «У нас тут секретарша сельсоветская на дому расписывает. Вечером к ней зайдёте – и в Никольск не надо будет ехать». Мы так и настроились. Теперь же я заявил, что в Тамалу – только после росписи! Так что этим же вечером с благословения тёти Фени мы пошли к секретарше. Она из Никольска возвращалась домой довольно поздно, поэтому мы не спешили, хоть мне и не терпелось. Времена и люди тогда были намного проще, поэтому она несколько не удивилась и встретила нас приветливо. Достала бумаги, неспешно заполнила их, «Свидетельство о браке» в том числе, и полезла в сумку за печатью. Сначала спокойно, как пани Моника (помните программу «Кабачок 13 стульев»?), потом всё нервной она стала рыться в неисчерпаемой дамской сумочке, наконец, заявила: «Я печать на работе оставила!». Видимо, у меня на физиономии отразилось что-то такое, что она поспешно добавила: «Ничего страшного, завтра утром зайдёте в сельсовет – я вам печати и штампы поставлю». А я-то на завтра собрался ехать в Тамалу на белом коне победителя, плюс ко всему до Никольска 8 км по зимней деревенской дороге. Для меня – пустяк, а для Людмилы? Не придётся ли мне тащить два, а то и все три чемодана? А как потом до Вертуновки? Настроение моё пошатнулось. Как-то само собой подумалось, что если не считать два с лишним года переписки, шёл 13-й день нашего личного знакомства, считая и прошлогодние три дня. Людмила была озабочена другим: «Она меня даже не спросила, сразу записала Воронцовой!» Ну и прекрасно, так и должно быть, так принято, моя берёт...

Когда вернулись на квартиру, тётя Феня приободрила: «Завтра утром бензовоз идёт через Никольск в Гранки, а оттуда в Вертуновку автобус ходит, вы можете успеть». Уфф! Отлегло. Но тут тётя Феня выкатила новую проблему:

- А как вам теперь стелить?
- Как всегда: Сане – на диванчике! – опередила меня Людмила.
- Ты что? – горячо зашептал я, – нас ведь уже записали!
- Но печати-то нет! – так же шёпотом.
- Да мы ведь муж и жена!
- Но печати-то нет!

Нет, пока я не на вершине. На диванчике.

Утром мы во дворе шофёра. Желающих уехать набралось немало: знакомая секретарша и ещё кто-то – в кабине, мы с Людмилой и ещё двое – на бочке. Хорошо, что тётя Феня предусмотрела подстилочку! Вот это свадебный вояж! Ну и что? Через полчаса мы в Никольском.

Шофёр дал 10 минут на всё про всё. Мы побежали за секретаршей. Наконец, штампы и заветная печать поставлены.

– С вас полтора рубля! – заявила секретарша.

Людмила начала ковыряться в сумочке. Я шикнул, что платить должен муж: он жену покупает! Тут я отомстил за вчерашнее фиаско. Но ликовать было некогда – бегом на «бочку».

В Гранках в ожидании автобуса я предложил взять бутылку вина, чтобы «отметить событие», но тут выяснилось, что Людмила большая противница возлияний, даже по таким всепрощающим случаям. Итак, первое семейное разногласие. Что ж ты не тормозила меня, когда мы с Петром Ивановичем за вечер «съели» бутылку водки и две бутылки самогона? (Закуска, правда, была по-деревенски проста, но хороша). Вероятно, тогда ещё у Людмилы «прав не было». Когда подошёл автобус, и мы по-городскому деликатно вошли в него, то все места были заняты вошедшими по-деревенски решительно. Мне пришлось попросить одного парня: «Уступите, пожалуйста место моей жене». Он встал, вероятно, подействовала магия слов «моя жена!». Это было приятно вдвойне. Пилюля была подслащена.

К вечеру «моя жена» была в Тамале в моём сопровождении. Встретили нас без восторгов, но после просмотра паспортов начали всё же поздравлять. Свадебное «пиршество» было назначено на послезавтра. Это меня и успокоило и смутило: за такой короткий срок получить «дотацию» от мамы было даже физически невозможно, а мои финансовые ресурсы не были рассчитаны на такие мероприятия. Женщине в такой ситуации быть бедной родственницей огорчительно, а мужчине – унижительно. Видимо, поэтому я начал, как сказали бы на современном жаргоне, «комплексовать». «Парыг», конечно, способствовали этому. Когда на следующий день мне дали валенки для прогулки по замёрзшему пруду (решил пройтись, чтобы «не вертеться под ногами»), то я их вскоре гордо сбросил и километра четыре шёл, по сути, босиком. Ничего, не простудился. Но у Афанасьевых на меня посмотрели как на «неадекватного».

А ещё на следующий день прилетели Мирзаянцы. Тогда почти каждый район был связан с областным центром местной авиалинией. За 4 рубля можно было попасть в Пензу (и наоборот) менее чем за час, тогда как поездом с пересадкой надо было добираться хоть и за 1р 40к, но пол дня, а то и более. На аэродром нас привёз в дровнях Саша Столяров, муж Людмилиной сестры Вали, т.е. мы с ним теперь новоиспечённые свояки. Поехали с аэродрома в тех же санях, но теперь уже все не поместились в них, и я километра три топал на «своих двоих» (везло же мне на прогулки!), потому что ехать «на запяточках» не пожелал: не та фамилия. Назавтра была свадьба. Впрочем, в полном смысле этого слова «широкой свадьбы» не было, были только Люд-

милины родственники (родители, Валя с мужем и детьми), Мирзаянцы и Димкины друзья – Уточкины. Естественно, что ни старшие братья (Борис из Куйбышева и Володя из Палласовки), ни киевские родственники Людмилы, ни тем более, мои не смогли приехать по простой причине: пространство и время.

Отпущенные Людмиле «законные дни» и примыкавшие к ним выходные прошли быстро. Поскольку мне ещё надо было проводить молодую жену в Ивановку, то ни о какой поездке к маме речи не могло быть. Я написал маме второе письмо с извинениями и сообщил, что я теперь солидный женатый человек. В Ивановке, в которую мы смогли добраться без пеших переходов, нас встретили радушно, а Людмилины коллеги решили организовать ещё одну свадебную пирушку. Пришлось дать Коле Высоковскому телеграмму, чтобы решил вопрос с деканатом по поводу моего опоздания с каникул «по уважительной причине». На «второй свадьбе» я чувствовал себя уже более вольготным. Всё было хорошо, мне даже понравилось.

У тёти Фени вопросов по поводу размещения уже не возникало. Зато случился другой казус. Пришёл какой-то молодой мужчина и стал «качать права» Людмиле: почему она вышла не за него, хотя и обещалась; но он готов взять на себя хлопоты по расторжению её брака со мной (с Саней, значит), это ему будет не очень трудно, потому что он юрист – районный прокурор из Саратова. Когда первый шок от такого демарша прошёл, выяснилось, что у одного Людмилиного ученика была родственница на почте, и он, подлец, несколько месяцев вёл с ним игру, даже оговорил, какие ей нужны наряды и какие должны быть обои в их саратовской квартире. Поводом для прокурорских писем послужила неосторожная Людмилиная шутка на танцах в сельском клубе, который он посетил, когда был в гостях у родственников. Теперь Людмила даже свои школьные планы показала, чтобы он сравнил почерки. Видимо, эти криминалистические исследования его успокоили (юрист, как-никак) и он «отвял» от нас. Мы потом долго хихикали, а вот родственники незадачливого прокурора долго считали Людмилу «изменщицей». Потом, с годами, выяснилось, что я «наступил на хвост» ещё не одному. Но видит Бог, я даже не догадывался об этом, и моя совесть перед этими несчастными чиста.

На занятия в Харьков я приехал чуть ли не с недельным опозданием. Написал маме письмо и взялся навёрстывать отставание в учёбе. Несмотря на нехватку времени, Людмиле писал 1-2 письма еженедельно, откуда только слова брались... Недели через три получил письмо от мамы. Она крепко на меня обиделась, и не только потому, что я не приехал: видимо, из-за непогоды письма мои задержались, и она получила три сразу. Открыла не «в хронологическом порядке», а наугад. А там я – уже женатый человек! Не то чтобы не спросил

разрешения, а даже не поставил в известие, что собираюсь жениться. Мама, да я и сам не знал, что вернуться в Харьков «женатым человеком»! Она на меня до самого лета обижалась, пока на каникулы не приехал с молодой женой. Второй семестр прошёл кувырком: при каждом удобном случае ездил в Ивановку. Потом посчитал – оказалось больше 30 учебных дней пропустил. «Хвостов» накопилось по контрольным и лабораторным – уйма. Выход нашёлся: имей сто друзей. Взял Колю Высоковского и Гену Грибакина, распределил лабораторные – штуки по две получилось – и двинул на отработку, благо не надо было фотографии на документах показывать. Получилось так, что я свою «делянку» сделал раньше Коли. Подошёл к нему и начал помогать делать мои же работы. Заметила лаборантка и выгнала меня, чтобы «не мешал»: я оказался «посторонним».

Мы потом ухаживали, особенно Генка – он любил над другими подтрунивать, особенно над Колей. Однажды поздней осенью на платформе Южного вокзала (они оба снимали «углы» в Дергачах) Николай у входа в вагон поскользнулся на лужице, но ценой невероятной акробатики не упал. Генка ему тут же: «Коля, ты чего выплясываешь перед чужими женщинами?». Однажды Коля рассказал казусную историю, случившуюся с ним «в прошлое воскресенье». Он пригласил одну девушку, на которую «имел виды», в филармонию. Но перед выездом не успел посетить туалет, а при своей «обоже» стеснялся отлучиться. Так что бедняга маялся, пока опять не вернулись на перрон Южного. Тут предел его терпения наступил, и он, извинившись, умчался в сторону туалета. Мы с Генкой немного поёрничали, и только: случай, в общем, заурядный. Но дня через три зашли с ним в этот же туалет. Генка заметил, что в длинном ряду писсуаров крайний слева надтреснут. Я сострил, что это его Коля из брандспойнта разбил, когда... Похихикали, и я забыл об этом. Но подлец Генка на следующий день после первой пары вдруг заявил Коле: «Ты после музицирования пользовался крайним левым писсуаром?» У Николая глаза упёрлись в линзы очков: «А ты откуда знаешь?!» Мы с Генкой схватились за животы и сами чуть не ...

Но Коля тоже был не прочь «подколоть» кого-нибудь. Когда я вернулся «женатым человеком», то, всё пытался рассказать ему, какая мне хорошая жена досталась. Однако он меня всё осаживал: «Погоди, возьмём бутылку «Шартреза», тогда и расскажешь». Когда мы отходили от прилавка с заветной бутылкой, я думал, что час настал – нет же! Он ещё сбегал за конфетами («закусь» для ликёра), и когда мы вышли из магазина, он сунул мне пару конфет в обёртке, подождал, пока я одну машинально развернул и укусил, после этого заявил: «Теперь рассказывай!». Конфеты оказались ирисом «Кис-кис». Кто пом-

нит их, тот знает, что по болоту в резиновых сапогах ходить легче, чем вытаскивать зубы из этих ирисок!

Деньги на поездки в Ивановку я добывал на станции (все студенты этим грешили), фотографиями и экономией своих скудных ресурсов (29р + 10р – я уже говорил). Но в середине мая (незадолго до сдачи госэкзаменов) ко мне в Харьков приехала Людмила. Группа ТСМ-21а сбросилась (я тоже в список попал) и организовала нам с Людмилой уже третью по счёту свадьбу! Нам, молодожёнам, даже выделили на несколько дней отдельную комнату. Вот тут уже, среди своих друзей, я «не комплексовал»! Людмиле группа понравилась, она подружилась с моими ближайшими друзьями: Николаем, Генкой и с его Шурой. Я чувствовал себя богачом: денег у меня не прибавилось, но я мог преподнести молодой жене весь огромный чудесный весенний город Харьков, превосходивший все другие города, включая Пензу. Несколько дней пролетели, как одно чудное мгновение. И вот уже с Южного вокзала я не сам уезжаю, а провожаю дорогого мне человека. От этого и сам вокзал мне становится ещё более дорогим... После этих проводов у меня случился очередной приступ «стихотворения», но эти вирши я уже не предлагал издательствам.

Экзамены за второй семестр сдал слабо (сказались пропуски) – нахватал штук пять троек, но мне как демобилизованному солдату потерей стипендии это, к счастью, не грозило. Сразу после экзаменов поехал в Пензу: Людмила там сдавала госэкзамены. На вокзале она и Грант встретили меня и на трёхколёсном «Урале» отвезли в частный дом, который они снимали. Поскольку мы с Грантом тогда в обществе трезвости не состояли, то жизнь показалась романтической: радужные друзья, новый город, каникулы и «девушка моей мечты» рядом. И – всего 23 года!

Людмила сдала «Госы» очень успешно, готовилась она к ним тщательно, даже переселилась на несколько дней в общежитие. Мне досталась роль фуражира: ходил в магазин за покупками и носил в общагу. Это мне даже нравилось: был при делах. Но однажды перестарался. Мне поручили купить сливочного масла и ещё что-то. Я как истый благодетель купил медового масла – угощать, так угощать! Но на следующий день вместо слов долгожданной благодарности на меня посыпались упрёки: оказывается, масло было нужно для жарения картошки! Тем не менее на уровне сдачи экзаменов это не отразилось, да и дипломную работу Людмила защитила на «отлично», и вскоре мы были уже в Тамале, в которой задержались не надолго: надо было навестить моих родных. Но сначала поехали в Палласовку в Сталинградской области – к Володе, одному из старших братьев Людмилы. Районный городок, некоторое подобие оазиса, организованного речушкой Торгун посреди степи, обожжённой солнцем.

Мазанок ещё больше, чем в Чернышках, и казахов тоже: одним боком Палласовский район привалился к Казахстану.

Знакомство с новыми родственниками, застолье, двухдневный отдых – и снова в путь. Теперь уже на председательской «Победе». Во второй половине дня я проехал мимо Мамаева кургана. Скульптурная композиция на нём даже издали впечатляла.

Смотрины вдогонку

Володя отвёз нас к очередным родственникам: сравнительно недалеко от вокзала на улице Мира у Людмилы была родня – двоюродный брат и его семья. География моего родства значительно расширилась. Те, кто вякают о «тоталитаризме», или забыли, или «замыливают» тот факт, что тогда мы могли легко и дёшево перемещаться на сотни и тысячи километров, встречая родных, друзей и просто земляков и находя у них радушный приём. На следующий день – вокзал. Теперь, после Южного, он мне уже не казался таким огромным и внушительным, как в 58-м году, но гордость за пятиконечную звезду на шпиле я не мог не испытывать. Росписи Южного тоже напоминали о войне, но здесь это было особенно впечатляющим.

Опять поезд, снова мост через Дон, знакомые станции: Чир, Суrowsикино, Обливская, и тополя на Чернышковском вокзале. Опять, как и год назад, сестры (теперь в Чернышках и Ирина с семьёй) организуют встречу. Только я уже не один, и без прошлогодней фрустрации. И опять поезд. Я степенно, «как белый человек», еду внутри вагона: не полезет же Людмила на крышу. (Правда, когда из Пензы добирались в Тамалу, то от Ртищева до Вертуновки ехали на площадке товарного вагона. Какая-никакая, но экзотика). Если в мае я дарил Людмиле Харьков, то теперь – необъятные степи и станции с ласкающими слух именами: Морозовск, Тацинская, Белая Калитва (а там С. Донец, шириной с Дон!), Лихая! Каменск (опять Донец!), Глубокая, Миллерово. К сожалению, через Чертковое, где у меня два брата двоюродных и сестра (все – дети дяди Петра) не поехали: тогда ещё автобус оттуда через Павловск в Мешковскую не ходил.

Поэтому поехали кружным, но освоенным маршрутом из Миллерова в ту же Мешковскую, оттуда на попутках и пешком, но к вечеру были в Павловске. Когда шли по разбросанному хутору луговиной, нас заметила тётя Катюша Мрыхина (Васькина мама):

- Что, Шурик, женился?
- Да! С женой иду.
- Ну что ж, пора.
- Конечно! – а что я ещё мог ответить? Но Людмила насупилась:
- Значит, ты женился на мне, не потому, что любишь, а потому что пора настала?

– Да ты что?! Конечно, люблю, но не буду же я об этом с тётей Катей толковать!

«Как молоды мы были!» Теперь мы уже не такие глупые. А жалко...

Мама, Пётр Ильич и Нинка встретили нас радушно, а Раи не было: она уже училась где-то в Новочеркасске. Мама была несколько настороженной, но когда Людмила стала называть её мамой, она поуспокоилась и одобрила мой выбор («в общем и целом»).

Дней через несколько отправились в Батовку, до которой километров 15, чтобы оттуда попасть в Богучар. В Батовке нашёл Шурика Болдырева, а Коля Гребенюков всё ещё жил на Неледове, который уже почти разъехался. Я прибыл в родные края почти как на белом коне: взрослый, за плечами армия, харьковский студент второго курса, женатый человек! Шурик по обыкновению был фамильярным, а остальные земляки встретили меня почтительно, все заверяли, что всегда верили: приехал на хутор из города – когда-нибудь опять станет городским. Вообще-то на 100 % нас с Ириной хуторскими не считали, хотя мы появились на хуторе в самом раннем детстве. Где-то в подсознании и у нас обитал Богучар. Мы даже зубы с порошком чистили. А ещё у меня чуть ли не до 30-ти лет в подсознании сидело предощущение грядущего праздника. Как там Есенин говорил: «Что я буду богат и известен, и что буду я всеми любим...». Как-то в Варзобском ущелье, где Людмила летом подрабатывала пионервожатой в лагере, (километров 30...40 от Душанбе) мне захотелось взобраться на одну ближайшую вершину – она была совсем близко за невысоком и не крутым увалом. Но когда я одолел его, оказалось, что за ним ещё один, чуть покруче, потом ещё... Когда я одолел штук пять увалов, передо мной поднялась стена в несколько раз выше того, как она мне виделась снизу. И я понял, что для того, чтобы взобраться на неё, нужна выучка и ... экипировка. Ни того, ни другого у меня не было. Да, а счастье было так близко – руку протяни и положи на вершину! Нет, конечно, мои ощущения и понятия счастья отличались от Есенинских, но ожидание в подсознании долго опиралось на чувство уверенности. А потом как-то исподволь всё растаяло. Но тогда, в Батовке, рядом с моими земляками, которых перерос, я испытывал некоторое чувство эйфории.

Шурик захотел наведаться в Богучар вместе с нами: он не работал в колхозе, был вольной птахой и распоряжался своим временем сам. Был он «калымщиком»: с бригадой таких же своенравных он строил и ремонтировал дома, сарай и фермы. Переночевавши в Батовке, мы втроём двинули на Неледов. Коля встретил нас радостно, но присоединиться к нам он не мог: работал трактористом, а летом работы много. Он первым из нашей детской ватаги стал трактористом и до-

бился лучших успехов: в праздники на его выходном пиджаке блестяли не только медали, но и ордена. А ведь в учёбе был откровенно слаб. У каждого свои таланты.

Пошли пешком в Первомайск, чтобы оттуда с автобусом уехать в Богучар. Мы были так увлечены разговором, что даже Людмила одолела 12 километров без особого труда. Дорогой Шуряк спросил меня:

– А ты в партию вступил?

– Нет, Сашка. Меня приглашали раза два, но я думаю, что я ещё идейно не дорос, да и не чувствую себя примером для общества. Подожду до истечения комсомольского возраста.

– А знаешь что, – Шурка на минуту задумался, – вот пока такие честняки, как ты, стесняются, в партию лезут проныры и забивают её под завязку. Ты подумай.

Ох, сколько раз его слова вспоминал я в конце 80-х, а уж в 91-м!..

Так или иначе, во второй половине дня мы были в Богучаре у дяди Андрея. Он тогда ещё был пьющим, поэтому встреча была соответствующей, но меня сдерживало присутствие молодой жены, которую я не хотел огорчать, зная её отношение к «возлияниям». Но алкогольная недостаточность компенсировалась эйфорией от встречи с городом, который я мог показать Людмиле, как совсем недавно показывал Харьков. Боже, какое это было счастье! И оно уже не вернётся: город изменился, я изменился, и слишком мал запас физических и финансовых сил, чтобы там оказаться. Тем больше хочется! Вот она, старческая ностальгия. Как теперь мне понятны пьяные слёзы дяди Васи Бугая, когда он рвался повидать «нэньку Украину».

Дядя Андрей и тётя Таня одобрили мой выбор. А тётя Таня шепнула: «Наша!». Я был несказанно доволен, тем более что и мама уже почти перекипела. Потом были визиты к дяде Мише, к тёте Ане, к тёте Тане, которая уже снова переселилась в Богучар в наш «родовой дом». К горбатым мостикам, к лугу около Богучарки, к пожарной каланче прибавилась комната, память-ная с детства, в которой я теперь ночевал взрослым женатым мужчиной. Быстро промелькнули 3 или 4 дня – и вот мы уже опять (теперь без Шуряка: он задержался в Богучаре) вышли в Первомайске из автобуса и потопали пешком в Батовку через неледовские поля, мимо неледовских лесов. Есть замечательная песня Танича «На дальней станции сойду», а в ней слова:

«Здесь всё моё, и мы отсюда родом –

И васильки, и рожь, и тишина...».

Автор этих слов, видно, очень любил свои родные места, иначе собрать воедино такие простые и одновременно такие высокие слова невозможно. И вот теперь Людмила видела, откуда я родом, и я гордился своими родными полями и лесами, своими бесконечными про-

сёлками и полевыми дорогами, которые она без нытья одолела, и к вечеру мы уже были у Коли Гребенюка. Он уже обитал не в землянке, как когда-то, а в небольшой, но вполне сносной хате, стоявшей на том же дворе и в которой он жил с женой Лидой, бывшей моей шуриновской одноклассницей. При этом Коля сказал, что строит в Батовке просторный дом рядом со школой, а то в хате становится тесно с двумя дочками. Коля тоже оказался предметом моей гордости перед Людмилой.

Наутро Коля проводил нас к автобусной остановке (через несколько лет у него появятся «Жигули» и он будет подбрасывать меня в Павловский), и вскоре мы без особых приключений приехали к маме и Нине (Пётр Ильич был в поле, а Рая уже обреталась в Новочеркаске). А ещё через несколько дней мы уехали в Тамалу. Я был доволен и тем, что показал Людмиле свои родные места, и тем, что показал Людмилу родным людям, и она им, в общем, понравилась, даже мамина обида на меня стала затихать. В Тамале я был «до упора»: Людмила получила направление на работу в тамалинский район – в село Вишнёвое, а я помогал «переселяться», т.е. бросал в грузовик и сгружал два-три чемодана. Но, главное, мне не хотелось уезжать от молодой жены. Поэтому в Харьков я приехал «без зазора» к 1 сентября.

Слова «Бомж» тогда ещё не было

Есть украинская поговорка: «Дай сэрцю волю – заведе в нэволю». Так и получилось. Как только я «появился на горизонте», ко мне пошёл Толик Лиманский, профгруппорг: «Знаешь, Саша, тебе надо было бы приехать денька на два пораньше. Тут рассматривали в деканате заявления на места в общежитии и, соответственно, справки о доходах родителей. У твоих и у N.N. оказались одинаковые, но он уже был здесь и смог...» и т.п.

Моё огорчение было недолгим, потому что решение было однозначным: «снимать угол» я не мог, т.к. это стоило 11 р/мес. Значит, вся мамина десятка уйдёт, и даже 1 рубль из 32-х рублёвой стипендии тоже булькнет в карман какой-либо «титки Гапки», а мне останется рубль на день. Просить же дотацию у Людмилы я категорически не хотел: во-первых, она в первый год работы сама не очень много будет зарабатывать, а, главное, это бы полностью дискредитировало меня как главу маленькой, но всё же семьи. Значит, придётся жить в общежитии «зайцем». Ребят знакомых за год у меня накопилось немало, появятся новые друзья. А у некоторых из них могут заболеть родители, или им тоже приспичит поехать жениться или ... Да мало ли что. А потом, в родной 208-й комнате были два огромных стола, за которыми ели, изучали конспекты, готовились к сессии и ... обмывали сессии. Кстати, однажды на первом курсе я, по обыкновению,

был «наливайкой» на таком мероприятии и, когда наливал законные пол гранёного стаканы Клаусу (у нас в группе было 4 немца и 2 монгола), то он в ужасе меня останавливал уже на четверти стакана: «О, Сажа, это много!». А когда на втором курсе мы «отмечались» в такой же обстановке, я заметил, что он не пугается, и спросил, лить ли ещё, он ответил: «Ничего, Сажа, лей, лей!». С кем поведёшься...

Но ночёвки на столе имели и свои недостатки: во-первых, надо было ждать, когда все закончат свои дела (а в комнате размещалось целых семь человек!), во-вторых, Хасэрдэнэ Болд (проще, Вовка Болд), когда просыпался ночью, принимал меня за покойника и боялся. Поэтому я довольно часто использовал ещё одну возможность – ездил в Дергачи к Николаю Высоковскому. Жалко Генка Грибакин бросил ХПИ, как когда-то Киевский политех. (Баламут был, таким и остался). Но я пользовался его наставлением: ездил «зайцем» в электричке смело: «Не бойся – даже если оштрафуют на 3 рубля, то эти деньги ты давно наездил» – говаривал когда-то Генка. Ещё изредка я ездил к Славке Мизину («Похмелидзе») аж на ХТЗ, где у него было место в заводском общежитии. Так или иначе, но на втором курсе я прекрасно обошёлся без общежития, хотя и был «бездомным», а слова БОМЖ тогда ещё в обиходе не было.

«Пар-шляповое»

Но это всё – впереди, а пока традиционный выезд «на картошку». Славка Мизин поехал на этот раз со своим родным Метфаком, Генки с нами не стало, но нам с Колей Высоковским и Славкой Усачёвым было не скучно, тем более что к нашей компашке прибилась Зинуля Гринёва, тут же получившая кличку «Петька Квакин». Она была из многочисленной и уважаемой на ХТЗ семьи, простецкая деваха, учившаяся по направлению завода. Внешне была неказистой, но впоследствии её личная судьба, сколько я мог проследить, была удачной: хороший муж, хорошие дети, любящие родственники. Так что «не родись красивой, а родись счастливой» – про неё.

Вместо картошки и свёклы на этот раз была кукуруза. Конечно, это чище и не так нудно, как сбор картофеля, только шелест. Село, в котором мы работали, называлось хитро: «Пар-Шляховое». Почему Шляховое – нетрудно понять: рядом большак проходил, но что означала приставка «Пар», я так и не выяснил. По приезду я дал Людмиле телеграмму со своим временным адресом, но письма очень долго не было, что, естественно, вызывало во мне «страдания молодого Вертера». Когда, наконец, письмо я получил, выяснилось, что точный адрес она узнала только из моего письма, а в телеграмме была какая-то абракадабра: «паршляповое», и Людмила решила дожидаться письма... Мы поквитались: весной приходила телеграмма от неё с под-

писью: «Юся, может, Люся». Генка потом долго измывался надо мной: «Может, у тебя две жены?»

Спецоперация

Поскольку я теперь был человек солидный, женатый, то походы в село на танцы меня уже не прельщали, хотя для многих это было главным развлечением. У холостого большинства интересы были и несколько иные. Поэтому в недрах группы зрела и вызрела сногшибательная идея. Наши морячки (Витька Балло и Сашка Тимошенко) и поддерживавший их комсорг Сашка Крейдун выдвинули предложение, «от которого нельзя было отказаться». Суть предлагаемой операции состояла в том, что надо было «назначить именинника». Зачем? Всё очень просто: в соседнем селе (всего-то 5км) работали студенты из Планоно-экономического, а это любому тупице говорит, что там почти все – студентки. Меня это предложение заинтересовало только в аспекте «выпить и закусить»: именины – это именины. Почему именно именины? Разведка донесла, что у них есть реальная девушка, у которой дней через пять – день рождения.

Конечно, именинником назначили Сашку Тимошенко. Внешностью он немного уступал Витьке Балло, но зато имел золотой зуб, а это, учитывая его склонность к зубоскальству – уже немало. Прибавить рост, стройность и нагловатость – козыри непрошибаемые, в ПЭИ таких парней по определению не могло быть. Если такого красавца посадить рядом с молодой студенточкой, то тут можно выпить почти как на свадьбе. У некоторых холостяков мечты простирались ещё дальше. Поэтому уже на следующий день послали гонцов с предложением объединить «именины» и развернули бурную деятельность по подготовке: начали готовить культмассовую часть программы, а материальная часть не была проблемой – вино и водка в магазине были, необходимый объём подсчитали. Жаль, денег у большинства было маловато. Но уповали на то, что «та сторона» будет потреблять меньше – и всё получится «чики-чики».

Культмассовая программа состояла из вступительной речи Витьки Балло и набора песен, а также тостов. Но тут допускались и экспромты. В «хористы» записали всех, более-менее мелодично bleющих. Что касается репертуара, то тут основу должны были составлять «приблатнённые» песни: мы будем казаться залихватскими жиганами, рядом с которыми ребята из планоно-экономического должны выглядеть тюфяками и валенками. Центральной была песня – «Когда качаются фонарики ночные...». С особым надрывом пели куплет: «Сижу на нарах, как король на именинах, и пайку чёрного желаю получить...». «Именинник» пел особенно прочувствованно: Сашка был родом из «Ростова-папы». Наконец, настал «день рождения», и на-

ша делегация (человек около пятнадцати, естественно, все – парни) после работы и ужина отпра-вилась в путь. Для меня это было не расстояние. Сашка Крейдун – комсорг группы – дорогой вёл инструктаж: «С местными не задираться, но, на всякий случай, держаться вместе. А в случае чего – я подам команду. Без команды не начинать!» В нашей группе было только двое парней и Зинуля Гринёва со школьной скамьи, а все остальные – уже поработавшие, отслужившие армию, т.е. ребята хожалые, выдавшие виды, так что нам долго разъяснять не надо было, что к чему.

Однако сюрпризы пришли оттуда, откуда мы их даже не предполагали получить. Сначала всё было изумительно: около клуба, где должны были чествовать именинников, была волейбольная площадка, так что мы, познакомившись с некоторыми студентами из Планового, поиграли в волейбол раза два или три пока хозяева хлопотали, подготавливая стол. Результат игр уже не помню, да это несущественно. Но тут выяснились некоторые непредусмотренные обстоятельства. Во-первых, в клубе, где шла подготовка к именинам, командовали преподаватели плановиков, что резко понижало наши шансы на гегемонию. Во-вторых, там был больший процент «школьников», а нашим ребятам хотелось увидеть не малявок. В третьих, мы сами допустили ошибку: широким жестом поставили на стол все «бутылки с зажигательной смесью».

И вот приглашение к столу. Вошли в зал, и тут наши физиономии вытянулись: судя по количеству стульев, нас было не более трети «дорогих гостёчков», а на столе стояли, в основном, наши бутылки. Но даже Сашка Крейдун не мог состязаться с Иисусом Христом – не превратил воду в вино. Да ещё «командовал парадом» кто-то из преподавателей планового. Проявлять сепаратизм было поздно, и мы сделали хорошие мины при плохой игре, да и Сашка Крейдун команды не подавал. Пришлось принять меню по минимуму, а песенный репертуар тот, который предложили хозяева: хорошие и правильные песни, в основном, комсомольско-молодёжные.

Всё же время летело незаметно, и вскоре руководители плановиков-экономистов очень тактично заявили, что завтра рабочий день, и всем пора на отдых. Мы, полные разочарований и досады (даже фикса у Сашки Тимошенко светилась не так ярко, как обычно), стали готовиться к отбытию. «Пересчитали по головам» всех, и тут – о, ужас! – не оказалось Сашки Крейдун. Осмотрели периметр клуба – нет! Осмотрели ближайшие улицы – нет»!! Некоторые, наиболее раздражённые недопитием и «несбычей мечт», стали призывать к отбытию без Сашки. Тут кто-то вспомнил, что он выходил на перекур и вёл какую-то «политизированную» беседу с местным дедом, и что беседа была явно дружественной. Стали расспрашивать немногочислен-

ных местных, отиравшихся у клуба – выяснили, что дед живёт недалеко и, похоже, гонит самогон. (Да кто его в тех местах не гонит!). При упоминании о самогоне вызвались добровольцы идти на розыски Сашки. Началось лёгкое препирательство – кто именно, т.к. всем идти неприлично. Не знаю, попал бы я в состав депутации, но тут в полумраке улицы показался Сашка в сопровождении деда. Дед был слегка навеселе, а Сашка покачивался. Но, подойдя к нам, тут же заявил: «Без команды не начинать! Команду подам я!». Какая команда! Мы сами готовы были поколотить его: он, гад, надрался, а нам и одной бутылки не принес! Всё. Пошли домой.

Но уже метров через 200 – 300 выяснилось, что 5 километров мы такими темпами и до рассвета не одолеем: Сашка часто спотыкался, иногда падал, а то просто садился и что-то бормотал. Пытались вести его под руки, но он был нестойкий, как шланг без воды. В общем скоро это всем надоело, тем более, что были злые на него, и ему было заявлено, чтобы сам шёл, как хочет. Но ультиматум не подействовал – он просто свалился и лежал светлым пятном (вечер был не холодный, Сашка, как и многие, был в одной рубашке). Но этого я, прошедший школу УМСХ и службы в Дубенском гарнизоне, допустить не мог. Как когда-то Кольку Грибовского, схватил за рубаху по бокам (вместе со шкурой – чёрт с ними, с синяками, – переживёт), поставил на ноги, одну руку перебросил через свои плечи – и пошли. Однако вскоре получилось, что Сашка просто волочился ногами по земле. После многих уговоров, увещаний и встрясок пришлось-таки посадить его на закорки и нести на себе, благо, что он немного легче меня был. Ребята начали хихикать: «Рыжий рыжего везёт!», а когда Сашка начал требовать, чтобы я его нёс плавнее, то в разбредшейся толпе уже было весёлое ржание. Потом Сашка стал стучать зубами: ночь становилась всё прохладней, и он начал мёрзнуть.

Я же, наоборот, обливался потом: мой «рюкзак» весил 62 кг, не считая дедовского самогона. Поэтому я снял свою рубаху и надел на Сашку – ему стало теплей, а мне прохладней. Операция «рыжий рыжего везёт!» продолжилась. К рассвету мы были на месте – уставшие и раздражённые: вино и водка всё было выпито с помощью коллег-экономистов. Но скоро мы стали смеяться: победило чувство самоиронии. Так или иначе, я дотащил Сашку до нашего «стойбища», и только после этого и мне стало смешно. А весь этот казус так и вошёл в анналы группы ТСМ-21а как операция «Рыжий рыжего везёт!».

2-й курс

Других заметных казусов «на картошке» не было, всё прошло «штатно», хотя и весело: подтрунивали, в основном, над тремя Сашками – Тимошенко, мной и Крейдуном. Вскоре мы вернулись в Харьков. В таких больших городах мне не доводилось жить, но я уже был тёртый калач и быстро привыкал к Харькову, тем более что

промпредприятия стали переводить с угля на газ, и копоты становилось всё меньше, хотя огромные дома ещё долго стояли серыми глыбами.

Учёба на втором курсе пошла у меня ровнее, и даже «бомжевание» не мешало. Просто я начал осваивать методику учёбы и реже ездил в Тамалу. Зато Людмила ко мне приезжала несколько раз. Нашей группе она нравилась, и её начали считать своей. Кстати, о группе. Мы постепенно спланивались, в учёбе помогали друг другу. А к экзаменам-то как готовились! Тут Сашка Крейдун (комсорг), Толик Лиманский (профорг) и Миша Шкуть (староста) разрабатывали операции не только «Б1», но и «Ё», и даже «Ъ». Всё было предусмотрено: кто кого консультирует перед экзаменами, кто за кем идёт в день экзамена, в каком столе какие заложены «шпоры» и как охмурить ассистентку преподавателя. В итоге наша группа была одной из лучших на факультете. И случилось невероятное! Мы сдавали математику Могилевскому Николаю Ивановичу, у которого «шпоры» были бесполезны. Дело в том, что Николай Иванович в билеты не заглядывал, а сразу начинал задавать вопросы и только если кому светила «пятёрка», говорил: «Дай-ка я в твои записи гляну, вдруг ты там чего напартачил. Начальство скажет мне, мол, куда же ты смотрел?»

Так вот, последний экзамен по математике группа сдала без единой двойки (ассистентка Дина Павловна заявила, что за 20 лет работы с Н.И. она не помнит такого), «троек» оказалось меньше, чем «четвёрок» и четыре «пятёрки» (жаль, но я в эту когорту не попал). Сам Н.И. был настолько поражён, что уступил нашим уговором и разрешил пересдать тут же Ваське Передрию, лучшему математику в группе, почему-то схватившему «четвёрку».

В спорте мои дела не быстро, но шли в гору. В конце 1-го курса я на квалификационных соревнованиях сдал норму 3-го разряда, а к концу 2-го курса добрался ровно до середины между третьим и вторым разрядами: жим – 72,5 кг, рывок – 80 и толчок – 102,5. В нестандартных упражнениях: жим штанги правой рукой – 40, рывок правой – 55, одновременный жим двухпудовых гирь – 5 раз (сейчас бы хоть одну хоть один раз выжать!). На планерном аэродроме уже был допущен к полётам (с инструктором) на «Приморце», это уже не «этажерка», а двухместный аппарат с закрытой кабиной. Четвёртую сессию я сдал только с одной «четверкой», остальные все – «Отл». Думаю, что на третьем курсе я бы получал повышенную стипендию, но...

4. ОПЯТЬ «ДАЛЬНИЕ СТРАНЫ»?

«С этим что-то делать надо, надо что-то предпринять...»

Это слова из прекрасной полусерьёзной, полущуточной песни 50-х годов, которая фактически быстро стала народной. Удивительное дело – в те времена не было ни «мобильников», ни Интернета, но ес-

ли песня из нового кинофильма трогала за душу (а таких тогда было большинство), её через неделю пела уже вся страна, мелодию её наигрывали все бая-нисты, гитаристы и балалаечники. Впрочем, дело не в песне, а совсем в другом. Когда мы с Людмилой женились, то решили, что «какое-то время» я буду учиться на дневном, а потом переведусь на заочное отделение, и мы объединимся уже не только юридически, но и географически, и в бытовом смысле. Елизавета Сергеевна, моя незабвенная тёща, была настроена это «какое-то время» сократить, а Евдокия Никитична, моя мама, – наоборот. Но все понимали, что главным будет наше с Людмилой решение. Ясно, что это непростой житейский вопрос, и нам его надо решать, не шибко откладывая.

И вот в разгар четвёртого семестра, где-то во второй половине марта, я поехал на «семейный совет». До Тамалы уже обкатанным путём я добрался без особых приключений. Осталось каких-то 18 километров до Голяевки (кажется, она уже называлась Вишнёвым). Но сезон! Асфальта тогда не было, естественно ни автобусы, ни грузотакси, ни колхозные автомашины не ходили: распутица. В Тамале заохали: «Да как ты доберёшься туда? Позже надо было приезжать! Пешком идти не вздумай – утонешь где-нибудь, ручей унесёт!» Но недаром тот морячок говорил, что рыжие упрямы. Да ещё в ногах своих я не сомневался, а главное, на том конце этого полумарафона меня ждала молодая супруга. Так что, не уговорили.

На следующее утро дали мне резиновые сапоги, шерстяные носки к ним, двухметровый шест и доброе напутствие и рассказали, как идти в Голяевку (там я ещё ни разу не бывал... Все лишние вещи я оставил у тёщи и вышел, как можно раньше: пока таяние снегов не очень бурное. И что же? Говорят, дуракам и пьяницам везёт. Я бы к ним ещё влюблённых присовокупил. Довольно споро я прошёл 7 километров и только теперь встретил серьёзный ручей. Остальные были так себе, я их преодолел без особого труда. Начал изучать обстановку и искать самое удобное место для переправы, как вдруг услышал где-то сзади справа гул трактора. Оглянулся – прёт на хорошей скорости гусеничный «ДТ-54» с тракторными санями, на которых сидят человек 5...6. Я возрадовался, начал махать им и бросился наперерез. Остановились! Ура! Через две минуты опасный ручей остался позади, не прошло и двух часов, как я оказался в объятиях любимой жены.

А на следующий день Людмила знакомила меня со своей подругой Алёй Ершовой, тоже преподавательницей местной семилетки. Но, главное, мы начали совещаться, где и как жить дальше. В Тамалу, тем более в Вишнёвое, мне ехать не хотелось, я мечтал работать на заводе, желательно, в КБ, хоть техником для начала. Но более-менее реальных вариантов вырисовывалось только два: Орёл и Душанбе.

В Орле была какая-то автотракторная промышленность, а что было в Душанбе – никто не знал.

Но зато в Орле жили Генка Грибакин и Шура, а в Душанбе – младшие Мирзоянцы, у которых уже была своя квартира, потому что там жили старшие Мирзоянцы. Преимущество Орла – Москва рядом, куда я задумал переводиться в ВЗМИ: там была специальность «Автомобили и тракторы». Да и родственники, хоть мои, хоть Людмилены, тоже не за три-девять земель. Недостаток – неизвестно, найду ли я там подходящую работу (чтоб соответствовала профилю обучения, нравилась бы мне и с хорошей зарплатой – каково?!).

Душанбе был за горами, за долами – это минус: лишний раз к своим не прибежишь. Но зато – южные края, столичный город! Горы! А если учесть, что мне не было ещё 24-х, а вся молодёжная жизнь тех лет пропитана романтикой, то 5500 км не казались мне особым ужасом, тем более, что уже и дальше успел побывать. Я готов был рассматривать этот вариант, который Людмила не считала авантюрой: у неё там были надёжные друзья.

Порешили, что в конце учебного года я съезжу в Москву (на разведку в ВЗМИ), а попутно заеду в Орёл к Грибакиным. И если там с работой и жильём наметится решение, то поедem в Орёл. А если с работой или жильём не будет получаться – «в жаркий Туркестан уеду я».

Через несколько дней, когда паводок закончился, я был в Тамале, а там – поезда, вокзалы и вот он, родной Харьков, в котором уже начиналась весна. Чудесное время года! С каждым днём всё больше распахнутых окон, особенно в студенческих общежитиях, с каждым днём всё больше и громче музыки из этих окон (особенно в студенческих общежитиях). Война уже далеко – 18 лет как закончилась, многие раны залечены, следов почти не осталось. Жизнь шла в гору, молодость ещё цвела, а впереди – приключения и нераспаханная целина жизни. Промелькнули несколько недель, я опять сдал досрочно несколько экзаменов, организовал семидневное «окно» – и поехал в Орёл, а далее – в Москву. Поезд прибыл часов в пять утра. Пришлось ждать трамваев. Мне подсказали, как доехать. И вот я в начале Генкиной улицы. У него адрес – дом №1 (название улицы запомнил). Что за наваждение! Есть 7-й, 5-й, 3-й, а 1-го нет! Дома частные, хожу десять раз вдоль заборчиков. Перехожу на чётную сторону – 2-й, 4-й и т.д. И прохожих нет: день выходной – все дрыхнут. Наконец появилась какая-то заспанная тётка и показала мне пальцем на дом №1. У меня отвисла челюсть: перекрёсток был Т-образный, и дом 1 находился посреди перекладины этой самой буквы! Да, у городских планировщиков фантазия не то, что у поэтов!

Через полчаса Генка и Шура познакомили меня со старшим Грибакиным и генкиной мачехой, а я им рассказывал, как искал дом №1. Пробыл я у них несколько часов, но успел узнать, что по поводу возможного нашего с Людмилой квартирования Генка с отцом ни слова не говорил. А что до моей работы, то тут надо самому побегать по адресам, а для этого нужно время – хотя бы один-два дня. Но мне надо было успеть к экзамену, а ещё я мечтал вернуться в Харьков через Тамалу. На вечерний московский поезд Генка и Шура проводили меня, по обычаю, весело. Мы давно не виделись и до следующей встречи непонятно, сколько осталось, потому разговоров было много. Я рассказал про дела в группе, про свои семейные обстоятельства, Грибакины – свои. Но всё было с юмором и самоиронией. Вот уже я машу рукой из вагонного окна, а Гена и Шура удаляются и становятся всё меньше, а потом скрываются за изгибом поезда, который трясётся и шатается на стрелках всё сильнее. Мой орёл так и не взлетел на этот раз, видимо, придётся принять Людмилин вариант. С этими мыслями я и улёгся на полку. Наутро был Павелецкий вокзал и первая моя встреча с Москвой.

Нет, Москва не поразила своими масштабами: Баку, Сталинград, Киев, Харьков подготовили меня к встрече с таким гигантским городом, как наша столица. И всё же Москва отличалась от них, как, скажем, Волга от Дона. Но что сразу мне понравилось – это метро: за пятак можно объехать чуть ли не весь город. При этом чисто, прохладно, чудесные интерьеры станций. Я много до этого слышал отзывов о московском метро, но тут всё увидел сам... И ещё ширина многих улиц. В других городах я таких не видел, да и потом долго не встречал ничего подобного, пока не приехал в Новый город Тольятти. Главный корпус ВЗМИ размещался на Соколе недалеко от Сокольнического парка на 2-й Бабаевской. Местные жители ничего не знали об этой улице, хотя там где-то была знаменитая шоколадная фабрика. Потом я смекнул, что надо спросить у таксистов: этот народец всё знает. Я подошёл к группе таксистов. Но и они ничего толком не знали, и минут десять сыпались разноречивые предположения, пока не подошел ещё один и твёрдо заявил: «Я знаю этот институт. Но поездка туда влетит тебе в копеечку. Садись лучше в метро ...» И он растолковал, как от метро попасть на 2-ю Бабаевскую. Я поблагодарил его и через полчаса уже спрашивал других прохожих в другом месте. Там уже почти все знали свой район, и я минут через десять-пятнадцать был у институтских дверей.

В ВЗМИ меня заверили, что возьмут на нужный факультет по нужной мне специальности и объяснили порядок оформления. Дело оставалось за малым – завершить четвёртый семестр и «отчислиться» из родного ХПИ им. Ленина. Поэтому я решил в Москве

не задерживаться и направился на Павелецкий вокзал, который тогда был гораздо меньше. Но с него шли саратовские и астраханские поезда, некоторые из них останавливались в Тамале. Далее всё шло накатанным путём: поезд, Тамала, Вишнёвое. Здесь мы окончательно условились с Людмилой, что поедем жить в Душанбе: далеко, но с практической стороны лучше, чем нигде, т.к. на Орёл я уже не рассчитывал. Таким итогом больше всех была довольна Елизавета Сергеевна, которая с трудом сдерживала недовольство тем, что её любимая дочь замужем за «нищим студентом».

Вопрос о переселении в далёкий край встал практически. Я написал о таком решении маме и вернулся в Харьков сдавать сессию, которую на этот раз всю сдал на «отлично» кроме одного предмета, который сдавал на следующий день после приезда. Ну, в этих условиях одна четвёрка – замечательно. На следующую сессию мог бы реально претендовать на «круглого отличника», но... семейные дела тоже важны в жизни.

И уже вскоре – проводы с выпивкой: до свиданья, Коля Высоков, до свиданья институтская семья, к которой я уже привык, до свиданья, родной Харьков! А через несколько недель мы с Людмилой были уже на перроне Куйбышевского вокзала, где была остановка скорого «Москва-Душанбе» и где нас встречал-проводил Борис – самый старший брат Людмилы, тот самый, который когда-то встречал нас с Димкой на пути из Сретенска.

А на следующий день в вагонных окнах замелькали верблюды, мазанки, бескрайние выжженные степи, ещё более скупые, чем в Сталинградских окрестностях. Наконец, Чкалов (или уже Оренбург?). И знаменитая река Урал, которая в июльскую жару так обмелела и сузилась, что я подумал: «Чапаев, видимо, утонул оттого, что рана оказалась тяжёлой. А, может, тогда Урал был глубже?». За Уралом верблюдов стало ещё больше. Закопанные виды навевали какое-то странное чувство: это уже не Россия, хотя и наша родная советская территория. Сретенск был ещё дальше, но там такого чувства почему-то не было. Песков за окном становилось всё больше... И вот однажды утром на горизонте справа стала поблёскивать блёкло-серо-голубая полоска, которая то расширялась, то исчезала вовсе. Наконец, она приблизилась, но ещё ближе оказались мазаные кибитки, какие-то постройки станционные и кое-где городские дома – Аральск. На перроне довольно скучно, никакого сравнения с кубанским изобилием. Зато рыбы – сколько хочешь! В основном, вяленая.

После непродолжительной стоянки полоска Аральского моря ещё стремительнее отодвинулась от железной дороги, зато через несколько часов зазмеилась, то приближаясь к дороге, то отодвигаясь за горизонт, лента Сырдарьи. Эта игра в прятки продолжалась до само-

го вечера. На следующий день реки уже не было, зато на горизонте стали появляться горы, ещё более блёклые, чем Аральское море. Так, что-то вроде хмари. Потом большая и шумная станция с агрессивным именем Арысь. На перроне жара невообразимая, солнце лезет всё выше, тень становится всё короче. Я внутренне ликую: теперь еду не на «гармошке» между вагонами, где меня солнце спалило бы дотла, а в вагоне С КОНДИЦИОНЕРОМ! Я теперь – не курсант УМСХ...

5. ТАКАЯ ТЕПЛАЯ АЗИЯ

Ташкент

Когда солнце перевалило за полдень, показался великий город Ташкент, описанный многими авторами, и запомнившийся из книг как «город хлебный». У Людмилы в нём жил двоюродный брат, почти ровесник Борису, и как раз гостила двоюродная сестра Юля, которая по возрасту была ровня моей маме. А жила она в Кишинёве. Ну, тогда расстояния в 7000 вёрст съедали не так уж много денег, и она могла себе позволить такие гостевания. Когда вагон остановился прямо у вокзала, мы не успели выйти, как к нам в купе ввалилась небольшая толпа: Саша, его жена Клава, Юля и её 14-тилетняя дочь Валя. Шум, гам, восклицания. Потом нас подхватили, взяли с полки наши вещи, а у проводника – наши билеты и почти выволокли на перрон, не обращая внимания на наши объяснения ситуации. Людмиле надо было трудоустроиться так, чтобы не было прерывания трудового стажа. Да и мне тоже. А потом, нас ждали в Душанбе в день прибытия поезда.

– Позвоним! Предупредим! Подождут! – не унимались мои новые родственники.

Пришлось сдаться, тем более, что мне самому было интересно посмотреть новый город и новых людей. Людмила сдалась последней. Мостовые жили недалеко от ж.д. вокзала на ул. Солдатенко. Трамваи ходили исправно, и мы вскоре шумной толпой, как пушкинские цыгане, ввалились во дворик Мостовых. Типичный среднеазиатский дворик: дувал (глинобитный забор) по периметру, несколько деревьев известных и неизвестных мне пород, водопроводный «гусак», одноэтажный дом, веранда с навесом – экзотика! Потом – умывание, обед с обильным угощением: борщ украинский, но с узбекскими лепёшками, манты в огромных количествах с красным перцем, зелень в невообразимых количествах. Мне после студенческого рациона это казалось фантастикой. Особенно если учесть, что Клава щедро наливала! Значительно позже я понял, что такая её щедрость позволяла ей самой хорошо угоститься. Так или иначе, но я не пожалел, что нас вытащили из поезда, даже несмотря на то, что мы впопыхах оставили на столе почти полную литровую банку с любимым людмилиным

лакомством – клубничным вареньем! Но у Мостовых на столе ягод, фруктов и сладостей вдоволь! Да, «Ташкент – город хлебный»!

На следующий день, когда Саша и Клава уехали на авиазавод, где они работали, а их сынуля, 17-тилетний парень атлетического сложения – в институт, в который только что зачислен, Юля предложила нам экскурсию по городу: они с Валеи бывали в Ташкенте многократно, потому выступили в роли гидов, а мы с Людмилой – восторженные экскурсанты.

После Баку, Киева, Харькова, Москвы меня уже было трудно удивить, но Ташкент удивлял: он был не такой, как все. Впрочем, все эти города разные, тоже мало похожие друг на друга: Баку – залихватский, овейанный каспийским ветерком, с большими претензиями на историчность; Киев – город-праздник, город-святыня, несколько надменный с не выветрившимся шляхетским гонором, но всё равно родной; Харьков – трудяга, он супротив Киева примерно как Москва супротив Питера; Москва – мещанка во дворянстве, но простецкая в глубине души, к ней только приглядеться надо и «стереть случайные черты». А Ташкент – город для всех, но каким-то чудом ухитряющийся жить своей исконной жизнью, несмотря на обилие «всех». Частица этого – Алайский базар. Там такие бурты дынь и арбузов! А ещё горы на горизонте – словно кинопроекция на марлю: то явственно прорежутся, то опять (чаще) скроются за дымкой вуали. На улицах – жара адская, а на горах – снег. Куда до них забайкальским сопкам! Даже кавказские хребты, вдоль которых когда-то ехал, выглядели не так внушительно.

Но больше всего в Ташкенте мне врезался в память довольно большой сквер со столиками под платанами (там их чинарами называют). Нет, в Харькове были не менее уютные места, но там не было чинар! «Под чинарой густой мы сидели...» – эта песня про удалого Хаз-Булата с детства звучала в ушах. И вдруг – вот она, чинара, рукой потрогай! А прохладная тень подкрепляется изумительным мороженым в вазочке с вареньем на выбор (компенсировали утерю!) и газировкой из сифона. После студенческих лет – это невообразимая роскошь! И мысль: «Неужели это теперь для меня всегда будет возможно?!» В первый же день оказалось, что телефон Грашки и Валеи не отвечает. Это нас не очень взволновало: мы знали, что они в отъезде, но вскоре должны приехать. А ключ от их квартиры нам должны дать старшие Мирзоянцы. А вот их-то телефона у нас и не было! Был только адрес. Клава ликовала: «Побудете у нас несколько дней – они все и съедутся!» М-да! Пьющие люди, оказывается, не всегда плохо! Кого-то осенило: надо позвонить на душанбинскую справку – там дадут номер: старший – Грант Тадевосович, человек известный в городе, его-то телефонный номер найдут быстро. Так и сделали. Номер получи-

ли. Начали звонить – эти тоже не отвечают. Мы с Людмилой в лёгкой панике, а Клава ликует: «Куда вы поедите, если там никого ваших знакомых нет? Вот соберутся все!» Я, если честно, сильно не горевал: кормят хорошо (какие манты! шашлыки! лепёшки! зелень какая!), наливают исправно, экскурсии по городу – регулярно. А Мирзоянцы найдутся.

Наконец-то младшие Мирзоянцы ответили на наш звонок. Тут же мы оформили билеты и назавтра выехали. Пейзаж за окном – чем дальше, тем скучнее: всё выжжено, буро, горы поблизости голые и невысокие, а дальние, со снеговыми шапками, скрываются в мареве. За оконный вид кое-где несколько оживляют блестящие, словно стёкла парников, хлопковые поля. Но сезон полива, в основном, закончился, хлопок созревает, поэтому поля уже потускнели. Рядки, рядки, рядки! Пошли экзотические и даже сказочные названия станций: Джизак, Самарканд(!), Бухара(!!!), Карши, Амударьинская. Далее путь пролегал вдоль могучей Аму, которая так же, как и Сыр-Дарья, то приближалась, то удалялась. А ночью в Термезе поезд резко повернул к северу и пошёл уже мимо другой реки, названия которой я уже и не помню. Утром горы, которые, было, отступили, стали опять маячить то впереди, то слева на горизонте и никак не хотели приближаться.

Душанбе

Однако поезд был упрям – горы перестали казаться облаками, стали более осязаемы, но всё чаще «проваливались» за горизонт: ближние холмы сами стали претендовать на статус гор и нагло заслоняли дальние вершины, стремившиеся в небо. На дальних горах чётко просматривалась снеговая линия, словно по линейке проведённая старательным школяром. Крайние горы хребта только самую малость поднимались над этой линией, а каждая последующая гора всё горделивей возвышалась над сестрицами и над снеговой линией. Был конец августа – школяр провёл линию так высоко, сколько рука дотянулась. Выше были вечные снега.

Замелькали придорожные городки и кишлаки, кое-где замаячили заводские трубы. И вот – большой город. «Большой» – это условно: не больше Пензы, хотя и столичный город – бывший Сталинабад, главный город Таджикской ССР. До Киева или Харькова, не говоря уже о Москве, ему далеко. Чувствовалось, что город объединил множество кишлаков, посреди которых поставлены дома городского типа высотой в 2 и 3 этажа. Основой городу послужил кишлак Душанбе – Понедельник по-русски. Выяснилось, что пятница – праздничный день, суббота – просто день – шанбе, а дальше по порядку: воскресенье – первый день (якшанбе), понедельник – (душанбе), сешанбе, чоршанбе, панчшанбе. Кое-где попадались панельные четы-

рѣхэтажки «хрущёвки». Такие только начали осваивать: по соображениям сейсмоустойчивости. Через некоторое время Людмила мне сказала: «А меня спросили сегодня: «А что, в России не трясёт?» НО в поезде я ещё не испытывал такой экзотики, и не знал, какую роль она сыграет в моей судьбе.

Нас встретили Мирзаянцы, и мы дружной компаншкой в приподнятом настроении направились к троллейбусу и поехали в сторону «дока». Я никак не мог взять в толк, зачем нужен док в городе, где не только моря, но и реки судоходной нет. Разгадка оказалась весьма прозаической: не «док», а ДОК – деревообделочный комбинат! Мы не доехали до этого ДОКа одну-две остановки, и пошли к дому около летнего кинотеатра. Потом выяснилось преимущество такого соседства: с балкона можно было смотреть фильмы! Жалко, что этаж был второй: нижняя часть экрана плохо просматривалась за ограждением. Квартира у Мирзаянцев была двухкомнатной малогабаритной «хрущёвкой». 24 кв. метра всего, но после общежития нам с Людмилой это казалось чудом! В этом «чуде» мы прожили впятером (у Мирзаянцев была трёхлетняя дочь) до октября месяца. Поскольку кровати в нашей (проходной) комнате не было, то мы с Людмилой спали на большом раздвижном столе. Тогда мы были значительно легче, и стол не сломали!

С балкона был виден не только экран кино, но и прекрасно просматривался Гиссарский хребет, до которого по утрам (пока не было марева) можно было дотянуться рукой. Грант похихикал над мной и сказал, что за предгорьями есть река, впадающая в Душанбинку, а за ней уже – Гиссарский хребет, до которого по прямой километров двадцать! Горы обманчивы...

То, что квартира была в новом доме, это хорошо: газ, колонка для горячей воды... Но вокруг нового дома деревца были только что посаженные, тени от них – никакой! На солнцепёке – спасу нет! Это – плохо. Но на работу ездить – без пересадки. Это – тоже хорошо.

Работа

Кстати, о работе. Это была главная наша забота, когда мы ехали в Душанбе. Остальное – «дело техники». У Людмилы всего 2 года педагогического стажа, а у меня – ПТУшное образование и около года работы сельскохозяйственным трактористом. А два года учёбы в ВУЗе – «пришей кобыле хвост». Но у нас были Мирзаянцы старшие – Грант Тадевосович и Галина Михайловна – я уже упоминал их. Грант Тадевосович когда-то работал в Пензе директором дизельного завода (!). Потом был переведён в Душанбе и к нашему приезду работал главным инженером треста «Спецстрой». Ну, положим, до масштабов «Куйбышевгидростроя» он не дотягивал, но был крупней-

шим строительно-монтажным предприятием в республике. Так что Г.Т. был уважаемым человеком. Зарплата у него тоже была под стать – Валя как-то сказала: «У него партвзносы, как мой налог!» Был Г.Т. эрудированнейшим человеком и это демонстрировал при первой же возможности. Он разбирался во всём, о чём ни заходила речь. Если Галина Михайловна пыталась вклиниться в беседу, то он её тут же осаживал: «Ты в этом разбираешься, как мордовская знахарка!». Ну, если в Пензе долго жил, то знал, о чём говорит. По-русски Г.Т. говорил грамотно и абсолютно без акцента. И тем не мене однажды мне вспомнился анекдот: «Армянское Радио, знает всё, кроме одного – почему «квас» пишется вместе, а «к Вам» раздельно». Обсуждали вопрос о моём трудоустройстве. Грант младший работал начальником техотдела на заводе «Торгмаш». Продукция этого завода ничего общего с авто и тракторостроением не имела. Где-то в Ленинабаде производили самоходные хлопкоуборочные машины и пропашные тракторы на базе «Беларуси», а в Душанбе – ничего! Самым крупным машиностроительным заводом оказался «Таджиктекстильмаш». На нём решили и остановиться. Г.Т. написал мне записку к директору Якову Александровичу Самарскому. С этой запиской назавтра я и направился на завод, расположенный недалеко от ж.д. вокзала. Конечно, я не удержался и заглянул в неё. А там: «Яков Александрович! Направляю к Вас подателя сего...». А далее – всё по-русски. Это меня развеселило! Яков Александрович внешне соответствовал своему имени. Но вскоре выяснилось, что этот крупный дядя спокоен и лоялен в разговоре (в дальнейшем выяснилось, что он всегда такой) и деловит в общении. Он почти сразу пригласил Главного инженера Шифрина. Он тоже соответствовал своему имени. Потом я узнал, что на заводе работает много евреев. Почти все – специалисты. Но были и рядовые бригадиры и рабочие, кстати, тоже хорошие специалисты, но все с разными характерами. И почти все – европейского происхождения (я тогда не знал, что это – ашкенази). Бухарских евреев на заводе почти не было: все в парикмахерских, в торговле и в мелких мастерских. Спросил как-то у одного старожилы, чем бухарские отличаются от европейских. В ответ: «Бухарский еврей по сравнению с обычным – как просто еврей по сравнению с русским!»

Но вернусь в кабинет директора. Яков Александрович вкратце изложил Шифрину суть вопроса: НАДО трудоустроить. Есть два курса политеха (считай, ничего), зато механизатор широкого профиля (такие на заводе не требуются) и слесарь 3-го разряда – вот это уже ближе к теме! Самарский вернулся к своим директорским делам, а Шифрин повёл меня в свой кабинет.

Он выслушал мои пожелания: если уж нельзя на колясках само-
беглых работать, то что-либо собирать, разбирать... В ОГМ нужны

слесари-ремонтники, но не в данный момент... А вот в механосборочном цехе (на сборке ткацких станков) люди всегда нужны. По рукам! Причём оставили мне 3-й разряд, как записано в аттестате, но с испытательным сроком на один месяц. Я был доволен. Хорошо, что в Армии моя служба была недалеко от слесарной работы! Домой пришёл в приподнятом настроении, а на следующий день уже оформлялся на работу и дня через два уже вышел в цех, которым командовал (нет, не еврей!) Арутюнянц Артур Сергеевич. Он быстро сообразил, что требуется от него и от меня, и назначил в бригаду по сборке ремизоподъёмных механизмов. Многие ли знают, что такое «ремизки»?.. Вот и я тогда не знал.

Оказалось, что ткань делается очень просто (особенно, если глядеть со стороны!): на огромную катушку параллельно друг другу навиты сотни ниток (это – «навой»), которые испытатель (а на комбинате – ткачиха) терпеливо пропускает через «ремизки» – свитые вдвое проволоочки с оставленными посередине дырочками. Ремизки закреплены в двух или нескольких рамках, часть из которых ремизоподъёмный механизм поднимает, а часть – опускает, так что, если смотреть сбоку, получается ромбическая пустота между нитками. В эту «пустоту» резким щелчком «погонялка» бросает «челнок», за которым тянется нить из «утока». Потом рамки ремизок меняются местами, а бедный челнок получает «пинок под зад» и летит в другую сторону. Носики его сделаны из металла и заострены. Так что стоять на линии полёта челнока нельзя: в случае неисправности станка может вылететь и превратиться в холодное оружие. Но если всё нормально, то «батан» прибьёт нить, протянутую челноком к полосе ткани, и она будет плотной.

Ремизки должны подниматься, стоять и опускаться строго по «циклограмме» для чёткого взаимодействия с приводом челнока и батаном, иначе в полотне ткани получится дефект. А поскольку компьютерного управления тогда не было, то всё решали кулачковые механизмы. Так что сборка ремизоподъёмного механизма доверялась не всем. В моей новой трудовой семье было у кого поучиться.

Бригада

Увы! Знал бы, что придётся писать мемуары, – делал бы записи. Теперь вот мало кого помню по фамилии и имени. Бригадиром был, кажется, Михаил Слободенюк – слесарь пятого разряда! Он и сам вёл сборку и консультировал, а то и помогал другим слесарям. Мне, конечно, поначалу приходилось обращаться к нему чаще других. Вторым по квалификации и авторитету был Вовка Рудомётов, говоривший с уральским нажимом на «о». По понедельникам с видимым удовольствием рассказывал, сколько, где и с кем за выходной выпил.

К непьющим относился с пренебрежением: «Ну, что это, как скот, – пожевал сена и не выпил!» В заводской столовой продавали пиво, так что Володя обедал по-человечески. Почему это разрешалось? Какой-то умник спланировал 2 пивзавода на город с населением меньше 400 000 чел., да ещё значительная часть которого пила только зелёный чай в чайханах. Так что пиво продавали везде, где только можно и где нельзя. Даже на перекрёстках в бочках вместо кваса! По 20 коп за кружку! И почти везде – поблизости в мангалах жарились шашлыки. Порция из пяти шампуров с пятью-шестью кусочками баранины вперемежку с луком, приправленных соусом и красным перцем (за 70 коп!), конечно же просила кружку пива! Мы с Людмилой брали две порции шашлыка и одну кружку пива. Людмила осиливала только три шампура, а мне, к моему удовольствию, доставалось семь!

.....В положенный срок я пошёл на квалифкомиссию, которая и подтвердила мой 3-й разряд. Конечно, был доволен: полагал, что через годик на 4-й сдам, что заметно поднимет заработок, да и с 3-м разрядом я не бедствовал. После многих лет житья «в натяжку» долго не мог привыкнуть к тому, что могу ходить не голодным и одеваться довольно прилично. И в кино с Людмилой могли сбегать в настоящий кинотеатр, а не смотреть с балкона 2/3 экрана.

Когда я начал работать, то с благодарностью думал о своей судьбе за последние годы (будто она восполняла мои потери в детстве и отрочестве): хорошо, что меня обучали слесарному делу в УМСХ № 7, хорошо, что при работе трактористом слесарные навыки не терялись; хорошо, что меня опять обучали слесарному делу в школе механиков авиавооружения в Сретенске, хорошо, что на аэродроме эти навыки закреплялись; хорошо, что «техническая грязь» меня не пугала; хорошо, что народ в слесарной бригаде не сильно отличается от народа в тракторной бригаде – я попал в свою стихию! Кроме своего узла я понемногу приглядывался и к другим узлам. Поскольку остов станка постепенно передвигался на последующие операции, то я имел возможность изучить весь станок и процесс его сборки. Это вскоре мне пригодилось. Мне было неудобно выглядывать отстающим, поэтому я старался все операции делать хорошо, а когда отставал в производительности – мог и задержаться в цехе: сборщики официально работали в одну смену, а мехучасток и наладчики – в две, так что цех не закрывался до полуночи.

Это обстоятельство, плюс моя институтская учёба повышали мой авторитет.

Учёба

Кстати, об учёбе. В Москве меня в ВЗМИ зачислили на 3-й курс с зачётом всех предметов, пройденных на дневном отделении. По-

скольку учебный график на дневном отделении более плотный, чем на заочном, то по многим предметам я либо «отстрелялся» уже, либо был впереди на целый семестр. Это было очень хорошо, потому что к особенностям заочного обучения мне надо было привыкать заново. Учебные программы тогда были унифицированы, поэтому до изучения спецпредметов я взял открепление в ВЗМИ и прикрепился к ТПИ (Таджикский политех). Конечно, в сравнении с ХПИ этот институт проигрывал: там – размеры, ... всесоюзный авторитет, преподаватели! Один Могилевский чего стоил! Потом, когда я стал лектором-международником, я его часто вспоминал: в его устах теория дифференциальных уравнений слушалась с не меньшим интересом, чем лекции на областном семинаре. Лекции в ТПИ читались на русском языке, национальный состав преподавателей, как и весь Душанбе, был пёстрым, но преобладание русских было заметно. Из преподавательского состава запомнилась ассистентка кафедры электротехники. Молодая таджичка моих лет, может, на один-два года постарше. Уже точно не помню, как её звали (кажется, Бибигуль Рахимовна), но она была такой ослепительной красоты, что точно соответствовала второй части своего имени (гуль – цветок). И даже я, будучи бесконечно влюблённым в свою Людмилу, часто «клат глаз» не на учебную электросхему в лаборатории, а на преподавательницу. 3-й «облегченный» курс я закончил успешно. А вот с 4-м у меня произошла заминка: я «топтался» на нём 2 года, хотя оценки были очень неплохие – троек почти не было. Причина задержки была уважительная. Очень! Но о ней – попозже.

Людмила командировка

Летом 64-го, когда мы квартировали у бабушки-татарки, как-то возвратился я с работы в субботний день и ахнул! Людмила сидела на табуретке, а кровать была завалена ворохом денег, большей частью из купюр 3-х и 5-тирублёвого достоинства.

– Ты что, банк ограбила?

– Да нет, меня отправляют в командировку: надо из Артека привезти в Таджикистан группу ребят – 17 человек всего. Завтра вылет. А это мне в кассе ЦК таджикского комсомола выдали.

– А как же ты их везла? Сколько здесь?

– Почти три тысячи. А везла в своей сумочке.

– С ума сошла! Почему не взяла аккредитив?

– А где его брать? Как?

Через 15 минут я выступал в роли телохранителя: мы сели в автобус и направились в ближайшую сберкасса. Операция «БІ» благополучно завершилась. Попутно я выяснил, что прямых рейсов в Сим-

ферополь нет – надо лететь через Ташкент. Людмила робела в одиночку отправляться в такой дальний путь.

– А ты не проводишь меня до Ташкента?

Я раздумывал недолго: во-первых, мне тоже не хотелось оставаться без неё, во-вторых, экзотика, а, в-третьих, ночевать придётся у Мостовых, Клава обязательно угостит – я смогу «легитимно» выпить. Единственная заковыка: первый рейс из Ташкента прибывает в 8-00, значит, в понедельник на заводе окажусь около 9-ти. Ладно, мастер мне простит, а бригада и без меня знает, что делать. Так что мы тут же поехали в аэропорт, а назавтра уже любовались пиками Гиссарского хребта, которые теперь не смотрели свысока на нас, а сами были у нас под ногами. Да так близко, да такие острые, что не дай бог зацепиться! А облака волочились где-то почти у подножия гор, то разрезываясь, то сгущаясь.

В Ташкенте оформили Людмиле пересадку и поехали к Мостовым на ул. Солдатенко. Надежды мои оправдались: Клава встретила нас по высшему разряду. Хорошо, что рейс на Симферополь был ближе к полудню – смог (опять же с Клавиной помощью) прийти в себя. Проводил Людмилу на лётное поле, в сердце что-то защемило, хотя встреч-разлук у нас уже было предостаточно. Но тут мы прожили бок о бок целый год, прошли вместе сквозь разные передраги!

Я опять переночевал у Мостовых. Тут я уже «соблюдал меру»: завтра на работу. Перед мастером я запросто объяснился: не каждый же день жён в Артек посылают.

А Людмила вернулась с ребятишками благополучно. И дети, и Людмила были довольны.

Моя бригада

Наш бригадир Михаил Слободенюк был человеком авторитетным в цехе, потому я не удивился, когда его перевели мастером на мех участок. Удивился я чуть позже, когда меня вызвал Артур Сергеевич и предложил возглавить бригаду. Нет, я уже не считал себя новичком в цехе, но я ещё не проработал и одного года на заводе, да и не все операции освоил так, чтобы заменить кого-то из слесарей, либо дать подсказку в случае затруднения. Но этому обстоятельству Артур Сергеевич противопоставил мою учёбу на 4-м курсе института, а цеховой парторг напомнил, что я на хорошем счету в комсомольской организации, и что с уходом Слободенюка и Володи Рудомётова процент молодёжи в нашей бригаде позволяет ей претендовать на звание «комсомольско-молодёжной». Короче, «надо, Саня, надо!»....

Но и тогда, да и теперь я не жалею об этом: кроме технического опыта у меня начал нарабатываться административный – это потом пригодилось. После ухода корифеев стало, конечно потруднее, но

обращаться за помощью в другие бригады было зазорно, потому я уже тогда начал применять метод «мозгового штурма» силами своей бригады. Особенно активны были Серёжка Ванюков и Борька Увайдов. Оба были моложе меня, и им льстило, что я с ними на равных советуюсь. Серёжка был в быту шалопаистый парень, но на работе старался из борозды не выбиваться. Борька был совсем молодым – ему шёл 19-й год, но он уже обладал незаурядными слесарными способностями – самородок. Но упрямый, как самаркандский ослик. Он на все операции имел свою точку зрения, так что почти каждое новое задание, которое я ему выдавал, превращалось в научно-техническую дискуссию: его надо было убедить. Когда это удавалось, он работал легко и точно, как многоопытный специалист. Но иногда нервы у меня не выдерживали, и я отстранял его на 2-3 часа от работы – бзик его проходил, и он возвращался и начинал работать, как ему велено было. Но часы эти я при подаче табеля восстанавливал: всё равно он был самый или почти самый ценный работник в бригаде. В личной жизни ему не везло, к сожалению. Он влюбился в Соню Адильгариеву с малярного участка, а её родители категорически воспротивились этому роману: Соня татарка, а Борька – бухарский еврей. А у самого Борьки тоже были нелады дома: мать звала семью в эмиграцию, тем более что «бабушка в Иерушлаиме бани держит», а отец-коммунист и думать об этом не желал. Они ссорились, а парень страдал от их размолвки. Мне он был дорог как ценный работник, и по-человечески его было жалко, особенно на фоне моего семейного благополучия. Мы с Людмилой жили дружно, выпивал я тогда в меру и не часто, на бытовые наши неудобства оба смотрели как на временные. О жилищных похождениях я вспомню отдельно, а пока вернусь в бригаду.

Больше всех мне портил кровь Витька Аваков. Это был армянский молодой мужчина примерно моих лет и тоже, как и я когда-то, занимался штангой. Я сначала радовался этому: свой брат, да ещё в полутяжёлом весе! Сильный, как медвежонок, а слесарю сила всегда помощница. Его перевели к нам, кажется, из бригады Миши Быстряка (тот из одесских евреев, но не балаболка, а молчаливый трудяга), а почему – я не знал. ... Но проблемы с Аваковым начались не сразу. Работа у нас была специфическая в том плане, что каждый месяц «штурмовали» план. Вторую смену организовать было невозможно: бригада должна полностью собрать и сдать свой узел – каждый «нёс свой чемодан», а сборка ремизоподъёмного механизма была уже в завершающей фазе цикла сборки станка. Так что числа до 5-7 поочерёдно отгуливали за переработку в конце месяца и устраняли дефекты на условно принятых в конце месяца станках; числа до 10-12 отбраковывали и комплектовали детали, которые начинали «капать» из

механического цеха и ждали поступления остовов с предыдущих по технологии операций; числа 12-15 сдавали первые станки на последующие операции; 15-20 начинали работать почти в полную силу; 20-25 – на всю катушку, а с 25-го – сверх всяких нормативов, не считаясь со временем. Артур Сергеевич собирал бригадиров и напутствовал:

– Помните, в марте 60-го вообще только 25-го сдали первые станки, но план вытянули! А в этом месяце уже с 20-го начали сдавать, так что план должны вытянуть безусловно. Бесплатный ужин будет, пончики и кофе в цех будем завозить. Только работайте! Какие вопросы и просьбы?

– Артур Сергеевич, механический цех по-прежнему задерживает!

– Не может быть! Детали от них идут полным ходом!

– Идти-то идут, да брака очень много, а годных не хватает!

– Какие же вы, – тра-та-та! – слесари, если бракованную деталь не можете выправить?! Идите и работайте! План чтобы был!

Мы шли в бригады и разъясняли ситуацию. Почти все понимали. Гора бракованных деталей на площадке брака начинала таять. Один Аваков не понимал: «А за сверхурочные платить будут?» Увы, не платили: сразу бы «штурмовщина» вышла на поверхность, а за это, администрацию завода по голове бы не погладили. И они делали всё, чтобы план закрыть «без шума и пыли», начиная от бесплатных пончиков и кончая тем, что сам Арон Соломонович Шифрин выходил в цех и помогал регулировать зубчатые передачи, в которых зубья были нарезаны неправильно и никак не хотели поддаваться регулировке. А Витя Аваков был не такой сознательный, как Шифрин, и требовал доплаты. По КЗОТу, конечно, так и должно быть, но ведь ситуация ... Изредка удавалось и доплату «выбить», тогда Витя трудился ударно!

Но несмотря ни на что нашей комсомольско-молодёжной было вскоре присвоено звание «Бригада коммунистического труда». Меня в комсомольской организации зауважали ещё больше, выбрали комсоргом цеха и заместителем секретаря бюро комсомольской организации завода и даже членом горкома комсомола. При всей загруженности работой мы иногда ухитрялись проводить совместные шефские и культмассовые мероприятия. Из шефских наиболее памятно поезда на уборку хлопка – «пахта» по-таджикски. Норма для колхозников была 50 кг за день. Отдельные передовики собирали до ста. А вот «шефы» – редко кто набирал 10кг После двух-трёх поездок я понял, что низка производительность «шефов» ещё и потому, что обед слишком ранний. Часам к 10 приезжали в поле, часов в 11 получали задание и начинали работать, а в час уже звонят к обеду. Тут уже и у меня появлялась «уважительная причина» пообедать «как все» Но зато домой возвращались «с песнями» – в автобусе только свои,

настроение домашнее. Хорошо всё же, что были эти поездки! Несмотря на то, что дома предстоял разговор с Людмилой.

Нурекская плотина

Из экскурсий больше всего запомнилась поездка на Вахш, где у города Нурека начиналось строительство ГЭС, отличавшейся тем, что плотина не ней предполагалась небывалой дотоле высоты – около 300 метров – почти вровень с Эйфелевой башней и раз в 5 или шесть выше плотин на Волге. Вахш по стоку воды намного уступает Волге, но такой чертячий напор позволял получать мощность такую же, что и Волжская ГЭС им. Ленина. Выехали утром на выделенном заводем автобуса «ПАЗ». Многие были с жёнами, включая меня – Людмила тоже захотела посмотреть. Настроение весёлое, незаметно проехали Орджоникидзебад, останавливаться для покупок не надо было: всё прихватили с собой. За городом дорога пошла вверх круче: начали подъём на перевал через невысокий хребет – всего 1600 метров. Серпантинов было немного, склон хребта не очень крутой. Когда поднялись на самый верх, бросились в глаза две детали: Памирские снеговые горы казались так близко! А вокруг степь, усыпанная маками (лола) – красота! Ненадолго остановились. Кто-то, бросил клич, который дружно подхватили, и тут же начали вытаскивать из сумок и сеток припасенное. Обстановка была такая располагающая, что даже Людмила не ворчала, а сама выпила немного вина. Плато на вершине хребта было не очень обширное – минут через десять дорога пошла под уклон, и когда наш импровизированный завтрак закончился, мы были уже в долине Вахша.

Вскоре оказались около строительной площадки. Тут некоторое разочарование: стройка только начиналась, да ещё был выходной день. Видны были только разметочные столбики, кое-где застыли бульдозеры и самосвалы. Интересной оказалась сама река. Вышли из автобуса – в уши ударил шум воды, хотя до реки было метров триста. Нам показали несколько столбиков на этом (правом) берегу и на том, который был заметно выше: «По этому створу пройдёт середина плотины. А вон там видите на площадке ещё два столбика с табличками? Это будет верх плотины». Ничего себе! Здесь было самое узкое место реки, потому она так шумела. Метров сто ниже по течению – река расправляет плечи, немного успокаивается, но всё равно приходится кричать при разговоре. Попробовал перебросить камешек в этом месте через Вахш – не смог, значит, река тут шириной метров в семьдесят.

Почти рядом с линией створа плотины металлический мостик. Пошли на левый берег. У мостика для разговора надо было уже кричать прямо в ухо. Глянул вниз – жутковато: ущелье глубиной ме-

тров 40...50, а на дне – бешеный поток! На середине мостика глянул ещё. Что за диво? Воды не видно! Но слева и справа от мостушки бежит река. Чудо объяснилось просто: река распиливала скалу не строго вертикально, а с отклонениями то к левому берегу, то к правому, так что левый берег нависал над правым, и создавалось впечатление, что река тут протекает по туннелю. Со мной была ещё Клавой подаренная «Смена», и я сфотографировал этот феномен с мостика, а потом с правого берега. Для более рельефного обозначения расстояния включил в кадр ногу в босоножке. Эти фотографии у меня до сих пор хранятся.

На обратном пути «запеснячили», что неудивительно: мы же не только «завтракали», но и «обедали». К вечеру мы, уставшие, но весёлые были дома.

Нынче бы назвали БОМЖем

«Дома» – это, конечно, условно. Мой дом был там, где мы ночевали с Людмилой, и где стояли наши чемоданы. Я уже говорил, что сначала мы остановились у Мирзаянцев-младших. Людмила и Валя условились, что они будут дежурить поочерёдно, приготавливая завтраки и ужины и убирая квартиру. Я, как мог, помогал Людмиле, Грант приходил с работы позже, потому домашних дел почти не делал. Зато у него был трёхколёсный «Урал», на котором он иногда возил нашу «великолепную пятёрку» по городу и за. Я обычно сидел на багажнике коляски. ГАИ тогда была либеральная, транспортных средств немного, так что эти цирковые номера всегда проходили благополучно.

За город ездили в Орджоникидзебад (примерно в 25-ти км выше по Гиссарской долине) посмотреть на городок и купить что-либо, но чаще – вверх по Варзобскому ущелью. Оказалось, что до горы, которую я хотел в сентябре навестить, по прямой более 15 км, а по дороге – все 40. По Варзобскому ущелью с бешеной скоростью бежит Душанбинка, в городе она чуть степенится, а при впадении в Каферниган – почти смиренная: скорость, как у Шилки в Сретенске, только Шилка в 10 раз шире и раз в сто полноводней. Но в ущелье – глядеть долго нельзя: голова закружится. В Варзобском ущелье я в первое время просил Гранта остановиться, чтобы посмотреть на чудо природы: в отводных арыках вода вверх течёт. Слезал с мотоцикла, подходил к арыку – да нет же! Просто срабатывает стереотип восприятия: поверхность реки горизонтальная. А тут она была сильно наклонная, арык же имел меньший наклон, чем русло, потому и мерещилось, что он в гору взбирается.

В Варзобском ущелье летом 64-го Людмила во время каникул работала пионервожатой в пионерлагере, и я в конце недели приезжал к ней. Как-то у костра я спросил у физрука отряда:

– Ты местный, горный глазомер имеешь лучший, чем у меня. Какой высоты этот обрыв?

– Ну, точно не скажу, но километра полтора будет.

У меня челюсть отвисла, и я зауважал альпинистов. На нашей стороне гора была пониже, а склон пологий. Вершина просматривалась совсем близко – сразу за увалом. И я решил подняться на вершину: ну, должен же я покорить хоть одну высоту физически! И на следующий день я пошёл. Дыхалка у меня тогда была хорошей, ноги крепкие, склон был покрыт довольно густой травой, а каменных осыпей под ними не попадалось. Довольно быстро я поднялся на увал. И что же? Между ним и вершиной был ещё один увал! А вершина – всё так же заманчиво близка. На этот увал я тоже поднялся довольно шустро и с некоторым разочарованием увидел, что впереди – ещё один увал. И я потопал дальше, вернее, выше. Но энтузиазма несколько поубавилось. Сил – тоже, пришлось отдыхать. А тут ещё каменные ручьи стали появляться: камни, которые сваливались с вершины увала, скапливались по ложбинкам и медленно соскальзывали вниз, сталкивая один другого.

Когда я одолел третий увал, оказалось, что он тоже не последний. Досада подсказывала: «Вернись!» Но тут проснулось упрямство и велело: «Вперёд!» И я пошёл «вперёд и выше!». Шестой увал оказался последним! Вершина – рядом, и каких-нибудь метров 300...400 высотой. И вот тут-то я понял, что в горы с кондачка ходить нельзя. Дело шло уже к шести часам вечера, но солнце палило крепко. Это одно. А успею ли засветло вернуться в лагерь? В ущелье темнеет вечером быстро. Это второе. Но главное: моя экипировка абсолютно не соответствовала задаче: босоножки, которые через 10 минут подъёма разлезутся на полоски, а выходная рубаша – ещё раньше. Тут уклон уже не 40-50 градусов, как на увалах, а все 75...80, т.е. фактически на брюхе надо ползти. И четвёртое, тоже важное: у подножия горы любой смелее, чем на её склоне. Как я потом спускаться буду – хватит ли нервов и силы? Не получится ли, как в пародийной песне Тарапуньки на открытии Останкинской башни:

«Дывлюсь я на нэбо, та й думку гадаю:

Зализ я на тэбэ, як злизты – нэ знаю!»

А тут ещё камнепад, который усиливается утром и вечером, плюс фаланги и скорпионы, которые водились в этих местах. И я принял правильное решение – не ввязываться в авантюру. Хорошо, что я понял: стихия не любит панибратского отношения. Если бы я тогда заупрямился, возможно, этих мемуаров некому было бы написать.

Но спущусь в город. У Вали и Гранта мы «кантовались» до октября. Как ни хорошо у них, но в малогабаритке (24 м2) впятером – тесновато. И вот Людмила принесла радостную новость: учительни-

ца из их школы сдаёт летнюю кухню за вполне приемлемую плату. И она, и её муж были осетинами. Муж работал на автолавке шофёром-продавцом. Через несколько дней мы переселились. Купили раздвижной деревянный стол на прочных ножках. Опыт эксплуатации похожего стола у нас уже был, и непродолжительное время он нам служил и столом и кроватью. Но потом мы приобрели матрас на деревянном каркасе, а я на заводе сделал 4 деревянные ножки – получилась кровать. Это была наша первая мебель. Надо сказать, что.... матрас пережил несколько переездов и долгие годы служил нам основной, а потом – дополнительной кроватью. Стол же и поныне стоит (!) на веранде дачи, правда уже зафиксированный в раздвинутом положении, и за ним трапезничаем мы и два поколения наших потомков.

Потом у наших хозяев случилась беда: загоняя во двор свою автолавку, наш хозяин наехал на полуторогового сынашку. Хозяйка почернела лицом и через некоторое время стала активной участницей какой-то религиозной секты. Двор оказался несчастливым. Но для нас с Людмилой хуже было то, что печь в этой летней кухне не имела тёплого выхода во вторую, более просторную комнату. По мере приближения зимы температурный фактор стал играть всё большую роль в нашем быту. Сначала мы относились к этому почти шутя: Людмила посылала меня в холодную постель, потом через некоторое время залезала под одеяло и ложилась на меня. Я не протестовал. Однако холода усиливались. Такой трюк уже не спасал нас и терял свою шутливую привлекательность: нам приходилось ложиться в одежде.

Встал вопрос о более подходящем жилье. Людмила опять нашла съёмное жильё: «кибитку», принадлежавшую какой-то бабушке-татарке. По сути это была тоже летняя кухонька, но она состояла из одной просторной комнаты и сеней. В комнате была приличных размеров грубка, обогревавшая всю комнату. Мы были довольны. Но потом выявился один недостаток: при некоторых направлениях ветра грубка начинала отчаянно дымить. Приходилось открывать двери на улицу – преимущество перед осетинской летней кухонькой терялось. Но оставалось другое преимущество: бабуся жила где-то у сына, и мы её видели только раз в месяц – в дни оплаты. Летом весь двор покрывался зелёным навесом виноградника. Несмотря на суровую зиму, дров для печки много не понадобилось: я выписал на заводе 2 кубометра деревоотходов – и мы так и не смогли сжечь всё до середины марта. «Осетинская» квартира была недалеко от школы, а «татарская кибитка» – ещё ближе! Через главный душанбинский арык по мостику – не более 5-ти минут ходьбы. В этой кибитке мы прожили примерно год. Потом начали искать более комфортное жильё: на то у нас появилась «уважительная причина». Людмилины сотрудницы, знавшие округу, донесли, что тут, рядом, в районе школы есть настоя-

щие городские дома и в них даже сдаются квартиры и комнаты. Нам быстро организовали визит к Маргарите и Ивану, который, несмотря на чудесное русское имя, был чистокровным немцем, как и его жена-толстуха. В одной из песен М.Танича есть слова:

«То ли, может, он со мною

То ли, может, я при нём».

У квартирохозяев было точно видно: «он со мною». Так что договаривались с Маргаритой. Квартирка была тоже малогабаритная и двухкомнатная, как у Мирзаянцев, но планировка лучше: комнаты были изолированные. Выбирать не приходилось... И в начале зимы, которая в этом году оказалась нормальной, т.е. с дождями при температуре от 5 ... до 15 градусов (но уже с плюсом), мы переехали на очередную частную квартиру. Заявление на постановку в очередь на квартиру я написал ещё в первую неделю работы на «Таджиктекстильмаше». Против меня работал мой малый «стаж» проживания в городе и работы на заводе. За меня срабатывала моя растущая репутация и по работе, и в общественной жизни.

Примерно недели за три до «реализации» приехали Сергей Иванович и Елизавета Сергеевна. Из комнаты приходилось не выходить, а выскальзывать, протирая стенку и рубаху на спине. Зато стало спокойнее и увереннее. Сергей Иванович и Елизавета Сергеевна пробыли у нас, пока родился сын, и мы немного научились обращаться с ним. У Маргариты мы квартировали до мая, а потом она стала намекать, что наша «уважительная причина» уже подросла, и пелёнки и прочее уже создают запахи. Да мы и без того помнили осенние договорённости. К тому же нам было тесно: стол и матрац занимали почти всю площадь....

Мы снова начали изучать округу и через недельку уже переселялись к Рафшану-бобо. Это был старик таджик лет 70-ти с небольшим (как я сейчас) в меру плотный, с красивой ухоженной седой бородой, довольно бодрый. Вообще таджикские старики (ясно, что не дремучие старцы) очень красивые и держатся бодро и с достоинством. А ещё у него было две жены 69-тилетняя Зухра-ханум и молодая (мне 50 лет, имя уже не помню) женщина, постоянно жившая в Ленинабаде и в Душанбе бывавшая наездами, точнее, налётами, т.к. самолётом за 10 рублей и 50 минут лета перелететь через Гиссарский хребет было проще, чем тащиться вокруг гор почти сутки поездом за чуть меньшие деньги. Людмила как-то в лунную ночь вышла во двор к «удобствам» и заметила, что дед отдаёт предпочтение всё же старшей жене.

Но в августе, через два года после приезда в Душанбе, эта экзотика окончилась, о чём мы не сожалели: мне дали ордер на двухкомнатную квартиру в четырёхэтажном панельном доме. Такие теперь на-

зывают «хрущёвками». Кстати, Хрущева к тому времени уже заменили на Брежнева.

Дом, в котором я получил квартиру, принадлежал заводу, поэтому все мои соседи в 63-х квартирах были работниками «Таджиктекстильмаша», некоторых я знал лично. После наших переселений эта двухкомнатная малогабаритная квартира с проходной комнатой показалась нам верхом комфорта. Холодная вода из крана! Горячая вода из газовой колонки! Газовая плита! И балкон-лоджия, шириной 2 и длиной 3 метра! Мы вскорости купили раскладной диван-кровать, а матрас вынесли на лоджию, поставили поперёк, и ещё осталось место для стола, за которым вечерами так хорошо было пить чай!

Началась эпопея новоселий.

Не успел я разгрузить немногочисленную мебель, как подошёл Виктор Пампуха (гениальный рихтовщик, который зарабатывал больше начальника цеха, и БОТИЗ, скрипя зубами, терпел это: лучше и больше его в цехе никто не мог сработать на рихтовке. В ассистентах на «калымных» работах у него был ещё один асс-универсал – наш нормировщик, с которым никто никогда не спорил: он мог стать, и сам сделать любую работу, уложившись в назначенную норму. Эх, были люди!). Пампуха сходу заявил: «Хозяин, не тем делом занимаешься! Магазин вон за тем домом!». Когда я вернулся из магазина (там была очередь из таких же новосёлов), моя «мебель» и прочие вещи были на 4-м этаже в МОЕЙ! квартире. Поздравления принимал на балконе – места всем хватило. Водки, правда, оказалось маловато, пришлось опять бежать.

Потом пригласили Мирзаянцев и отметили «это дело» в узком кругу.

Потом пришли Людмилины сослуживцы во главе с «Ксюшей» – директрисой Ксенией Павловной и её гражданским мужем, по виду армянином, но назвавшийся курдом и произнёсший интересный тост, завершившийся пожеланием: «Медленно, но постоянно!» (мудро сказал восточный человек!) Наш с Людмилой материальный и социальный багаж медленно, но постоянно рос. Мы почти никогда не прибегали к помощи родителей, им же – помогали. А детям и до сих пор помогаем. Правда, не очень обильно, но, главное, сами с них ничего не тянем даже при нынешнем возрасте и социальной обстановке. Гости надарили нам всякой обиходной мелочи. Два или три бокала, кажется, до сих пор целы.

Потом приходили мои цеховые и комсомольские друзья, в том числе и Борька Увайдов, и Серёжка Ванюков, и Соня Адильгариева, а также Сашка Войт (он был до меня секретарём цеховой комсомольской организации) с женой, которая тоже работала в нашем цехе.

Весьма дружеская была обстановка. Весьма! Но вернусь к некото-

рым событиям нашей душанбинской жизни. Все бытовые неурядицы и невзгоды мы преодолевали легко и без отчаянья: мы были молоды, верили в свои силы и знали, что впереди – лучше! Только надо чуть подождать и потерпеть.

«Уважительная причина»

Между тем для некоторых треволнений была одна «уважительная причина»: зимой нас должно было стать трое. Мы ждали этого события с надеждой и тревогой. Я по мере сил оберегал Людмилу, всё шло более-менее благополучно. Наконец в самом начале 65-го, сразу после новогодних торжеств, мне пришлось отлавливать такси и везти Людмилу в роддом.

Ясно, что телефона у нас не было, поэтому Людмилины родители волновались больше моего: они не знали, что происходит вне этой тесной комнатки, и не могли повлиять ни на что. Когда я позвонил в роддом с работы, оказалось, что новостей нет. Конечно, я был несколько разочарован. Из дома позвонить я уже не мог, поэтому разделял треволнения тёщи и тестя... На следующий день и в начале, и в конце рабочего дня опять новостей не оказалось. Я был уже встревожен. 4-го января я бежал в приёмную директора (в цехе не было телефонов с выходом в город) с чувством тревоги. Но когда мне ответили, что у меня сын, да ещё длиной 51 см и весом 3 кило 400, я возликовал. СЫН – это звучит гордо! В цехе ребята поняли это по-своему. Традиция, говорят! Пришлось поддержать. После работы заехал в роддом. Повезло: Людмила подошла к окну и даже через некоторое время показала свёрток. Я ничего не разглядел, но был горд: сын всё же! Дня через два – три я приехал получать мою увеличившуюся семью. С непривычки и от волнения я повёл себя примерно, как персонаж из «Бриллиантовой руки», позабывший, кому надо отдать цветы, а кому – мороженое. Я бросился первым делом к медсестре, которая держала моего сына. Людмила даже несколько обиделась.

Дома Елизавета Сергеевна уже всё подготовила для встречи. Недели две-три я жил с малыми заботами: она взяла на себя почти всю помощь Людмиле. Попутно инструктировала, тем более что у неё был богатый опыт – она родила семерых детей. Хозяйства у тёщи и тестя в Тамале никакого не было, если не считать пёсика Дружка, но ехать всё равно было надо, тем более что теснота, конечно, давила. После их отъезда все хлопоты легли на нас, особенно на Людмилу.

Весной, когда Диме было всего месяца четыре, Людмилу вызвали на работу, а мы наняли няню – пожилую женщину, почти старушку. Ассистировал ей дед. Какие у них были педагогические приёмы, трудно сказать, но Дима довольно скоро стал болеть и болел часто. Людмиле приходилось брать больничные. Хорошо, что хоть кор-

мила естественным образом. Дима очень неохотно расставался с нами по утрам. Сначала мы относили это на период адаптации, но потом оказалось, что нянька занимается своими делами, а с ним оставляет деда. А он – плохая нянька. Начали искать другую. Нашли. Немка средних лет. По определению – чистюля. Но Дима опять шёл к няньке без энтузиазма, да и болел не реже. А тут развернулись новые обстоятельства,... но о них – после. Решили отправить его к дедам. Вызвали Елизавету Сергеевну – она к началу весны 66-го приехала. 9 мая она увезла своего внука и нашего сына в Тамалу.

А я пока вернусь в начало 65-го.

Лейпциг

В последней декаде февраля меня вызвали к директору. Утром. Я был в хороших отношениях с Яковом Александровичем, но ... директор – это директор. Зачем вызывает? По работе – меня могли бы пригласить начальники рангом пониже: я всего лишь бригадир слесарной бригады. По комсомольской части? Парторг бы пригласил.

Секретарша сразу впустила меня в кабинет.

– Вызывали, Яков Александрович? Что случилось?

– Садись, Саша! Вот какое дело: в этом году исполняется 800 лет Лейпцигской ярмарке. Приглашают гостей со всего мира. В этом году из СССР поедет в Лейпциг народу больше, чем обычно. А Лейпцигская ярмарка – это своего рода ВДНХ в мировом масштабе. Там будет столько новинок представлено по текстильной промышленности!

– А я-то при чём здесь? – не выдержал я.

– Вот при чём. Поездки, конечно, организованные. Из Таджикистана поедет делегация – 17 человек. Я был включён в делегацию, но у меня в последние две недели барахлит сердце, и я опасаясь ехать в дальний путь. Мне предложили: «Тогда пошли главного инженера». Но ты же знаешь, что Артур Сергеевич только месяц, как заступил на эту должность – ему нельзя отрываться от производства. «Ну, тогда кого-либо из рабочих, а то у нас в делегации только один рабочий». И я решил послать тебя: ты по статусу рабочий, но хорошо образованный. Набери там как можно больше проспектов по нашему профилю. По возвращении каждый участник поездки должен написать отчёт с предложениями о возможных закупках – ты справишься с этим заданием.

– Да, вот что! – спохватился директор, – вылетать в Москву надо уже завтра утром девятичасовым рейсом.

Тут уже моя челюсть отвалилась полностью:

– Яков Александрович! Мне это очень интересно, я бы с удовольствием! Но ведь у меня ребёнку полтора месяца! Как жена справится одна? Я без совета с ней не могу дать окончательного согласия!

Это, во-первых, а во-вторых, как же я успею оформить загранкомандировку за сутки? На это недели уходят.

– Ну, Саша, оформление документов – это моя забота. Бери мою машину и езжай домой. Если жена согласится, то сразу езжай оформлять документы. Начни с фотографии. Порядок оформления тебе уже расписали. Успеешь.

В цехе я сразу пошел в раздевалку. Разговор с нач. цеха был недолг, «Москвич» директорский «под парами» – через полчаса я был дома. К моему удивлению Людмила не стала возражать, наоборот, завила меня, что управится.

Фотографии пообещали сделать к концу дня, это меня не совсем устраивало: за получением загранпаспорта я должен идти уже с фотографией. Договорился (вняли, когда узнали, для чего). Пока оформляли загранпаспорт, прошёл краткий инструктаж с группой туристов (наша делегация его давно уже прошла) в какой-то службе, располагавшейся в здании ЦК КПТ. Поскольку ГДР – наш союзник, отношение к советским людям там лояльное, но мы тоже должны вести себя сдержанно, достойно и дружелюбно, исходя из того, что фашистские недобитки уже или убежали в ФРГ, или вымерли, или перевоспитались. Потом было интересное индивидуальное собеседование в другой комнате. Инструктаж вёл какой-то мужичишко – посмотреть не на что! – из КГБ, как я понял по содержанию беседы. «Надо же, каких недоделанных берут на такую работу! Неужели он такие беседы со всеми ведёт, кто его слушает?» – подумалось мне. Но через считанные секунды этот «недоделанный» заявляет: «Вы же понимаете, на ярмарке будут не столько ГДРовские жители, сколько приезжие из кап. стран. Могут быть любые провокации, но я не с каждым могу так откровенно говорить». «Ни фиги себе, вот так «недоделанный!» – подумалось мне. И я стал думать осторожнее: понял, что внешность обманчива – камуфляж!

Как я ни удивлялся, а к вечеру у меня в кармане были краткосрочный загранпаспорт, командировочный аванс и авиабилет до Москвы. Наутро в 9 часов «Ан-10», в чреве которого я находился, пошёл на взлёт, и минут через двадцать в иллюминатор весело заглядывало праздничное солнце! И даже островерхие горы Гиссарского хребта не казались такими угрожающими, как когда-то. Потом были лёгкий завтрак, посадка в Ленинабаде; снова солнце и пики, но уже Алайского хребта, очень скоро отдавшего пространство почти гладкой (с 10 километров так виделось) серо-жёлтой пустыне; далее обед и, наконец, посадка в Домодедове.

Уже на трапе меня встретили и мороз почти в 20 градусов, и ветер – они скучали по мне полтора года. А я их успел позабыть и легкомысленно примчался к ним всё в том же широкополом пальто, в

котором ездил за Людмилой, и в той же фетровой шляпе. Душанбинский климат позволял мне использовать их не очень интенсивно, потому и сохранились. На моё счастье в аэропорту меня (и не только) встретил человек из Постоянного представительства Таджикистана в Москве, так что я не успел замёрзнуть. Гостиница мне не понадобилась: спецпоезд отправлялся с Белорусского вокзала вечером, поэтому мы «покантовались» в Постпредстве и поехали на вокзал. Поезд нам выделили литерный, т.е. не рейсовый. Вагон нам был уже указан. Вход по паспортам. Я втайне ликовал: надо же, дожился – то в вагоне с кондиционером ездил, то вот без билета, а контролёр не гоняет. Вагон был купейным, надо же было так случиться, что в одном купе со мной оказался второй и последний рабочий в этой делегации – наладчик с Ленинабадского текстильного комбината. Он был старше меня лет на двадцать, если не больше, поэтому я стал скоро называть по отчеству: Николаич! В нашем же купе ехал ещё один душанбинец – парень моих лет, инженер-электронщик Лёнька Ризаев. Отец у него был таджик. Жил он за Душанбинкой в новом микрорайоне, был женат, но детей пока не было.

Поезд шёл почти без остановок и к вечеру следующего дня мы уже были в Бресте. Жалко, что в Минске практически не стояли. Но я там успел купить несколько белорусских газет. Оказалось, что я довольно легко читаю по-белорусски: владея воронежским говором и украинским языком, я почти не испытывал затруднений при чтении. Надо было только привыкнуть к белорусской транскрипции. Из окна вагона большие города всегда плохо просматриваются, но помнится общее ощущение прозрачности и чистоты. В Бресте нам предложили обменять по 170 рублей на 510 ГДРовских марок, а излишки сдать в сберкассе. Ну, я как законопослушный гражданин, так и сделал, а некоторые понемногу оставили. Так что потом прокатились по Варшаве на такси, расплатившись советскими дензнаками. Станция Брест расположена далеко от Брестской крепости, потому съездить в неё не удалось. Пока мы бродили по перрону, решали вопросы в сберкассе, рассматривали вокзал, нам подогнали второй состав с другой стороны перрона, где была узкая европейская колея. Т. е. нам не пришлось ждать, пока заменят тележки под вагонами. Просто взяли свои вещи, зашли в вагоны с теми же номерами и заняли свои места. Всё! Как будто ничего и не произошло. Железная дорога работала, как часы.

К ночи двинулись в сторону границы, но скоро остановились: вошли пограничники и начали проводить контроль – документы, вещи. Настоящего «шмона» не было – довольно беглый осмотр. Опасались, не изымут ли спиртное. Обошлось: водки не везли, было только бутылки две шампанского и какое-то вино. Наконец, снова трону-

лись в путь. При пересечении нейтральной полосы открыли одну бутылку шампанского: в нашей троице все были новички в загранпоездках. Нейтральная полоса была хорошо освещена, виднелась колючая проволока, а больше – ничего интересного. Вскоре снова остановились: вошли польские пограничники. Они проверку сделали ещё быстрее: смотрели только отметки в паспортах и ставили свои штампы. Кое-кто уже спал, предусмотрительно оставив паспорта на столе. Этих даже не будили. Мы тоже скоро уgomонились. Утром, когда проснулись, были уже глубоко на польской территории. Поезд шёл медленнее, чем по СССР. К Варшаве подъехали далеко за полдень и простояли часа три. Наиболее сообразительные, что оставили деньги, съездили, прокатились на такси и посмотрели город из окна автомобиля. А мы пошлялись по перрону, так что говорить о посещении Варшавы можно только весьма относительно. В конце дня выехали из Варшавы догонять уходящий день, но так и не догнали – просто легли спать.

Утром, только успели умыться, оказались на Одере – Польша кончилась. Невелика оказалась. Опять двойной пограничный контроль, ещё более формальный – и мы в ГДР. Вот она какая, Германия! Пейзаж и силуэты домов очень соответствовали открыткам и книжным иллюстрациям. В вагоне конкурировали два слуха: повезут через Берлин (о, это здорово!) и повезут мимо Берлина (это хуже!). Как обычно, победил пессимистический вариант.

Берлин остался правее, а мы повернули на Магдебург, Дрезден и далее – на Лейпциг (его название происходит от славянского Липецк: когда-то эти места заселяли славянские племена, потом племена и народы тасовались, как карты в колоде). Останавливались на станциях редко и ненадолго. Запомнилось: немцы из других поездов встречали нас приветливо – махали руками (мы – взаимно), и ещё – поезда почти все были на паровозной тяге, как у нас в пору моей бурной юности. В топках у них, скорее всего, был не антрацит, а брикетированный уголь, которым проводники отапливали и наш вагон. Наше железнодорожное хозяйство было на две головы выше. Об этом думалось с удовольствием. Ещё запомнились огромные автостоянки, на которых рядами стояли машины, засыпанные снегом – значит, ими давно не пользовались. Почти такие же по размеру были стоянки перед заводами. На них снега было уже меньше: утром на работу приехали. Подумалось: «Наверное, у них и рабочие на завод приезжают на автомобилях, если так много машин стоит перед проходной». Я тогда не мог знать, что через 10-15 лет увижу ещё большие стоянки перед проходными ВАЗа, а всего лишь через два дня увижу причину такого поворота дел – «Фиат-124».

Переехали Эльбу в Торгау. Вспомнили послевоенный фильм «Встреча на Эльбе». Наконец объявили, что въезжаем в Лейпциг, и что ввиду перегруженности гостиниц жить мы будем в этом же поезде. Хм! Не дураки немцы! Тут они удивили нас ещё: поезд только начал тормозить, а на перроне появились рабочие со свежими аккуратно сделанными деревянными лоханками. Как только поезд остановился, рабочие начали устанавливать эти лоханки под сливные патрубки туалетов. Ну, деловитость и аккуратность немцев мне знакома ещё с 42-го года! До отбоя мы успели немного погулять по перрону и посмотреть на вокзал, даже зайти внутрь ненадолго. Внешне это солидное и красивое здание, а внутри – что-то похожее на наши пригородные вокзальчики. Мы – это Николаич, я и Лёнька. Быстро сообразили, почему такое впечатление: мы за один зимний (короткий) день пересекли (наискось!) целое государство. Да, масштабы не те, к которым мы привыкли. А через Лейпциг поездов дальнего (в нашем понимании) следования ходило очень мало. Большинство – среднее между нашими пригородными и междугородними поездами коротких расстояний.

Наутро уже наши руководители удивили своей организованностью: сразу после завтрака на привокзальную площадь подали десятка полтора автобусов, принадлежащих нашим войсковым частям. Они должны возить нас на ярмарку утром, а вечером – привозить обратно, при этом за каждым вагоном закреплялся свой автобус, так что никакой неразберихи не было. В каждом автобусе был офицер сопровождения. Офицер явно не тяготился своей ролью кондуктора и гида, видно, наскучался без общения со своими людьми. С ним тут же заговорили о прохождении службы, об отношениях с местными: в отличие от солдат офицеры во внеслужебное время свободно передвигались по городу. В целом службой он был доволен. Кто-то спросил:

– А всё же надоело за границей служить?

– Не то слово! Особенно убивает немецкая педантичность. Как-то на учениях, в одной деревне курицу задавили, так хозяйка выставила счёт и за курицу, и за яйца, которые она могла снести, и за цыплят, которые могли вылупиться. Короче, курица встала чуть ли не как корова! Но послать ... нельзя: строго спрашивают за отношения с местными.

Город, в отличие от Дрездена, пострадал от войны гораздо меньше. Сохранились многие средневековые фасады. На фронте одного красивого здания средневековой постройки (кажется, ратуша) были установлены необычайные часы: время отбивали два бронзовых кузнеца, бивших молотами по колоколу! Перед фасадом здания всегда можно было увидеть кучку зевак. Территория ярмарки была огромных размеров: обычная популярность плюс такой юбилей! На ней были

установлены павильоны с выставленными товарами. Были павильоны тематические (электроника, автостроение, строительная техника, текстильное оборудование и др.), а также павильоны разных стран. СССРовский, был самый большой. Не удивительно: СССР производил 80% мировой промышленной номенклатуры. Конечно, экономически это было невыгодно, но зато в стратегическом плане. А если учесть, что вокруг нас были наши союзники, то зависимость от рынка капстран была почти нулевая.

Такие павильоны были не столько торговыми рядами, сколько выставками достижений и рассчитаны они, прежде всего не на продажу изделий, а на пропагандистские цели. Так или иначе, но это приподнимало престиж страны. А присылали участников на ярмарку, чтобы улавливать тенденции, моду, так сказать. Ну, своего рода технический шпионаж.

Я был намерен присмотреться к ткацкому оборудованию (по заданию), и к тракторостроению и автостроению (для души и для будущего диплома). Там я увидел впервые «ФИАТ-124», который потом стал моей судьбой на большую часть жизни. Тогда я этого не предполагал и ограничился простым сравнением его с нашей легковушкой «Москвич-408». Разницы особой не уловил: они были оба одного класса. Николаича интересовала только текстильная промышленность, а Лёньку, естественно, электроника, в которой я тогда мало что понимал (да и сейчас не намного больше). В течение нескольких дней мы ходили по павильонам, иногда все вместе, иногда по отдельности. Ребята кучковались около меня потому, что я ещё сохранял в башке кое-что из немецкого языка. Переводчиков давали только большим группам. На обед в поезд мы не ездили, чтобы не терять времени, перекусывали в буфетах. Брали, что подешевле: экономили деньги на покупки. На пиве, конечно, не экономили, а шнапс (примерно такой же, как самогон в Дубно) брали на вечер в вагон. Водку не брали по двум причинам: её и дома предостаточно, а главное, — она раза в три-четыре дороже.

Самой подходящей едой были «вюршхен» — сосиски: дёшево и питательно, и с пивом хорошо идут. Горчица, правда, нам не очень нравилась: остроты никакой, а цвет сомнительный. Немецкое пиво, почти всё, было лучше нашего, но на ярмарке продавали в основном чешское: оно ещё лучше оказалось. Вскоре обнаружилось удивительное свойство: выпили по маленькой (330 гр.) бутылочке — в голове зашумело, будто мы бутылку водки на троих сообразили. Погода была все эти дни промозглая, нам скоро захотелось посетить подземный бункер. Когда я потом подошёл к умывальнику, вдруг обнаружил, что в голове всё утихло, как будто ничего и не было. Пожаловался приятелям — у них то же самое. Решили повторить эксперимент. Ре-

зультат тот же: через 15-20 минут ничего не остаётся! Поняли, что вино обойдётся дешевле.

Но основную цель мы не забывали. Я обратил внимание на то, что на стендах капстран ткацких станков было немного, и они не сильно отличались от наших. Зато у них было много машин для производства нетканых материалов, чего у нас пока не было. Не буду вдаваться в технические нюансы, но замечу: если лучшие ткацкие станки производили до 3,5...5 метров ткани в час, то нетканых материалов машины вырабатывали до 30 метров за час, и при этом ширина полотна мало влияла на производительность. Это меня очаровало. А то, что эти машины обрабатывают искусственное волокно, меня как-то не волновало тогда.

Однажды мы пошли с Лёнкой в павильон «Электроника». Там с удивлением я увидел, как пишущие машинки сами собой со страшной скоростью молотят тексты. Лёня пояснил: «Телетайпы!» было много ЦВЕТНЫХ телевизоров, особенно на японских стендах.

При осмотре павильона «Электроника» Лёнька Ризаев заявил: «Да, мы лет на 15 отстали от Японии». А Николаич при походах по магазинам и просто по улицам как-то заметил: «Что-то я никак не пойму, кто кого победил: мы Германию или она нас?» Он же и заметил: «Что-то на первом этаже суeta такая?!» В павильоне «Электроника» второй этаж был устроен в виде широкой антресоли по всему контуру, так что легко просматривалось, что делается внизу. Потом Лёнька спохватился: «Я вчера по радио слышал, что сегодня Косыгин должен посетить ярмарку!». Мы решили, что это и есть причина суматохи. И не ошиблись. Вскоре показалась характерная серая шляпа в окружении небольшой плотной группы, впереди которой шёл сотрудник павильона и давал пояснения. Мы тут же скатились на 1-й этаж. Мне захотелось экзотики: «Давайте подойдём и постоим рядом с Николаем Алексеевичем!». Пока мы спускались, любителей экзотики прибавилось. Пришлось протискиваться. Когда до него осталось метра четыре, мои сотоварищи остановились, видимо, были менее экзальтированы, чем я. Я же упрямо пробивался, сквозь толпу, работая локтями и плечами. Наконец между мной и Косыгиным осталось только два человека: работник павильона, который давал пояснения у стендов (переводчик был с другого бока) и какой-то верзила тоже в сером пальто и шляпе. Я попробовал оттереть его, но он явно упирался. Я навалился сильнее. Тут он раздосадовано повёл левым плечиком – я не понял. Он повёл ещё раз и что-то скороговоркой зашипел по-немецки. До меня стало доходить, что он охранник; если даже советский – ему здесь положено говорить по-немецки. Слов я не разобрал, но когда смерил взглядом – если снять шляпу, то я ему только по плечо буду, а его плечи пошире моих чуть ли

не в полтора раза! – то понял и без переводчика, что мне надо «отвянуть», пока голову на 180 градусов не повернули. Так я и не постоял рядом с одним из «великих мира сего». Ближе ко дню отъезда мы больше стали ходить по городу и его магазинам. Удивились обслуживанию в обувном магазине:ходишь, тебя просят сесть на свободный стул и ждать, пока подойдёт продавщица, которая начнёт терпеливо приносить обувь пару за парой, пока не найдётся подходящая. А если не найдётся, и пойдёшь без покупки, то всё равно вослед получишь “Данке шён!” В частных магазинчиках (их там превеликое множество!) продавцы прилипают плотнее – без покупки не уйдёшь. К нашей тройке прибился один молодой таджик из Ленинабада: он увидел, что мы с грехом пополам, но общаемся с местными на немецком. Мирзо был маленького росточка, обувь носил малоразмерную, почти детскую. Продавец сразу заметил: «Кляйн манн – кляйн фусс!» и начал подносить ботинки разных фасонов 36-го размера, но всё равно они болтались на его ноге. Продавец тут же вырезал кожаные подпятники и приклеил к задникам ботинок! Мирзо ушёл довольный, а мы «угорали».

Когда поезд повёз нас на Родину, оказалось, что я на 170 рублей прожил неделю, «дегустируя» пиво, вино и шнапс. А ещё купил жене и себе кое-какую одежду и обувь, которые в Союзе обошлись бы рублей в 500. Да, понятно, почему люди рвались в загранкомандировки. Секрет простой: внутри обращался «деревянный» рубль, а за рубежом давали золотой, он был в 10 раз дороже. Но вот мы опять в Бресте! По ГДР плелись почти сутки, потом так же медленно по Польше: был сильный снегопад, и они не управлялись с расчисткой дороги. В Брест прибыли с опозданием от графика на 17 часов. Сразу побежали в сберкассу забирать оставленные деньги, потом в ресторан – есть борщ!

Снова Харьков

Наконец объявили отправление, и поезд помчал в ночь так, как будто никакого снегопада и не было. Остановок не было до самой Москвы, и мы почти наверстали отставание. К середине дня были в Таджикском представительстве. Здесь объявили, что наша делегация вылетает через три дня, как раз в канун 8 марта, а пока все занимаются по своей программе. Я пораскинул мозгами. Ехать в институт? Но там я пока откреплённый – почти чужой. Найти дешёвую гостиницу и потом болтаться по Москве – погода и моя экипировка не гармонируют. Устроиться в аэропортовскую гостиницу и скучать трое суток, поплёвывая в потолок? И я решил – полечу в Харьков к своим ребятам! Денег, правда, уже в обрез, но там – свои: выкручусь! Сказано – сделано! Часа через три «Ан-10» уже поблёскивал винтами

высоко в небе и направлялся в Харьков. В Харькове аэропорт был рядом с городом, поэтому ещё часа через полтора я ехал в троллейбусе, потом в трамвае, потом пешком с остановки. А потом я зашёл без стука в Колину комнату (он мне писал, где он проживает) в БКК: на третьем курсе он поселился сюда, простившись с дядей Ваней и тётей Машей. Тут он и жил в одной комнате с Витюлей Проголаевым и двумя неграми из Ганы.

Когда я вошёл в комнату, Колька вскочил с кровати, где он что-то читал:

– Санька! Ты откуда! – он бросился ко мне, я его обнял и притиснул.

– Санька не дави: нельзя!

– Что с тобой?

– Вот, смотри! – он поднял рубаху. На животе краснел огромный свежий шрам с хорошо заметными следами от ниток.

– Коля, что случилось?!

– Я двадцать дней, как из больницы, – язву желудка удалили, – помнишь, мне всегда ставили диагноз «язва двенадцатиперстной кишки».

Как не помнить? Мы же его «Стограмовичем» потому и называли, что он не мог принимать махом больше ста граммов.

– Оказалось не так, – продолжил Николай, – мне повезло: когда на скорой отвезли в больницу, там дежурил профессор, спец по язвенным болезням. А когда подошёл срок операции, опять он на дежурстве оказался. Ем сейчас очень малыми дозами, но часто. А пить совсем нельзя!

– Ну, прими мои соболезнования!

Я достал бутылку шампанского, у ребят ещё что-то нашлось (слух о моём приезде разошёлся по общежитию, и пришли ещё несколько человек). А вот насчёт закуски – хуже: все в столовке питались. Но у меня был дорожный запас – кусок колбасы. С шампанским не очень гармонирует, но студенты – они и есть студенты. Разговоров было много, а когда они чуть притихли часа через полтора, Коля повёл меня ужинать в кафе, в которое мы в своё время заходили. Взяли что-то поесть и 400 граммов «Шартреза» (водку в кафе не продавали), сели в укромный уголок, и беседа продолжилась. Я, было, пытался налить Коле, но он категорически отказался. Пришлось смириться. Попутно я рассказывал про Таджикистан, про ГДР, про свой завод, про ярмарку. И вдруг заметил, что Коля смотрит на меня очень любопытным взглядом.

– Ты чего так уставился на меня?

– Санька, а я тебя в первый раз пьяным вижу!

Мы расхохотались. В былые времена пили вместе и казались друг другу трезвыми, а тут...

Возвращение

Препровождение в Харькове было недолгим, но я смог увидеть почти всех ребят из нашей группы и узнать о тех, кого не смог увидеть. Интересно, но после этого группа перестала мне сниться еженощно. Потом Коля сопровождал меня в аэропорт, одолжил десятку на билет (деньги у меня почти закончились), помахал рукой – и я опять в воздухе, а через полтора часа я стоял перед администратором аэропортовской гостиницы. На моё счастье через час освобождалось одно место на третьем этаже. Когда я через час подошёл к администратору – сюрприз! У стойки оформляется начальник ОТК нашего завода Кабан. На заводе – он начальник, чин! А здесь просто сослуживец. Тем более что у него была бутылка припасена! Мы обменялись номерами комнат и через два часа уже сидели за импровизированным ужином. Канун 8 марта! Возвращение домой! Настроение – люкс! Одно плохо: нас двое, а бутылка – одна. Ладно, обошлись!

Летели мы одним рейсом, так что мне повезло: за ним прислали машину. Обновки, что я привёз Людмиле ей подошли и понравились! Сын маленько подросток за две недели.

Через день я сидел в кабинете директора и сдавал отчёт о командировке – техническую сторону. А финансовый отчёт бухгалтерия не приняла: в спешке не был выпущен приказ о моей командировке. Яков Александрович быстро разрубил этот гордиев узел: издал приказ, в котором говорилось, что «Воронцова А.С. считать с 25 февраля 1965 года по 8 марта находившимся в командировке ... Основание: моё распоряжение!» Коротко и ясно! Директор!

Но один разговор с ним оказался не по теме:

– Знаешь, Саша, тут в твоё отсутствие квартиры распределяли. О тебе тоже вопрос стоял – твоя кандидатура немного голосов не добрала. Я как директор мог бы за тебя слово замолвить, и вопрос решился бы положительно, но ты как-то не очень настойчиво просил – и я воздержался.

– Ну, Яков Александрович, ловлю Вас на слове! Теперь настойчиво буду просить, а то надоело уже по частным кибиткам кантоваться!

– Ладно! – На том и порешили.

Отпуска

Странно как-то всё получается в жизни. У меня появился свой дом! Мне было всего 27 лет, вся жизнь – впереди. Но в родные края, где уже не осталось дома, где родные и друзья стали чуточку «бывшими», в эти края тянуло. Поэтому вопроса, куда поехать в отпуск, у нас не было – только в родные края. Но Людмиле было проще: родной край – Пензенский. А у меня – и Воронежский, и Ростовский, и

Сталинградский (он уже стал Волгоградским). Поэтому первый свой душанбинский отпуск распланировали так. Сначала летим в Куйбышев, потом поездом я отвожу Людмилу в Тамалу, где Людмила остаётся у родителей, потом я поездом еду до Черткова, а оттуда автобусом до Павловска к маме. Назад – в обратной последовательности. У Людмилы отпуск педагогический – большой, а мне положено через 11 мес. Мы с ней «совпали».

И вот опять трудяга «Ан-10», как муха, ползёт по воздушной оболочке глобуса. Он летит на такой высоте, что 200 м/сек. кажутся походкой гусеницы. А пустыни и нагорья – глааденькие такие! А своенравная Сыр-Дарья – ниточка. Аральское море – блестящая лужа, хоть и очень большая. Внизу – скучно, зато сверху сияющее солнце создаёт ощущение праздника. Примерно через час полёта после Ара-ла – опять лезут в голову строки Твардовского. Рубежей никаких не видно, но когда показалась совсем тонюсенькая нитка Урала – стало ясно, что начинается Россия.

Ещё час полёта – и мы приземлились в Куйбышеве.

Автобус вёз нас по живописным местам: река Сок, мост через неё, а ниже метров через пятьсот Сок впадает в широченную Волгу, по берегам которой невысокие (по таджикским масштабам) горы. Горы на противоположном берегу показались ностальгически знакомыми... Потом я вспомнил: эти горы я видел в детстве на флаконе одеколона «Жигули».

В Куйбышеве у Бориса мы задержались недолго: уже через день мчались в поезде, который довёз нас до Ртищева, а там – Тамала рядом. Ну, в Тамале я пробыл недолго: поехал в Павловский к маме, Петру Ильичу и моим сводным сёстрам. Точнее, к сестре: старшая, Рая, окончила школу и уехала в околоростовские места – Новочеркасск, Таганрог.

С родными не виделся один год – были разлуки и длиннее, но есть ещё фактор расстояния: чем оно больше, тем разлука тягостней. Родители жили в новом доме за речушкой Тихой, наискось от своей прежней хаты. Бабушка доживала последние годочки и почти не выходила из дому. Теперь у неё была отдельная комната. Нина здорово выросла, а Рая – далеко. Друзья юности частью разъехались, частью поженились... Но от скуки мы с Петром Ильичом спасались народным средством. Так или иначе, намеченное время пролетело, опять Чертково, опять поезд везёт меня в Пензенские места, теперь уже хорошо знакомые. Снова пересадка в Ртищеве. Там в большом зале ожидания всё та же чудесная картина. Вообще я любил рассматривать вокзальные картины. В Лихой, в Харькове... Хорошая была традиция.

В Тамале мы с Людмилой ходили по друзьям. А потом вернулись в Куйбышев, где и купили билеты на самолёт. Время летнее – отпуска, с билетами напряжёнка, но нам Борис помог.

И вот мы опять едем автобусом в аэропорт. У меня крайнее сидение слева у окна, я люблюсь Жигулями, и в голову протискивается мысль: «Если когда уеду из Душанбе, то хочу жить в этих местах!»... Я не могу похвастаться силой характера, но четыре мечты я осуществил – четыре вершины покорил в своей жизни.

Случайно узнав про ХПИ, я загорелся стать его студентом. Это было летом 1957-го. А летом 1961-го я был принят в ХПИ.

Где-то на втором году армейской службы у меня сначала изредка, потом всё чаще стала мелькать мечта связать свою судьбу с судьбой Димкиной сестры Людмилой. Два года длилась наша переписка и в феврале 1962-го мы поженились.

В начале августа 1964-го я «положил глаз» на жигулёвские места. В апреле 1970-го я был принят на ВАЗ инженером-конструктором.

В 1999-м издал первую книгу стихов и начал думать о членстве в Союзе писателей России. В 2002-м издал вторую книгу. В октябре 2004-го я получил билет члена Союза писателей России.

Но тогда, в далёком уже 1964-м году, глядя на Жигули из окна автобуса, я не думал об этом – просто в голову не приходило. К вечеру этого же дня мы были в Душанбе, в уютной кибитке бабушки Фатимы. Уют кибитке обеспечивал наглый виноград «Изабелла».

Второй отпуск летом 65-го был более насыщенный событиями. Отпуск у Людмилы начался раньше моего, поэтому она с Димой улетела в Самару, где её встретил Борис, и далее до Тамалы они двигались накатанным путём. Я же через неделю или полторы вылетел в Волгоград: У Клавды начались семейные проблемы и я вынужден был ей помочь.

Прямого рейса на Волгоград не было, я решил лететь через Баку. Так и сделал. Вскоре после вылета красивый, но пугающий своими пиками Гиссарский хребет сменился скучными, но кажущимися с высоты более безопасными пустынями Узбекистана и Туркмении Наконец объявили: «Пристегнуть ремни – идём на посадку в аэропорт города Баку». И в этот же момент внизу показалась береговая линия Каспия. Я знал, что его ширина в этом месте около 250-ти километров. Невольно подумалось: «Ничего себе скорость!» Буквально через минуту берег скрылся под самолётом и остался позади, самолёт клюнул носом и стал снижаться, но изменения высоты не наблюдалось: цвет моря и цвет неба неразличимы, так что горизонт невозможно было заметить. Где верх, где низ? «Ладно, лётчики опытные, приборы у них есть – не перевернут самолёт!» а минут через десять впереди завиднелись горы на Западном берегу Каспия. Горы,

конечно, были мелюзгой даже по сравнению с Гиссарским хребтом, но ориентир давали.

И вот уже под крылом видны городские кварталы, берег моря. Это Баку! Тот самый, где я был 9 лет назад! Тот ли? Какой он теперь? К моему удовольствию рейс на Волгоград будет только поздно вечером – в 22 часа. Конечно, поеду в город! От аэропорта до городской черты – 20 км с хвостиком. Деньги были. Я взял такси. И не прогадал: таксист любил свой город и когда узнал, что я уже был здесь, и зачем приезжал, он с жаром начал рассказывать, как заправский экскурсовод, про свой город. Да я и сам любил его! Из окна машины заметил три особенности: почти не осталось нефтяных вышек в пригородах и в самом городе, совсем не стало зениток. («Ракетами заменили!») и стало больше многоквартирных домов, которые мы теперь «хрущёвками» называем. Прибавилось зелени, но не намного: пресной воды в городе в обрез!

Я распрощался с таксистом и вышел у вокзала. Посмотрел расписание автобусов, курсирующих между городом и аэропортом, и пошёл пешком в сторону набережной. Хорошо, что в Душанбе немного привык к жаре, но всё же предпочитал теневые стороны. Солнце и сократило мою прогулку по набережной – я поторопился взять билет на ближайший рейс прогулочного катера: на воде было прохладнее. Катер отвалил от причала, развернулся и начал быстро набирать ход. Встречный ветер становился всё более освежающим, не то, что в Душанбе: здесь море давало прохладу. Вода была заметно чище, чем в 56-м: может, всё же сделали машину для сбора нефти? На этот раз у меня разговорчивых спутников не оказалось. Обменялись общими замечаниями. Я пожалел, что не смогу полюбоваться ночной панорамой Баку: Иван Левшин (Ирин муж) служил в Каспийской флотилии, в Ленкорани – совсем близко от границы с Ираном – и много раз ходил мимо Баку, иногда – ночью Он-то и рассказал мне, как красив ночной Баку со стороны моря. Но зато днём видна Девичья Башня! Эта доминанта здорово украшает панораму города. Говорят, сейчас в Баку настроили многоэтажных домов! Не затерялась ли в них башня?

Город становился всё меньше, горы всё ниже, а море – всё шире. И не верилось, что эту бескрайнюю ширь самолёт перелетел за каких-то 17...18 минут. Но катер развернулся в сторону берега и всё начало становиться на свои места. Из города уехал засветло, так что в аэропорту пришлось подождать, когда объявят регистрацию на рейс. А потом ночью я прилетел, и утром уже сидел то ли в ростовском то ли в симферопольском поезде, а в середине дня был уже у сестёр. Оказалось, что мама тоже приехала в Чернышки.

Дни и дела завертелись. Оказывается, Клава разошлась с Володей, теперь продаёт дом и уезжает в село Сетраки Ростовской области километрах в пятидесяти от Мешковской, т.е. не так и далеко от мамы. Но это обстоятельство, конечно, не радовало. Я сопровождал её в Су-ровикино для оформления сделки. Ездили на «Запорожце» покупателя, который тоже был не один – с женой. Потом началось выселение и распределение вещей – кое-что Клава оставила Ире, кое-что раздала соседям, а кое-что контейнером окольным путём через Лихую и Миллерово отправляла в Сетраки. Мы с Иваном Левшиным повезли на грузовике вещи в Морозовскую (в Чернышках не было контейнерной площадки). Выехали рано утром, а управились с делами только к вечеру. И опять, уже усталое тускловатое солнце светило нам в затылок. Мы тоже были усталые, но довольные: преодолели множество препон, перегрузили вещи – отгрузочные документы «на кармане!» – и запаслись двумя бутылками, колбасой и прочим.

В Чернышки вернулись на закате. Тут нас ждал сюрприз: Клава продала запас угля бабушке Шапкиной (которая когда-то нянчила обоих Клавиных детей), и его надо перевезти на соседнюю улицу, пока машина под рукой. Но когда управились с углем, снова подошла Клава:

– Ребята! Вы, конечно, уже устали, но я опять с просьбой – перевезите дрова бабушке: я их подарила ей, а что они, две женщины, смогут потом сами сделать? (Бабушка Шапкина жила только с дочерью).

Шофёр согласился задержаться ещё. Умылись мы около часу ночи. Ужин бабуля приготовила в саду около дома, прямо под вишнями: двор и сад освещались уличным фонарём и переносной электролампой. На стол кроме наших бутылок бабушка поставила ещё две и закуску в виде помидоров, огурцов и прочего. Главный козырь она принесла, когда мы сели за стол – сковородку с жареной картошкой. Я остолбенел: таких сковородок я ещё не видывал – с полметра диаметром и в ладонь глубиной! Нас было трое мужчин и пять женщин, но тут же не меньше ведра картошки!

– Бабушка, да куда же столько! Ведь не съедим!

– Ничего, Саша, ничего! Мало будет – я ещё нажарю! – и она слегка усмехнулась.

Потом, когда сковорода опустела, я вспомнил этот короткий разговор. Но бабуля продолжала удивлять. Сначала выполнял обязанности «наливайки» Иван. Стаканчики у всех были стандартные – стограммовые гранёные. Ваня разлил одну бутылку, понятно, её на 8 человек не хватило, поэтому он открыл вторую, но она опустела только наполовину. Иван прикрыл её снятой пробкой и поставил рядом с непочатыми бутылками. И тут слышу:

– Вань, а ты что же, нам больше не нальёшь? – это с ехидцей молвила бабушка Шапкина. Я глянул на её стаканчик – он был наполнен всклинь! Иван смутился, и далее наливал уже я. Первый тост бабуля поддержала тем, что, не морщась, опрокинула стаканчик и стала спокойно закусывать. Когда я начал подготовку ко второму тосту, то, наливая бабкин стаканчик, следил за нею и ждал, что она остановит меня, как некогда Клаус в общежитии: «Хватит! Хватит, Сажа!». Но бабуля была русской, более того, казачкой и её второй стаканчик не испугал. Только после четвёртого, когда уже и шофёр уехал отдыхать, она твёрдо заявила:

– Саша, мне больше не наливай!

Я в уговоры не стал вдаваться: бабуля знает, что говорит! Вот был народ! «Могучее, лихое племя. Богатыри – не вы!» Здорово подметил Лермонтов, юношей написавший чудесные стихи! Но что интереснее всего, это застолье сопровождалось песнопениями. В нашей семье один я туповатый музыкально, а остальные все поют неплохо (по меркам самодеятельности), а отец играл на гитаре. А тут и бабушка Шапкина, и её дочь оказались тоже песенницами. Пели и казачьи, и мужичьи, и украинские песни, и песни из кинофильмов. Ну, мы с Иваном только подтягивали. Иногда и я куплет-второй пел правильно, но всё вторым голосом, ориентируясь на первые голоса.

Когда водка закончилась, бабка принесла бутылки две вишнёвой самодельной настойки, которая мне так понравилась, что я сожалел: надо бы вместо водки эту настойку пить. Спать пошли уже на рассвете – коротка летняя ночь! А на следующий день опять навалились неотвязные заботы. А через день мы с мамой взяли детей и поехали окольным путём в Павловский, а Клава поехала в Сетраки. Левшины остались одни.

В Павловске я пробыл недолго: надо было заехать в Москву в институт (из-за рождения ребёнка я не укладывался в учебный план, надо было оформить задержку на четвёртом курсе на второй год – единственный раз в жизни я оказался второгодником!), потом за Людмилой и Димой в Тамалу, откуда мы и вернулись в Душанбе обычным путём.

Токарь

Время и обстоятельства имеют упрямое свойство – постоянно меняются. На завод поступил заказ на станки с ремизоподъёмными каретками. Для тканей с особо сложным рисунком переплетения понадобились наборы из восьми ремизок. 8 плоских кулачковых механизмов Учитывая качество деталей, поступающих из механического цеха, задача сборщиков сильно усложнилась: ювелирами надо быть. Нашу бригаду усилили двумя или тремя «ассаами» из других бри-

гад и перевели на индивидуально-сдельную оплату: 25 руб. за каждую каретку. Норма выработки – 5-6 штук за месяц. Заработок до 150 руб. в месяц в те времена (да ещё в Душанбе!) был шикарным. Эх, были бы детали строгие! Да в достатке! И вот однажды я заметил, что один «варяг» кладёт в свою тумбочку хорошие детали с запасом. Звали мы его почему-то всегда по имени-отчеству: Анатолий Васильевич. В Душанбе он кантовался у какой-то молодой женщины и называл её полусупругой.

Мне было неприятно видеть, что именно он припрятывает детали, которые будут лежать мёртвым грузом до конца месяца, тогда как у других ребят будут стоять недоукомплектованные каретки. В целом бригадный план ставится под угрозу. Оказалось, что такие «хомячки» ещё есть. Смысл бригадной работы терялся. Но тут мне пришла в голову мысль, что для расширения моего технического горизонта мне надо поработать и на мехучастке, где были станки разных типов.

Пошёл к Артуру Сергеевичу (он уже был главным инженером). Тому, конечно, не хотелось менять опытного слесаря на неопытного станочника, но я его убедил. И вот я назначен учеником токаря с сохранением на 2 месяца средней зарплаты. Это меня вполне устроило. Обучал меня Витка Синельников, который заверял, что «чувствовать станок» не надо – надо точно ЗНАТЬ! Через два месяца мне присвоили 2-й разряд и поставили на самостоятельную работу. Самым трудным для меня было затачивать резцы: наладчика на участке не было, и это приходилось делать самому. Оказалось, что знать в теории «угол резания», «угол в плане», «задний угол» – это одно, а обеспечить их на живом резце – совсем другое. Мне стало понятно, почему у опытных токарей в тумбочках лежат десятки резцов: их не надо каждый раз перетачивать под новую работу, и они служат долгие месяцы, иногда – годы. А я еле укладывался в месячный лимит расхода резцов.

Ремонтный цех

И вот когда я кое-что начал понимать в токарном деле, когда я успел поработать почти на всех станках до ДИП-400 включительно, и даже на станках других типов: фрезерных, шлифовальных и т.п. мне сделали интересное предложение.

Перевели куда-то в дальний цех начальника ремонтного цеха, а на его место поставили нашего Михаила Слободенюка. Он сделал какие-то перестановки в цехе, и освободилось место мастера мехучастка. Вот на него-то меня и начали сватать. Я пожалел, что не успел попрактиковаться на мехучастке нашего сборочного цеха. Дело в том, что у нас обрабатывались детали ткацких станков на специализированных станках либо на универсальных, но со спецоснасткой.

А в ремонтном цехе на мехучастке изготавливались любые детали для любого оборудования завода. Ясно, что интересней, но сложнее. Однако другого случая могло и не представиться. И я рискнул.

И в течение нескольких дней я превратился из токаря Саши в мастера Александра Свиридовича. Поскольку имя и отчество у меня длинные, то меня очень скоро стали называть попроще – Свиридыч, это обращение так и прилипло ко мне и не отстаёт вот уже почти 47 лет.

Немного погодя я узнал первопричину пертурбаций в цеху. Оказывается, бывший начальник завёл шашни с нормировщицей Марьей Давыдовной. Мало того, они пустились в производственные махинации. Хуже всего то, что Марья Давыдовна обиделась за своего дружка и стала такие крендели с нормами выписывать, что я и новый начальник цеха «встали на уши». То кому-то многократно завысит расценки, то кому-то наоборот. При этом выбирает самых скандальных. Козлами отпущения становились я и Слободенюк. Она хотела, чтобы он не выдержал и подал в отставку, а любимый экс-начальник вернулся бы. Но Михаил проявил твёрдость характера, а я применил все знания по технологии резания металлов, чтобы хоть как-то доказать ей «ошибочность» норм. Месяца 2...3 мы кувыркались, но потом поставили её в рамки.

Я постепенно осваивался, научился ладить с «рабочей аристократией» – ветеранами участка. Когда-то Марья Давыдовна выписывала всем наряды с завышенными расценками. Все были довольны. Но в конце месяца она со своим любовником-начальником подсчитывали, у кого сколько получается за месяц, оставляли наряды на «правильную» (по их понятиям) сумму, а излишек нарядов просто уничтожали. При этом у молодых оставалось процентов 70 от их ожиданий, а у «стариков» – 90...95%. Эти были довольны, а возмущение молодых малоквалифицированных станочников пропускали мимо ушей.

Слободенюк же сказал: «Все получают ровно столько, сколько работают!» Тут заворчали «деды». Нормы времени теперь надо было строго обосновывать, а Марья Давыдовна привыкла работать с кондачка. Вот почему мне пришлось влезать в нормирование. Но для меня это оказалось хорошей школой. Когда я несколько лет спустя работал конструктором в КВЦ ВАЗа, то меня часто посылали в цех курировать изготовление оборудования по нашим проектам, потому что Эльбрус Сагитов, наш главный технический авторитет в бюро, считал, что «Воронцов чувствует себя в цеху, как рыба в воде».

Уже я в составе ИТР рем цеха ходил в ресторан пропивать «горловые» – квартальную премию, уже я начал пользоваться авторитетом у рабочих участка, даже у Юрия Тарутина! (Это был асс-зуборезчик под стать Витьке Пампухе. Он производил расчет зубьев по жал-

ким остаткам вконец изношенных деталей, и делал это лучше всякого инженера. При этом начинал работу часов в девять: с утра у него тряслись руки, потом он куда-то исчезал, появлялся с красной физиономией и начинал работать как автомат! Да, были спецы!).

Пожалуй, я бы сделал хорошую карьеру на этом заводе, тем более что младший Грант перешёл с «Торгмаша» к нам заместителем Главного инженера. Но... но тут опять новый зигза.

Почти бегство

Я уже писал, что Душанбе стоит в зоне повышенной сейсмичности, хотя до Японии, скажем, далеко. Но местные удивлялись, когда узнавали, что «в России не трясёт». Когда я увидел, как у младших Мирзаянцев ни с того, ни с сего закачалась люстра, я удивился. Валья пояснила: «Землетрясение!» Я недоверчиво посмотрел на неё – не погибает ли «для понта»? Потом я неоднократно видел, как качаются люстры, и слышал, как в сервантах начинает звенеть посуда, в основном, стеклянная. Было интересно! И я узнал, что землетрясения силой в 1-2 балла люди просто не замечают физиологически. Но вот однажды вечером, как раз в день, когда объявили об убийстве Джона Кеннеди, я пошёл за водой в колонку, что стояла за арыком у школы. Занял очередь (впереди было всего-то 2 человека) и стал ждать. Вдруг меня что-то мягко ударило снизу в ноги, очень мягко! Но ноги почему-то стали ватными. Парень впереди тут же заявил: «Землетрясение!» В окнах школы закачались люстры – я поверил, что это землетрясение. «Вот оно как происходит!» – подумалось с некоторой радостью даже: среднеазиатской экзотики хлебнул!

Когда я через десяток минут вернулся в кибитку (мы тогда квартировали у бабушки-татарки), тут же похвастался Людмиле, что было землетрясение! Но она моего восторга не разделила, наоборот, сказала, что она и сама это почувствовала и немного испугалась, и что это ей не нравится. Моё восприятие экзотики она не разделила. Но я этому особенного значения не придал: она и грозы боится. Не помню, рассказал ли я про случай, когда она в грозовую ночь осторожно водила пальцами по моему лицу, чтобы удостовериться, что глаза открыты, и я не сплю! На следующий день мы узнали, что толчок был силой в три балла. Всего-то. Разговоров об этом почти не было. Такие толчки были гораздо реже, чем лёгкие в один – два балла, но всё же были и запоминались. Особенно Людмиле. Иногда она стала намекать, что неплохо было бы уехать. Я успокаивал её, как мог: мне не хотелось уезжать: уже начал вращаться в каменистую душанбинскую почву.

Так или иначе, до конца 65 года особых тревог не было. Настал Новый 1965-й год – мы поехали встречать его к Мирзаянцам. В отли-

чие от зимы 63-64 годов, было тепло, + 15 ночью, я ехал в одном пиджачке. Встретили Новый год весело, начался он тоже хорошо. Главное, я теперь не задержался в цехе до 23-30, как когда-то. А праздновал, «как белый человек». Но у нас назревала семейная проблема: 4 января сыну исполнится год, надо отнимать от груди. Надо, а жалко! 4 января, в день его рождения, всё же не хватило духа, отложили на завтра. Всю вторую половину дня он орал – просил есть, но Людмила была непреклонна, хотя физиологически и самой было нелегко. К ночи Дима разорался ещё сильнее, всякие бутылочки-обманочки его не успокаивали. Легли, но спать было невозможно! Я вспомнил старинный способ отлучения детей:

– Намажь сосок горчицей – он и сам откажется! – я был уверен в эффективности народного способа.

Так и сделали. Но! Маленький паршивец помусолил грудь, сплюнул и присосался! Людмиле самой стало легче, и она уже не нашла сил его остановить. Димка насосался до отвала и блаженно заснул, Людмила тоже умиротворённая стала засыпать, я, успокоенный тишиной, быстро стал погружаться в сон. И вот уже начинаются сонные видения. Блаженство! Но вдруг кровать что-то подбросило, из книжного шкафа посыпались книги и стали громко шлёпаться на линолеум пола. А откуда-то из-под земли, размазанный по всей округе, слышался гул! Такой низкий, что я ещё ни разу не слышал такого баса! Мы проснулись – Людмила была в панике, я пытался успокоить её, какими-то общими словами. Но тут последовал ещё толчок – верхний угол спальни явственно закрипел (дом был панельный – новинка в Душанбе). Тут уже и мне стало страшно. Я включил свет и начал искать одежду. Людмила быстро замотала Диму в простынь и помчалась вниз по лестнице. Я напрасно кричал ей вслед: «Оденься!»

Сам я быстро натянул брюки, кое-как всунул руки в рукава рубашки, набросил на плечи пиджак, схватил одеяло и тоже бросился на выход. На лестничной площадке и в подъезде слышались тревожные голоса, в окнах соседних домов горел свет. Людмилы в подъезде не было, я нашёл их с Димой во дворе метрах в тридцати от дома. Какое счастье, что зима была тёплой! Накрыл их одеялом и стал успокаивать, а потом и уговаривать вернуться в дом. Бесполезно! Людмила была, как деревянная, – никаких доводов не слушала, возможно, и не слышала. Примерно через час она стала приходить в себя. На наше счастье нас пригласил живший на 1-м этаже Федя Кошевой – наладчик, предцехкома нашего цеха. К нему присоединилась жена. Общими усилиями мы уломали Людмилу – первый этаж представлялся безопасным: быстрее выскочить можно. Часа два у Фёдора гоняли чай. Димка спал «без задних ног»! Потом поднялись в свою квартиру.

Людмила надела платье и легла одетой. С этой ночи до самого отъезда из Душанбе она ложилась спать только одетой.

Не следующий день выяснилось, что толчок был силой почти в 6. Боже, а что же тогда 9 баллов «по шкале Рихтера»?! Разговоры о ночном землетрясении не стихали дня два, потом пошли на убыль. Но Людмила начала иногда заводить разговоры на тему «а не уехать ли нам?». Я её осаживал: в 26 лет своя квартира со всеми городскими удобствами – где ещё? Мне предложили работу мастера – что ещё? Авторитет у сотрудников и у руководства, перспектива роста – чего ещё? Эти доводы срабатывали довольно долго.

Но вот весной развалило Ташкент. Мостовые написали, что у них одна стена дала такую трещину, что рука пролазит! Людмила тут же: «А если у нас такое случится?» Да ещё Дима заболел, пришлось его отправить в Тамалу. Но меня мысль о возможном отъезде угнетала: только жизнь наладилась и пошла в гору!.. А потом где-то заново устраиваться, превратиться опять в новичка..... Но пока было всё спокойно, Людмила тоже немного успокоилась.В школе начались экзамены. И вот в один из таких прекрасных дней сразу после обеденного перерыва я зашёл в кладовую.

– Тётя Клава! Текстолит листовой, 20 миллиметров, нужен, кусок – шестерёнку на маслоснасос нарезать. Есть?

– Есть, Саша (тётя Клава была пожилая – так мне казалось – и называла меня просто по имени), вот на полке кусок лежит, посмотри – подойдёт? – и она протянула руку к стеллажу.

Я не успел разглядеть, как под ноги что-то ударило, земля загудела, а со стеллажей посыпались заготовки и готовые детали. Тётя Клава побледнела, глаза у неё округлились, она схватила меня за руку и сжала, как кузнец дядя Ваня Звягин в Батовке. Я что-то начал ей говорить успокоительное и не дал выскочить из кладовой. Через минуту-другую она успокоилась и отпустила мою руку. Но тут последовал толчок ещё более сильный, тётя Клава за секунду выскочила в дверь и куда-то исчезла. Я понял, что мне надо тоже покидать помещение, и резво пошёл к двери. Когда вышел в пролёт, то бросилось в глаза, что фонарь цехового пролёта шатается, как пьяный, кое-где посыпались стекла, а рабочие, кто стремглав несётся к воротам, кто лезет под станок (токарям лафа!). Моё первое желание было тоже дать стрекача, но я же мастер участка! Как я буду выглядеть в глазах подчинённых? Поэтому я тут же принял решение – стал под ближайшей кирпичной колонной, на которую опиралась ферма перекрытия, и которая, по моему разумению, не должна была свалиться из-за своего внушительного сечения – почти метр на метр. Больших толчков больше не было, только лёгкая дрожь, но фонарь продолжал шататься, и выпадающие с пятиметровой высоты стёкла (по счастью, их

немного выпало) были, ой как страшны! Но минуты через две-три всё остановилась, стало тихо, а ещё через минуту – чей-то нервический смех. Потом ещё, ещё! Из-под станков вылезали рабочие, перекликались и громко хохотали. Потом спокойно, но всё же вышли из цехового пролёта, продолжая подсмеивать друг друга, и минут пятнадцать этот базар был у цеховых ворот. Но постепенно все успокоились и вернулись к станкам.

Тут я подумал про Людмилу: как она там, напугалась, вероятно. Пошёл в приемную нач. цеха, где был городской телефон, и позвонил ей. Мне ответила какая-то сотрудница:

– Знаете, её нет на месте. Она проверяла экзаменационные работы, но началось землетрясение, и она убежала.

– Извините, это её муж. Сходите за ней, пожалуйста!

– Хорошо, – и в трубке воцарилась тишина минут на 5...6. Наконец, – Знаете, её во дворе нет, я не смогла найти.

Боже, как же она напугалась, что убежала так далеко?! Через час я позвонил – более успешно на этот раз. Когда вернулся домой, тут же услышал:

– Саня, ничего не надо! Поехали домой!

– Мы и так дома!

– Нет, в Пензу, в Тамалу – куда угодно!

Я понял, что на этот раз мне уговорить её уже не удастся. Стали всерьёз перебирать варианты. Дело осложнялось тем, что мне надо было работать по учебной специальности, а то из института отчислят. Остановились на варианте: едем в Куйбышев. Там можно квартирувать у Бориных тестя и тёщи, а его попросили узнать что-либо о работе. Начали морально и материально готовиться к отъезду. Когда Борис сообщил, что работу можно найти на заводе «Трактородеталь», мы решили окончательно – едем!

Мне было неудобно перед Яковом Александровичем, но он понял мои обстоятельства и заявление моё подписал. Так что вскоре мы отправили вещи контейнером в Куйбышев, попрощались с друзьями (в том числе с Ризаевыми – они жили через два дома от нас), выпили «на посошок» и поехали восвояси. Людмила не говорила о своих мыслях, но я очень сожалел, что приходится уезжать.

Но недаром говорят: «Что Бог даёт, всё – к лучшему». Как уезжали из Душанбе почти через 30 лет Мирзаянцы... После этого мы сочли, что мы – счастливики!

6. ОТ ТАМАЛЫ НЕ УБЕЖИШЬ

Гостеприимный Куйбышев

В конце июля мы приземлись в Курумоче. И часа через три встретились с Борисом, его тестем и тёщей, тут же договорились об условиях квартирования. Борис получил квартиру давно, а сестра его

жены с семьёй съехала недавно – и в их частном доме на Кряже освободилась комнатуха, именуемая спальней. Маленькая, но всё же отдельная комната. В Душанбе мы и не в таких жили! Людмила поехала в Тамалу, а я остался ждать контейнера и попутно решить вопрос трудоустройства. Наилучший вариант – завод «Трактородеталь». Там меня согласились принять мастером мехучастка. Оклад, правда, небольшой – на уровне душанбинского, но здесь жизнь-то подороже! Но я был уверен, что и здесь не пропаду.

Кстати, о душанбинцах. Однажды на вокзале, когда я приезжал брать билет до Тамалы, в подземном переходе я встретил двух душанбинских сотрудниц Людмилы: они приехали в отпуск. Надо же! За 5000 километров от Душанбе среди вокзальной толпы увидеть знакомые лица, с которыми полторы недели назад расстался, казалось, навсегда. Это была третья невероятная встреча из восьми.

О первой встрече на крыше вагона с ПТУшником из Шахтинского горнопромышленного училища я уже рассказывал.

Вторая была летом 61-го, когда наш полк был на летнем аэродроме около Брод. Как-то вечером Смуров послал меня подменить на старте Кольку Губарева (начинались ночные полёты). Я шёл мимо стоянки запасных самолётов (Хрущёв сокращал армию на 1 200 000 человек, при этом и техника оказалась избыточной). Вдруг слышу, кто-то окликает меня по фамилии. Оглядываюсь – да часовой-то Колька Болдырев! В Сретенске мы были с ним в одном учебном взводе, хотя и в разных отделениях. Особыми друзьями мы не были, но мне грела душу его фамилия: Шурка Болдырев был хоть и тиран, но друг детства, и наша дружба сохранилась до самой его смерти. Как Николай сюда попал? Его же в другую сторону после школы механиков авиавооружения отправили... Ларчик открылся просто: после полутора лет службы на Дальнем Востоке в авиатранспортном полку, побывав и на Сахалине, и на Камчатке и даже на Чукотке, он вместе с полком попал под сокращение и был отправлен в нашу дивизию аж на Западную Украину. Ясно, что здесь по его специальности некуда было пристроить, и его направили в роту охраны. Он сильно не сокращался: до «дембеля» оставались считанные месяцы. Но если бы я прошёл мимо стоянки на несколько минут раньше или позже, – он бы меня не заметил.

Четвёртая случилась уже в Тольятти. С 25 апреля я был зачислен на Волжский автозавод, закончил оформление числа 29-го. В отделе появился 30-го, меня определили в бюро, сказали, что Первомайская демонстрация будет в Старом городе, сбор в 11 час. на Комсомольской улице. Мы с Борисом (о нём – позже) нашли место сбора, поскольку я никого из отдела ещё не знал кроме нач. бюро, то мы стали в колонну с кем-то. Пока собирались – сбегали в ближайший магазин и

«вдохновились» красненьким, так что «Ура!» кричали с энтузиазмом! В колонне мы оказались с правого края. Когда вышли на Площадь Свободы, то на тротуаре я увидел – стоит Толик Мунаев, мой институтский товарищ! Ничего себе! Выскакиваю из колонны:

– Толик, привет! Как ты здесь оказался? Ты же в Самаре живёшь!..

– Сашка, ты?

– Я, а ты что стоишь – пошли с нами!

– Не могу, я в спецорганах работаю, месяц назад в Тольятти перевели, вот в оцеплении стою!

Я записал на пачке «Беломора» его адрес, догнал Бориса, покричал «Ура!» а потом нашли Толиков дом на Жилина, и продолжали «вдохновляться» уже под присмотром Вали, его жены.

Пятая неожиданная встреча была более казусной. Когда работал в Тамалинской СХТ, был командирован в Москву на ВДНХ. На четвёртый день командировки решил навестить общежитие ВЗМИ, в котором останавливался во время сессий – нет ли знакомых, и нет ли чего нового. Осталось перейти улицу, на противоположной стороне которой стояло общежитие, и машинально оглянулся влево-вправо: нет ли машин. Что такое! В поле зрения мелькнуло знакомое лицо. Осмотрелся получше – слева от меня метрах в двадцати стоят две женщины средних лет и наша секретарша Галя Матюнина! Оказывается, она вчера приехала в гости к тёте и гуляет с ней, а тут тётушки-на знакомая встретилась. Это же надо!

Шестая встреча была ещё удивительней. В 73-м году я с восьмилетнем сыном ехал в отпуск в Чернышки. На пересадке в Волгограде решил поужинать в вокзальном ресторане перед дорогой. Сделал заказ себе и Димке, ждем официантку – вдруг меня окликают по фамилии из-за соседнего столика. Оглянулся – Колька Верблюдов! Коля был в числе 10 выпускников, отправленных на Западную Украину. Здесь он попал в полк, базировавшийся в Бродах, но, как и Коля Болдырев, попал в роту охраны в наш полк. Потом он поехал со мной в Харьков, но не прошёл в ХПИ и вернулся в часть дослуживать. Оказалось, что в декабре он после демобилизации вернулся в родной посёлок Киквидзе в Волгоградской области, а на следующий год поступил в пединститут и по окончании его работал преподавателем по труду в школе родного посёлка. В Волгограде был на педагогической конференции перед началом учебного года. И так же, как и я зашёл поужинать перед поездом.

Седьмая удивительная встреча Болдырев тоже в Москве. Летом 86-го опять был в командировке (теперь уже от Волжского автозавода). Уже на следующий день понял, что надо купить обратный билет, пока ещё деньги есть, а то накануне вечером они слишком быстро

таять начали. Поехал на Ленинградский проспект в городской аэропорт, занял очередь в кассу и пошёл в буфет за газировкой, а то мучила «духовная жажда». Тут же открыл бутылку и пошёл через огромный зал, на ходу заливая жажду. Тут меня окликнули (опять по фамилии!). Смотрю – Васька Передрий, студенческий одногруппник! Мы с ним три недели назад виделись в Харькове, куда съезжались на очередную юбилейную встречу. Он работал во Владимире на тракторном заводе. Летит в командировку, в Москве пересадка. В Москве, в муравейнике аэровокзала, когда взгляд не задерживается на одной точке больше двух секунд, увидеть знакомое лицо!

Восьмая удивительная встреча, пожалуй, даже фантастическая, случилась в декабре 87-го. Я взял путёвку в ВАЗовский профилакторий «Прилесье» и приехал заселяться. При оформлении мне сказали, что есть свободные места на шестом и на третьем этажах. Я попросился на третий. «Пожалуйста, но... – медсестра замялась, – там вьетнамец живёт». Какая разница! Вьетнамцев на ВАЗе было много: СССР оказывал братской СРВ помощь после разрушительной американской агрессии. Заселился. Познакомился – Чан-Зуй Вык, один из руководителей вьетнамского «десанта». Как-то вечером, когда я порушил запас к Новому Году, мы с ним разговорились, он сносно владел русским языком. Удивительно: оказались ровесниками – оба с 39 года, Вык тоже пишет стихи. В разговоре я упомянул, что учился на Украину, и он поинтересовался:

- А где там?
- Какая тебе разница?
- И всё-таки?
- В Харькове.
- А в каком институте?
- В ХПИ.
- На каком факультете? – тут я уже заинтриговался.
- На ТСМ, поступил в 61 году.
- Так вот, Саша, я в это время тоже там учился! – И тут я вспомнил, что у нас на отделении сельхозмашин было много вьетнамцев.

Надо же! Исколесить половину земного шара, чтобы познакомиться с человеком, мимо которого 25 лет назад проходил по коридорам института.

Наконец, девятая, последняя на сей день, – в подземном переходе в Тольятти летом 2012-го. Здесь меня окликнула бывшая сотрудница (точнее, почти сотрудница: Ольга Дмитриевна пришла в бюро, которое я возглавлял, через месяц после того, как я перевёлся в другое подразделение). Ну, что мы встретились в родном городе – это не удивительно. Удивительно другое – с ней была жена профорга нашей группы «ТСМ-21а» Толика Лиманского (увы, оказалось, что уже

вдова). А в Тольятти она оказалась потому, что они – сваты: Ольгина дочь замужем за сыном Толика и Нины.

Одним словом, в разведку мне нельзя: обязательно напорюсь на знакомого. Тем более что у меня какая-то типовая физиономия: меня часто путают с кем-то. А с Ванькой Лагутиным в Павловске чуть ли не близнецами считали!..

Дней через пять подошёл контейнер, я доставил мебель в дом Коптевых и поехал в Тамалу за семьёй. Димка меня признал не сразу, как и Людмилу, которую назвал тётей, что её до слёз обидело. Он заметно подрос и поправился, чему мы были страшно рады. А ещё он оказался подстриженным (мы его до года принципиально не стригли, а потом как-то не получилось). А ещё оказалось, что он может говорить слово «Ганди!», что деда очень потешало. А ещё он научился забивать гвозди в табуретку, выделенную ему дедом. Как заправский плотник, он заколачивал гвоздики, приговаривая: «Гвоз-дя!», бил размашисто, почти не глядя, но никогда не промахивался. Это и меня забавляло. Продырявленная им табуретка прожила лет тридцать ещё. Диме не верилось, что это он её так разделал.

Ещё Дима удивил меня тягой к технике. Во дворе пищекомбината стояла старая сломанная «полуторка» и тоже неисправный трактор «ДТ-54». Во время прогулок по этому двору (я уже говорил, что дом тестя находился на территории комбината) он быстро усвоил, что это – «бибика», а это – «так-так». Потом он узнал, что такое кабина, руль, колёса, двигатель, а на тракторе – гусеницы. И легко находил и показывал ручкой тот или иной элемент машины или трактора. Более того, на рисунках в моих книгах он безошибочно тыкал пальчиком в изображение двигателя или радиатора, или «пускача» и т.д. А если я ему показывал новый агрегат на картинке, он его потом мог указать на натуре. Я пылал гордостью!

Это, конечно, хорошо, но... Но уже на второй день Людмила стала меня убеждать, что надо пожить в Тамале до завершения учёбы. Елизавета Сергеевна рьяно её поддержала (похоже, она и была автором идеи). В Тамале есть две организации более-менее близкие к профилю моей учёбы: «Сельхозтехника» (бывшая РТС и ещё ранее бывшая МТС) и СПТУ, т.е. сельское профтехучилище (то же УМСХ, но более современное). Дима (старший) работал в училище мастером и готовился стать старшим мастером, а я мог бы принять его группу. Короче, пришлось снова ехать в Куйбышев, фрагтовать контейнер и отправлять мебель в Тамалу.

Практика

И вот я опять в «ремеслухе», но уже не как учащийся, а как преподаватель. Кстати, то обстоятельство, что я закончил Нижнее-Чирское УМСХ, помогло мне: в первой беседе со мной директор училища

Алексей Константинович напирал на то, что по учебному профилю я тракторостроитель, а не эксплуатационник, а тут при обучении ребят тракторами надо управлять. Но когда я почти случайно сказал, что имею аттестат (и очень неплохой!) УМСХ, то Алексей Константинович заявил: «Ну, это другое дело!»

«Вначале была лафа!»: меня оформили на работу, но недели две делать было почти нечего: так, мелкие работы по ремонту техники и инвентаря училища под руководством механика училища. Дело в том, что учащиеся были на практике в колхозах и совхозах Тамалинского и других окрестных районах. Группа, мастером которой был мой шурин и армейский друг Димка Афанасьев, целиком находилась в Дуровке (вскоре переименованной в Жизненную). Лафа вскоре закончилась: меня привезли в колхоз (название уже и не помню), собрали группу и представили ей старшего мастера училища и нового мастера группы.

И вот я мастер группы. Вспомнился добрейший Пётр Ефимович, который управлялся с тремя десятками шпанюков, некоторые из которых имели «криминальный опыт» (в основном это были выходцы из южных районов Ростовской области). Но я не имел его возраста, его опыта и основательности. Начались мои хождения по мукам. Умозрительно и по рассказам старшей сестры Клавдии я знал, что педагогическая работа очень трудная. Но что она окажется такой трудной, я и представить не мог! (За 50 лет своей трудовой деятельности я побывал на разных работах, но тяжелее педагогического труда я не знаю!)

Беды начались с того, что они очень уважали Димку, и принять вместо него кого-то другого не хотели. На служебную необходимость им было наплевать. Очень скоро мои указания стали саботироваться, на производстве я не привык к такому. Поэтому стал налегать на строгость тона, на учебную и производственную необходимость – не помогает! От бригадиров пошли жалобы – стали хуже работать. Наконец, приехал председатель и заявил, что он сомневается – давать ли им назавтра какое задание... Я собрал группу вечером, рассказал об этом случае: думал – устыдятся и исправятся. На следующее утро – голодная забастовка: не идут на завтрак: «Мы не работаем – не за что кормить!». Я вызвал подмогу – приехали Димка и Алексей Константинович!

После беседы с ними положение немного улучшилось, но не намного! Я уже был в отчаянии – впору убегать, но что потом? Мы с Людмилой снимали квартиру – всю двухкомнатную избу домов через пять от тестя и тётчи. Работы я пока никакой на примете не имел. Уезжать? Куда? В общем, положение хуже архиерейского. Но вот вскоре произошёл один неприятный вообще-то случай. Вечером подье-

хал к общежитию, роль которого играла большая изба на току, до этого использовавшаяся как лаборатория, сторожка и конторка одновременно. В нос ударил запах арбузов. Ах, поросята! Поезд пограбили! Точно, – везде валялись арбузные корки. Дело в том, что рядом с Дуровкой проходила железная дорога, и располагался полустанок с тем же названием. Там местная шантропа и примкнувшие к ним наши пацаны традиционно совершали налёты на составы с арбузами, шедшие из Астрахани в Москву. Да и на других перегонах такое было, так что только Богу ведомо, сколько арбузов оставалось в вагонах, когда они добирались до Москвы. Несколько пацанов забирались в стоящие, либо медленно движущие составы и начинали выбрасывать арбузы, а другие подхватывали их на откосе, часто неудачно. Скрыть такой налёт было невозможно: на многие метры вдоль полотна всё было усеяно арбузными корками.

Я сразу подозвал старосту и комсорга. Приказал им немедленно собрать все корки, а недоеденные арбузы отнести и зарыть в ближних скирдах соломы. Это они выполнили. Буквально через пять минут подъехали председатель сельсовета и председатель колхоза.

– Ваши пограбили поезд?

– А что, поймали кого-то? Может, это местные?

– Да нет, они на тракторе «МТЗ -50» удирали!

– Номер записали?

– Нет.

– Ну, в селе тракторов «МТЗ -50» много! Это не наши! – я, конечно, сильно рисковал, но во мне ещё сидел курсант УМСХ №7 из не очень далёкого 1957 года.

Председатели прошлись по помещению и вокруг него, но никаких улик не нашли и вскоре уехали. Шпанюки мои присмирели немного и стали более послушными. Дней через пяток появляется один из группы и докладывает:

– Александр Свиридович! Там в клубе драка большая назревает: Сашка Крутилин вчера с одним подрался, а сегодня местные хотят отомстить, как кино закончится.

Батюшки! Этого мне только не хватало! Я быстро собрался и чуть не бегом направился в клуб. Сеанс уже закончился, народ выходил из смотрового зала, а недалеко от выхода уже кучковались наши и местные. Силы пока были равные – человек по пятнадцать с каждой стороны, но у местных резерв, конечно, больше. Я понимал, что драки никак нельзя допустить: могут покалечить кого-то, а я за группу отвечаю, хоть наших побьют, хоть наши местных поколотят. Одним председателем сельсовета не отделаешься! Да и самому в суматохе может достаться. Тут я пожалел, что мне только 27, а не 37: разница возраста всего в 10 лет мне особого авторитета не придавала. Но мне

пришлось стать пламенным оратором, когда я стоял между стенок. Ощущение, правду сказать, не из приятных. Положение осложнялось тем, что среди местных было несколько ребят, учившихся в Саратове и приехавших на каникулы. А городская шпана всегда агрессивней деревенской. Наш Крутилин был хоть не из ахти какого города – из Земетчино, но он – сын управляющего отделением совхоза, привык важничать и задираться.

Кое-как мне удалось отодвинуть центр группы и наш левый фланг метра на полтора-два, напряжённость пошла на убыль, но тут на нашем правом фланге местные обнаружили у кого-то металлический предмет.

– А! С железкой пришёл! Давайте его нам! – человека три схватили нашего и стали тянуть в свою толпу. Дипломатию разводить было уже некогда, я тоже схватил его за пояс, мне помогли ещё наши – оттащили-таки! Я выхватил его железку (какая-то деталь от культиватора) и закинул на выгон. Потом стал обещать местным, что накажу его своими силами – обстановка опять стала улучшаться... И вот я своих ребят, как стадо гусей, погнал к общежитию. Перебранка и угрозы ещё продолжались, но это уже было вдогонку, ритуально.

Придя в общежитие, сделал перекличку – слава богу, все на месте! Провёл с ними короткую воспитательную работу, выставил дежурных и дал команду на отбой. Сам же до утра не уснул: время от времени «проверял посты». На следующее утро мои сорванцы были шёлковыми! Полное подчинение с полуслова! Ах вы, мерзавцы! Сколько крови мне пришлось попортить, что-бы вас на место поставить! Конечно, теперь я стал добреньким: ни повышать голос, ни «качать права» уже не надо было. Ну, директору я не стал объяснять секрет моего педагогического прорыва. К середине сентября вернулись в училище, начались другие проблемы, стало чуть полегче: за каждой группой кроме мастера был закреплён ещё кто-то из преподавателей в качестве «классного руководителя». В нашей группе была Шуныкина Александра Александровна – преподаватель агрономии и замечательный педагог.

И всё же, когда освободилось место мастера слесарной мастерской, то я недолго колебался, когда мне предложили это место. Там я отвечал только за порядок, поведение на уроке (а когда они делом заняты, на шалости времени и сил у них уже не оставалось) и отсутствие травматизма. Это всё у меня получалось. Каждая группа занималась в слесарном кабинете весь день, их курировал классный руководитель, так что мне оставалось следить только за учебными работами (самая сложная – изготовление пассатижей) и порядком в мастерской.

Я и сам занимался: записался на занятия автоделом: мне хотелось получить водительские права. В мае следующего года были экзамены. Их принимал сам Поляков! Поляков был капитан милиции, слыл самым грамотным, педантичным и неподкупным ГАИшником в области. Его все уважали и немного побаивались. Кроме всего прочего он был новатор: сам изобретал и конструировал приборы и стенды для контроля автомобилей, и был одним из первых в Союзе, кто применил так называемое «программированное экзаменование». Но и эту систему можно было обхитрить. На экзаменационной карточке было десять вопросов. Проходной балл – 9. Я набрал 10. Но! Но мне сказали, что два верных ответа не могут стоять рядом, только по диагонали, либо с интервалом. Так вот в 10-м вопросе у меня возникли сомнения – знал нетвёрдо. Однако когда указал на один ответ, казавшийся мне верным, он получился «диагональным», и тогда я легко вычислил правильный ответ. Вот и стал круглым «десяточником». Упражнение по вождению я сдал легко: помогал опыт вождения тракторов, особенно новых колёсных «МТЗ -50» и стажировка с инструктором по вождению Анатолием Ж. А знание матчасти у меня было отличное: принципы устройства и конструирования автомобиля изучал в институте, с детства вырастал среди подвижной техники, трактор изучал в УМСХ, а от трактора до автомобиля не так уж и далеко. Заодно освоил езду на мотоцикле. Так что к лету 1967 года я получил права мотоциклиста и шофёра-профессионала 3 класса. Позже, уже в 80-е годы мне их обменяли на новое удостоверение с открытками А, В и С категориями, этого мне оказалось предостаточно. Так что я с благодарностью вспоминаю сотрудника, преподавателя автодела Алексея Михайловича К.

Русский, он и в Африке русский

Кстати, с Алексеем Михайловичем оказалась связанной одна небольшая курьёзная история в моей жизни. У него в Москве проживал брат, кажется, Николай. А работал он не где-нибудь, а в Министерстве Внешней торговли! И не рядовым сотрудником, а начальником отдела по Северной Африке. А в Москве у него были друзья, заведовавшие таксопарками, значит, и машинами в них. В качестве такси использовались, в основном, «Волги». Ясно, что машины изнашиваются, их надо заменять. А старые было рентабельнее продавать частным лицам, чем сдавать в металлолом. И продавали их по цене 400-500 рублей. (Госцена «Волги» для госорганизаций была тогда 1450 руб., а в розничной продаже – около 5600 рублей). Причём, для «своих» бывшие такси продавались не сильно потрёпанные. (Тогда почти никто, я – тоже, не знал слова «коррупция», но все знали слово «блат»). Ясно, что мне захотелось стать «счастливым облада-

телем» «Волги», даже если она потребует некоторого ремонта. Я так размышлял, что даже не подумал: «А почему же Алексей Михайлович не имеет машины – он же ещё ближе к сановному брату?!»

Потому во время отпуска я задумал съездить к маме не просто так, а попросить денег на машину (она держала «фонд» – деньги, полученные за неледовский дом). И я сделал крюк – поехав через Москву. Ехал с запиской от Алексея Михайловича.

И вот я у подъезда девятиэтажки в Новых Черёмушках. Высчитываю номер этажа и поднимаюсь на отлично работающем лифте. Звоню. Открывает женщина средних лет. Короткое приветствие и объяснение. Женщина через плечо:

– Коля, к тебе!

Выходит Коля – явно похожий на Алексея Михайловича:

– Слушаю Вас!

Опять короткое объяснение, подаю записку. Николай Михайлович прочёл и заулыбался:

– Ну, пойдёмте! – и повёл меня в кухню, а жена уже успела нырнуть в комнату, в которую меня так и не пригласили.

В прихожей была красивая мебель, а кухня меня поразила: всё импортное – белое, одинаковой высоты, поставлено в рациональном порядке и хорошо протёрто, хотя они и не знали, что будет визитёр. Аккуратисты! Минут пяток мы вели общий разговор о Тамале, о нашем училище, о Николае Михайловиче (немного: он сам в письме написал про себя). Потом Николай Михайлович дал команду (точнее, попросил: я заметил, что в доме главный командир – не он):

– Нина! Приготовь нам что-нибудь! – и достал бутылку из холодильника.

«Виски» – прочёл я, – это же надо! А какой же он (она? Оно?) крепости? Небось, как спирт, – его же с содовой водой пьют! Так во всех книжках написано»

Пока хозяйка резала колбасу, помидоры и жарила яичницу, Николай Михайлович рассказал немного о своих командировках в Алжир, Марокко и Тунис. Очень хвалил легковые машины зарубежных марок: «Такие лёгкие в управлении, самим не надо ремонтировать! У нас шофёр – почти механик, да и силач: баранку надо крутить ой-ёй! А там сидит негр за рулём и одним пальцем управляет!». А какие там бытовые агрегаты! Я обратил внимание на холодильник:

– Мы уже сколько сидим, а холодильник ни разу не включился. Неисправный?

– Да нет! Работает.

– А почему же не слышно?

– Так он же газовый, бесшумный.

Дальше я свою деревенскость показывать не стал – умолк, тем более что яичница поспела, и хозяин начал разливать виски. «А где же содовая?» Но вслух я этого не произнёс – просто следил за хозяином. Провозгласили тост за знакомство. Я чокнулся – и рука моя застыла в воздухе: выжидал, как будет вести себя хозяин. Наконец он выпил – и ничего, стал спокойно закусывать помидором. Теперь и я решился – хватанул залпом, благо рюмка была небольшая, граммов на семьдесят. Не успел допить, как в мозгу сразу несколько мыслей столпились, как Чичиков и Манилов у двери: «Чего же здесь содовой водой разбавлять?», «Да такого самогона я уже несколько вёдер выпил!», «Чего же он эту гадость держит в доме, водки что ли нет в магазинах?» Пришёл к выводу: человек хочет выглядеть, как европеец!

Бес с ним – главное, чтобы помог «Волгу» задёшево купить. Но вскоре выяснилось: чтобы стать «своим» в кругу директоров таксопарков, надо с ними не один раз покутить в ресторане и оплатить эти кутежи. В итоге – не дешевле, чем в магазине покупать новую. Хорошо, что бутылка виски была только одна – я смог не выказать своего разочарования.

Хозяин любезно вызвался проводить меня до метро. Шли и вели светскую беседу ни о чём. Но душа горела: что такое одна бутылка на двоих? На скамейке в скверике (деревца ещё только подрастали) я набрался нахальства и предложил добавить. К удивлению, он не возразил. Я, как младший, «побежал» в магазинчик. Оказалось, что крепкие напитки продавали только до 9 часов. Пришлось взять большую бутылку вина («огнетушитель») и граммов 200 конфет на закуску. Пошёл за стаканом к батарее автоматов для газовой. Увы! Душа горела не у одного только меня – стаканы все растащили.

– Николай Михайлович, беда! Стаканы растащили, в седьмом автомате только лежит разбитый, но им невозможно воспользоваться! Придётся прямо из бутылки... (сказать «из горла» я не решился).

– Ничего, Саша, управимся!

Хорошо, что уже темнело: не видно было, как у меня отвисла челюсть! «Вот тебе и европейское одеяние, газовый холодильник, люстра на кухне! Нет, русский – он и в Африке русский!» А на следующий день я уже катил в поезде, и всё вчерашнее уже казалось смешным казусом, а в голове крутилась простая формула: «Русский – он и в Африке русский!»

И опять зигзаг

Путешествие моё продолжилось по накатанному ритуалу. В Чертовке навестил двоюродных братьев Митю и Колю и двоюродную сестру Клавдию – всех их давно не видел. Расспросил про их житье-бытьё, чтобы потом рассказать маме: она очень любила племянни-

ков. Клава с тётей Фёклой (она ещё была жива) обреталась в доме, перевезённом из Неледова, а ребята построили себе дома сами. В Павловске я пробыл недолго. Немного помог родителям: пропалывал огород и косил сено в леваде – этот дом, как и прежняя хата, стоял недалеко от речушки. Пойма начиналась почти от дома, так что огород располагался почти на самой луговине так, что в некоторые вёсны его заливало полной водой. Друзья мои все разъехались. Ваня Мрыхин женился на женщине с ребёнком и вскоре уехал с семьёй на Украину в Александрию.

Мама с Петром Ильичом жила недружно, это мне не прибавляло желания задержаться. Так что через недельку я опять оказался в Тамале. Там надвинулись две большие новости, одна из которых вообще-то была ожидаемой. Мне исполнилось 28 лет, комсомольский возраст закончился, откладывать вопрос о вступлении в КПСС уже было невозможно. Я подал заявление, рекомендации собрал без труда, так как на работе у меня всё было хорошо, комсомольская биография хорошая, с общественными поручениями справлялся. Рекомендации дали Шунькина А.А., о которой я уже говорил, и Липатов Станислав Григорьевич, преподаватель экономики. Он был фронтовик, имел медали и ранения. Но ограниченная подвижность левой руки не мешала ему ездить на мотоцикле. Это обстоятельство и послужило причиной казуса, о котором он с изрядной долей самоиронии рассказывал при застольях. Году в 47-м он поехал по служебным делам в Голяевку. Выезд из Тамалы – по мостику через безымянный ручей. Дорога, кое-где мощёная, у моста и на въезде, и на съезде побита более обычного. Но у мотоцикла всего два колеса, он маневренный, так что Станислав Григорьевич проехал без особых затруднений, а за просёлком помчался, только пыль хвостом. До Голяевки всего 18 км, мотоцикл «ИЖ-350», дел там было немного, так что он вернулся всего через час, ну, может, чуть больше. Дорога и все колдобины на ней известны, так что он подъезжал к мосту, не снижая скорости. И вот уже у самого моста увидел, что дорожно-ремонтная служба «подремонтировала» дорогу – засыпали колдобины песком! «Ну, затормозить я не успел, что произошло, только потом понял, – рассказывает он. – Очнулся, когда почувствовал, что на меня льют воду. Открыл глаза – надо мной стоит женщина и поливает меня из ведра, при этом я заметил, что она как-то странно отворачивает голову в сторону. Что такое? Потом повернул свою кое-как – и вижу: «Ижак» метрах в пяти стоит, как вкопанный, в песке, а на барашке, которым подтягивается центральная гайка руля, висят мои штаны!» Ясно, что мы слушали этот рассказ со смехом и удивлялись, как он не покалечился при этом! Повезло человеку, а то бы ранение могло быть тяжелее, чем на фронте.

В общем, кандидатом в члены КПСС собрание меня приняло единогласно, хоть я и работал в училище всего один год. Вторая новость была похуже: училище собирались расформировывать. При этом второкурсников предлагалось, как и матчасть, передать в Белинское СПТУ. Обещали всех высвободившихся работников трудоустроить, причём, каждому предложить не менее 2-х рабочих мест на выбор.

Конечно, было досадно: я уже начал привыкать к работе, побывал в Пензе на курсах повышения квалификации, несколько притёрся к коллективу. Коллектив был дружный.....

На праздники все собирались на коллективные застолья (с жёнами и мужьями). Все – от уборщицы и истопника до директора. Гулянки проходили весело: после официальной части (поздравление руководства, вручение грамот) начинались весёлые тосты, игры, хорошее пение, анекдоты (иногда на грани «фола», но никогда – за гранью). Душой коллектива была Александра Александровна. Пили в меру кроме троих товарищей. Мне иногда хотелось «замкнуть квадрат», но Людмила была рядом. Однажды это меня спасло от немалой неприятности. 7 ноября мы возвращались с такого «мероприятия» и на тёмной улице уже за железной дорогой обогнали двоих ребят, которые были явно пьяней меня. Они нещадно орали непристойности во всё горло. При Людмиле мне это слышать было стыдно, и я сделал им замечание, они отреагировали «в обратную сторону», пришлось через плечо сказать им, что они – сволочи! Это их взбесило. Слышу, тот, что пьянее бежит вдогонку с «комплиментами». Когда по его топоту я понял, что он уже близко, высвободил от Людмилы правую руку и с разворота въехал ему в физиономию. Он шлёпнулся, я остановился над ним и стал ждать, когда он поднимется, чтобы съездить ещё раз. Но тут подбежал тот, что потрезвей. Я почему-то решил, что он будет, как я когда-то Кольку Грибовского, утихомиривать своего «кореша». Увы, времена изменились! Он вместо этого схватил меня сзади в охапку и начал валить. Я успел крутнуться на одной ноге и упал спиной вниз, то есть на него и начал поворачиваться лицом к нему. Он, похоже, плотно приложился спиной на землю (двойной вес всё же!), потому я довольно легко разжал его руки и почти повернулся, но тут первый приподнялся и начал махать кулаками в мою сторону. Пришлось схватить его за шкурку и положить рядом со вторым, на котором я уже просто сидел.

Людмила в растерянности что-то кричала, бегала вокруг и ничем мне не помогла. Пришлось тыкнуть им раза по два кулаком в физиономию, оторваться от них и заскочить в калитку соседнего двора, куда на шум выбежал хозяин, а в доме загорелся свет. Это было уже недалеко от нашего дома. Мы подождали немного, пока эта явно разочарованная пара уйдёт подальше. Я подумал, что если бы я был пья-

нее, они бы меня поколотили. А так только губу немного разбили: похоже, кто-то из них перстень носил.

Ну, на этой улице мне всё же пришлось опозориться. Когда началась ликвидация училища, мастеров загружали всякими хозяйственными работами. Однажды в конце августа мне поручили на тракторе «МТЗ-50» сопроводить маслозаводскую автомашину на сепараторный пункт километров за 35...40 от Тамалы (на случай, если машина забуксует где-либо). Но, к счастью, всё обошлось – ГАЗ-51 машина была с хорошей проходимостью, а Толя Ж. – хороший водитель. Когда я подъехал, он уже сидел в конторке с завпунктом, и они открывали бутылку. Для заведующего, похоже, это была уже не первая в тот день. Меня, конечно, пригласили к столу, а я отказываться не стал. Закуска была по сезону: огурцы и помидоры, ещё на любителя – сливки – хоть ведро! Минут через 15 мы с Толиком отправились в обратный пункт. Естественно, он на автомобиле опять был раньше меня.

Тут я опять попал к столу: директор маслозавода хотел нас отблагодарить, а мы опять не стали отказываться. Благодарил он нас в своём доме, стоявшим рядом с маслозаводом напротив нашего училища. Закуска была всё такая ж, а выпить...

– Ребята, вы меня извините, но день воскресный, водку не продают, так что я бражки вам налью.

Ну, на нет и суда нет, мы народ не привередливый. Когда мы выпили по 3 стакана, он спохватился:

– Забыл вас предупредить: она только после 3-х стаканов берёт, имейте в виду!

Но мы уже по 3 стакана (гранёных, всклинь) приняли – и ничего! Но, на всякий случай решили выпить «на посошок» и на том остановиться. Так и сделали. Я вышел из сеней, где мы сидели, абсолютно трезвый и с иронией вспоминал предупреждение хозяина. Но когда я подошёл к трактору, стоявшему тут же во дворе, то заметил, что начал быстро хмелеть. Тут я поторопился завести трактор и уехать. Ехать было менее ста метров, но на машинном дворе я был уже сильно пьян. Стал ставить трактор задним ходом на место и выдернул рычаг КПП (проще, рычаг скоростей) из кулисы – маневрировать уже не мог и оставил трактор «наперекосяк». Решил зайти к Димке (они с Валеи снимали квартиру недалеко) и отлежаться у него немного, чтобы в таком виде не показываться дома. Увы, ни Димы, ни Вали дома не оказалось – пришлось идти домой, и я пошёл со двора... Что было дальше, я не знаю, но утром я проснулся одетым на диване. Людмилы не было. Ближе к обеду меня выпустили «из-под домашнего ареста», и мы пошли к тестю: Людмила в этот день была именинница. Вот там за столом Елизавета Сергеевна мне и рассказала, как я с песнями

шёл по улице, размахивая руками. Это бы ещё ничего, но соседка Сорокина ей показала на меня: «Елизавета Сергеевна! А вот Ваш непьющий зять идёт». Увы, когда мы поселились на этой улице, теща имела неосторожность доложить соседям, что я непьющий. По счастью больше я в таком виде перед окнами Сорокиной не дефилировал.

До конца сентября передавали инвентарь и всё имущество в Белинское СПТУ. Не обошлось без казуса: на складе обнаружилась бочка дефицитного карбида кальция, уже прореагировавшего от атмосферной влаги за несколько лет. А однажды преемники из Белинского пожаловались, что они вместо 20 пар обуви получили на нашем складе 40 правых ботинок. Дело в том, что кладовщик Иван Фёдорович обычно из-за стола не вставал, а все прибегавшие выпить включали его в свою компанию, так что к концу дня он уже и при желании не мог подняться из-за стола. Спасало его от гнева директора только то, что в числе посетителей «кафе» частенько бывал и главбух А.Ф., который отличался тем, что, сколько бы ни выпил, был похож на трезвого и никогда не ошибался в арифметике, орудуя на счётах

К началу октября преподаватели и другой персонал были трудоустроены в разные организации. Дошла очередь и до меня. Особого энтузиазма я не испытывал: во-первых, уже освоился на своей работе, стал в ней что-то понимать и уже стало что-то получаться; а, во-вторых, тут уже год подвигалась моя очередь на получение жилья. Но... плетью обуха не перешибёшь. Мне предложили работу в районном отделении «Сельхозтехники» и ещё где-то, уже не помню. Я, конечно, выбрал СХТ: ближе к моему учебному профилю и всей моей биографии. СХТ произошла от РТС, а РТС – от МТС. Для неосведомлённых поясню. В конце 20-х годов прошлого уже века в стране начали создавать сеть Машино-Тракторных Станций, которые имели тракторы и другую технику для сельскохозяйственных работ. Единичные хозяйства и даже вновь образуемые колхозы не имели своей техники, чтобы обрабатывать большие поля, которые всё увеличивались по мере укрупнения колхозов. МТС заключали договоры с хозяйствами на обработку полей, посев, уход за растениями и уборку урожая. Оплачивалось это частично деньгами, частично натурой. Трактористы и особенно комбайнеры были уважаемыми и хорошо оплачиваемыми работниками. Механизаторы составляли и костяк личного состава танковых войск.

Но в конце 50-х многоумный Никита Сергеевич предложил укрупнить хозяйства настолько, что они (по мнению тех, кто ему это напештал) стали в состоянии эксплуатировать и обслуживать технику. А за МТС оставили только средний и капитальный ремонт, так что они превратились в Ремонтно-Технические станции. Потом им поручили снабжение колхозов и совхозов запчастями, удобрениями и

механизацию ферм и т.п. Создали всесоюзный трест под вывеской Всероссийского Объединения «Сельхозтехника».

Вот в такое Тамалинское РСХТ я и был переведён старшим инженером по новой технике с окладом 110 руб. в месяц (это было заметно меньше, чем я зарабатывал в Душанбе, но в Тамале на эти деньги можно было жить вполне сносно). Тем более что каждую весну и в училище, и в СХТ давали огороды по 15 соток, так что картошку даже на спиртзавод продавал осенью). Моё появление там с точностью до двух недель совпало с назначением нового управляющего – Дуплина Юрия Ивановича, умнейшего, технически грамотного и хозяйственно инициативного человека, имевшего только два недостатка. Один выявился сразу – у него не доставало левой ноги, так что он ходил на протезе, а иногда пользовался костылём. Второй недостаток выявился значительно позже – он довольно часто бывал пленником Зелёного Змия.

В мои обязанности входило курирование монтажа и введения в строй новых агрегатов в хозяйствах района и в самой СХТ. Но в хозяйствах были очень опытные механики и главные инженеры, а пионерски новой техники практически не поступало, поэтому они обходились своими силами. Я же занимался внедрением новой техники в самой СХТ, так что был явно недогружен и довольно часто находил себе применение в качестве шофёра: водителей всегда не хватало. Это мне было не в тягость: и при деле, и водительская практика. Выполненные мною рейсы завгар – Буланов Анатолий Яковлевич – оформлял на кого-либо из шофёров, они были довольны, и я даже несколько раз получал коробки конфет. Ездить приходилось, в основном, на «ГАЗ-51», иногда на «ЗИЛ-130» и ещё реже – на «ГАЗ-52» (предшественник «ГАЗ-53»). Ездил сначала по ближайшей округе, потом по району, а потом и по области, чаще всего – в Пензу, так что город изучил.

По основной работе при необходимости мне давали сварщика, слесаря или электрика, а если надо было изготавливать какие-либо детали (по образцу или по моим эскизам), то закрепляли и станочников. Но это было нечасто. И вот однажды...

Рейс

Однажды меня окликнул Станислав Липатов, который тоже был переведён в СХТ и работал по своей специальности – экономистом:

– Свиридыч! Ты слышал – собирают команду шофёров для поездки в Армавир, а народа не набирается.

– Что такое? Не знаю, – я, точно, ничего не знал, но при слове Армавир у меня «ушки топориком» встали. – Зачем туда ехать?

– Должны 10 штук «Колхид» перегнать в СХТ, а оторвать от производства столько водителей невозможно. 8 набрали, а двоих пока нет.

Я понимал, что «Колхида» – это не «ГАЗ-51» (это почти «КамАЗ» – тоже с полуприцепом), а опыта у меня – с гулькин нос, да ещё дорога – две тысячи вёрст, это не в Пензу смотаться! Но... но я сразу сообразил, что до Воронежа обязательно надо ехать по трассе «Ростов – Москва», а она идёт мимо Батовки, а от Батовского перекрёстка вправо 15 км – Павловский, значит, можно заскочить к родным хоть ненадолго. Да и кроме трудностей мне эта перегонка сразу даст водительский опыт, если, конечно, всё будет благополучно. (А я верил в свою удачу: граната меня не убила, в пруду зимой не утонул, лопатой по голове били – только шишка вскочила, под вагонные колёса не сорвался, когда на одной руке висел... Потом, много лет спустя – в 2007 году, в мою спину въехал «ВАЗ 2107», но только отбросил в сугроб). И я загорелся.

Через 15 минут я был уже у Дуплина с просьбой включить меня а «зондеркоманду». Он отказал, ссылаясь на мой малый водительский опыт, но, главное:

– Я не могу разбрасываться инженерами и поручать им просто шофёрскую работу.

Прошло два дня, команда выехала накануне в неполном, как я узнал, составе. В неё включили даже завгара, даром, что у него один глаз вставной, и одного новичка, как и я, малоопытного водителя – Женьку (фамилию уже не помню), но всё же группу не укомплектовали. Вызывает Дуплин:

– Свиридыч, всё же придётся послать тебя в Армавир! Зайди в бухгалтерию – получишь командировочные, заодно талоны на бензин для всей группы, а то вчера они ещё не были готовы. Помогай там Анатолию Яковлевичу: ты всё же инженер.

– Где я их найду?

– Ну, ты парень хожалый, а гостиниц, полагаю, в Армавире не очень много – найдёшь!

Я не подал виду, но в душе возликовал: дорога меня всегда воодушевляет, а тут ещё дорога, считай, в родные края! Людмила уже знала об этой экспедиции, но её больше устраивало, что меня оставили. Однако нытья не было: надо, значит, надо. Тем более что у неё был крепкий тыл: мы с полгода как переселились к тестю и теще со съёмной квартиры.

И вот через несколько часов я уже на пересадке в Ртищеве. Через час идёт поезд, но он из Лисок (Георгиу-Деж) поворачивает на Воронеж. А есть беспересадочный до Армавира, но он придёт только через 10 часов, и неизвестно, будут ли билеты. Я колебался недолго: на-

до ехать сразу, а через Лиски всегда ходит много поездов с московского направления на Ростов, Баку, Минводы, Сочи, так что я оттуда быстрой уеду. Поехал! В Лисках был поздним зимним вечером, и тут меня ждала ирония судьбы: по зимнему расписанию множество поездов отменены, и мне надо 10 часов ждать тот, от которого убегал: «Новосибирск – Адлер», №112. На моё счастье в комнате отдыха оказалась свободная койка. Я смирился с указанием Провидения.

Утром я проснулся от какой-то суматохи в комнате. Когда стал немного соображать и смог открыть глаза, то увидел, что на столе стоит деревянный овальный бочонок, а около него суетится какой-то дедок и ещё человека три. По мере подъёма другие «отдыхающие» присоединялись к ним. Через некоторое время и я был среди них. Оказалось, что дедок едет как раз из Армавира, где гостил у дочери. А она дала ему 20-литровый бочонок вина собственного приготовления! Сразу стало понятно, почему мои соседи выются, как мухи над банкой варенья. Пикантность ситуации придавало два обстоятельства: дедок встретил своего фронтового товарища, служившего на станции майором милиции! Ясно, что дед поступает вполне объяснимо: желает отлить в трёхлитровую банку вина для друга. Все оценили этот душевный порыв. Но ситуация осложнялась одним обстоятельством: дочка (может, зять) так забила деревянный чок, чтобы вино не протекло до самого дома (а дедок ехал куда-то в Сибирь). Так что ни ножом, ни дорожными ножницами, ни тем более штопором складного ножа вытащить чок не удавалось. Но необходимость (и у деда, и у ассистентов) одержала верх над невозможностью!

Банка была наполнена, и дед изрёк долгожданную формулу:

– Ну, ребятки, за чуткость и помощь я вас отблагодарю! Но вы сами понимаете, что я вино должен домой довести, так что не обижайтесь – я вам только по одному стакану налью.

Конечно, мы были не в претензии! Стаканов на столе было только два, потому пили, как в старину, – по кругу. Дошла очередь и до меня. Я поднял стакан, а в это время солнце заглянуло в окно, стакан просвечивался насквозь, цвет такой жизнерадостный – розово-персиковый. Подумалось: «Как это далеко от мрачного тёмно-розового цвета магазинного портвейна!» Поднёс стакан к губам – обоняние начал ласкать приятный (никакого дрожжевого оттенка!) тонкий запах, который не исчезал, пока я пил вино. Но вот тут меня посетило некоторое разочарование: да это не вино – очень вкусный компот! Совсем без градусов! Однако не успел я допить стакан, как почувствовал, что ноги становятся ватными. Ах, вот в чём дело!

После этого мне доводилось в жизни пробовать и молдавские, и венгерские (особенно «Токай»!), и крымские, и Массандровские – никакое не может сравниться с тем. Домашние хорошие вина тоже

пил, но... это было приготовлено для себя и для отца родного. А лучшего уже не найду: 23 года непьющий и в таком качестве надеюсь пробыть до гробовой доски.

Билет мне через комнату отдыха легко закомпостировали, и через тройку часов я уже готовился к встрече с Доном. Много раз мне довелось его пересекать в разных местах – от Задонья в верховьях, до Батаяска в низовьях и в поездах, и в автомобилях, и каждый раз щемит сердце. Через несколько лет, пересекая Дон в Калаче-на-Дону, написал стихи, которые сделал песней. Она начинается так:

*Снова Дон,
Снова краткая встреча,
Лишь вагон,
Отразится в струе у моста...*

Сердце всегда узнаёт родные места и эту, не ахти какую, но до боли родную, реку. На следующее утро (ещё затемно) я опять пересёк Дон, теперь уже в Ростове, и ближе к середине дня был в Армавире. Своих легко нашёл в гостинице, хотя большинство во главе с Булановым были на приёмке машин. Вскоре и я оказался там же. Выяснилось, что автомашины новые, но использовались на уборке свеклы, кукурузы и прочего. А водителями на них были «партизаны» – призванные на сборы солдаты-запасники. Эта братия умудрилась за три месяца потрепать машины так, как и за три года не побили бы шофёры, закреплённые за машинами постоянно. Почти все машины были распределены, Яковлевич мне показал на две:

– Выбирай!

Одна мне сразу приглянулась. Я проехался на ней со сдатчиком – всё хорошо, только заднее левое колесо при торможении юзит. Подрегулировали тормоз, попробовал ещё – сойдёт! В Тамале доведут до кондиции. Правда, беспокоило то, что уже начались похолодания – самый конец ноября – может снежок выпасть. Ну, может, успеем проскочить. Вышел (спрыгнул – кабина высоко) из машины. Подошёл Митька Паршаков, считавшийся хорошим шофёром, но врединой, однако я его мало знал.

– Свиридыч, давай машинами поменяемся.

– Зачем?

– Понимаешь, ты её за дорогу совсем добьёшь, а я опытней – сохранию машину и на ней работать буду. Я уже с Булановым говорил, он не возражает, если ты согласишься.

Звучало очень логично. И я пожалел машину и Митьку. Эх!..

В Митькину машину можно было сесть только через правую дверь и пробираться через всю кабину, цепляясь за рычаги. В аварийном случае из машины не выскочишь! Но со мной-то этого не может случиться! Тормоза действовали (аж даже очень хорошо: при испыта-

нии экстренного торможения откидная кабина опрокинулась, и мне показалось, что я падаю на дорогу!), руля машина слушалась, светотехника в порядке пока. Аккумулятор слабоват, но, может быть, дорогой подзарядится. Чего ещё? Доеду! Только вот за креплением кабины следить надо! Женьке тоже досталась машина не из лучших. М-да!

Вечером в одну из наших комнат зашёл гость – водитель-абхазец:

– Выручайте, друзья! – говорил он почти без акцента.

– Что такое?

– Да я тут везу в Воронеж на колхозный рынок одного человека и его груз: две с половиной тонны хурмы и мешка три чайного листа. Паанимаете, мотор застучал, боюсь, дорогой сломается.

– Ну, а нам-то что?

– А! Да он заплатит! А вам всё равно через Воронеж ехать.

– Ладно, веди его сюда, поговорим.

Вошёл среднего роста и средних лет мужчина в хорошем костюме, в блестящих хромовых сапогах и со звездой Героя Социалистического Труда. Ничего себе! После недолгих переговоров условились: берём его груз, а за это он нам даёт сто рублей и один бурдюк вина (у него их два оказалось). Началась дегустация. Хозяин выпил первый – традиция, призванная показать, что вино не отравленное. Хорошее вино, лучше магазинного. Но... до вчерашнего – далековато! Когда наши «клиенты» ушли, кто-то сказал: «Брешет шофёр насчёт стука двигателя, я его слышал в работе – нормально. Просто дело к зиме, и он не хочет по снегу через перевалы ехать. Ладно, дело их, а мы что-то заработаем.

Дегустацией сильно не увлекались: завтра с утра в рейс. Утром оформили последние транзитные документы и двинулись. Я был почти в середине колонны. Сначала ехал робко, потом всё смелее, но скорость держали небольшую – до 50 км/час. Для машины с полуприцепом это не так уж мало. Постепенно ребята оборзели и начали прибавлять скорость, и мы с Женькой вскоре оказались в хвосте колонны. Позади нас ехал только Буланов: за нами приглядывал.

На первых же километрах выяснилось, что нормально включают только 1-я и 5-я передачи, а остальные – с большим трудом... Если учесть, что первая передача практически не используется, а пятую я пока не включал, то настроение моё стало падать. Тут я начал вспоминать свой вчерашний автомобиль – на нём такого не было. Правда, одну ошибку я и сам совершил: пытаюсь догнать своих «ассов», я обогнал вклинившийся в нашу колонну «Газон». Но на первой же остановке получил от его водителя замечание: «Зачем так рано вернулся в правый ряд? Это же «Колхида», она длинная – ты чуть не подрезал меня!» Пришлось признать свою вину. После этой остано-

ки выявилась ещё одна беда: аккумулятор не только не зарядился, но сел окончательно! Пришлось доставать «кривой стартёр» – заводную рукоятку – и крутить движок вручную. А на «Колхиде» стоит восьмицилиндровый ЗИЛовский движок с повышенной степенью сжатия, так что его заводить, не то, что «ГАЗ-51». Хорошо, что был ещё со свежими силами.

Проехали Кропоткин. Погода ухудшилась: началась лёгкая метель, пришлось включить «дворники». Но через 15 минут работы стеклоочиститель стал давать сбой, а ещё минут через 10 сдох окончательно. Пришлось через каждые пять минут вручную перемещать щётки. На «ГАЗ-51» это можно делать из кабины, а тут пришлось сбавлять скорость и высовывать руку. Хорошо хоть стеклоподъёмник работал. Но, в конце концов, я обмотал шею полотенцем вместо шарфа, высунул голову из окна и ехал всю дорогу, пока к вечеру снегопад не закончился. В кабине было холодно при опущенном стекле, я включил отопление, но выяснилось, что и «печка» не работает! Тут я уже стал вспоминать не только вчерашнюю машину, но и Митьку, и себя! Однако деваться некуда: сам напросился в рейс, а машину уже не передашь. По счастью, ближе к Ростову снегопад вообще прекратился – поднял боковое стекло, оставив небольшую щель, чтобы лобовое не замерзло. В конце дня проехали Батайск (опять мелькнули воспоминания – 9 лет назад отсюда уезжал в теплушке в далёкое Забайкалье) и вскоре загрохотали по мосту через Дон. Эйфории от встречи с ним уже не было – следил за дорожной обстановкой и ёрзал, чтобы согреться: после снегопада температура начала падать. Но вскоре мне стало жарко: отказал гидроусилитель руля (ГУР), а у «Колхиды» кроме переднего моста, двигателя, на колёса давит ещё и огромная кабина. Поблагодарил судьбу, что занимался штангой не так давно, а то бы меня надолго не хватило бы. Я остановился, подождал Буланова, он пообещал попробовать наладить ГУР (он у «Колхиды» почти как у «ЗИЛ 130»), когда остановимся. Я воспрянул духом и побежал догонять колонну.

На выезде из города остановились: здесь у нашего клиента была базовая квартира. Но нас оказалось так много, что некоторые, у кого отопители работали (Митька в том числе!) решили ночевать не в доме, а в кабинах. Пока бегали закупать продукты, Яковлевич с кем-то обследовал рулевое на моей машине и пришёл к грустному выводу, что отремонтировать можно, но... в условиях мастерской. Этого только не хватало! За ужином немного утешились: открыли бурдюк с обещанным вином. Оказалось, что на 12 человек (включая клиента и хозяина, 20 литров не так уж много). Но мы за количеством тут и не гнались: утром в рейс! Я поинтересовался, как наш абхазец стал Героем труда, и вообще, почему у них так много героев и орденосцев.

Секрет оказался банальным. Например, женское звено собирает

чайный лист, и при этом все часть сбора отдают одной. У всех выполнение задания 100-105 %, а у Лианы, скажем, 150...160%. В конце года её представляют к званию Героя Социалистического труда. А на следующий год – Ламаре добавляют, так что через 5...7 лет всё звено сияет золотыми медалями! Дружные, однако!

Я решил тоже ночевать в кабине, как когда-то в тракторе в Казанке. Дело в том, что температура ночью была минусовая, и я боялся, что радиатор «прихватит», так как воду не сливал. Поэтому несколько раз за ночь заводил (рукояткой!) двигатель и прогревал градусов до 90. Потом глушил не столько из-за экономии бензина, сколько из-за того, что тросик привода шторки не работал, поэтому шторку я вручную передвинул в закрытое положение.

Утром двинулись к Новочеркаску и дальше. Я уже говорил Яковлевичу, что надо заехать в Павловский и там заночевать. При таком состоянии машины я не мог отставать от колонны, поэтому согласие Буланов было необходимо. Я предполагал, что в Павловск мы приедем ещё засветло. Но тут сломалась ещё одна машина, (за рулём неисправной «Колхиды» сидел Коля Сорокин – сын той самой Сорокиной), причём ещё хуже, чем моя: отказал привод муфты сцепления, и для остановки требовалось глушить двигатель. Потом машину заводили с буксира на 3-ей передаче, при этом один человек бежал впереди машины и после запуска двигателя отсоединял буксирный трос – в общем, смертельно опасный номер, почище циркового. Поэтому скорость движения колонны резко упала. Митька Паршаков и ещё кто-то, кому достались исправные машины, начали ворчать и требовали для себя «автономного плавания». Но Яковлевич не разрешил. К заходу солнца доехали только до Миллерова – до Павловского оставалось ещё 90 км. Ехать ночью с неисправной машиной в колонне не решились, потому Буланов и согласился заехать к моим родителям. С трассы заехали в Миллерово, заправились, купили несколько бутылок водки, колбасы, сыра, хлеба (100 рублей постепенно уменьшались в объёме!). Провели совещание, решили, что одна машина с хурмой и лавровым листом отправится в Воронеж, а остальные поедут со мной. Я сказал, что в Павловском есть кузница и мастерская – можно сделать жёсткую тягу и тащить сорокинскую машину на буксире. Конечно, это вариант рискованный, но и трос на ходу сбрасывать не лучше.

Так или иначе, часам к девяти вечера мы остановились на окраине Павловского. К нашему дому надо ехать через ручей (в Тихую впадает, а та – в Дон!), потом через бугор. Решили все машины не гонять. Отрядили меня и Женьку. Остальные сели к нам в кабины (просторные!). Ручей перескочили, и через 5 минут я уже стучал в окно. Мама и Пётр Ильич удивились и обрадовались, а потом опять уди-

вились, когда увидели, сколько со мной народа! Но заминка была недолгой: вскоре все сидели за столом. К нашим запасам Пётр Ильич ещё две бутылки добавил, достал солёных арбузов из погреба (изумительная закуска!), а мама нажарила картошки. Я впервые от Армавира расслабился: дома всё же. Часа два застольничали. Условились, что я буду спать – сколько влезет, а Яковлевич, Сорокин и ещё кто-то – займутся тягой, остальные будут ждать в машинах. Женька за два рейса отвезёт всех по назначению (а меня не будить!), потом я к ним присоединюсь и к обеду – в путь снова.

Утро оказалось мудреней вечера. И намного! Я проснулся поздно, как и предполагал. Мама меня накормила завтраком, я маленько опохмелился и стал ждать «соратников», коротая время за разговорами с мамой. Но вот уже 11 часов – никого нет, что-то долго буксир налаживают! Часов около 12-ти подъехал Женька:

- Александр Свиридович, что делать?!
- Что стряслось??
- Они все перепились! И хотят ехать в таком виде.
- А как же Буланов допустил?!
- Да он тоже пьяный!

Тут до меня дошло, что новый магазин, построенный взамен старой лавки, находился рядом с кузницей! Я не стал заводить свою машину, и мы поехали в кузницу на Женькиной. Около кузницы стояло уже несколько наших машин, шофёры были явно навеселе, если не сказать большего. Митька Паршаков (он был почти трезвый) настаивал на скорейшем отъезде:

- Я бы один уже дома был!
- Ты не один, а в колонне едешь!..
- Пусть и другие едут!
- Куда им ехать?! Ты же видишь, какие они! И сами побьются, и невинных людей угробят! Надо проспаться! Вот и Буланов нетрезвый.

– Это он на земле нестойкий, а сядет за баранку – будет орёл! – Митька, вероятно, учитывал мой инженерский статус и некую моральную задолженность, потому не сильно хамил.

Тут «орёл» шаткой походкой, при страховке других, подошёл к своей машине и грохнулся перед самой кабиной. Это сделало мои аргументы весомей. Я твёрдо заявил:

- Поскольку Яковлевич неработоспособен, то беру командование группой на себя. Всем ехать к нашему дому. Машину Сорокина отбуксировать туда же.

Подчинились все, кроме Митьки и одного его приятеля (имени уже не помню) – они взбунтовались и на ночь глядя поехали на Тихую Журавку. (Талоны на бензин поделили ещё в Армавире). А

мы погрузили Буланова в нашу машину, взяли на буксир неисправную машину Сорокина и через 20 минут все семь машин стояли у нашего двора. Пётр Ильич сам был крепко навеселе, так что не удивился и не возражал. Мама была в двойственных чувствах: рада, что я ещё дома побуду, и огорчена, что это случилось при таких обстоятельствах. Ужинать «бригада» уже не стала.

Наутро мы проснулись рано – часов в пять. И тут нас ждал сюрприз: ночью выпал снег! А земля ещё не замёрзшая толком! А дорога из Казанской к трассе заасфальтирована только до Павловского! А впереди 15 км грунтовок, да ещё с подъёмом от Журавки! Кое-что я высказал Буланову. Он в ответ бодрился: «Ничего, выберемся, а по шоссе нам сам чёрт не страшен!» Но я понимал, что это были только ритуальные слова. Однако делать нечего. Ехать-то надо в любом случае. Мы наскоро позавтракали, мама дала мне в дорогу варёную курицу, буханку хлеба и кусок сала. А что ещё можно в этих условиях? Да мне больше ничего и не надо было. Неисправную машину Буланов решил оставить в нашем дворе, а потом приехать с новой муфтой сцепления, отремонтировать машину и пригнать своим ходом (так и сделали, но дело затянулось почти до весны).

К рассвету мы проехали Журавку без особых проблем, тем более что было уже не 10, а только шесть машин. Но на выезде из села стали перед выбором: либо ехать по насыпи, которая не только не заасфальтирована, но даже песком и щебёнкой не засыпана, либо по простой грунтовке, но по кособогу – прицеп может сносить. Дело осложнялось тем, что надо взбираться по не очень крутому, но затяжному подъёму. Две-три передние машины сходу поднялись метров на пятьсот по кособогу и стали «в живописных позах». Попробовал и я, но хороший разгон на кривой сельской улице, да ещё по снежку, взять не удалось, так что я поднялся ещё ниже и забуксовал. Пришлось задним ходом сдавать. Подошёл Буланов. Я пожаловался, что передачи стало совсем невозможно переключать. Посмотрели привод от рычага к коробке передач, помараковали и решили подложить шайбу в одном месте. Передачи стали переключаться чуть лучше, но возросло усилие на рычаге. Ладно, баранку осиливаю, а с этим справлюсь! Справился. Но машина мне это ещё припомнила!

Время шло, а мы – стояли. Как в анекдоте про чукчу, пошли за трактором. Все тракторы заняты, но к обеду уговорили-таки одного тракториста. Парень оказался добросовестным – вытаскивал машины на верхушку хребта и до самого асфальта сопровождал за «умеренную плату». Когда тащил меня, я заметил внизу под горюшкой две наши «Колхиды» – Митька с приятелем далеко ночью не уехали. Хотели низом проскочить, но сели и ковали почти сутки. Их тоже тракторист вытаскивал. А мы ждали на асфальте на знакомом и родным с

детства перекрёстке, но ставшим иным как раз из-за асфальта и указательных щитов... С утра не было возможности перекусить, а у ребят и поесть-то ничего с собой не было. Я пригласил всех в свою кабину, чтобы разделить на всех понемногу хотя бы то, что у меня было. Пригласил и Митьку:

– У меня курица есть, сала немного и хлеб.

– Ну, неси!

Ах ты сволочь! Такой наглости я не потерпел и пошёл делить еду с остальными. Задерживаться не стали: времени много потеряно, в Воронеже водитель нашей «спецмашины» заждался теперь, небось. Вскоре двинулись по трассе. Слева, немного в низинке, хорошо просматривалась Батовка, точнее, её огни – смеркаться уже стало. За нею, за пологим увалом, когда-то был Неледов, дедовский дом и моё босоное детство, когда мне не говорили: «иди, погуляй на улице», а говорили: «иди, побегай!». Но отвлекаться на воспоминания и размышления было некогда: дорога диктовала своё.

Уже километров через 20...25 у домика дорожной службы остановились Витька Соютин и ещё кто-то (в самом что ни на есть родимом для меня месте: справа от шоссе лежало село Дядиго, а слева – Радченское, в роддоме которого я и появился на свет). Остановился и я:

– Чего стоите?

– Яковлевича надо подождать, он там что-то с Женькой задержался.

Свою машину я, понятно, не глушил, Витькина тоже стояла с работающим двигателем. Отошли чуть от машин перекурить, а я ещё ностальгически обзирал, пока не совсем стемнело, родные места. Но ностальгия скоро закончилась: вдруг я увидел, что Витькина «Колхида» начинает медленно-медленно двигаться вперёд в сторону насыпи у моста через Правую Богучарку.

– Витька! Машина поехала!

Витька озирнулся, потом рванул к машине, которая пока ещё медленно, но с ускорением двигалась под еле заметный уклончик, прыжками догнал машину, но вместо того, чтобы вскарабкаться в кабину и затормозить, бедолага схватился за левый крюк заднего борта. «Колхида» семь с половиной тонн с полуприцепом весит! Нам догонять её было уже бесполезно, тем более что она длинная – когда там до кабины добежишь! Ужаса ситуации добавили две машины, спустившиеся со склона за мостом, и уже начавшие подниматься по нашей стороне. А Витькина машина с площадки двигалась как раз на дорогу, но, к великому счастью, наискось. Вот она упёрлась бампером в пикет на обочине – он сломался, как спичка, второй – то же! Третий – то же! И «Колхида» пошла под откос. Опять счастье! Придорожный овражек оказался в этом месте пологим и неглубоким. Машина ска-

тилась и уткнулась бампером. Буквально через две секунды по трассе проскочила первая машина, а ещё через три – вторая. Водители и пассажиры с любопытством поворачивали головы на Витькину машину, у которой стекло левого подфарника разбилось, но он продолжал светить. Да ребята, вы даже не догадывались, что сейчас могли бы сами валяться в канаве и, скорее всего, трупам!

Мы минут пять все дружно матюгали Витьку. Тут подъехали Буланов и Женька – они присоединились к нам. Витька вяло оправдывался:

– У меня ручник почти не держит, я его и не включил!

– ...Чудак! Для удержания машины и надо было усилия – нет ничего! А если не надеешься на ручной тормоз – не вылезай из кабины, или заглуши на скорости!

Но тут вдаль показался гусеничный трактор, который бодро бежал со стороны Радченска через шоссе. Мы с некоторым моральным насилием отправили Витьку на поимку трактора, так как понимали, что при помощи наших его машину не вытащить. Витька подался вслед трактору и через полчаса на нём же и приехал, а ещё минут через пять мы выстроили машины в колонну и двинулись в сторону моста и далее – на Богучар. Пока ждали Витьку, я закидывал удочку: не заехать ли нам к дяде Андрею (всего 3 км от трассы и тоже по асфальту!), но братья во главе с Митькой взбунтовались:

– Вот к твоим родителям заехали – два дня потеряли! И опять?!

– А кто вас пить заставлял? Мы бы вчера ещё уехали, под снегопад бы не попали, уже далеко за Воронежем были бы!

Яковлевич в этой перепалке меня не поддержал, видимо, чувствовал свою вину перед «отрядом». Я двигался почти в хвосте колонны. Срывался лёгкий снежок – это не радовало: за мостом был длиннющий и довольно крутой подъём. Решил избрать такую тактику: чтобы на подъёме не переключать передачу (переключение с 4-й на третью было особенно затруднено), разгон делать на 3-ей и на ней же подниматься до самого верха. На спуске набрал скорость до шестидесяти (больше на третьей передаче уже опасно для двигателя), проскочил через мост и довольно легко пошёл на подъём. Движок постепенно, конечно, «затягивался», но к концу подъёма километров сорок скорости оставалось, а потом пошло полегче и совсем легко: начался горизонтальный участок трассы. Пора переходить на четвёртую – не тут-то было, не помогла даже подкладная шайба. Пока пытался переключить передачу, скорость упала – надо опять вернуться на третью передачу. Эти манипуляции отвлекли-таки моё внимание от дороги, а когда уже на 3-ей отпустил педаль муфты (и, видимо, резко), то слева от кабины увидел свой собственный прицеп, юзивший боком! Мне бы ручным тормозом остановить его, но я мгновенно

увидел, что откос невысокий, плавный, а до лесопосадки расстояние приличное, и так же мгновенно решил парировать занос левым поворотом (на трассе передо мной никого не было). Прибавил газ, свернул налево, спустился с откоса, ещё прибавил газ и стал разворачиваться в сторону шоссе. Но пространство между дорогой и лесопосадкой было вспахано, машина забурилась и забуксовала. Оставалось радоваться тому, что не опрокинулся.

Несколько наших, в том числе Буланов и Соютин остановились. Провели «совет в Филях». Решили подложить под колёса придорожные снегозаградительные щиты и попытались сдвинуться своим ходом. За руль садились и я, и Буланов, и ещё опытные водители – результат нулевой. «Однако, паря, пора за трактором идти», – говорил чукча из анекдота. Я попросил Витьку Соютина проводить меня к давешнему трактористу. Витька начал кочевряжиться. Пришлось Яковлевичу власть употребить. Витька пошёл, но бубнил, что «с хохлами каши не сварить», что в такую даль тракторист не поедет, и прочее в таком же духе. У меня было сильное искушение врезать ему по сопатке, но без него я не знаю, куда идти.

Наконец мы пошли по улице, и Витька пробурчал:

– Вон там, через две избы, он живёт. Я к нему не пойду.

– Здесь не избы, Витя, а хаты!

– Всё равно не пойду!

«Ну и на фиг ты теперь нужен», – подумалось мне, – хорошо, что в комнате ещё свет горит». Я взошёл на крыльцо и постучал. Через минуту:

– Кто там?

– Та я, друг того шофёра, якого Вы из яру вытягали!

– А що там у вас ще трапылось?

Он открыл дверь, и я, перемешивая русские, чисто украинские и местные слова, рассказал ему, «що зи мною трапылось».

– Ну, то заходь, поговорим!

В комнате кроме него была жена и шурин, а ещё – пустая бутылка на столе, сковородка с остатками жареной картошки, хлеб и солёные огурцы.

– Сидай до стола!

– Та я нэ одын: той хлопэць, якого ты вытягав, тэж тут, вин мэни дорогу показав.

– Тоди и його зовы!

Я позвал Витьку. Он недолго кочевряжился. Зашли. Он поздоровался, и хозяин пригласил нас к столу, при этом посетовал, что бутылку уже опустошили, а то он и нам бы налил. Нас накормили жареной картошкой с солёными огурцами, напоили молоком с белым хлебом. За трапезой я рассказал, что случилось, и что нужно. Через

полчаса мы были уже на машинном дворе колхоза. Николай (тракторист) долил ведра три солярки в бак, завёл дизель и налил в радиатор воды. Мы, конечно, помогали ему. И вскоре все трое оказались на горе у моей страдальцы-машины. Дальше – дело техники. Через 10 минут я уже совал Николаю деньги на следующую бутылку с извинениями, что в дороге поиздержался и больше дать не могу (мама дала мне десятку в дорогу, да своих немного оставалось, но я надеялся, что скоро буду дома).

И вот я опять в дороге, только стал ещё осторожней и старался держаться ближе к середине шоссе. До Богучара оставалось каких-либо 15 км. Там остановились, собрались вместе. Я попробовал ещё раз убедить всех в необходимости отдыха у дяди Андрея, но это мне опять не удалось. И вот я снова тронулся в путь на 2-й передаче, потом удачно перешёл на третью и на ней же полез на богучарскую меловую гору, которая была круче и выше дяди'нской. Экспериментировать с переходом на четвёртую я стал, только когда машина катилась по ровной горизонтальной поверхности, потому обошёлся без нового ЧП. Бег с лёгкими спусками и подъёмами продолжался километров двадцать или чуть больше, потом справа появился лес, дорога пошла под уклон, не крутой, но очень длинный и, наконец, снова привела к Дону. Мост громыхал металлическим настилом, а внизу под высоченным мостом с неприветливой холодностью поблёскивала вода. Я вспомнил, как «Колхида» походя сшибала пикеты, невольно сопоставляя с ними перила моста и сожалел, что левая дверь машины не открывается. Потому, не обращая внимания на встречные машины (по счастью, их было очень мало), свою вел ровно, без рывков, опасаясь буксануть хоть немного.

Но вот мост позади, стоят придорожные дома и магазинчики, уже закрытые – ночь! А слева не частые огни родного села моих неисчислимых предков – огромный Верхний Мамон, по улицам которого я не могу проехать, потому что надо догонять своих более опытных собратьев: как-то получилось, что все, даже Буланов, уехали вперёд, а я остался в хвосте колонны. Я с ностальгией и сожалением посмотрел на уличные фонари Мамона и тем ограничился. Спуски и подъёмы чередовались чаще, чем хотелось мне, на дороге всё больше лежало снега, по ней змеились четыре колеи: две крайние чуть заметные, а средние – хорошо прокатанные: все стараются ехать посредине трассы и подаются вправо только при разъезде со встречным транспортом. Хорошо, что встречных машин было немного.

Спать хотелось, но пока терпимо: трактористом же выдерживал бессонные ночи. Тем не менее, иногда приходилось петь что-нибудь. Хорошо, что пассажиров не было. Постепенно на востоке небо стало серым, потом светло-серым, а потом начало багроветь. Когда со-

всем рассвело, я въехал на окраину Лосева и с радостью увидел у придорожного кафе несколько наших машин. Когда я вошёл в кафе, ребята уже начали выходить, в том числе и Буланов. Он кратко спросил меня, как дела обстоят. Да пока всё нормально, не считая того, что начало болеть левое плечо – а как иначе, если гидроусилитель не работает, и приходится крутить руль, словно быку рога.

Пока я позавтракал, все уехали. Поднималось солнце, видимость отличная, морозец умеренный, сверху не сыплет – хорошая погода самого конца ноября. Скорость можно держать побольше – я так и сделал, но не зарывался: выше 60-ти не бежал. Днём, да ещё в солнечную погоду, настроение приподнялось, даже передачи легче переключались. И вот где-то часов около 12-ти в отдалении показалась высокая насыпь и за ней довольно крутой подъём (когда движешься под уклон, противоположный склон кажется круче), поэтому я решил набрать скорость, чтобы выскочить на 4-й без переключения передач. Под уклон нетрудно было разогнаться до 80-ти, а больше я не стал разгонять: полуприцеп сзади мотыляется, а ехать надо через насыпь высотой метров 15. До насыпи оставалось метров двести, когда я обратил внимание на то, что с горы спускаются два самосвала «ЗИЛ 130», и скорость у них побольше, чем у меня. Я тут же отдал одну среднюю колею встречным, но вот, когда они проскочили среднюю насыпь, передний сдвинулся влево и пошёл мне навстречу. Мне был непонятен его манёвр: на дороге асфальт был не побитый. Я сдвинулся вправо ещё на пол метрика, больше нельзя: совсем на обочине окажусь, а там – откос. И когда между нами оставалось уже метров 50...60, он резко (вертлявый, подлец) вернулся на свою сторону. Я не успел перевести дыхания, как мелькнул второй – я чуть было не шарахнулся от него, хотя он ехал по своей стороне. По счастью не сделал этого. И вот последние метры насыпи, я резво пошёл в гору, но через несколько секунд почувствовал, что ноги становятся ватными, как от того вина. А потом и руки, и всё тело. Кое-как выехал на вершину увала, остановился, откинулся на спинку сидения, закурил папиросу и сидел минут 10 неподвижной Будды, пока начал немного отходить. Наконец, я поехал. И тут сделал интересное открытие, которым потом долго пользовался: я запел какую-то песню. Постепенно я начал петь во весь голос. Каково качество моего вокала было при этом, сказать не берусь, но я почувствовал расслабление, руки, ноги задвигались спокойней и уверенней.

Конечно, два серьёзных происшествия в течение одних суток не прошли бесследно – я ещё долго при появлении встречной машины непроизвольно сбрасывал скорость и жался к правой обочине. Но, когда встречная пролетала мимо, я начинал уже нарочно петь как можно громче, и успокоение приходило довольно быстро. По мере

приближения к Воронежу встречных становилось всё больше, так что мои песнопения «слились в один протяжный вой».

Уже на склоне дня я доехал до Воронежа, у въезда в город стояли две наши машины – Яковлевич и ещё кто-то. Это было замечательно, а то бы я блукал по городу, сжигая остатки бензина в баке. Втроём мы проехали сквозь Воронеж без особых затруднений, но мне было жалко, что я не могу отвлекаться на рассматривание города, не так уж и давно бывшего столицей родного мне края. В Воронеже училась Клава, про Воронеж и его оборону я читал мемуарные произведения. За город шли жестокие бои, его окраины несколько раз переходили из рук в руки, во многих местах после боёв осталось до десяти килограммов боевого металла на каждом квадратном метре. Километрах в тридцати от города на заправке нас ждали остальные. Водитель машины, в которой везли абхазца с хурмой, тоже был здесь. После недолгого совещания решили ехать не прямо на Тамбов, а в объезд чуть не до Москвы: там асфальт везде, а на Тамбовской трассе есть, якобы, участок километров 20 не заасфальтированный. В такой сезон, да ещё на «Колхидах» мы этого очень не хотели. Но у Буланова был и свой расклад: в Новомосковске у него жила племянница; у неё можно было задержаться, запросить по телефону, чтобы телеграфом денег на бензин прислали. Талоны на бензин подходили к концу, и Буланов взял их под жёсткий контроль. Решили на этой же заправке и заправиться. Тут опять произошло небольшое ЧП, внесшее раздрай в нашу и без того разномастную бригаду. Женька неудачно остановился у колонки и, когда тронулся после заправки, то сломал её. Заправщица подняла шум, да ещё какой! Пришлось нам скидываться на ремонт колонки (Митька Паршаков «принципиально» денег не дал: Женька сломал – пусть сам и отдувается, как хочет!). Так что опять задержка, и все предложения об остановке для отдыха большинство отметало сходу! Делать нечего – поехал и я. Мы пошли по московской трассе на Конь-Колдезь, который проскочили уже вечером. Ещё несколько утомительных часов – и я догнал колонну в Задонске у придорожного кафе примерно в полукилометре от моста (опять через Дон!). Площадка перед кафе была заставлена автомашинами, в основном, нашими «Колхидами», так что пришлось поставить свою на обочине. И тут я допустил ошибку, хотя и не такую грубую, как Витька Соютин: жалей свой почти сдохший аккумулятор (сядет совсем – и рукояткой не заведёшь!), я не включил подфарники, благо фонарь освещал площадку. Решил, что заскочу на минутку, узнаю обстановку: наверное, придётся заночевать. Тогда машину поставлю на длительную стоянку.

Но когда зашёл в кафе, увидел, что наши ужинают (уже заканчивали) основательно: на столах стояли пустые бутылки. В кафе было тепло, уютно, никаких встречных. И я заказал 150 граммов водки,

первое, второе и чай – стандартный «джентльменский набор». Поужинал и несколько минут предавался тихому блаженству. А ребята дебатировали: заночевать в Задонске или ехать дальше. Я был, конечно, за ночёвку (ныли уже оба плеча и обе руки), но в споре участия не принимал – просто сидел и отдыхал. Буланов и ещё несколько человек одерживали верх в дискуссии: отдохнули, мол, поели – надо ехать, навёрстывать упущенное. Да, два дня и бессонная ночь за баранкой!.. Но тут вмешалось Провидение в милицейских погонах:

– Чья машина на дороге стоит? – голос звучал строго, даже грозно.

Я понял, что речь идёт о моей машине, и пошёл на улицу, остальные – за мной. Яковлевич начал выяснять, в чём дело.

– Почему машина без габаритных огней?

Я объясняться не мог: уже выпил водки. Яковлевич и остальные – дело другое: остановились на ночлег, не за рулём и т.п. ГАИшник отобрал у всех документы и пригласил Буланова на беседу, и мы стали надеяться на благополучный исход дела: уболтает же Яковлевич этого ГАИшника, тот войдёт же в наше положение! Я под шумок переставил машину. НО! Как в кино, в самый переломный момент Провидение переделось и подбежало к милиционеру в виде какого-то взволнованного мужчины:

– Командир! Там на мосту пьяный за рулём! Или с моста свалится, или сшибёт кого-либо!

Сержант и его помощник тут же прыгнули в свой мотоцикл «Урал» и помчались вниз к Дону. Мы поняли, что ночевать придётся в Задонске: другие варианты отпали. Разузнали, где гостиница, оставили машины на площадке, и пошли пешком: было недалеко. Я опять переставил машину, так чтобы завтра можно было легко завести с буксира. Но воду пока не сливал – приду и солью, когда в гостинице устроюсь. Из-за этого я подошёл к гостинице позже всех. Места там были уже все поделены – осталась одна на двоих: я и злополучный Женька. Поскольку я «более хожалый», то решил идти на ночёвку в свою машину: не впервой! Да ещё мама дала мне перьевую подушку! Я с удовольствием подумал: «Хорошо, что воду не слил!». Ночь походила на бег с барьерами: 15-30 минут поспал – минут десять перекурил, двигатель завёл, дождался прогрева до 90 градусов – опять на боковую. И так – всю ночь. Но всё равно лучше, чем совсем без сна. Утром пошёл в гостиницу к своим. Они уже начали просыпаться. И к 8 часам мы все были уже около отделения милиции. Дежурный сказал, что ГАИшник, отобравший наши документы, выходной, будет только завтра и т.д. Уговорили дежурного. Он вызвал нашего «чёрного ангела», тот пришёл всё же, периодически повторяя мантру: «Что же мне с вами делать?» Яковлевич быстро сообразил, что делать. Вышел

из его кабинета и начал собирать по рублю. «Принципиальный» Паршаков отошёл в сторону метров на пятьдесят и там ждал исхода дела. Мы с Яковлевичем добавили ещё по рублю: я – как главный виновник, он – как начальник колонны. Минут через двадцать документы были у нас в карманах, а мы дружно шли в сторону кафе. Слегка перекусив, двинулись на Елец. У меня всё время вертелась в голове случайно вычитанная где-то присказка: «Елец – всем вора́м отец». Старая присказка, она родилась, когда ещё ни Ростова-на-Дону, ни, тем более Одессы не было, а то бы Елец мог стать символом благочестия.

Я, уже по обыкновению, опять отстал, потому нигде, кроме как на заправках, не останавливался. Проехал Ефремов, от него повернул на Богородицк и далее – на Узловую. С наступлением вечера захотелось есть и спать, настроение падало. Остановился передохнуть. Задремал, проснулся скоро, но морозец уже был за 10 градусов, и радиатор «прихватило». Делать нечего: нашёл какую-то проволочку, от чего-то оторвал тряпку – сделал подобие факела и вымочил в бензине, слегка открутив сливную пробку бака. Бензин был жутко холодный: мороз всё же. Одного прогрева оказалось недостаточно: бензин быстро сгорал. Пришлось ещё раз лить бензин на факел, и тут случилось не предвиденное (а надо бы предвидеть!): лишку крутнул пробку – она выпала. Но, самое страшное – загорелась струя бензина! И пламя плясало, стараясь подняться по струе, как по канату, к самому баку. Я мгновенно представил, что произойдёт в этом случае: я эту «Колхиду» лет 10 в тюрьме отбывать буду! Отодвинул факел, левой рукой заткнул сливное отверстие, а правой кое-как нащупал пробку и ещё более «кое-как» закрутил её! Ура! По счастью, радиатор отогрелся, я снова двинулся в путь. Нет худа без добра: спать мне уже не хотелось. И, как некая моральная компенсация, в свете фар почти одна за другой мелькнули таблички с названием придорожных деревень: Лидинка! Юлинка!! Настроение резко поднялось, поехал веселее, и довольно скоро оказался на улицах станции Узловая. Время было довольно позднее, маршрут уточнить было не у кого, так что ехал почти наугад. Наконец, попался один парень, который подтвердил, что я еду правильно, а в конце этой улицы надо повернуть налево – это и будет выезд. Я воспрянул духом: от Узловой до Новомосковска всего километров 15..16, а там ждут наши, там отдых и прочее! «Прочее», конечно, будет, потому что завтра всё равно не ехать: вряд ли деньги придут быстро. Я остороженько проехал, как подсказал парень, и увидел конец улицы, которая шла слегка на подъём. Прибавил газу, начал переключаться на 4-ю. Коробка опять барахлит! Тык! Тык! Ещё! И тут происходит необъяснимое: в руке ничего нет, а по полику кабины что-то звякнуло и покати́лось. Выжимаю муфту, торможу, включаю свет – вижу, что рычаг КПП валяется на полу, а снизу

на меня удивлённо смотрит обломок, длиной сантиметров 10 ...12. Ну, только этого мне не хватало! Глушу двигатель: бензина мало. Нагибаюсь, двумя руками ставлю в нейтральное положение обломок, поднимаю и рассматриваю отломанный конец. Типичный случай «усталости металла» – как в учебнике по «Деталям машин»! 4/5-х сечения занимала давнишняя трещина с хорошо обтёртой поверхностью (результат затруднённых включений), а 1/5 – свежий слом. А если бы это случилось на улицах Воронежа? Или на трассе на большой скорости. Много лет спустя было два таких же случая: ломались рычаги на личных машинах «ВАЗ 2106» и «ВАЗ 2107», и оба раза – при трогании с места. Ну, тогда уже был опыт, да и легковушка – это не семитонный грузовик с полуприцепом. Были случаи и «покруче»: отказывали тормоза! Один раз на служебном пикапе на Вазе и два раза – на личных машинах. В первом и третьем случае на стоянке педали проваливались, а во втором случай – в Старом Городе у «Космоса» – мне пришлось съехать в сугроб (хорошо, что сугробы ещё оставались, а того лучше, что тормозить начал заблаговременно).

И вот передо мной задача: что делать? Оставлять машину, добираться самостоятельно в Новомосковск и в незнакомом городе искать племянницу человека, которого там никто не знает? Завтра найти мастерскую, где могут отремонтировать машину? Но у меня денег почти нет. Э! Будь что будет – поеду! Но как трогаться? Заблаговременно включить передачу, выжать муфту, подпереть педаль молотком и идти заводить рукояткой? Но если молоток при запуске от тряски слетит – машина меня как муравья раздавит! А как включать передачу этим обломком, если даже целым рычагом плохо включалась? Нет, всё же надо завести двигатель и попытаться включить передачу. Которую? 2-ю? Но тогда придётся пилить всю дорогу на ней же: переключить передачу в движении будет невозможно, да и бензина сколько сожгу! Надо 3-ю. Но ведь предстоит трогание с места, да ещё на подъём, хоть и небольшой! Но движок хороший, кузов пустой... Всё, решено: включаю 3-ю!

Так и сделал. Завелась хорошо: не успела остыть. Сел за руль и проделал акробатический номер: левой ногой выжал педаль, согнувшись, двумя руками начал включать передачу обломком рычага. Повезло! Передача включилась, как никогда, легко. Потом рывками стал трогаться с места, при этом надо было не допустить заглохания двигателя. Удалось! С третьего рывка машина уверенно двинулась, оставалось только наращивать скорость километров до сорока и при этом ехать как можно плавнее. На счастье встречных машин почти не было. Я успокоился и ехал довольно вольготно. Но Узловая потому и Узловая, что около этого города огромный железнодорожный узел. Уже километров через 5...7 я подъехал к переезду с семью колея-

ми! И шлагбаум был закрыт. Стоять я мог только с выжатой муфтой сцепления – иначе пришлось бы заново повторять цирковой номер. Но как долго ждать открытия шлагбаума? Не сожгу ли я выжимной подшипник? И вот, когда я уже решил, что пора выключать передачу, шлагбаум поднялся на той стороне, а потом и на моей! Тронулся по той же методике и поехал, а в голове вертелась одна мысль: «Только бы не заглохнуть! Машина длинная – сразу 3-4 колеи перекроет, и по любой может мчаться поезд!» Но «Колхида» на этот раз не подвела! Нервное напряжение спало, и вот уже минут через десять я въехал в Новомосковск. Куда ехать? Куда главная приведёт! Но главная привела к Т-образному перекрёстку с такой же, даже ещё более широкой улицей. Тут куда они повернули? Ааа! Направо проще поворачивать – туда и поеду. Повернул направо. Угадал! Впереди метров за триста – гостиница, а около неё – две «Колхиды», два «КрАЗа» и междугородный автобус. Эта троица стояла с работающими двигателями. Везёт же кому-то: завтра не надо мучиться с запуском. А чего им не пороскошничать – солярка 2,8 копейки за литр, а «Колхиде» нужен «76-й» бензин – 7,2 копейки. Есть разница?!

Но когда я стал на площадку у гостиницы, радость моя сменилась беспокойством: «Колхиды» были не наши! Двигатель тоже оставил включённым (на всякий случай) и пошёл на разведку. Администратор про наших ничего не знает, место есть, но в одноместном номере за два с полтиной, а в бухгалтерии мне оплатят только 1р. 40коп. Чёрт с ним! После двух бессонных ночей могу отдохнуть «как белый человек»! Отнёс в номер свои нехитрые пожитки, сходил заглушить двигатель и слить воду. Потом пришёл в номер, залез под душ. Красота – со времён Душанбе такого комфорта не видел! Через полчаса уже засыпал с намерением завтра дрыхнуть, сколько хочу, а потом уже искать своих. Но утром меня разбудил стук в дверь. Чего там администратору надо?! Открыл – передо мною стоят Буланов и Витька Соютин!

– Вы как меня нашли?

– Просто! В городе всего три гостиницы. Мы знаем, что ты парень бывалый, найдёшь, где заночевать. Позвонили в одну – нет, потом в эту – сказали, что ты здесь.

Они принесли бутылку водки и какую-то еду. Я умылся, и мы позавтракали. За едой я им рассказал, что у меня приключилось. Буланов сказал, что недалеко от племянницы есть автопарк, соответственно, есть и мастерская. С Дуплиным он уже созвонился, выслушал порцию ругани и обещание выслать деньги телеграфом. Он помог мне снять обломок рычага, мы захватили обе части и поехали к племяннице. Там все были на ногах. Как они размещались все в двухкомнатной квартире? Наверное, как в войну – впокат на полу. Всё луч-

ше, чем в холодной кабине на морозе. Я долго не стал задерживаться и пошёл в автопарк. Довольно быстро договорился с механиком, он отвёл меня к сварщику. Я немного подождал и минут через сорок рычаг был готов. Ободрал сварку на наждаке и поехал к гостинице устанавливать его на место. С некоторыми затруднениями (мороз всё же!) поставил рычаг, попробовал включить несколько передач – всё нормально, не считая того, что кулиса плохо отрегулирована. Ну, дома сделают – осталось меньше ехать, чем проехали!

К концу дня деньги пришли. Прислали в обрез, ехать надо экономно, а как это сделать на потрёпанных машинах, да ещё в холод? Решили выезжать завтра утром: ещё немного отдохнуть. Договорились, когда заедут за мной. Лёг пораньше.

Наступило утро отъезда. Я встал в 5 часов, рассчитался с гостиницей, перенёс вещи в машину и попросил на кухне гостиничного ресторана вёдер 5-6 горячей воды. Заливка воды в двигатель в этих условиях оказалась делом непростым. Наконец радиатор полный – начал крутить «кривой стартёр». Шесть вёдер кипятка согрели двигатель, но недостаточно, да и масло в картере холодное, так что я еле проворачивал рукоятку. Попросил помочь ещё одного шофёра из соседней машины. Но и вдвоём мы не могли сделать необходимого рывка – 8 холодных цилиндров! Вода быстро остывала, пришлось слить её. Тут появился водитель «КрАЗа», и я попросил его буксировать мою машину, чтобы завести. «КрАЗ» потащил мою «Колхиду», как паук муху! Но что толку? Вся трансмиссия промёрзшая, нагрузка на задние колёса небольшая (кузов пустой), колёса крутились в разные стороны, и машина юзила, как на лыжах. Минут через пять я попросил отбуксировать меня на место. Вскоре подъехали наши, они тоже задерживались: не все машины сразу завелись. И тут нам повезло! У кого-то оказался «прикуриватель». Яковлевич подогнал свою машину к моей, протянули провода «прикуривателя» – и ещё минут через пяток моя «Колхида», ожила! Я опять побежал за водой, теперь у меня были помощники, дело пошло веселее. Завтракать уже некогда было, и где-то около 7 часов мы выехали в сторону Рязани, предполагая далее ехать на Тамбов через Шацк и Моршанск.

Вскоре после выезда, как вознаграждение за утренние неурядицы, снова встреча с Доном в посёлке Донской. Дон здесь ещё совсем ребёнок – узенький, вертлявый, но всё равно – Дон! Потом был городок Михайлов, через который мы проехали без остановки, а потом я опять начал отставать, частью от невысокой скорости, а частью оттого, что пассажиров брал – кабина большая, лежанка даже есть, чего не взять, тем более что по рублику давали, а деньги в дороге ой как нужны! До Рязани не такое уж великое расстояние от Новомосковска, но к развилке Рязань – Тамбов я подъехал только к вечеру,

когда вдали слева уже загорались огни большого города, и тут на придорожной заправке застал свой караван. Заправлялись за деньги: талонов уже не было. Тут ко мне подошёл мой «чёрный ангел» Митька Паршаков:

– Свиридыч, у заправщицы мелких денег нет на сдачу. Дай мне 5 рублей, а я тебе на следующей заправке отдам.

– На! Но только у меня денег вообще мало остаётся.

– Куда я денусь – отдам!

Основная часть присланных нам денег была у Буланова, кому не хватит на заправку – ещё добавит. Но он уже уехал – остались я и Митька. Я поехал, стремясь догнать колонну, Митька начал заправляться. Своих я так и не догнал, а Митька меньше, чем через час обогнал меня, и я опять пошёл в хвосте. Глубокой ночью въехал в Шацк, где предполагался ночлег. Увы, ни при въезде, ни на транзитной улице никого не было. Я досадовал: «Вот гады! Не подождали, хоть бы кого-нибудь оставили!». Остановиться на ночлег невозможно: как я завтра один заведу машину? Да и денег осталось на неполный бак. А если заправиться побольше, тогда что есть в дороге буду? Всё, решено – еду! А обходиться без сна я уже научился. И я поехал дальше. Под утро, когда уже светало, сон всё же начал одолевать, пришлось остановиться на обочине и немного вздремнуть, но когда завёл машину и поехал, оказалось, что этого «немного» хватило, чтобы прихватило радиатор в нижнем бачке. Вода скоро закипела, пришлось заглушить движок и остановиться в какой-то деревушке; ждать остывания у меня не хватило терпения, я открыл крышку радиатора – довольно много воды выплеснулось. Начал опять отогревать радиатор факелом, на этот раз обошлось без возгорания струи бензина. Отогрел, циркуляция началась, но нужно долить воды. Посмотрел, где есть колодец – побежал за водой, благо в кузове ведро было, кабину не стал опускать. Когда принёс воды, оказалось, что кто-то спёр крышку радиатора (проезжали машины и одна останавливалась). Пришлось делать тряпочную пробку и затыкать горловину, но это герметичности не обеспечило, понимал, что будет расход воды. Набрал в ведро воды, поставил в кузове в угол и придавил, чем только можно. Как ни странно, но более половины ведра сохранялось до следующей доливки. Проезжая через деревни, сразу высматривал колодцы. Ну, такими темпами я своих не догоню! Между тем бензин и деньги таяли быстрее мартовского снега. Впрочем, таять почти нечему было. Вечером на одной заправке наскрёб денег на 15 литров. Что это для «Колхиды»? Пошёл к заправщику, рассказал о своей ситуации – он налил ещё 10 литров бесплатно. Ну, 25 литров, да в баке литров 10 оставалось – это уже что-то! Ещё раза два за ночь протягивал руки на заправках и просил слить из бака у встречных, так и продвигал-

ся. Проехал известный с детства по надписям на махорочных пачках Моршанск – в нём тоже не обнаружил следов пребывания нашей колонны. Глубокой ночью въехал, наконец, в Тамбов. Надо же! Сразу заметил здание ГАИ. Пошёл, расспросил дежурного – наши тут замечены не были. Попросил показать выезд на Рассказово. Он подробно объяснил, но заметил мой сильно пожёванный вид и посоветовал отдохнуть. Поблагодарил, сказал, что так и сделаю, хотя знал, что останавливаться мне невозможно: придётся слить воду. А потом что? Эх, был бы бензин! Погода стояла для езды хорошая: небольшой морозец (градусов 5...7), сверху – никаких осадков, дорога сухая – езжай, не хочу! На выезде из города остановился, достал из «сумарика» последнее, что осталось из маминого пайка – кусок варёного сала. Небольшой. Граммов 100...150. А хлеба – ни крошки. Но так хотелось есть, что я съел его без хлеба. А что, если не подождут наши? Ехать-то не так далеко – до Тамалы около 200 километров от Тамбова: Рассказово, Кирсанов, потом близко Умёт, а там – рукой подать Тамала.

Миновал Рассказово, настроение улучшилось: Тамала не за горами! Ехал на самом экономичном режиме, что было несложно: дорожное полотно сухое, а встречных – очень мало.

Со сном боролся папиросами, пока они были, потом песнями (голос от простуды был очень скрипучий, но слушателей всё равно не было), потом тем, что «клевал носом». А потом я стал видеть какие-то картинки снов с открытыми глазами. Сбавил скорость уже не «из экономии», а «из безопасности». Упрямо ехал, но вот поперёк дороги недалеко от машины побежало стадо слонов! Всё. Дальше ехать нельзя: засну. Поставил машину на обочину, а себе поставил условие: как только начнёт сниться первый сон – поднимаюсь! Заглушил двигатель. Подушку с благодарностью к маме – под голову, укутался, чем мог, закрыл глаза и стал ждать первого сна. Я не знаю, сколько мгновений или секунд, или минут я лежал, но картинка перед глазами появилась – надо вставать! А так не хочется! Приподнялся. Что за чёрт! Машина стоит поперёк дороги! Сама сдвинулась? Почему на неё никто не наехал? Приподнимаюсь на лежанке, и тут до меня доходит: я ведь лежу поперёк машины! А она как стояла вдоль дороги, так и стоит. Успокоился. Сон, к удивлению, как рукой сняло. Завожу двигатель, поехали!

Но уехал я не очень далеко: минут через десять вода в радиаторе закипела! Ну что, дело уже привычное. Заглушил двигатель, полил бензином факел и начал отогревать нижний бачок радиатора. Я старался! До того, что вдруг заметил блестящие шарики вроде ртутных. Ба! Рядом проходит воздухопровод тормозной системы, и трубки тройника пропаяны, так что я расплавил припой! Что будет с тормозами? По счастью, воздушный компрессор тормозной системы управлялся

восполнять утечки воздуха, и отказа тормозов не случилось – в рубашке родился! Но это выяснилось чуть позже. А пока я начал крутить рукоятку, чтобы запустить движок. Рывка не получалось: у меня уже не хватало силы. Элементарно. После 3-х или 4-х попыток я решил последовать украинской мудрости: «Нэ трать, кумэ, сылы – спускайся на дно!» Уже начинало светать, поедут же машины – попрошу или буксирнуть, или крутнуть рукоятку. Воду сливать не стал: мороз не сильный, не промёрзнет движок, а радиатор я отоплею. К счастью, моя надежда оправдалась: со стороны Кирсанова показался свет фар. Но приближался он страшно медленно! Особенно на фоне моего нетерпения. Наконец я услышал звук тракторного(!) мотора. Начал усиленно размахивать руками. Трактор с открытой тракторной тележкой, на которой сидели человека три, остановился. Оказалось, что один из пассажиров – солдат, едущий домой на побывку. Я объяснил, что у меня случилось, и в чём я нуждаюсь. Энергичный солдатик помог мне – мы вдвоём хорошо крутнули «кривой стартер», и машина заурчала! Сон мой совсем пропал, я почувствовал себя хоть голодным, но бодрым. Поблагодарил своих избавителей и двинулся в путь. Но уже через полчаса понял, что надо остановиться: бензина оставалось литров десятков, и я не хотел выжигать его до последней капли. Съехал на обочину, заглушил двигатель и каждые 15 минут запускал его для того, чтобы он окончательно не замёрз. Через два – три таких цикла я увидел, что со стороны Кирсанова приближаются две машины. Я начал отчаянно голосовать – один из грузовиков остановился. Спросил водителя, не сольёт ли он из бака мне литров десять бензина.

– Нет, парень, бензина не могу дать: сам еду в дальнюю дорогу, а вот талонов у меня много. Тут на въезде в Кирсанов есть заправка – дотягивай как-нибудь! – И он отвалил мне талонов аж на 80 литров, правда, на 66-й бензин (он ехал на «ГАЗ-51»).

На безрыбье и рак рыба! Я решил, что после заправки установлю момент зажигания попозже и не буду резко газовать. 80 литров мне за глаза до Тамалы хватит! Поблагодарил спасителя, заодно попросил помочь покрутить рукоятку, завели двигатель и мы с ним «разошлись, как в море корабли». Даже не спросили имени друг друга. Ехал «шлёпотом», не отрывая взгляда от указателя уровня топлива – лампочка горела, но стрелка пока не упиралась в ноль. Утро постепенно разворачивалось и обещало пасмурный, но тихий день. Наконец вдали слева на возвышенности завиднелись дома Кирсанова, потом показалась заправка! Всё, спасён! Тут, если что, – с ведром за бензином сходить можно. Докатил всё же до колонки. Заправил на все талоны, отъехал в сторону, подрегулировал зажигание и поехал. Всё равно чувствовалось, что бензин далеко не 76-й! Но другого нет. Часам к одиннад-

пяти уже проезжал по трассе между Умётом и маленькой деревней с громким названием: Градский Умёт. Ну, совсем близко осталось! Но! Но поперёк шоссе бежит в пологом овражке незамерзшая то ли речушка, то ли ручей: метров десять-двенадцать грязи и воды и ещё несколько разрозненных камней. Вот они-то поставили меня перед выбором: рвануться и проскочить через ручей, рискуя потерять полуприцеп или ехать потихоньку, но с риском забуксовать посредине ручья. Пожалел, что нет резиновых сапог: мог бы обследовать дно речушки – найти брод. Решил воспользоваться «золотой серединой»: на спуске начать разгон только перед самым ручьём, и сильно не газовать – идти «в натяг». И я пошёл «через Рубикон» на скорости около 30 километров в час. Начались подпрыгивания, я непроизвольно сбросил газ, передние колёса выкатились па противоположный берег, но скорость упала, прибавил газа – ведущие колёса стали выкатываться на бережок, но тут же забуксовали. Колёса полуприцепа стояли посреди ручья по ступицу в воде. Попробовал тронуться враскачку, но машина назад не сдвигалась: в камень, вероятно, утыкалось какое-то колесо. После 3-х попыток решил, что не надо муфту портить, заглушил двигатель и стал ждать оказии. Примерно через час в попутном направлении прибежал «ЗИЛ 130», который обошёл меня справа и легко перескочил через речушку. Попросил водителя помочь. Зацепили трос, я завёл двигатель, подождал, пока трос натянется, и мы попытались выехать из воды. Не тут-то было – «ЗИЛ» тоже забуксовал. Решили, что нужен трактор. Водитель показал на водокачку, видневшуюся примерно в километре вверх по речушке, и сказал, что там может быть трактор.

Я запер кабину и пошёл искать выход из положения. Дежурный на водокачке сказал, что трактора у них нет. Но оказалось, что у них есть телефон. Дозвонился до Тамалы, но в конторе никого не оказалось: обед. Пришлось ждать. В тепле меня разморило, я сидя заснул на некоторое время. Позвонил ещё раз. Ни Дуплина, ни главного инженера Дудукова не оказалось, (была суббота, возможно, поэтому), откликнулся главбух. Насоветовал:

– Приезжай, на чём сможешь, тут возьмёшь трактор, и съездите за машиной, а где остальные? Остальные где, спрашиваю?!

Сон тут же улетучился!

– Как, где? Разве не дома? Я отстал от них и в одиночку ехал.

– Нет их, не знаем, где.

Вот это номер! Сильно задумчивый, я вернулся к машине и стал ждать подходящей оказии: либо гусеничный трактор, либо попутка до Тамалы. 2-й вариант, как второсортный, судьба подарила мне довольно скоро: из Кирсанова возвращался чем-то загруженный доверху (уже не помню, чем) «ГАЗ 51» с людьми наверху. Он легко пе-

реехал через речушку, водитель остановил машину – и я улёгся наверху, прикрываясь фуфайкой от встречного ветра. Менее чем через час я был уже в «Сельхозтехнике». Нашёл дежурного инженера, но трактор он мне не дал: все трактористы уже разошлись по домам. От Буланова сведений у него не было. Пообещал завтра дать дежурный трактор и сказал, чтобы я подошёл к 8-ми утра. Отправился домой. Людмила ахнула, увидев меня. Не столько от моего внезапного появления, сколько от моего вида: наверно, я был похож на сбегавшего из психушки. Наутро пришёл в СХТ и увидел несколько «Колхид» во дворе: прибыли поздно вечером. Выяснять, где они обретались и как ехали, было некогда и не у кого. Трактор дали подходящий – «ДТ 75»: он по тяге чуть похуже, чем «ДТ 54», но транспортная скорость в полтора раза выше. Так что мы быстро добрались до моей сиротины. Она стояла, как и вчера. Из кузова ничего не пропало, кабина была заперта.

Зацепили трос, трактор легко вытянул машину из ручья и овражка. А когда на ровном месте я попробовал завести машину с буксира, то повторилась новомосковская история: машина промёрзла за 13 часов. Посоветовались, решили, что так на буксире и потащим машину. Ясно, что с «Колхидой» на буксире трактор шёл медленнее, но это и к лучшему, потому что тормозить я мог только ручным тормозом: двигатель и, соответственно, воздушный компрессор не работали. Но всё равно часа через два мы были в СХТ. Всё. Рейс закончен благополучно: машину не разбил, сам живой. Чего ещё? В общем, шофёрский экзамен сдал! Ночами в течение двух недель, спал беспокойно: всё время был в пути, что-то ломалось, и всякие пакости в том же ключе. А когда мне пришлось ехать на «ГАЗ 52», я не чувствовал руля: до того было легко после «Колхиды» с неработающим гидроусилителем. Но на следующее утро после приезда я был на планёрке у Дуплина. Яковлевич тоже присутствовал и получил нагоняй за плохую организацию рейса, а я отделался упреком, что не поправил действия Буланова. Я помалкивал и тихо радовался тому, что в том рейсе был в роли простого водителя. После планёрки Буланов сказал, что они ночевали в Шацке, оставлять на въезде кого-то, чтобы предупредить меня, не стали, уповая на мой «житейский опыт» и интуицию. Дааа! А я гнался за ними! Дня через два подошёл Митька Паршаков:

– Свиридыч, я должок принёс! – и протянул мне купюру, – как ты доехал?

Мне хотелось сказать ему... Но здесь я старший инженер по новой технике, а он – просто шофёр... Я молча повернулся и ушёл. Мне было уже известно, что машины предназначались не для СХТ, а для передачи в колхозы района. Они разошлись только к маю – июню!

Рабочие будни

Я начал привыкать к работе в «Сельхозтехнике», что было не так уже сложно: полу деревенская жизнь и полу промышленная работа мне были знакомы с юных лет и даже с детства. Тут я начал осваивать ещё одну грань производства – снабженческую. Как-то в командировке, кажется в Харькове (да, и туда мне доводилось ездить по делам службы!) один профессиональный снабженец, оказавшийся соседом в номере, за рюмкой чая с помпой утверждал: «Без моей работы вы, конструкторы, технологи и все остальные, ничего не значите: если я не привезу материал или комплектующие, то вы останетесь прожектерами, и ваши гениальные идеи дальше листа ватмана не уйдут!». А что? Верно. В целях экономии меня иногда использовали не только как шофёра, но и как экспедитора, и мне иногда приходилось привозить изделия, которые нужны для работ, которыми я руководил.

В Областном объединении СХТ в отделе снабжения я уже начал различать физиономии, освоил основы дипломатии. Запчастей и комплектующих на всю потребность всех районных отделений не хватало, поэтому заявки всегда урезали. Но можно урезать на 10%, а можно урезать до 10%! И личный контакт помогал найти «золотую середину». Так что в амплуа шофёра-снабженца я вскоре стал делать успехи. А непосредственно по моей работе понадобилось смонтировать и запустить (с некоторым интервалом) стенд для регулировки топливной аппаратуры, стенд для испытания двигателей после ремонта, стенд для ремонта кареток ходовой части гусеничных тракторов. Но эти работы были не срочные: неделя туда – неделя сюда.

Но однажды вызывает Дуплин (в конце лета 68-го):

– Свиридыч, бери машину и ещё одну с шофёром и поезжай в Пензу – получишь два теплогенератора и привезёте сюда.

– А зачем?

– Ну, ты же видишь: наша котельная не справляется с отоплением СХТ, а нам ещё предстоит расширение мастерской. Вот мастерскую и будем отапливать горячим воздухом. Я уже расчеты сделал – двух теплогенераторов хватит, а солярка и более калорийная, чем уголь, и недорогая, так что расходы на отопление могут даже снизиться.

То, что кочегарка не справляется, я убедился на собственном опыте прошедшей зимой. Вскоре после пригонки машин из Армавира начались крепкие морозы, и даже «прихватывало» (как на моей «Колхиде») теплотрассу в мастерскую. Во избежание ЧП решено было до окончания морозов (а тут ещё новогодние праздники!) установить ночные дежурства инженеров. У нас было три кочегара, работавших по суткам. У двух были недостатки: один пил, а второй безногий – с протезом. Вот с ним-то мне и пришлось нести первое дежурство с 18-ти до 8-ми часов. Я периодически делал обход теплоузлов, прове-

рял состояние батарей в помещениях и проверял показания термометра на котле – пока всё нормально: ниже 80 градусов не опускается.

После часа ночи я понял, что кочегар заметно утомился. Предложил подменить его ненадолго. Он дал мне необходимые пояснения и сел в сторонке, наблюдая за моими манипуляциями: «Самое главное, не бросай лишка, а то уголь затухнет, и его трудно будет снова раскочегарить». У меня стало получаться, и он прилёг прямо на кучу угля: «Разбудишь через час!» – с тем и заснул. Этот час прошёл благополучно. Мне было жаль кочегара, и я решил постоять ещё часок. Но к концу этого часа я и сам утомился, действия мои стали неточными, и я почти с ужасом заметил, что топка начала гложуть! Пришлось будить кочегара: температура в котле упала до 50 градусов! Пока он с некоторой моей помощью налаживал топку – упала ещё почти до 40 градусов. Но потом пошла вверх, а я пошёл проверять теплотрассу. Обошлось! Тут и утро наступило. Опыт даром не пропал: в другие дежурства я помогал без таких проколов.

Так что идея с теплогенераторами мне понравилась. Тепловые расчёты Дуплина я не стал перепроверять: во-первых доверял его инженерным познаниям, во-вторых времени на это не было, а в-третьих, точных исходных данных не было. Но одно плохо: прораба по строительным работам у нас тогда ещё не было, и Юрий Иванович дал задание мне построить помещение рядом с мастерской для теплогенераторов. Пришлось заняться. Прочитал инструкцию по монтажу и схеме размещения агрегата, но там всё было рассчитано на один, а мне два надо было устанавливать – сделал интервал как между агрегатом и стеной. Потом в эксплуатации оказалось, что этого мало, надо бы на полметра больше, но переделывать уже было поздно. Но, в целом, фундаменты, коммуникации, стены, перекрытия и окна удались. Мне дали двух каменщиков, от них я и узнал, что на один кубометр кладки идёт 400 простых одинарных кирпичей. Но выявились недочёты и поглубже: потери тепла оказались выше расчетных, так что до самой весны температура в мастерской не поднималась выше 15 градусов. А ещё герметичность оказалась неполной, так что тёплый воздух, поступающий в мастерскую, был, мягко скажем, с душком. Одно утешало – это просчёты не мои. Для проведения работ под моё техническое руководство выделяли нужных специалистов. Чаще всего мне нужен был сварщик, и мне давали Колю Гуревнина. Чуть вяловатый, но покладистый парень, квалификация – повыше среднего, но немного. И вот появился новый сварщик – Вовка Тихонов. Выяснилось, что он недавно вернулся из заключения после второй отсидки. Сроки, правда, «парил» небольшие. Но в тюрьме он окончил среднюю школу и выучился на электросварщика. Дали мне его раз, второй – варит хорошо, лучше Николая, и пошустрее работает. Попросил меня похо-

датайствовать, чтобы место в общежитии дали. Я посодействовал. Однажды в обед я увидел, что он электросваркой (!) заваривает(!) днище эмалированного(!) металлического тазика(!).

– Ты что делаешь? – меня разбирало любопытство, а не свихнулся ли он? В месте трещины в днище тазика эмаль облетела, и видно было, что толщина листа, из которого он сделан – менее 1 миллиметра, скорее всего, 0,6. Это же для электросварки, что папиросная бумага для спички!

– Да вот, дали в общежитии для мытья ног, а он худой! – голос его был обиденным.

– И ты думаешь, что заварить, а не прожжёшь дыру? – я кривовато усмехнулся.

– Попробую, Александр Свиридович! – и он продолжил работу.

Когда я дня через два заглянул в общежитие, он мыл ноги в этом тазике. Как-то зимой он подошёл ко мне:

– Александр Свиридович, а Вы не можете достать угольные электроды?

– Могу поспрашивать на складе... Это зачем тебе? – такие электроды на моей памяти в СХТ не применялись ещё.

– Да вот NN (он назвал фамилию одного шофёра) блок разморозил, просит заварить.

Я засомневался: блок цилиндров чугунный, тонкостенный, да ещё со сложной поверхностью. Да и электроды такие вряд ли есть в наличии.

Но через два дня он спокойно доложил:

– Всё, сделали движок! NN достал угольные электроды на маслозаводе, и я заварил блок.

– Молодец! – я был рад, что появился такой спец.

Но NN, вероятно, был рад ещё больше: блок цилиндров «ЗИЛ 130» сам по себе дорогостоящий, а для его замены надо было бы снять двигатель с машины и делать почти полную разборку. С учётом простоя это влетело бы в такую копеечку (даже по госрасценкам), что водитель без месячной зарплаты бы остался. Ясно, почему он Вовку так охаживал. Началось расширение мастерской. Дуплин поручил мне приглядывать за работой строителей, а это была группа «шабашников» во главе с армянином, имевшим греческое имя Одиссей! Наши рабочие предлагали сделать работу почти в два раза дешевле, притом, качественнее, Но Юрий Иванович упорно отказывался, я не мог понять, отчего. А Дуплин вскоре начал попивать, причём, всё чаще и всё сильнее. Похоже на то, что брал «откат». (Сначала честным людям это и в голову не приходило, а когда докумекали, было поздно: коррупционеры усилились настолько, что их стало не одолеть. В итоге мы имеем то, что имеем). Но, в целом, Дуплин оставался хоро-

шим руководителем и классным инженером, до момента, когда он покатился под гору, было ещё далеко. Прошлым летом я посетил Тамалу, побывал на новом кладбище и поклонился могилам Димы Афанасьева, моего армейского друга и брата моей жены, и Дуплина Юрия Ивановича, моего бывшего начальника.

Постепенно работ по новой технике становилось всё больше: готовилось расширение мастерской. Прораба всё ещё не было, мне поневоле пришлось вникать в строительные дела: не будет новых площадей – не будет новой техники. Стояки-опоры из кирпичной кладки было решено заменить металлическими стойками из двух трубчатых колонн каждая. Связали швеллерными балками поверху, смонтировали железобетонные фермы, положили плиты-панели, а сверху – мягкую кровлю на битум. Одним словом, удлинит мастерскую на 18 метров. Я немного научился работать отвесом, рулеткой (только кажется, что это просто) и даже теодолитом. Наконец, приняли прораба-строителя. Старше меня лет на 10, ростом с меня, даже чуть-чуть пониже, в плечах заметно шире, сухощавый и при этом на полпуда тяжелее меня! И был очень крепок на водку, мог бы с Александром Фёдоровичем, главбухом СПТУ, тягаться.

Когда строительство пристроя подходило к концу... но об этом – потом.

Домашние будни

В СХТ было несколько человек, работавших в УМСХ № 13, включая А.А. Шунькину, так что вращение в новый коллектив было не так сложно. Но вот, что плохо – решение жилищной проблемы было более туманным. В училище для сотрудников намечалось постройка нескольких домов. Восемиквартирный двухэтажный полугородской дом был сдан при мне, а один двухквартирный дом достраивался. Когда в Райкоме вели беседы с увольняемыми сотрудниками училища, я поднял и жилищный вопрос. Обещали содействие, так чтобы очередь на получение квартиры не отодвинулась. Но скоро сказка сказывается... Только к осени 68-го мне выделили половину финского домика, ещё толком не достроенного – в достройке пришлось тоже поучаствовать. Крылечко (позже переделанное в сени), прихожка и комната. Отопление автономное: в печку вмонтировал П-образный водяной котёл, сделанный по моим же эскизам в мастерской СХТ, расширительный бачок, десятка полтора метров трубы-дюймовки и одна батарея из десяти секций в комнате: предполагалось, что в прихожке-кухне будет тепло от самой печи. Не скажу, что зимой было очень тепло, но жить можно было. Дали материал на сарайчик, экскаватор для рытья погреба (Мы каждый год брали 15-соточный огород в окрестностях посёлка.) Одним словом, в ноябре переселились в СВОЮ, уже вторую

по счёту, квартиру. До тестя было около километра, в Димин садик – поменьше. Мы вскоре обзавелись двухконфорочной газовой плитой, укомплектованной двумя пятилитровыми баллончиками, которые я заряжал в Пензе, либо просил кого-либо из шофёров. А в Пензу чуть ли не каждый день наши машины ездили. Ну, до душанбинской квартиры далековато, но.... Сосед – через тонкую стенку – Николай Фадеев, шофёр, один из товарищей по памяtnому рейсу. Однажды что-то делаю по благоустройству нового жилья, слышу – стучит:

– Сосед, иди поддержи!

«Ну, – думаю, – что-то тоже мастерит, надо помочь!». Иду к нему. Шуры, его жены, нет, он один сидит на низенькой табуреточке, перед ним – какой-то замысловатый агрегат.

– Поддержи вот! – тянет мне гранёный стакан самогона. Ах, паразит!

Пришлось «поддержать» стакан, потом и ещё. Людмила дома «полкана спустила» на меня – пришлось обороняться уважительностью причины: новосельные дела! Весомость Людмилы и её слова к тому времени возросла: её пригласили на работу в отдел пропаганды РК КПСС. С её подачи (сначала для численности, а потом из интереса) я стал посещать лекции лекторов-международников и даже стал ездить на семинары в Пензу. Через некоторое время сам начал читать лекции по советско-американским, советско-китайским отношениям и о положении на Ближнем Востоке. До выезда из Тамалы прочёл десятка полтора лекций, некоторые из них уже стали получаться. Дима подрастал, болел реже, чем в Душанбе, но в ясли и в садик ходил с неохотой. Крепко дружил с двоюродным братом Борькой, который был на два годика постарше. На пищекомбинате его любили по-прежнему, и он часто приходил со двора с полной пазухой конфет, пряников. А ещё ему одна тётя делала лебедей из конфетной массы, это ему нравилось!

Моя мама только однажды смогла приехать к нам в гости. В целом, Тамала ей понравилась, но уклад жизни здесь был иной, чем на Дону. А вот вода на совхозной стороне Тамалы (там была артезианская скважина) ей так понравилась, что она восторгалась: «Хоть в чемодане с собой вези!» Ещё одна грань моей жизни в Тамале – продолжение, точнее, завершение учёбы. Явный плюс этого периода – близость к Москве и штуки три прямых поездов.

Новость

Как-то в марте-апреле 67-го мои тесть и тёща вернулись из Куйбышева, где гостили у Бориса. И Сергей Иванович «выкатил» новость: где-то около Самары собираются с итальянцами строить автозавод. Якобы квартиры дают сразу, а потом и машины будут выдавать. Я

в эту «утку» не поверил, но на ус намотал. К лету слухов и достоверных подробностей стало больше. Созвонился с Борисом и попросил его разузнать поточнее. В разгар лета взял в счёт отпуска несколько дней и поехал на разведку. В поезде я познакомился с одним парнем моих лет (кажется, его звали Виктор), который пытался изобразить из себя чуть ли не соискателя места начальника какого-либо цеха и говорил покровительственным тоном. Но я быстро понял его, хотя говорить ему об этом прямо не стал, просто повёл себя чуточку бдительнее: из таких Хлестаковых часто получаются аферисты.

В Куйбышеве переночевал у Бориса. Кажется, они уже взяли к себе Коптевых старших (тестя и тещу). И встретили и проводили замечательно. Анна Фёдоровна как-то сразу прониклась ко мне симпатией и принимала меня всегда замечательно. А я её всегда вспоминаю почти с такой же теплотой, как и бабушку Татьяну Фёдоровну. Расписание движения автобусов в Тольятти было очень густое. Потому на следующий день утром я уже ехал по живописной дороге с чудесными видами на Волгу и Жигули. Опять захотелось попасть в эти края. Потом дорога отодвинулась от Волги, попетляла по полям и лесам, и потекла с горки снова к Волге и уже далеко от неё не отодвигалась, хотя сквозь деревья просматривалась только изредка. Посёлки Комсомольский и Порт-посёлок удивили тем, как дружат дома и деревья: похоже, что вырубались только те деревья, которые попадали в контур зданий, а остальные как стояли – так и стоят. Такое впечатление, что дома выросли в лесу, как и деревья. Это грело душу и подогревало желание жить здесь. Потом дорога опять убежала от Волги, вынырнула из леса, и очень скоро я оказался в Тольятти. На автовокзале мне подсказали, как проехать в отдел кадров «строящегося Волжского автозавода», который размещался в здании дирекции «Волгоцеммаша».

И вот там я наступил себе на хвост! Когда подошла моя очередь в отдел инженерных и руководящих кадров, мне после некоторых сомнений инспектор выдал переговорную записку в Отдел Главного конструктора, который размещался на том же этаже. Зашёл, поздоровался, представился.

- Покажите документы!
- Пожалуйста, – я протянул паспорт и зачётку – вот!
- А где диплом?
- Пока нет: я закончил пять курсов ВЗМИ, через год будет диплом.
- Вы нам не подходите: нас в отделе всего лишь 4 человека. Нужны уже готовые специалисты с дипломами и опытом работы. Будет и то, и другое – приходите ещё, тогда посмотрим!

Я был страшно разочарован: ехать за сотни вёрст, чтобы получить такой «отлуп»! Что делать! Вспомнил коридорные разговоры.

– А если я поработаю на строительстве, то через год, когда диплом будет...

– Если Вы нам подойдёте, – перебил он меня, – мы Вас вызовем, хоть откуда. А если нет, то работа на строительстве завода – не аргумент.

Я вышел в коридор несколько ошарашенный. М-да! Не оставили лазейки! И всё же... И всё же... Если буду поблизости – могу как-то отслеживать, возможно, и влиять на процесс. А что, если пойти поработать простым рабочим? Почему нет? До 65-года работал на рабочих должностях, и – ничего! Не отвык же я от простой работы! А там – будь, что будет! Где отдел рабочих кадров? Вот он! Ба, в очереди сидит Витька! Я усмехнулся, поздоровался, он смутился. Но я не злопамятен.

У инспектора стандартные вопросы. Дошло до профессии. Я бодро доложил:

– Тракторист-машинист широкого профиля, вот документ!

– Ну, это на стройке разве что!

– Слесарь!

– Это хорошо!

– Токарь!

– Замечательно!

– Шофёр-профессионал!

– Совсем хорошо! Такие нам нужны!

Дальше в точности, как у Крылова: «Вещунына с похвал вскружилась голова!». Я решил добавить сияния своему образу:

– Закончил 5 курсов заочного института по специальности «Автотракторостроение»! – Ну, думаю, по высокому разряду возьмут! Но физиономия у инспектора лишилась энтузиазма и немного вытянулась...

– Вы нам не подходите!

– Как так? Почему?

– Да Вы без пяти минут инженер! Мы Вас примем, а Вы тут же в отдел уйдёте!

Вот те раз! Хуже, чем у Буриданова ослика: тот не знал, какой пучок жевать – левый или правый. А мне не дают ни правый, ни левый! Но прав был морячок-попутчик: рыжие упрямы. Если он допускает, что в принципе можно уйти в отдел, то какая разница – из автозаводского подразделения или с другого предприятия? Надо поискать – город немалый! Надо переночевать здесь, а потом – на поиски! Виктор тоже не успел завершить свои дела, хотя у него «всё на мази». Мы с ним пошли искать гостиницу. Это оказалось несложно: на пере-

крёстке Комсомольской с улицей Ленина было несколько заводских общежитий, свободные места в которых сдавались как гостиничные. Туда мы и отправились. Наутро я отправился на тот же «Волгоцем-маш», потом обследовал ещё пару-тройку более мелких предприятий. Везде результат неутешительный: ничего подходящего. Кто-то подсказал, что проще найти работу на заводе «Электроштит» в Красной Глинке (сейчас этот посёлок в составе Самары). Я решил ехать, тем более что это попутно.

Зашли перекусить в пельменную на ул. Мира, тут мой, некогда валяжный, Витька признался, что у него деньги совсем на исходе, но ему обещали аванс, когда он приступит к работе, и он обязательно вышлет, если я дам ему рублей двадцать и свой адрес. Эти коллизии мне были, ой как, знакомы (начиная с Чеботовки, когда я возвращался в часть из отпуска). Я прикинул, что у меня остаётся, и дал ему 15 рублей (без адреса). Автовокзал был поблизости, Виктор проводил меня. Мы помахали друг другу на прощанье, и часа через полтора я подходил к проходной «Электрошпита». Там мои дела оказались успешней. Было обещано место мастера с обычным окладом. Договорились, что будут ждать 2 недели. Жильё в ближайшие годы не обещали, но это меня не очень волновало: я почему-то был уверен, что когда-нибудь буду на автозаводе, где квартиры давали очень быстро. В коридорах и кабинетах отдела кадров я узнал, что слухи о фантастической скорости получения квартир были близки к истине.

Через сутки я ехал в поезде и читал взятый у попутчиков фантастический роман «Страна дураков», автора которого точно не запомнил, но похоже на Ивана Ефремова. Книга потрясла меня: во что превращает отдельных людей и общество в целом капитализм! Когда началась открытая реставрация капитализма, столько моментов из той книги проявилось в нашей жизни! Какое предвидение. Самое ужасное – обезчеловечивание людей! Деградация интеллектуальная. Деградация моральная! И даже деградация физиологическая – только 10% детей рождаются здоровыми. Ужас! Но тогда мне и в голову не могло прийти, что... ..

Когда я вернулся в Тамалу, мой энтузиазм наткнулся на стену аргументов Людмилы. Понять её было несложно: здесь родители, быт постепенно налаживается, перспектива с жильём имеется, на работе её ценят. А что будет там? И главный козырь – до диплома осталось всего один год! Закончишь учёбу – тогда опять можешь в Тольятти ехать! После некоторых дебатов «мы решили, как сказала Люся».

Почти выучился

В Тамале мне учиться было сподручней, конечно. Необходимые справки с места работы, чтобы не отчислили из института, я по-

лучил. На первой, сдаваемой в Москве, сессии я завёл очень полезные знакомства: подружился с Толиком Мунаевым из Куйбышева и Лёнькой Рогалем из Владивостока. У нас у всех был 1-й вариант контрольных работ (на 30 человек в группе было 10 вариантов заданий – каждому студенту отдельный вариант физически не могли приготовить). Мы выяснили, кому какие предметы даются лучше, и делали контрольные работы только эти, а потом пускали их по кругу. Когда приезжали на сессию, то не передирали друг у друга не сделанные дома «хвосты», а занимались более приятным делом: Лёнька привозил из Владивостока море «морепродуктов» (дефицит!), а мы с Толиком обеспечивали «жидкую валюту». В итоге мы на 1-2 дня раньше заканчивали сессии и БЕЗ ТРОЕК! Конечно, в учебники успевали заглядывать! Конечно, посещали лекции, которые нам читали.

Иногда бывали приятные неожиданности: Толик «нашёл трояк» на лестнице! Посовещались и быстро нашли ему оптимальное применение: «Особая Московская» тогда ещё стоила 2р. 87 коп. Я, честно говоря, считал, что он придумал эту историю, чтобы повод появился. Но буквально через три дня сам нашёл «трояк»! Дальнейшая судьба его была уже ясна. С тех пор, когда кому-то из нас не терпелось выпить, заявляли: «А я троячок нашёл!» Через двадцать с небольшим лет я стал абсолютным трезвенником, а Толик всё никак не «завяжет» («завязал» всё же с 11 года»), из-за чего наделал бед своему здоровью, своей машине и семейным отношениям. Я его столько раз уже в лечебницу определял! А тогда мне казалось, что это весёлые шалости!

Наконец в 67-м году, через шесть лет после начала учёбы (я говорил, что на 4-м курсе два года сидел) я получил тему для дипломного проекта. Вернее, попросил: читая журнал «Тракторы и сельхозмашины», обратил внимание на статью Л. Либсиса, (нач. КБ харьковского завода ХТЗСШ, где работал Коля Высокосов). В статье были приведены результаты исследований по загрузке «СШ-16», этих универсальных машин, внушек того самого «ХТЗ-7», который ребята в овраг спровадили, когда были на практике. В статье доказывалось, что самоходное шасси свыше 60% рабочего времени используется на транспортных работах. В моей голове шарики закрутились быстрее: «Если так, то поднять производительность можно за счёт повышения скорости, но тогда возрастут динамические нагрузки и потребуются подвеска колёс по типу автомобильной. Но задний мост и бортовая передача у самоходки в корне отличаются от автомобильных. Не переделывать же весь трактор?». Вскоре я нашёл оригинальное решение, как совместить два противоположных требования, и написал заявку на изобретение. (Увы, последовал отказ: аналогичную заявку уже подавал тов. Березуцкий М., но и он опоздал: в ФРГ, якобы, такая

схема подвески запатентована. И ещё более громкое «Увы!» пришлось вздыхать после 91-го года, когда выяснилось, что многие изобретения умышленно тормозились патентоведомы и потом втихаря патентовались за рубежом). Оказалось, что Миша Березуцкий работает в том же бюро Либица, что и Коля. А я так давно не был в Харькове! Решение созрело мгновенно: попрошу тему модернизации подвески самоходного шасси в качестве дипломной работы – будет повод съездить в Харьков, а там будет, кому помочь! При первом же появлении в институте попросил эту тему. Уговорил. Дали. Записали официально. В Тамале мне дали положенный отпуск на подготовку к «защите диплома», ещё я написал заявление на очередной отпуск, и в начале апреля укатил в Москву в институт, там уладил все дела и оттуда поехал в Харьков. Ждать не стал и взял билеты на ближайший поезд. Это оказались билеты в мягкий вагон! Я ехал, и долго не мог свыкнуться с мыслью, что я еду не НА, а В мягком вагоне! На вокзале встретил Коля Высокосов. Он теперь «забурел»: уже 2-ю категорию имеет, женат, сын появился недавно, квартиру снимает на ул. Академика Павлова, а не в Дергачах! Приехали. Достал бутылку вина, познакомился с Верой, посмотрел на их сына. Они сказали, что я могу остановиться у них и пробыть до самого отъезда, а столоваться могу с ними. Я дал Вере денег, она часть вернула: «Не могу тебя так дорого кормить!» Ну, ей виднее.

Утром я пошёл с Николаем на его работу и с его помощью оформил пропуск, зашёл в бюро и пообщался с Зиной Вараксиной, Ларисой Черемской – всё свои люди! Потом познакомился и с Либицом, и с Березуцким. Встретили меня, правда, без восторга, но очень благожелательно. Поддержка и помощь мне были гарантированы. И я сходу включился в дело: мне принесли чертежи самоходки, и я стал мараковать, как её снабдить мягкой подвеской задних колёс. Не буду углубляться в технические подробности, но идея, которая у меня возникла ещё в Тамале – пусть ведомое колесо бортовой передачи обкатывается вокруг ведущей шестерёнки во вращающемся кожухе. А дальше просто: приладить пружину и поставить амортизатор для смягчения толчков. Но немцы не даром говорят, что чёрт прячется в деталях! Очень скоро, когда я перешёл к конкретным расчётам, чертик и показал свои рожки. Забегая вперёд, скажу, что одна только формула передаваемого на пружину усилия заняла линию через всю страницу. Я оставил её Коле, чтобы он нашёл 12 значений этой силы в цикле подъёма и опускания колеса, а сам поехал к Сашке Тимошенко в больницу. Сейчас компьютер за минуту бы решил эту задачу, а тогда у Коли была только ламповая электронная счётная машинка. Наутро он подал мне листок с расчетами:

– Санька, ты мне таких формул больше не давай! Я почти весь день считал, чуть машинка не сломалась! И Либис заметил, что не производственную задачу делаю.

Почему «наутро», а не вечером дома? К тому времени я уже обитал в частном доме тёщи Сашки Крейдунa, а она обреталась у зятя в благоустроенной квартире. Как я там оказался? Если вкратце, то вот как. Мы с Николаем несколько сожалели, что нам не удалось отметить встречу, как следует. И вот нам представилась такая возможность. В воскресенье мы позавтракали с бутылочкой красненького и пошли ассистировать Вере: она понесла Сашку (Колиного сына) в детскую консультацию. А по завершении всех процедур заявила нам: «Хлопчики, вот вам Сашка, как его кормить из бутылочки, Коля знает, как перепеленать – тоже. Я пошла к подруге. Буду у неё до трёх!» С тем и отвалила. Сашка, на наше счастье, спал сном праведника. Недалеко от Колиного дома был магазин с уже работавшим нужным отделом.

– Что будем брать, Санька?

– Коля, давай, чтобы не смешивать, возьмём красненького.

Зашли. Взяли большую бутылку и шоколадных конфет на закуску: недавно позавтракали. Но бутылка за столом оказалась меньше, чем в магазине. Начали добавлять. Сначала я два раза сходил, потом Коля, потом... Но бутылки я выбрасывал в уборную, размещавшуюся во дворе. Наконец Колька рухнул на диван. Как назло, проснулся Сашка и заревел. Не зная, как его успокоить, я взял его на руки и стал ходить по дому. Уж не помню, сколько это продолжалось, но появилась женщина и сказала:

– Давайте мне младенца, я с ним управлюсь!

– Вы что? Как я отдам постороннему человеку ребёнка?!

– Я не посторонняя – я хозяйка дома, а Высокосовы – мои квартиранты.

– Всё равно не могу! Как же это? Я за него перед Колей отвечаю...

– Давайте, давайте: ему у меня лучше будет!

Этот аргумент меня убедил. Я отдал Сашку, женщина вышла за дверь – и я рухнул на свою кровать. Кроме Колиного и моего тела Вера обнаружила пригоршню пробок, которые мы не сообразили выбросить вместе с бутылками. Вот так я и оказался в почти заброшенном доме деревенского типа в огромном городе. Под окнами была пивная, но я её почти никогда не навещал: и повторения казусов не хотелось, и деньги уже надо было экономить, и ... пример перед глазами: какие-то «шутники» споили собаку-дворняжку, и эта алкоголичка постоянно тёрлась у пивной, вымаливая глоток пива. Боже! Никогда я не видел более жалкого существа. И я вёл трезвый образ жизни до самых майских праздников.

Дела с дипломным проектом у меня подвигались хорошо: черновую работу мне делали друзья (Сашка Крейдун даже заявил: «Это долг нашей группы помочь тебе!» – доблестная «ТСМ 21а» продолжала жить!), а я делал технические и экономические расчеты и чертежи общего вида. Где-то в середине апреля началось похолодание до заморозков, и держалось до 25 числа. Это в Харькове! Но с 26-го началось потепление, и на Первомайскую демонстрацию я пошёл уже в одной рубашке. Меня приглашали сразу в несколько коллективов, но я решил идти с Сашкой Ивахненко, некогда бывшим соседом по комнате в общежитии МКК. Они с Васькой Передрием считались лучшими математиками в группе. А мы с Колей Высокосовым – приближались к ним, но я уже не успел приблизиться.

По площади прошёл в колонне с коллективом Сашки Ивахненко. Традиционно «вдохновились» – всё необходимое для этого было у профорга. Потом собрались человек двенадцать – пятнадцать из «ТСМ 21а». Ира Логинова была, Зина Вараксина, Зинуля-маленькая, Толик Асютин, ещё кто-то (вот уже и фамилии из головы вылетают). Уехали куда-то в лес на окраину города. Иногородний был только я. Рассказов о том, что и как идёт – море! Воспоминаний – и того больше.

В шестом часу вернулись к Сашке. Покрутились – пошли в гости к Витьке Балло, он жил этажом ниже. Витька всегда был холёно-лощёным, а тут, при интеллигентной жене, совсем на барина походил! Жена сначала сервировала стол, а потом мы уже стали заливать духовную жажду коньяком, который за беседой исчез моментально. Витя с Любой (он звал её Любашей) переглянулись – она принесла бутылку «Столичной», которая исчезла так же быстро и так же незаметно. Супруги Балло несколько растерянно переглядываются снова – появляется бутылка простой водки. Её постигла та же участь. Витька с женой переглядываются совсем растерянно (оказалось, что 2 мая они ждали гостей) – и на столе появляется бутылка ... самогона! Вот тут уже после 1-й рюмки я предложил Сашке раскланяться с гостеприимными хозяевами, которых мы вчистую обпили и объели. Вскоре я отправился спать, а Сашка, по словам Светочки, его жены ещё ходил к кому-то из соседей в гости и там продолжал праздновать. Здоровый, чёрт! Он на пол головы меня выше и килограммов на сорок тяжелее.

После праздников я ещё навестил Сашку Тимошенко в лечебнице (бедняга не выдержал нервных перегрузок, слишком быстро поднимаясь по карьерной лестнице). Потом его всё-таки вылечили, он уехал в родной Ростов, (жена ушла от него, пока он был в лечебнице), но года через два он скончался в Москве во время командировки.

Вскоре после Дня Победы я завершил все дела в Харькове и вернулся в Тамалу, но пробыл там недолго: 11 июня я уже уехал в Москву на согласование дипломного проекта с консультантами и руководителем проекта. На Соколе меня поселили в студенческое общежитие какого-то дневного института. Я быстро познакомился с другими заочниками, проживавшими в этом общежитии. Увы, ни Толика, ни Лёньки не было. До защиты оставался ещё целый месяц – времени немало, но и дел было «навалом». Засел за работу. В комнате я оказался единственным жильцом – красота! Сидел над проектом до рассвета. Запомнилось несколько казусов. Через три дня после приезда – 14-го июня – у меня был день рождения. И я размахнулся на всю катушку: пригласил человек семь – восемь гостей, да ещё два – три «нечаянно» заглянули на огонёк. Так что, когда я назавтра посчитал остатки финансов, оказалось, что я – на грани банкротства. Давать телеграмму домой? Совести не хватило. Сел на диету. Но недавно говорят, что дуракам и пьяницам всегда везёт! В одной из тумбочек я обнаружил забытый кем-то огромный (не меньше килограмма!) кусок домашнего сала, а в другой – почти полный цибик грузинского чая – манна небесная! Я покупал полбуханки чёрного хлеба (8 копеек) – завтраки и ужины мне обеспечены. А на обед в столовой брал манную кашу и компот (17 копеек). Этой диетой я пробавлялся две недели. Нет худа без добра: я понял вкус чёрного чая! Без сахара он явственнее ощущается.

Консультантом по экономической части проекта мне дали начальника Экономического отдела из Министерства Тракторного и сельскохозяйственного машиностроения. Захожу в Министерство – в глубине просторного вестибюля сидит вахтёр и проверяет пропуска. Подхожу к нему. Не успел открыть рта, чтобы объяснить своё появление, как он спрашивает:

- Пропуск есть?
- Нет, пропуска нет...
- Тогда проходи!

Я ухмыльнулся (во, логика!) и спросил, как найти Экономический отдел. Он подсказал. Сделав свои дела, я попрощался с вахтёром, как со старым другом.

Однажды удивил себя сам. Правлю чертежи глубокой ночью, что-то стираю ластиком, черчу правильно, снова правлю другое место. Ластик кладу и беру машинально, не глядя. Вот дошёл до более сложного места, всмотрелся, разобрался, понял, что требуется делать, протянул руку – ластика нет! Осмотрел часть стола – нет! Поднял бумаги, осмотрел весь стол – нет! Посмотрел на полу – тоже нет! Взял другую резинку и продолжил работать, так же машинально откладывая и забирая ластик. Минут через пяток в очередной раз взял ре-

зинку – что за чёрт! В руках первый ластик! Откуда я его взял – так и не знаю.

Но, так или иначе, к защите диплома я подготовился. Ко дню защиты приехали Людмила с Димой. Он был очень доволен, что увидел такой город. (Людмила уже приезжала ко мне в Москву годом раньше.) Я договорился в общежитии – им разрешили пожить несколько дней. Защита прошла успешно: пятёрку за дипломную работу получил. На следующий день «отметили», тут уже Лёнька Рогаль был героем дня: креветки, кальмары, икра, красная рыба! А дня через два-три я получил диплом и вернулся в Тамалу уже дипломированным специалистом. Из-за моих метаний и исканий вытянуть на «красный диплом» не удалось, но обошёлся без троек, этого оказалось достаточно, чтобы «работодатели» при первой беседе со мной поглядывали на меня уважительно. Повлиял диплом и на мою «военную карьеру»: месяца через три я стал младшим лейтенантом, а сняли с учёта – старшим. Зато изменился ВУС (военно-учётная специальность): был механиком-авиатором, стал спецом автобата.

С получением диплома мысль об автозаводе в Тольятти снова стала появляться.... А у Людмилы изменилась работа: её пригласили в РК КПСС заместителем зав. Отдела агитации и пропаганды. Работа интересная, да и оплата, по тамалинским меркам, неплохая – примерно, как у меня была в Душанбе на «Текстильмаше». А тут я квартиру получил вскорости (я об этом уже говорил).

Дубль 2

Настало лето 69-го. Из Куйбышева про тольяттинский автозавод и строящийся при нём город вестей было всё больше. И я решил сделать ещё один заход. Людмила без энтузиазма, но согласилась. И вот я снова в Тольятти.

В отделе технических и руководящих кадров опять неудача: в Управлении (ого!) Главного Конструктора вакансий нет. За 2 года отдел вырос, стал Управлением, но и люди, опытные конструкторы, валом валяли из Горького, немного из Ульяновска и даже из Москвы. То есть выбирать было из кого. И здесь мои позиции не были самыми сильными. Ну, запасной аэродром у меня в Тамалинской РСХТ есть, но это не первый сорт. И тут инспектор, повертев копию моей трудовой книжки, предложил мне зайти ОГК Нестандартного оборудования. Альтернативы у меня, практически, не было. Поднялся на 4-й этаж к Щежину А.К. Разговор «был недолгий, но плодотворный»: он согласился взять меня, но при условии, что я останусь в его отделе. Памятуя о моих предыдущих проколах, я промолчал. Расстались «оптимистично-реалистично»:

– Ждите вызова. Без вызова заявление на увольнение не подавайте.

Это меня устраивало. Я уже знал, что почти 100% принятых приехали по вызову. О! Вызов – это непрерывность стажа и «зелёная улица» по жилью. Тут уже был налажен конвейер: после получения визы Отдела Кадров поселяют в общежитие, затем завершаешь оформление на работу, через несколько месяцев получаешь комнату в «малосемейке», а ещё через несколько месяцев – квартиру. Некоторых (в основном, цеховиков) посылают на стажировку за границу, в основном, в Италию. Это понятно: конструкция будущего ВАЗовского автомобиля и технология его производства закуплены на ФИАТе. Связи с поставщиками оборудования из других стран – тоже через ФИАТ. Та часть Тольятти, в которую я приехал во 2-й раз, уже получила название Старого города: в 15-ти километрах выше по Волге уже во всю Ивановскую строили Новый город поблизости от автозавода, некоторые корпуса которого уже были почти готовы.

На стройку ехать не имело смысла: все обговорили с Алексеем Константиновичем. Потому подался в гостиницу, которая размещалась на Советской в обычном жилом доме, похожем на душанбинские новостройки. В номере лежала забытая кем-то книга «Тайны мозга». Я её читал весь вечер. Заинтересовало меня описание опыта на крысах: им вживляли в мозг электроды в разные центры и подводили токи слабого напряжения. Электроды гибкими проводами были связаны с кнопками включения. Крысы случайно их нажимали и получали либо болевое ощущение, либо удовольствие, в зависимости от того, куда вживлён электрод. Крысы животные сообразительные, и они быстро улавливали связь между кнопками и сигналом. Кому было больно, начинали обходить кнопки, а кому приятно – наоборот, стремились давить на кнопки чаще. Доходило до того, что они бросали пить и есть и только то и делали, что давили на кнопки. Ещё в книге указывалось, что алкоголь и наркотики производят такое же воздействие на центры удовольствия, что и электроды. Это меня потрясло настолько, что я три или четыре месяца потом и думать не хотел про водку.

После возвращения в Тамалу опять завертелась обычная жизнь, обычные заботы, а вызов не приходил. Неделя. Другая. Месяц. Нет вызова! В мозгу раздражался явно не центр наслаждения, а центр тревоги. Потом начало вырабатываться привыкание. И тут...

Конечно, новый зигзаг

Уже глубоко в августе вызывает Дуплин:

– Свиридыч, завтра езжай в Пензу в Управление: там организовали Пуско-наладочный участок, надо с ними договор заключить

на монтаж и запуск оборудования. Узнай подробнее, что и на каких условиях они могут делать? Особенно уточни по оборудованию, которое нам предстоит смонтировать.

Ну, в Пензу съездить – не проблема: наши машины каждый день в неё ходили, а то и сам доеду. Контакты в СХТ уже есть. И я пошёл готовиться к отъезду, ещё не зная, что судьба готовит мне новый поворот.

К середине следующего дня я уже был в Облобьединении СХТ и беседовал с начальником Спецучастка Монтажных и Пусконаладочных работ. Объяснил ему наши задачи (установка новых станков и стендов, монтаж подкрановых путей и кран-балок, освещение и т.д.) и спросил, могут ли они это делать, в какие сроки? Как будет производиться оплата, когда можно составить, согласовать и подписать договор на проведение работ? А когда спросил, как будет организована работа, и когда они смогут приступить к ней, началось самое интересное:

– Вы знаете, пуско-наладочные группы при больших объёмах работ мы создаём на местах. Набираем нужных нам специалистов и даже руководителя группы. А из Пензы посылаем спецгруппу при особо сложных работах, и они там руководят местными специалистами. Вот Вы человек грамотный, имеете опыт – не хотите ли стать начальником группы? Людей будете сами набирать, штаты мы Вам дадим. Оклад – 160 руб. Квартальная премия 25%.

Да, есть над чем задуматься: с премией – 200р! А у меня сейчас 110 и никакой премии. Потом, значительная самостоятельность в работе, а работа интересная! Но! Но... вдруг вызов из Тольятти придёт? А как отнесётся к этому Дуплин? Он сразу превращается из начальника в заказчика, а с заказчиком надо иметь хорошие отношения. Сохранятся ли они такими, если он будет считать меня перебежчиком? Домашние? Конечно, согласятся, если зарплата почти вдвое вырастет! Это единственное, в чём я был уверен. Я честно высказал свои сомнения и попросил нач. Спецучастка переговорить предварительно с Дуплиным. Он пообещал. Дня через два он позвонил мне и сказал, что Дуплин не возражает. Я зашёл к Юрию Ивановичу, и тот подтвердил это. А ещё дня через два я поехал в Пензу оформляться на новую работу.

Пуско-наладка

Я оформился сам и получил карт-бланш на набор рабочих в группу. Начинать надо с нуля: помещения никакого нет (ни мастерской, ни кладовки, ни бытовки), инструмента нет, да и рабочих нет. Есть только обещание от Дуплина, что не будет препятствовать набору группы из состава рабочих СХТ. Понимая, что на первых порах группа бу-

дет работать больше на саморазвитие, чем на основную работу, я договорился в Пензе, что мне поначалу дадут три штатных единицы, а с Дуплиным условился, что он при необходимости будет давать специалистов на время. Нам эпизодически понадобится электрик, а постоянно он будет загружен ещё не скоро. «Угол» нам выделили в котельной. Это было просторное, хоть и малоэстетичное здание. Там кроме двух котлов и текущего запаса угля к ним, был ещё сезонный запас в дальнем углу и токарный станок под окном с закреплённым токарем. Это было особенно удобно: иногда я сам мог становиться за станок и вытачивать простые, но самые необходимые детали.

Первым, кого я решил пригласить в группу, был Вовка Тихонов – отличный сварщик, может выполнять и слесарные работы, также и по электрике, а главное – инициативный работник.

Первое, что он мне предложил:

– Свиридыч! Пока ты выпишешь и привезёшь из Пензы комплекты инструментов, пройдёт месяц! А работать надо. Ну, кое-какие ключи мы у местных просить будем, а без молотка мы не обойдёмся, и он всегда нужен.

– Что же ты предлагаешь?

– А вот что! – Вовка подошёл к токарному станку, подобрал подходящий обрезок кругляка и обрезок трёхчетвертной трубы. Потом подошёл к Кольке Гуревнину, который как раз работал в другом углу.

– Коля, дай держак на минутку! – и тут же приварил отрезок трубы к отрезку кругляка.

– Держи молоток, Свиридыч!

Прекрасно! Начало положено! На следующее утро Вовка предложил:

– Свиридыч! Тут несколько лет уже стоит передвижной сварочный агрегат – «Москвичовский» двигатель и двадцатикилловаттный генератор. Нам такой мощности почти всегда достаточно. Движок неисправный, отремонтировать его вряд ли будут, всё равно спишут, а генератор хороший, только реостат перемотать надо. Я вечером в общезитии сделаю. Давай попросим генератор.

Я переговорил с Булановым (оказывается, агрегат за автохозяйством числился), он согласился, Дуплин дал санкцию – и Вовка пошёл снимать генератор. Я подсмотрел на складе подходящий электродвигатель, рассчитал шкивы и сделал эскиз рамы. Потом на складе подобрали из комбайновских запчастей два подходящих шкива и ремни к ним, расточили посадочные места. Дня через два-три у нас уже был не только свой молоток, но и сварочный агрегат! Потом у нас были стандартные сварочные агрегаты, но этот оказался самым безотказным. Работал, даже когда на него автокраном однажды наехали и на бок положили!

Из всей моей пятидесятилетней трудовой биографии этот период был самый счастливый для меня. Человек пять-шесть я набрал из числа лично известных по работе, потом кандидатуры стали обсуждать на собрании группы. Шли в нашу группу охотно, прежде всего, из-за стабильного заработка и возможности получения квартальной премии. Принимал только достаточно квалифицированных и работающих по рекомендации своих же работников, если ни у кого серьёзных возражений не было. Это давало возможность не опекал группу постоянно. Я утром выдавал задания, а на следующее утро принимал отчёты, корректировал работу и выдавал новые задания, и при необходимости мог отлучаться на несколько часов или даже весь день, скажем, отчёт в Пензу отвезти или выписать и доставить инструменты, материалы. Если кто-то сработал плохо (допустил брак или «сачковал»), то я тут же на утренней оперативке объявлял процент депремирования. Это действовало. Но каждому давал возможность реабилитации, и 25 числа при подведении итогов наказание кому-то оставалось, но чаще прощалось частично или даже полностью. Это тоже действовало. Когда состав группы перевалил за 12 человек, я «выхлопотал» должность мастера, т.е. у меня фактически появился заместитель. Таковым я взял Шурганова И.Ф., бывшего преподавателя по тракторам в УМСХ 13. Хороший человек и надёжный работник. Наличие зама однажды мне очень пригодилось – я две недели лежал в больнице.

По роду работы я в Пензе имел дело, в основном, со Старшим инженером (он очень не обижался, если его называли Главным инженером) Спецучастка Виктором Михайловичем Н, толковым работником, но, как выяснилось позже, пьяницей, возможно, даже алкоголиком. Служебные и личные отношения у нас всё же складывались нормально, тем более что виделись мы раза два-три в месяц. Я даже иногда ночевал у него на квартире, где он обитал с сожительницей, может, с «гражданской женой» – не допытывался. Однажды я посетовал на то, что в связи с переходом в пуско-наладку, я не сходил в отпуск в РОСХТ, а здесь могу взять отпуск только через 11 месяцев. Нельзя ли мне недельки полторы «сачкануть» между отчётами в середине месяца и в конце? Виктор Михайлович был в Тамале. Посмотрел, как идут дела у нас, как выданы задания на производство работ – и согласился. Я собрал группу, получил обещание, что всё будет хорошо, задание не сорвут. Оставил старшего. И поехал. Куда?

Холодная речка в тёплых краях

В декабре Людмила уехала в санаторий «Холодная речка», это за Адлером и Гаграми на берегу речушки с таким же названием. Быв-

шая Сталинская дача. Людмила предлагала нам с Димой приехать к ней в конце срока, чтобы оттуда уехать втроём.

Прямых поездов не было, поехали с пересадкой в Саратове. Там жил Витька Елисеев, тот самый, что нёс мой чемодан. У него там была комната в коммунальной квартире, в которой он размещался с женой Зоей и сыном Андрюшкой. Он периодически приезжал в Тамалу, даже вставал вопрос о приёме его в нашу группу, но... не получилось. Я знал его саратовский адрес, дал телеграмму, и он встретил нас на вокзале. Мы закомпостировали билеты на поезд, который шёл через сутки, до Адлера и поехали на трамвае на улицу Чернышевского почти до самого речного порта. Дима уже побывал в Москве, поэтому большой город и трамвай его не сильно удивили. Зоя встретила нас радушно, Андрюшка – тоже. Он был года на полтора моложе Димы, но они скоро нашли общий язык, так что меня от дружеского застолья он почти не отвлекал. Разговоров, воспоминаний было много – о моей душанбинской жизни, и о Витькиной саратовской. Он работал на авиазаводе, руки у него «росли из правильного места», но имел заметную склонность к ЗЗ. Я уже потихоньку отходил от шока, вызванного книгой «Тайны мозга», и потому Витьке (да и Зое) «составил компанию». Так что засиделись долго, тем более что утром не надо торопиться: поезд во второй половине дня приходит.

Мы так не торопились наутро, что, когда спохватились, такси не смогли поймать, а троллейбус шёл ужасно медленно! Одним словом, пока вышли на перрон – видны были только три габаритных огня на последнем вагоне. Плацкарты наши пропали, пришлось переоформлять билеты на завтра. Ладно! Деньги есть, время тоже пока имеется. Димка надулся разочарованно, а мы с Витькой горе решили окропить, что и сделали. Разговоров нашлось и на второй вечер. Зато на следующий день ошибку не повторили – приехали за сорок минут до прихода поезда. Посадка была лёгкой: Елисеевы с нами. Хорошо, когда везде друзья! А у меня друзей и родных по всей великой стране так много было... Было. Дорога прошла «в штатном режиме». Вторая ночь настигла наш поезд уже далеко за Доном, где-то в Сальских степях, а утром на стоянке я услышал через окно какой-то мощный ровный шум. Поезд стоял в Туапсе, кто-то опустил окно, в вагон веял тёплый ветерок, а совсем близко виднелось море. Чёрное море! Оно-то и шумело, хотя погода была далеко не штормовая. А что же в бурю бывает? Я разбудил Диму и показал ему море, о котором он только слышал. Я уже был на Каспии. С берега любой водоём, хоть озеро, хоть океан, по сути, одинаков: вода до горизонта, с уреза воды видно километров на 15...20. А вот что было для меня удивительно – зелёные деревья с не опавшей листвой. В Душанбе тоже тепло было во второй половине декабря, но там, практически, не было вечнозе-

лѐных деревьев. А с Туапсе у меня были связаны воспоминания детства: отец до войны несколько раз бывал в санаториях Сочи и Туапсе, сохранились фотографии. Поезд шел до Адлера: в Туапсе и в Сочи только стоянки, так что искать места по фотографиям было невозможно, воспоминания о тех фото усиливали чувство экзотики. Мы позавтракали, потом всё время смотрели в окна: то вправо на море, то влево на каменную стену, вырубленную в горах. А иногда поезд врывался в тоннели – и на несколько секунд, а то и на минуту в памяти всплывало уже Московское метро. Наконец, прибыли в Адлер. Погода была несколько сумрачной, потому казалось, что уже почти вечер. Автобус до Сухуми был ещё не скоро, а таксисты наперебой предлагали свои услуги, а цены заламывали хлеще, чем московские. Начал рядиться. Денег было жаль, конечно, но у меня Димка на руках, как пройти к санаторию от автобусной остановки я не знал, а дело шло к вечеру, так что выторговать много у меня не получилось. Зато он привёз нас прямо к воротам (надо же!) бывшей Сталинской дачи (правда Людмила размещалась в корпусе, в котором когда-то обретался обслуживающий персонал). После некоторого ожидания мне разрешили одному пройти в корпус, а Дима остался «охранять чемодан». Мне показали палату, в которой обитала Людмила. Я вошёл. Она ждала нас с Димой, но (как второго пришествия) точного времени прибытия не знала. Удивилась! Обрадовалась! Бросилась ко мне на шею, зацепившись при этом за мой нос (единственная выдающаяся деталь моей заурядной внешности)! Пошли к Диме и чемоданам. Дима ликовал, что, наконец, доехали и увидели маму, Людмила уже договорилась с одной из работниц санатория тоже Людмилой, но Мавриды, гречанкой не только по фамилии. Смена у неё скоро закончилась, и она отвела нас в свою двухкомнатную квартиру, одну комнату которой она сдавала в наём.

Поздно утром пошли завтракать в «Кафе» – павильон из жести и шифера. Усатый «бармен» закрывал заведение, когда мы подошли. Я что-то разочарованно произнёс. Тут же:

– Хорошо, дорогой! Я не уйду! Что хотите?

– Да что Вы! Из-за нас будете задерживаться? Мы подождём или ещё где-либо позавтракаем.

– Нэт, дорогой! Надо, значит, надо!

Он вернулся в сооружение, пожарил нам яичницу и заварил чая. Цены были почти как в настоящем кафе, но не сногсшибательные. Тем не менее, я потом выяснил, где находится продуктовый магазин. После завтрака пошли на берег моря, но гуляли недолго: моросил дождь, почти как в Душанбе в такой сезон. Потом пошли к мамочке: процедуры у неё уже закончились. Нам разрешили побыть немножко у неё в палате, потом погуляли, потом подумали на счёт обеда.

Так проходили все дни (аж пять!). Море было спокойным, горы зелёными, как на картинке. Это порождало какое-то душевное умиротворение. Но однажды ночью идиллия была нарушена: случился лесной пожар на склоне горы поблизости от санатория. Но мы с Димой узнали об этом только утром, когда пожар был потушен. Хорошо, что деревья были влажные: пожар погасили метрах в пятидесяти от санаторского забора.

Так или иначе, у Димы, да и у меня набралось немало впечатлений. Жаль, вода уже была холодная, зато ни посёлок, ни пляж не переполнены. А Людмила имела возможность купаться в бассейне с морской водой.

Опять зима, опять мороз

В Тамалу мы вернулись без опоздания, на работе у меня дела шли нормально: никаких ЧП, план по монтажу и вводу оборудования выполнялся. Через неделю пальмы и лианы почти забылись, а снег и морозы опять стали привычными до незаметности. Заканчивался месяц, заканчивался год, надо было готовить отчёт. По пресловутой «Валовой продукции» было даже значительное перевыполнение. В общий валовый объём включались (в денежном выражении) даже те работы, которые мы выполняли силами работников СХТ под нашим руководством. Особенно выгодными были транспортные работы: поскольку у нас не было своего транспорта, то машины для завоза оборудования, материалов и комплектующих мы фрахтовали в РОСХТ, оплачивали со счёта Спецучастка, но счёт предъявляли вместе с другими счетами той же РОСХТ. Прибыли для участка – ноль, но валовый объём выполненных работ возрастал у нас на сумму фрахта, поэтому каждый квартал выполнение плана гарантировало премию 25%. Ну, по номенклатуре выполненных работ у нас тоже было неплохо.

Кнут и пряник премии действовал очень надёжно. Помогало и то, что костяк группы я набирал из лично известных надёжных людей. Им тоже было неудобно подвести меня. И ещё я нашёл один хороший стимул: к вечеру подводил итоги дня и давал оценку каждому. На следующий день задание разбирали методом «мозгового штурма», все участвовали в подготовке принятия решения. Я свой вариант, если он у меня уже был, не спешил обнародовать, а шаг за шагом подсовывал его группе, потом, когда кто-то находил окончательную формулировку, я заявлял: «Будем эту работу выполнять по методу Николая...». Однажды младший брат Володи Тихонова Женька (ему недавно исполнилось 18, и я его взял – не ошибся!) сам предложил способ выполнения какого-то задания, то, услышав, что будем работать «По методу Женьки», засиял, как новый целковый и потом старался изо всех сил.

Кандидатуры новичков тоже обсуждали всей группой. Некоторым отказывали. В основном, из-за низкой квалификации и склонности «сачковать», но одного бригада отклонила по непроизводственной причине: «Свиридыч, ну, не может же быть, чтобы мы никогда не выпили! А он, как выпьет, дурак делается!» Я счёл довод убедительным. Не скажу, что ошибок не было (один даже воришкой оказался), но это были исключения, и я их поправлял. В итоге у меня оказались даже бывший начальник районного узла связи и бывший мой сотрудник Шурганов Иван Фёдорович. Как-то мне порекомендовали принять на работу Бориса С., которого характеризовали как хорошего сварщика, но..... . Правда, одну, но солидную – 10 лет. На собрании решили принять. Первые же задания показали, что по аккуратности работы он в группе не имеет равных.

Начинали комплектование с самодельного молотка, теперь у нас было три электросварочных аппарата (включая наш доморощенный), газосварочный аппарат, полный набор слесарных и иных инструментов. А за кабельной продукцией, трубопроводной арматурой, сварочными электродами и другими материалами ко мне обращались даже механики хозяйств района. Весь рабочий день был плотно занят, и это было мне не в тягость: результаты были видны наглядно. Особенно наглядными были грузоподъёмные устройства: мы изготовили опоры и смонтировали консольный кран и штуки четыре тельферные кран-балки. Тут я узнал, что есть сварщики ещё более квалифицированные, чем наш Вовка. Когда начали монтировать подкрановые пути, то оказалось, что некоторые двутавровые балки, на которых должны лежать рельсы, имеют s-образную деформацию, в итоге рельсы могут оказаться не посередине балки, а на краю полки. Что дальше? Через несколько лет эксплуатации полка просядет, крановая тележка может сойти с рельс, а 3-хтонный груз висит над головами на высоте 4 метра... Авария – травмы – жертвы – прокурор – нары. Кому? А кто производитель работ? Свиридыч. Приехали. Но получить и привезти новые 12-тиметровые балки дорого, долго, главное – лимиты на металл выбраны. Проблема. У нас как раз были двое сварщиков-паспортистов из Пензы: только они имеют право вести сварочные работы на грузоподъёмных устройствах (а кран-балки в сборе мы не могли поднять в условиях ограниченного пространства, потому одну или обе тележки отрезали, а наверху снова сваривали). Один из них предложил:

– Александр Свиридович, давайте я эти двутаврики сваркой выправлю!

– Как это?!

– Моё дело! Сварочный аппарат помощнее нужен и электроды шестёрку.

– Ну, это я обеспечу.

Назавтра этот прикомандированный товарищ к обеду показал почти прямую балку! Недаром мне Вовка Тихонов говорил: «Это просто, Свиридыч! Но до этого надо додуматься». Ведь всё по теории! Со стороны «пуза» на кромки полок накладываются валики вроде сварочного шва, он остывает и стягивает полку – она укорачивается и «пузо» уменьшается. Но просто это только в принципе. А на практике надо уметь подобрать режимы сварки, место и длину наплавки валика, число слоёв. Мы с Вовкой были довольны: я тем, что все четыре балки удалось спасти, а Вовка – что он освоил кое-что новое.

Ещё одна пауза

Во второй половине января я слегка простыл. Но температура больше 37,5 не поднималась, носовых платков у меня было достаточно, а дел много, потому я на больничный не ушёл, а через неделю всё прошло само собой. Но ещё через неделю я почувствовал, что у меня давит сердце, а ходить быстро не могу: ноги свинцовые, и одышка. Дальше – больше! Пришлось пойти в больницу. Принял меня Михал Михалыч – врач со сложной репутацией: толковый специалист, но ярый слуга Бахуса. Он послушал меня со всех сторон и изрёк:

– Немедленная госпитализация!

– Доктор! Вы что? Это какое-то недоразумение! И потом, я жду вызова из Тольятти, – вдруг придёт!

– Немедленно в больницу! А то тебя на небо вызовут!

Вот тебе и лёгкое недомогание... Назавтра утром я уже был в терапевтическом отделении, которым командовала Наталья Ржавитина (бывшая Мальчовецкая), подруга юности Людмилы. Там же работал и Валера. Сначала он проявил себя как талантливый хирург, но, увы, ЗЗ проявил свою власть и над ним! Так что его перевели паталогоанатомом. Но, по-моему, эта работа не способствует победе трезвости. Валера, как и Витка Елисеев, когда-то увивался за Людмилкой, но ... «не срослось», как теперь говорят. Зато мне повезло.

Михал Михалыч поставил мне диагноз: МИОКАРДИТ, т.е. воспаление сердечной мышцы. Чем коварен грипп, так это тем, что он обычно переносится легко, но, злодей, даёт самые подлые осложнения. Диагноз подтвердился. Наташа взяла меня под особый контроль, поместила в хорошую палату, не скупилась на эффективные лекарства, так что я через неделю почувствовал улучшение, а ещё через неделю меня выписали, аккуратно ко дню рождения Наталии Борисовны. За столом сидеть довелось рядом с Михал Михалычем, и он разрешил мне пару бокалов шампанского. Сколько он позволил себе – я не считал.

Когда я вышел на работу, то ещё недели две остерегался, продолжал приём медикаментов, а потом постепенно всё стало на свои

места. Коней пуганут кнутом – они бегут рысью, а потом тише, тише, пока снова не стеганут кнутом. Кнут потом просвистел через много лет. И стеганул!

Посачковал – и будя!

Но пока я опять втянулся в работу и быт, всё шло своим чередом. Появился какой-то опыт, обзавелись специалистами по электрооборудованию и даже организовали внутреннюю телефонную связь по РОСХТ (спец имелся свой!). Всё бы хорошо, но Зелёный Змий медленно и вкрадчиво подползал всё ближе и однажды нанёс удар, от которого я долго не мог прийти в себя!

Кассира у нас не было. Аванс и зарплату я привозил сам, иногда это делал кто-то из наших ребят, кто по делам был в Облобьединии. И вот в конце зимы я однажды был в Пензе с двухдневным заданием, что-то согласовывал с инженером по промышленной эстетике. Спец был дяденькой лет 55 или чуть побольше, из художников. Как и Старший инженер Спецучастка, он тоже был под прицелом у ЗЗ. Мы втроём ублажили Змеюку, потом я получил зарплату, потом мы добавили с эстетом, потом я по пути в гостиницу зашёл в змеиное гнездо добавить ещё, потом... Потом я очнулся в гостиничном номере на своей кровати. Был уже вечер – поезд давно ушёл, но это было не самым страшным. Сосед по номеру тут же заявил:

– Ты пришёл в третьем часу и начал рассыпать деньги по столу и кровати. Проверь, все ли сохранились?

Эта информация меня быстро отрезвила. В башке – рой мыслей: расходные деньги у меня были, зачем мне было казённые вытаскивать? А если сам сосед взял, так он мог всё забрать... Так что я поблагодарил его, пересчитал деньги – осталось примерно половина – и повёл его в буфет в знак благодарности за опеку, там выпили по паре пива – я немного пришёл в себя. На душе было – «как цыгане ночевали». Оформил место в гостинице ещё на сутки.

Лёг спать, но уснуть почти всю ночь не мог: как только закрывал глаза, появлялось «северное сияние»: синие и зелёные колышущиеся платки. Вот откуда взялось «Зелёный Змий»! Иногда ярко-красные и белые вспышки. Потом появилось кривое подвижное, как резиновая маска, лицо, точнее, рожа! Потом ещё, ещё – целая толпа. Через несколько лет в одном стихотворении появились строки:

*«...Только вдруг среди кошмаров,
Разметав уродов рой,
Солнцем праздничным и ярым
Заклокочет образ твой!..»*

На следующий день к обеду был уже в Тамале. Собрал группу, сказал, не вдаваясь в подробности, какая беда приключилась со

мной, извинился и спросил, кто с деньгами может терпеть до полочки. Тем, которым деньги нужны были сразу, выдал тут же. Некоторые согласились на недельную отсрочку, а несколько человек (Вовка, Шурганов и ещё кто-то) согласились ждать до следующей выплаты. Дал маме телеграмму, попросил выслать телеграфом недостающую сумму (всё из того же неледовского дома – Петру Ильичу мама эти деньги не отдавала). Ну, на работе, можно сказать, всё уладил. А вот дома!.. Лучше не вспоминать!

Нет, с деньгами мы обошлись довольно легко, но кошмары преследовали меня ещё несколько ночей. Потом они регулярно повторялись после сильных выпивок, и я понял, что Змий затащил меня уже в медицинскую сферу. Оставалось только не повторять выпивки. И я держался до середины апреля. Твёрдо держался. А тут ещё пришли награды – медали «За доблестный труд»: приближался столетний юбилей В.И. Ленина, и многих наградили. В том числе и меня. Если отбросить «ложную скромность», то я, конечно, заработал право на такую медаль. Работал я в СХТ самоотверженно. Пришлось сказать ЗЗ: «Отстань! Не конфузь!» И он на время отстал.

А 1 апреля, когда я уже перестал ждать вестей из Тольятти, и считал, что там про меня забыли, вдруг пришло официальное письмо с вызовом на «Строящийся Волжский автозавод». Я не знал, что делать: в Тамале есть хорошая (во всех смыслах) работа, стал укореняться уже... Честно говоря, дата прихода письма меня тоже смутила. Несколько дней поколебался и решил: надо съездить ещё раз и посмотреть конкретику на месте. Поехал по делам в Пензу, переговорил неофициально со старшим инженером и оттуда подался в Куйбышев, а там по накатанной дорожке – в Тольятти.

ОГК НО (нестандартного оборудования) уже действовал на заводе непосредственно в корпусе, «со щемящее-космическим названием – КВЦ», говоря словами московской журналистки. Поэтому на Победе мне подсказали, как проехать на завод и в Новый город. Троллейбус уже ходил, и я без особых проблем доехал до завода, который был таких размеров, что я ехал ещё несколько остановок, пока доехал до КВЦ. Я уже был на гигантах ХТЗ, ЗИЛ, но таких масштабов даже представить не мог! Было интересно смотреть, что несколько проходных уже работали, а забора ещё не было – можно идти напрямую. Виднелись корпуса внешне готовые и строящиеся, таким был и Главный корпус, который, как мне сказали, был двухкилометровой длины (потом уже я вычислил: 1856 метров – до двух всё же не дотянул!). Главный корпус всё ещё строился, но уже готовился запуск главного конвейера.

В КВЦ мне подсказали, где размещается ОГК НО. Нашёл. Зашёл. Остановился поражённый: просторнейший зал, островками стоят

кульманы (два рабочих стола у каждого!), стены выложены кафельными плитками (почему?), а по центральной линии зала через каждые несколько метров стоят вазы-фонтанчики. Во! «Во, деревня!» – потом выяснилось, что, пока цеховых рабочих мало, некоторые раздевалки используют в качестве рабочих помещений для технических служб, а «фонтанчики» – просто умывальники, у которых сразу 6 человек рабочих будут умываться. Непосредственно к этим раздевалкам примыкали душевые. В детстве я вычитал в одной книге: «Нет ничего более постоянного, чем временные сооружения». Точно. 29 лет я отработал на ВАЗе – когда увольнялся, в раздевалках ещё было полно технических служб.

Щежина мне пришлось подождать: он был на каком-то совещании. Пока ждал, выяснил, что в составе КВЦ целых три управления: УПУ (в которое входил ОГК НО) – производство установок; УПО – производство оборудования и УИП – инструментальное производство. По сути КВЦ – значительных размеров машиностроительное предприятие. Когда Щежин вернулся, то объяснил своё долгое молчание: был в командировке в Италии, потом на больничном, а когда вышел на работу – оформил мне вызов. То, что он пришёл 1 апреля – простое совпадение. Щежин представил меня начальнику КБ Гаврильчику Виктору Зосимовичу, тот привёл меня в бюро и познакомил с сотрудниками, уже работавшими в бюро: Эльбрус (!!) Сагитов, Вадим Лясников, Валентин Козинский, Гриша Андреев, Люся Скляр, Нина Николаевна (фактически работала секретарём Щежина), кто ещё, уже и не помню. В этом коллективе мне предстояло работать инженером-конструктором без категории с окладом 100 руб. в месяц. Очень вероятно ежемесячная премия до 20%, а со второго полугодия предполагалось увеличение окладов (всем!), так что у меня будет 125 руб., с премией это будет 150 руб. Далековато до моего тамалинского заработка, тем более в городе, а не в районе, но я был оптимист и верил, что моя квалификация и мой заработок будут расти быстро.

Рабочий день заканчивался, ехать в Старый город, потом в Куйбышев, было поздновато, поэтому Гаврильчик спросил меня, где я остановился, а когда я сказал, что пока нигде, он выяснил у ребят, где есть свободное место в общежитии. Таковое оказалось у Володи Н. из соседнего КБ. По окончании рабочего дня я и поехал с ним в 1-й квартал в дом, ещё не имевший почтового адреса, а только строительный номер, кажется, «1Г». (По иронии судьбы я уже свыше 16-ти лет живу в этом доме, только в другом подъезде). Город быстро строился, было сдано в эксплуатацию несколько десятков домов (в 1-м, 2-м и 7-м кварталах), большую часть которых заселили под общежития, т.к. типовые «Комплексные общежития» ещё только строились, и 2-й комплекс уже вот-вот начнёт заселяться. Домой я вернулся с твёрдым

намерением ехать в Тольятти на работу. Дома это не было новостью: для того и ездил. А вот на работе ... С бригадой по своим греховным долгам я уже расплатился, так что объяснение было честное. Сказал, что за меня останется Шурганов, он уже вошёл в курс дела, в бригаде его уважали, так что совесть моя чиста. Вовка Тихонов тут же заявил, что он тоже не останется в группе. Потом я известил Дуплина и поехал в Пензу подавать заявление на расчёт.

Вовка и Борис С. Тоже поехали со мной. Поступок Бориса меня удивил. Хотя мне было лестно, что есть люди, как и в Дубно в полку, которые готовы ехать куда-то, только бы со мной. Дорогой выяснилось, что Борис учился с Людмилой в параллельном классе, и они выпускались и участвовали в выпускном балу вместе.

– Борис, а почему ты сразу об этом не сказал, когда просился в группу?

– Свиридыч, знаешь, я не хотел «по блату» устраиваться на работу. А потом как-то не пришлось на эту тему говорить.

Я ещё раз убедился, что это не только аккуратный в работе, но и во всём принципиальный человек, иногда до самолюбивости бескомпромиссный. И только когда вернулся из Пензы, я рассказал Людмиле, кто у меня в группе работает (точнее, работал). Она не удивилась:

– Да, это в его характере.

В Пензе мы дня три кантовались, пока уволились, получили расчёт и пропивали его. Я решил, что надо «завязывать», твёрдо (так мне казалось) решил! Тогда я не знал, что для решения этой задумки мне понадобится целых 19 лет!

Часть 3.3 ОСЕДЛОСТЬ

1. НАКОНЕЦ-ТО, ТОЛЬЯТТИ!

Опять навстречу солнцу

Утром 20 апреля Людмила провожала меня в новую жизнь. Подошёл Борис. Они узнали друг друга и обрадовались. Для Людмилы отъезд Бориса уже не был новостью. Немного погода подошёл и Вовка Тихонов, но он ошарашил нас известием, что передумал ехать. Я, конечно, несколько расстроился: по поводу работы ему я договорился, а как быть с Борисом, я не знал, но надеялся на удачу. В целом, настроение было приподнятое, тем более что день погожий.

Подошёл поезд, Вовка запрыгнул в наш вагон и провожал нас до самого Ртищева. Заверил, что если обстоятельства изменятся, то он к нам придет... Увы, обстоятельства если и изменились, то не в сторону его приезда. Пересадка в Ртищеве была удачная. Там попили

пива (в буфете ртищевского вокзала почти всегда было свежее пиво), Вовка помахал нам рукой с перрона, и наши пути разошлись. Я очень опасался, что без моего надзора он опять скатится на уголовную дорожку. Жаль было терять такого спеца и, хоть и шалопаистого, но неплохого человека. Бориса я почти не знал, он меня продолжал величать по отчеству, хоть я и напоминал ему, что теперь он мне не подчинённый, а я – не начальник ему.

Судьба дала нам небольшую компенсацию: за обедом в вагоне-ресторане мы познакомились с одним парнем, которого тоже звали Володей. Оказалось, что он едет в Тольятти: он там работает несколько месяцев и возвращается из командировки в родные края, где набирал рабочих для ВАЗа. Он вкратце рассказал, что делается на ВАЗе, и дал свой адрес на случай, если у нас произойдёт заминка с общежитием. Адрес был простой: Революционная, вторая 9-тиэтажка от Дзержинского, и номер квартиры. В Куйбышеве мы расстались: мы поехали к Борису.

У Афанасьевых было горе: только что похоронили дядю Ефима, тестя Бориса (Афанасьева). Тем не менее, приняли нас радушно: накормили, напоили и спать уложили, как в сказке. Потом, по пути в Тольятти Борис С. удивлялся: «Надо же, Борис Сергеевич, майор милиции, а так хорошо обращался с недавним «зеком»!». Но в Тольятти не всё пошло гладко.

Крепость пала

Когда приехали в Тольятти, то первым делом пошли в мой Отдел Кадров, там мне дали направление в ОГК НО. Пока добрались, двери отдела оказались закрытыми, поэтому поехали к Володе на Революционную. Быстро нашли дом и квартиру. Открыл дверь какой-то человек китайского вида, спросил к кому. Мы ответили, что к Володе.

– А он на работе во вторую смену!

– Эх, ёлки-палки!

– А что такое?

– В общежитие не успели оформиться!

– Да у нас есть свободные места. Проходите, вот! – Он указал на две пустые кровати в одной из четырёх комнат. Потом он спокойно удалился на кухню и продолжил пить «чефир».

Вопрос ночлега отпал. Наутро мы опять поехали на завод. Я получил направление в общежитие – в новенький, с иголки, Комплекс №2, в котором недавно начали заселять девятиэтажку. В Тольятти расстояния были обманчивы: дома высокие, между ними пусто, кажется – рукой подать, а топтать ножками начнёшь – далеко! Мы всё же отнесли туда вещи, и я оформился в 125-ю комнату, точнее, двухкомнатный отсек. Место выбирать не приходилось: оставалось одно свободное место в трёхместной комнате. В двухместной комнате проживали «ветераны» – два инженера из техслужб КВЦ. Они скоро должны были получать малосемейки. Работали они на ВАЗе меся-

цев по шесть уже. Неужели и я так скоро получу изолированное жильё? Потом я наказал Борису приходить в любом случае (я не сомневался, что он так же быстро оформится в общежитие) и направил его в отдел рабочих кадров. К вечеру он пришёл удручённый: не берут с судимостью ни в какое подразделение. А у меня дела были «на мази»: на оформление полагалось пять дней, а я уже завтра предполагал завершить все процедуры. Запас времени был, и я решил пойти «ва-банк»: хоть я и не готовил Борису место в Тольятти, но мне очень не хотелось, чтобы ему пришлось возвращаться. Утром я нацепил медаль, взял партбилет, и мы направились в партком ВАЗа. Секретаря парткома Ивана Николаевича Федюнина на месте не было, присутствовал его зам. Смекалин. Я сходу пошёл в наступление:

– Леонид Алексеевич! Нужна Ваша помощь: вот не берут на работу товарища из-за того, что у него была судимость, а я конкретно знаю, что это ценный специалист и хороший человек. Помогите устроить его на работу.

– Послушайте! Да я и Вас-то пока не знаю Кто Вы?

Тут я достал партбилет (а стаж-то у меня всего три года!), удостоверение к медали, трудовую книжку и начал ими «махать» перед ним. Ну, и на словах пояснил, где и как работал с Борисом, расписал его в розовых тонах. Минут через 5...7 бурных дебатов Смекалин начал сдаваться, и вот он уже взялся за телефонную трубку, как вдруг зашёл Федюнин!

– Что тут у вас происходит?

– Да вот, Иван Николаевич, товарища на работу не принимают из-за судимости, а второй товарищ за него ходатайствует и ручается. Думаю, надо принять.

– Леонид Алексеевич! Да ведь мы же сами приказ согласовывали, кстати, Ваша подпись стоит, что с судимостью на ВАЗ не принимать: кандидатур и без них достаточно!

Смекалин смутился, мы вышли в «предбанник», и он – за нами. Чувствовалось, что ему перед нами неловко.

– Слушайте, а на ремонтно-строительные работы Вы согласны?

– Конечно, я на стройках работал даже больше, чем в механической мастерской! – Борис приободрился.

– Тогда сделаем так. У нас есть Строительно-монтажное управление, которое будет ремонтировать здания и корпуса ВАЗа, но пока всё новое и даже ещё не построенное, СМУ ВАЗа участвует в строительстве. В частности, жилые дома в Новом Городе возводит.

Смекалин взял трубку, и минуты через три объявил Борису:

– Завтра утром зайдёте к начальнику СМУ, напомните ему наш разговор, и он возьмёт Вас сварщиком в Управление.

Я засиял, как моя новенькая медаль! Борис тоже стал поуверенней. Закончил он оформление на сутки раньше, чем я. Место в общегитании ему дали в жилой девятиэтажке на Свердлова, совсем близко от моей «общаги». Меня зачислили с 25 апреля, фактически я пришёл в отдел 29-го, но Гаврильчик мне сказал, что я приступлю к работе после майских праздников, а пока – «гуляй, Вася!». У нас в комнате на двери висел большой план Нового города, на котором уже несколько (десятка полтора-два) домов были заштрихованы: сданы в эксплуатацию. Не знаю, из каких источников поступала информация, но все уверенно говорили, что в Новом городе уже 30 000 жителей. Выходит, с нашим приездом стало 30 002. Растём! Что интересно, население было так молодо, что большая часть горожан на улице меня называли дяденькой. Мне было 31. Как я встретил эту дату – попозже скажу. Мы посмотрели на схему, висевшую на двери, и решили посмотреть в натуре.

Прошли по улицам 2-го, 1-го, и 7-го кварталов, где были уже заселённые дома. Кругом торчали подъёмные краны – и башенные, и стреловые, и самоходные. Куда ни глянешь, в поле зрения не менее 13-ти кранов торчат. Вот это размах! Люди, прибывшие по особому вызову, получали квартиры в «целевой» очереди за 4...6 месяцев. По общей очереди – год, год с четвертью. Правда, срок медленно, но неуклонно возрастал по мере роста численности. Вышли на то место, где по плану пролегал Приморский бульвар. На пустыре между ним и водохранилищем вырастал скелет будущей 22-хэтажной гостиницы, якобы, строящейся по такому же проекту, что и Ульяновский «Венец». Каркас уже вытянулся на уровень 7-го этажа. Года два назад, когда городу исполнилось 40 лет, когда в городе встали уже сотни домов в 5, 9, 12, 14 и 16 этажей, в которых проживает чуть ли не 800 000 человек, и даже успела повзрослеть 22-хэтажная башня заводууправления, гостиницу, наконец, достроили. Сколько о ней было анекдотов!

На Первомайскую демонстрацию Борис поехал со мной, так как с подразделением, в котором должен работать, ещё не познакомился. Сидеть дома я не мог: за многие годы я до того привык к праздничным демонстрациям, что праздник был не праздник, если я не участвовал в демонстрации. Возвращался с демонстрации всегда в состоянии некоторого катарсиса и эйфории, тем более что кроме большого политического общения с массой народа обычно бывало и просто дружеское общение в узком кругу друзей и сослуживцев. Мы долго искали на улице Горького ОГК НО КВИЦ, но так и не нашли, поэтому самостоятельно раздобыли вина, а потом пристали к какой-то другой колонне и с ней двинулись по Карла Маркса. А когда повернули на площадь Свободы, то встретили Толика Мунаева, о чём я уже упоминал. От него возвращались уже ближе к вечеру, дорогой по-

вздорили с такими же (нет, чуть потрезвее) ребятами и у Восточного кольца подрались с ними, точнее, нам наkostenяли. Испортили, гады, прекрасное настроение! Но на завтра мы поехали на пляж, который занимал большой кусок берега ниже 7-го квартала, и тогда был абсолютно дикий. Лёд уже недели две, как сошёл, но вода была очень холодная. Тем не менее, некоторые лезли в воду. Но большинство обходилось солнечными ваннами, благо день погожий. В этот день мы почти не пили, потому на завтра я вышел на работу со свежей головой.

Лиха беда начало

Я ещё в Куйбышеве узнал, что ко дню рождения Ленина выпущены С КОНВЕЙЕРА первые три легковых автомобиля ВАЗ 2101 «Жигули». К первому мая счёт пошёл уже на десятки. Предполагалось, что со временем, когда завод будет работать на полную мощность, то нормальный ритм – 1 автомобиль за 55 секунд с каждой нитки конвейера. А всего их будет три, т.е. каждые 18,5 секунды – новый автомобиль. Ни одна стряпуха с такой скоростью блины не снимает со сковородки. Какая же нагрузка ложится на оборудование, которое выпускает детали, потребность в которых – несколько штук, а то и несколько десятков НА КАЖДЫЙ автомобиль! Годовая проектная мощность завода была 660 000 штук, на моей памяти рекорд был 724 000 в год, правда в это время уже выпускали на отдельных конвейерах «Ниву» и «Оку». КБ ГО – это КБ Гальванического Оборудования – самая малоизвестная для меня область техники. Знакомо оборудование для мелкосерийного производства. Там корзины с обрабатываемыми деталями либо вручную опускали-поднимали, либо электро-тельфером. На ВАЗе же подлежали ежесуточно гальванобработке многие тонны, да что тонны – десятки тонн деталей! Процентом 90, если не больше, гальваноборудования приходилось на Сборочно-Кузовное Производство.

Гаврильчик теперь уже официально представил меня группе и сказал, что я буду закреплён за группой Сагитова Эльбруса Хадиевича. Это произвело на меня впечатление: Эльбрус – это звучит гордо! Ещё один рук. группы – Лясников Вадим Викторович. Они были всего на два-три года старше меня, но у них уже был хороший опыт работы в химическом производстве, и они были талантливые конструкторы. Вроде как Пампуха в рихтовке. А ещё один талант – Валентин Козинский, но он был «узкий специалист» – проектировал подвески для обрабатываемых деталей. Строго говоря, подвески – это оснастка, а не оборудование, но, видимо, держать отдельное подразделение было не рентабельно, обходились одним Валькой, даром что пьяница. На вид подвески – пустячок, но для их проектирования нужны были не

только знания, но и чутьё, иначе либо непокрытые места окажутся, либо пережог, вплоть до дыры в обрабатываемой детали. А интуиция приходит с опытом. Вальку заменить было не кем, потому ему и прощались панибратские отношения с ЗЗ.

Для чего эти подробности? Да потому, что это была моя новая ЖИЗНЬ. Тем более что семьи рядом не было, самоотдача работе была полная – с временем и я, и почти все мои коллеги не считались. А мне ещё надо было осваиваться с работой. Хорошо, что был опыт проектирования в студенческом КБ и самостоятельная работа в Тамале, когда сам был и конструктором, и технологом, и организатором. Конечно, мне повезло, что я попал под опеку таких корифеев, как Сагитов и Лясников. Атмосфера в КБ была самая, что ни на есть товарищеская. Гаврильчик только номинально руководил бюро, а неформальным лидером был Эльбрус. Это устраивало всех. И бюро было не из последних в отделе!

На первых порах задач КБ было восполнение недостающей конструкторской документации на оборудование: иногда закупленное импортное оборудование не комплектовалось такой документацией. Иногда были и явные несуразицы: на простые детали и узлы чертежи были, а на ответственные и сложные – нет. А иногда и того смешнее: чертежи, спецификации и прочее где-то вообще терялись, но всплывали после того, как машина была заэскизирована. Конструкторская документация нужна была для последующих ремонтов и модернизации оборудования, т.е. на будущее. Когда я перешёл из КВЦ в ремонтную службу СКП, то мне попадались мои чертежи времён работы в КБ ГО. Кстати, первой моей более-менее самостоятельной работой было эскизирование и выпуск чертежей системы орошения машины алодонизации корпусов передних тормозных цилиндров, работавшая в МСП на 5-й вставке (я уже говорил, что Главный корпус очень большой, поэтому он разделён на 8 блоков по 196 метров, а между ними вставлены 36-тиметровые хозяйственно-бытовые корпуса, потому их называют просто вставками).

Довольно скоро наш отдел перевели на новые тарифные ставки, которые в отрасли должны были внедряться ещё только через год. У меня оклад поднялся до 125 р, с учётом 20%-ой премии это уже 150 руб. в месяц. Конечно, Тольятти – не Душанбе, но жить уже можно, а в 73 мне присвоили 3-ю категорию с окладом уже 135 руб, а премия к этому времени выросла до 40% – почти 180 в месяц – шикарные деньги, хоть и меньше пока, чем в Тамале.

Не чертежом единым

Нам всем было по 30 ... 35 лет, семьи были где-то далеко, тормозить (в нерабочее время) было особо некому, потому поводы для

«дружеской попойки» были на каждом шагу. Нравы были простые: «Заходи – гостем будешь, а если с бутылкой придёшь – и за хозяина сойдёшь». Было два типа застолий: с сотрудниками и с соседями. С сотрудниками главные поводы: переселение из общежития в малосемейку, потом из малосемейки в квартиру. Но были и другие. Летом хорошо на лесной поляне – как партизаны. Сагитов командовал: «Приготовить бутылки с зажигательной смесью!» Гриша (хозяйственные функции за ним) раскрывал портфель, извлекал всё согласно приказу. Гаврильчик настраивал гитару. После второго-третьего тоста уже подпевали ему.

Однажды в субботу Вадим Лясников пригласил нас на ночную рыбалку на Телячий остров: у него тёща жила в Фёдоровке на берегу судоходного канала, и он имел моторную лодку. Получилось так, что из бюро только я, Валька и Эльбрус смогли поехать, остальные были чем-то заняты, потому я пригласил с собой Вовку Минина. Вовка и Валька Чистяков заселились в нашу комнату после того, как «ветераны» переселились в малосемейки.

Добрались до Фёдоровки на исходе дня. Вадим взял с собой дочку, ровесницу моего Димки, снасти, провизию, воду, и мы отнесли всё это в лодку. Отчалили, пропустили какой-то сухогруз и в обход Копылова направились к Телячьему острову. Пока нашли подходящее место, причалили к берегу, вытащили лодку – солнце закатилось за Жигулёвские горы. Поставили палатку, развели костёр, сели за импровизированный стол, «вдохновились», оставили Вальку К. и Вовку на берегу у костра, а остальные подались добывать рыбу для предстоящей ухи в глубинах Волги-матушки. Скорость нам была не нужна, потому пошли на вёслах. Ниже плотины течение было приличное, конечно, не Шилка, но побыстрее Дона. Ну, «остальные» были больше зрителями и гребцами: боролись с течением, а ставил «завозную леску» Вадим. Правда, оказалось, что он забыл дома грузило. Выход нашли быстро: освободили вещмешок, положили в него два булыжника и привязали леску длиной метров 60 или больше. К ней через каждый метр были приделаны крючки с наживкой (червяков Вадим накопал ещё до нашего приезда) – орудие лова запрещённое, но какой рыбнадзор вечером углядит эту «завозную»? Поставили буй-поплавков и подались на берег ожидать, когда рыба будет висеть на леске, как плащи в гардеробе.

Чтобы ожидание не казалось тягостным, израсходовали ещё несколько бутылок «зажигательной смеси». Анютку, которую нещадно ели комары, Вадим после ужина закутал в одеяло и уложил в палатку. Взрослых комары жрали не так жадно, может, запах отпугивал. Прошло около часа, и мы «вышли в море» за богатым уловом.

Увы, на первых пяти крючках висели только дохлые червячки –

видно, не выдержали скуки. Потом чехонька в ладонь длинной, потом, ещё через 2 крючка – такая же, потом... потом леска перестала выбираться. Я грёб изо всех сил (была моя очередь), чтобы оставаться на одном месте, а Вадим натягивал леску и командовал, каким весом надо сильнее загребать. Вдруг он резко шлёпнулся на банку (поперечное сидение-скамейка), хорошо хоть не свалился за борт! Леска подозрительно легко пошла вверх (крючки опять пустые!), потом вся вылетела из воды – а где же вещмешок с камнями? Подарили Волгематушке! Валька Козинский предложил свою рубаху, но Вадим заявил, что обойдётся своей. Так и сделали: что-то насовали в рубаху, завязали узлом, привязали к леске и снова закинули, а потом подгребли к берегу подождать у костра (те, кто не вышел на «путину» уже разве-ли его, считая, что скоро будем варить уху, даже канистру с водой рядом поставили), когда придёт пора поднимать дары Волги.

Утешались и скрашивали минуты ожидания по накатанному сценарию. Потом вышли опять на открытую воду. Нашли нашу завозную леску, стали поднимать. Через минуту на лодке раздался всеобщий хохот: леска пошла очень легко, все крючки были пустые, а рубаха ушла искать вещмешок, но скорее всего её течением поволокло на сызранскую барахолку! Решили от ухи отказаться и вернулись к костру. Утешились – новое горе: все запасы спиртного, рассчитанные на сутки, иссякли. А небо начало сереть, потом белеть всё быстрее. Ложиться спать уже не было смысла. Кто-то предложил сделать удочки (крючков на «завозной» было много!) и наловить рыбы хоть немного. Так и сделали. И тут проявил чудеса Володя-очкарик! Он начал вытаскивать рыбу одну за другой и наловил в два раза больше, чем все остальные вместе взятые. Меньше всех поймал я – ни одной! Ноль! Но настроение моё от этого не упало: такой рассвет за Волгой! Я бросил бесполезное занятие, тем более что червяки почти закончились – лучше их оставить тем, у кого клюёт. Но я сделал ОТКРЫТИЕ! Мне надоело заниматься пустым делом, я полюбовался рассветом над Волгой и пошёл поглазеть, как идут дела счастливыхчиков. У Вовки трепыхались несколько рыбин – щучки, сорожки и даже одна чехонька. Ведёрка не было, и Вовка опасался, не свалились бы снова в воду. Тут я и пошутил:

– Давай, я на рыб дыхну – сразу передохнет!

– Тоже мне шутник нашёлся!

– А вот смотри! – я взял самую крупную щучку, которая тщетно хватала ртом воздух, и дыхнул ей прямо в хайло. К моему и Вовкиному изумлению, щука замерла! Прodelал то же со второй – результат тот же! Утихомирил и остальных, причём, чем крупнее рыба, тем скорее она снула, видимо, оттого, что пасть шире. Я показал этот трюк всем остальным, у кого был улов. На мелких дышал до четы-

рѣх раз, на крупных – один, ну, два раза. Да, винные пары убивают! Тем не менее, когда нас утром рыбнадзор вынудил перейти на другое, более скрытное место, мы на моторке поехали в Федоровский магазин за пивом. Магазин размещался в бывшей церкви и по воскресеньям открывался поздно – часов в 10 или даже 11. Но канистру пива мы всё же привезли и часов до четырёх «отдыхали», поедая уху и рыбу и запивая их пивом. Может, наоборот.

Увы, застолья с возлияниями бывали и дома, в общежитии, причём без эксцессов, с пристойными песнопениями, рассказами о самых невероятных событиях и с весёлыми анекдотами. Главные «анекдотчики» были Валька Ч., я и Толик Самыкин, земляк – воронежский. У него была ещё масса афоризмов вроде таких: «Не бывает плохой погоды – есть плохая одежда!» или: «Невыносимых людей нет – есть узкие двери!». Вахтёрши на нас не жаловались: мы их никогда не обижали, а пели весело и хорошие песни. Мы с Борисом завезли бывшую тогда в большой моде в пензенских краях песню «Однажды морем я плыла». Этот «шедевр» вскоре завоевал и Тольятти и всю Россию.

Впрочем, один инцидент случился. Перед Днём Сталинской Конституции (Сталина тогда уже «развенчали», а День Конституции всё ещё отмечали) 5 декабря. Накануне предпраздничный день был на час короче, и мы отрядили в Старый город Вальку Ч. и Витьку Исаева (земляк – ростовский армянин из Нахичевани) за водкой, так как в Новом городе продавали только вино, которого мы взяли на всякий случай 4 бутылки. Взяли сыра, колбасы, солений, нажарили картошки (большая сковорода была, но меньше, чем в Чернышках у бабушки Шапкиной) и потирали руки в предвкушении. Гонцы задерживались. В конце концов терпение лопнуло, сели за стол – их нет. Выпили всё вино (на 7 человек – капля в море!), съели почти всю картошку – их опять нет. Когда раздраженные, стали убирать со стола, появился Валька – вдрызг пьяный, но без Витьки и, главное, без авоськи! Мы почти рассвирепели:

– Где водка?! – в ответ Валька только мило и глуповато улыбнулся и развёл руками:

– Где-то потеряли...

– Как так?!

– Сидели в парке на скамейке, потом Витька прилёг отдохнуть, а потом... милиция показалась... но я их вовремя заметил и смылся.

– А Витька где?

– Не знаю!.. – С тем Валька завалился на кровать и тут же засопел.

Ну, что поделаешь, стали и мы ложиться. Когда я уже начал дремать, постучали в дверь. Открыл. Стоит Витька Исаев и так же глупо, как Валька, улыбается:

– Саня, можно я у вас заночую, а то мне в моё общежитие ещё далеко...

– Чёрт с тобой, ложись! – и я вышел в коридор забрать Витькины сапоги. Что такое – у двери нет ничего. Неужели спёрли? Погода сыкатная, город разворочен стройкой, резиновые сапоги всем нужны. Я вернулся к Витьке и с максимальным сарказмом спросил:

– Ты не на вахте разулся? – тут Витя опять мило-глупо заулыбался:

– Нет, ещё в Старом городе!

– Каким образом?

– Ну, мы сидели в парке, потом я решил прилечь на скамейку, а сапоги грязные, я их и снял. А тут показался наряд милиции, мы с Валькой и рванули в разные стороны!

Я поёжился: представил, каково в декабре босиком через весь город... Но ещё хуже другое! Елки-палки! Остатки водки, что они не выпили, достались милиции, а у нас тут праздник сорвался! А наутро Витька попросил мои сапоги – хоть до общежития добраться. У него нога размера на два больше, но он всё равно в них дня три ходил, пока не купил новые. А я ходил в ботинках.

И я приложил руку

Город рос на глазах. Объём строительных работ был такой, что даже могучему стройтресту «Куйбышевгидрострой» было не под силу выполнить все планы в сроки. Потому были прикомандированы строительные организации из Москвы, Ульяновска, с Украины. Но они командировали квалифицированных строителей, а на стройке всегда масса неквалифицированной работы! Не везти же сюда подсобников! Нашли выход: ВАЗовцы заинтересованы в скорейшей сдаче объектов? Конечно! Вот и командируйте часть подразделений на стройку на подсобные работы. И посылали. Находились некоторые снобы: «Я, конструктор, должен метёлкой махать?! Грузчиком работать?!». Но такие были, в основном, из тех, кто уже получил жильё.

.....

Дошла очередь и до меня. Первые мои объекты – девятиэтажки в 6-м квартале на нынешнем бульваре Королёва. Делал опалубку для фундаментов, помогал при заливке бетона, вёл подготовку к монтажу панелей (ставил «маячки» и др.), а то и просто подметально-уборочные и разгрузочно-погрузочные работы. Через несколько недель отозвали в отдел, потом снова на стройку в 6-й квартал. Там однажды произошёл удивительный случай. Утром доехал до 7-го квартала и через пустырь, где ныне Парк Победы, через Революционную пошёл к своему объекту рядом с нынешним торговым центром. Недалеко от одной девятиэтажки заметил, что идущая впереди жен-

щина пристально смотрит в сторону дома, который уже начали заселять. Машинально глянул и я – и обомлел! На 8-м этаже женщина моет окна, створки открыты настежь, а в другом окне на подоконнике стоит на одной ноге, а второй ногой весело помахивает, будто делает физзарядку, держась левой ручкой за створку, ребёнок лет полутора. Я чуть было не закричал на него и его раззяву мамочку, но вовремя остановился: вдруг он испугается окрика?! А если упадет, то я не успею подбежать к стене и схватить его. Что делать? И тут что-то мне подсказало: я остановился и стал пристально смотреть на младенца, подняв руку. Он рассеянно с весёлой рожицей смотрел вверх меня во все стороны, наконец, заметил. И я начал грозить ему пальцем. О чудо! Он засмутился, отступил назад по подоконнику и прикрылся створкой, за которую держался. И только тут подбежала маманя и сняла ребёнка. Вот ей-то я погрозил кулаком, но она быстро ушла вглубь комнаты. Страшное напряжение сменилось благодушным настроением, и весь день хотелось петь.

Но вот стали набирать «зондеркоманду» для плотнико-столярных работ. Спросили, кто умеет работать топором, ножовкой, рубанком? Я вспомнил всё, чему меня учили дед Никита и школа механиков авиавооружения, и тоже записался. Собрали группу из восьми человек. Вот в ней процент ИТР оказался значительно ниже, чем в целом по бригаде – один я, остальные – рабочие, большей частью станочники, но был и водитель автобуса. Нас разделили на звенья по два человека, иногда звенья усиливали или объединяли (в зависимости от характера работы). Моим напарником оказался Витька Воднев, человек немного заносчивый и нестандартный, но аккуратист, как Борис С. (У Бориса, кстати, дела пошли хорошо: на работе его сразу заметили и зауважали, а в нерабочее время выглядел молодую – на 10 лет моложе! – красавицу Марину Чайлиян, которая жила тоже на 6-м этаже, но в другом подъезде; так он, паразит, к ней по балконам перелезал!) Мы с Витькой и полы настилали, и антресоли делали, и двери навешивали, и оконные блоки утепляли. Витька, даром что металлист из Тулы, работал как заправский плотник, да и столяр. Через несколько лет он ушёл в «Медтехнику» на индивидуальную работу: чинил пишущие машинки для медучреждений. У меня до сих пор на даче хранится восстановленная им машинка «Москва», внучки даже печатали на ней лет семь назад, да она и сейчас будет работать... А вот Витьки давно нет, увы! Боже, скольких друзей я уже похоронил! Вот недавно – Виктора Шевичика, гитариста и композитора, автора нескольких песен на мои стихи.

Но вернусь в осень 70-го. В нашей спецбригаде работа была чище, чем на подметании полов и лестничных клеток, более того, нам рублей по 50...60 приплачивали (тысяч по 7...8 на сегодняшние день-

ги) – неплохой довесок к средней зарплате! Так что я не спешил в отдел возвращаться. Как-то везло мне на бульвары: в 6-м квартале на Королёва работал, а во 2-м – на Баумана, только в двенадцатиэтажках. Недавно Борис С. переселился на Баумана. Решил перестлать полы: линолеум истёрся. Снял его, а лаги и доски пола сухие, ничуть не подгнившие, не трухлявые. А я на этом доме работал. Может, на этом же этаже! Так что я не лукавил в стихах:

*«Вымерять нынче непросто
Юный мой город пешком,
Но каждый дом, как подросток,
В нём от пелёнок знаком...»*

В нашем городе уже 23 жилых квартала, 780 000 жителей. Он пережил разные коллизии: чистоту и захламление, и вскрытие теплотрасс; гладкий, как стекло, асфальт и колдобины, почти такие же, как в Старом городе; новую зелень (деревья сажали зимой с кубом земли – в возрасте 3-5-ти лет уже) и не политые, высыхающие деревья, неподстриженные кусты; простор и «уплотняющую застройку»; открыта злополучная высотная гостиница, но тот, город 70-го года, не забывается. А ещё у Автограда есть одна любопытная особенность: если случайно собирается компания в пять человек или больше, то обязательно окажется, что у кого-то есть общие знакомые, сотрудники и даже друзья. Увы! Всё стареет, стареет и город, и я сам – давно дедом называют – и мне это не обидно: от законов времени никуда не уйти!

Опять своё жильё

Что интересно, в Тольятти время пошло быстрее, чем до приезда в этот город. Намного быстрее. В детстве, особенно в голодные сороковые и начало пятидесятых годов оно тянулось неимоверно долго, когда казалось, что от завтрака до обеда – бесконечность, от обеда до ужина – тоже. Две бесконечности за сутки! А, может, мне хотелось вырасти, как можно скорее? В Богучаре, в Чернышках и Павловске пошло более ходко, а в армии – опять медленнее. К концу второго года службы, мне уже казалось, что я всю жизнь военный, и другой жизни не будет. В конце третьего года – ещё медленнее. В Харькове, Душанбе и Тамале оно уже не шло, а бежало трусцой. Но вот в Тольятти – очень скоро перешло на галоп.

В начале лета 71-го Людмила вызвала меня в Тамалу. Оказывается, ей предложили должность третьего секретаря райкома, для этого надо было, чтобы я вернулся в Тамалу. Там со мной беседовал Овтов, первый секретарь. Предлагал должность главного инженера хоть на маслозаводе, хоть на вновь построенном Электроэлементном заводе, хоть механиком в какое-либо хозяйство района. Третье было более реалистично и интересно, но я уже не мог променять город Тольят-

ти на деревню, даже близкую к райцентру. Людмила карьера «накрылась», но она не сильно обиделась на меня: я ей рассказал о Новом Тольятти, который, к тому же, был недалеко от Куйбышева, где жил брат Борис, хоть разница в возрасте была не то, что с Димкой, но всё же – брат. А плюс ко всему в нашем отделе уже пошли разговоры о новой волне выдачи малосемеек, и вскоре запросили даже справки о составе семьи.

Получилось так, что к осени 71-го мне уже предложили малосемейку в пятиэтажке в 1-м квартале, ныне это Баумана, 6. Тут уже я вызвал Людмилу – она приехала на три дня. Ребята потеснились и освободили нам двухместную комнату в секции общежития. И общежитие, и «контингент» ей понравились. Мы сходили посмотреть наше будущее жилище – это была 17-метровая комната в трёхкомнатной квартире на 4-м этаже. Комната, дом и планировка двора Людмиле понравились, да ещё и остановки автобусов были недалеко, так что она уехала без сожаления. Я тоже сразу начал подыскивать работу ей. Школ было ещё очень мало, а жён-педагогов у ВАЗовских работников оказалось более, чем... Тогда я пошёл в партком КВЦ к Зинаиде Алексеевне, секретарю по идеологии. Та пообещала помочь: парторганизация росла, как на дрожжах (люди всё прибывали), рост парткомов отставал, так что сотрудники были нужны.

Людмила и Димка начали готовиться к переезду. До начала учебного года (Дима должен был пойти в школу) я их привёз. Ему город не понравился: «Что это за город – пустой! Вот Москва и Тамала – это города!». Мы только улыбались. С приездом семьи жизнь стала входить в обычную колею.

Знание – сила!

Людмилу вскоре приняли на работу, но... в общество «Знание», которое работало под эгидой парткома завода. Я потом заметил: там, где парткомы уделяли должное внимание отделениям общества, оно работало лучше. Во второй половине 71-го в КВЦ стали создавать первичную организацию общества «Знание», агитировали всех ИТРовцев, кто имел мало-мальский опыт и склонность к лекционной работе.

Записался и я. Взял тему «Советско-американские отношения»: я понимал, что это стержень всей мировой политики, что они определяют судьбы мира, поэтому тема всегда будет востребована. После того, как я «создал базу», мне оставалось следить за текущими событиями, а они часто бывали довольно драматичными. Постепенно жизнь потребовала расширения рамок – и я хорошо изучил вслутно-финансовый кризис 1972...73 годов, когда в течение четырёх месяцев доллар дважды девальвировался, и «золотой стандарт» окон-

чательно канул в Лету. Потом меня заинтересовал Ближний Восток – это наиболее вероятный источник и центр Третьей Мировой войны (всё ещё). Некоторое время занимался вопросами Советско-Китайских отношений. Тогда они были очень плохими: доходило до вооружённых столкновений. Потом, после неудачной войны с Вьетнамом, Китай поутих. Сейчас Китай усилился экономически и в военном плане, соответственно, и политически, мог бы уже не разговаривать с нами, но... но ему нужны союзники в сдерживании американской и стоящей за его спиной фараоно-иудейской экспансии с претензией на полное мировое господство, в том числе и над Китаем.

Сначала я получал материал на заводских семинарах, далее, по мере роста лекторского авторитета, стал приглашаться на городские, потом и на областные семинары. Был допущен к закрытому тогда журналу «Атлас» в библиотеке РК КПСС, а потом и к журналу «Планета» – это уже областной уровень. Стал посещать и региональные семинары, в Уфе, например, 5 дней провёл. На меня посыпались грамоты: от заводского уровня до Всесоюзного. Грамота за подписью самого академика Ивана Ивановича Артоболевского, председателя Общества, лежит сейчас где-то в запасниках ВАЗовского музея: там был мой стенд, только после 91-го его ликвидировали. Дали мне и путёвку во вновь открывшийся пансионат «Знание» в Кудепсте, пригороде Адлера. Так я во второй раз побывал на Чёрном море и опять зимой (теперь уже в январе-феврале).

География чтения моих лекций тоже расширялась от цехов КВЦ до районов города, а потом и Куйбышевской области. Чаше других приходилось ездить в подшефный Кошкинский район. На семинары обычно возили организованно – давали автобус(ы), а на лекции приходилось добираться либо пешком, если читать на заводе, либо на городском транспорте; а иногда организации просто присылали транспорт за лектором, за мной, то бишь. Боже, на чём только не приезжали! Но самых экзотических случаев два: из Коммунхоза прислали подметальную машину, а из Геологоразведки – междугородный «Икарus» на 45 мест!

Зачастую я выступал «вольным стрелком»: сам находил аудиторию, предлагал тему, разрабатывал план лекции и читал её. Общество «Знание» – единственное, уставом которого не предусматривались членские взносы. Более того, за лекции платили гонорары. Новичкам оформлялись как платные каждая 6-я, потом 4-я, потом 2-я, но не более шести платных лекций в месяц. Мне нравилась лекционная работа, и я иногда читал до 10-ти, а то и больше. Оплата одной лекции – 4 рубля, за вычетом налога, кажется, 3-84. Иногда (большая или важная аудитория и т.п.) платили по 10 рублей. Если учесть, что

бутылка «Столичной» стоила 3р12коп, то ясно, что оплата неплохая, хотя, повторяю, я и бесплатно читал с удовольствием.

Сейчас удивляюсь, как это всё мне удавалось успевать: производственное задание, подготовку и проведение лекций, другие общественные нагрузки, занятия с детьми, да ещё и водку пил. Как? Молодой был... Может, поэтому. Правда, домашних дел у меня было много: у меня дома были жена и тёща, точнее, тёща и жена...

Мои тылы

Примерно через полгода после приезда Людмилы и Димки из Тамалы стали приходить письма от Елизаветы Сергеевны (Сергей Иванович на письма поленивее был), в которых она прямо заявляла, что они уже подошли к такому возрасту, когда стали нуждаться в опеке (ей исполнилось уже 70, а Сергею Ивановичу – 73, как мне сейчас). В Тамале у них был сын Дима, мой армейский товарищ, (он работал механиком совхоза «Тамалинский») и Валентина – старшая дочь, у которой были сын (уже работал) и дочь-школьница. После гибели мужа в 67-м Валя жила одиноко. Сын Володя работал в Палласовке председателем колхоза. Сын Борис работал в Куйбышевн начальником следственного отдела в МВД. А у нас на следующую весну квартира должна появиться. Посоветовались, решили: кроме нас – некуда. Где-то в конце сентября – начале октября я привёз вещи, а затем и сами тесть и тёща приехали.

17-метровую комнату перегородили шкафом, мы с Людмилой запрятались за шкаф, они и Дима – в основной части комнаты. Ну, у Маргариты ещё теснее было. Стали привыкать понемногу, но тут беда: в начале зимы у Сергея Ивановича случился аппендицит. Сделали операцию – от наркоза инсульт, у него речь пропала, и одну сторону парализовало. Недели три лежал в больнице, потом его выписали. У нас совсем весело стало! Через некоторое время у Сергея Ивановича испортилось настроение, он стал отказываться от еды и начал таять. Пил только холодную воду из-под крана. Мы в тревоге. Вызвали Бориса и Володю.

Но спасение пришло, откуда и не ждали. Мне по дате поступления квартира «светила» в мае, но как-то так совпало, что в КВЦ оказалось мало претендентов на трёхкомнатные квартиры, а в Прессовом Производстве остались невостребованными двухкомнатные. Руководители жилищных служб вели долгие переговоры по обмену, но безуспешно, так как наши предлагали менять метр на метр, а прессовики – квартиру на квартиру. В конце концов, решили обмена не делать, а раздать квартиры досрочно, так что во второй половине января 72-го я получил ордер на трёхкомнатную квартиру во 2-м квартале на Дзержинского. Правда, пока шла торговля, 2-е, 3-е и даже 4-е эта-

жи разобрали, остались 1-е и 5-е. Посоветовался с Людмилой и выбрал 5-й этаж. На одной площадке со мной «однушку» получил Валька Козинский. Так что 30 января, через 1 год и 9 месяцев работы на ВА-Зе я получил 4-ю в своей жизни квартиру (если считать и малосемейку). Переселяли меня, по обыкновению, почти всем составом бюро. Сделали один рейс, и тут подъехали, точнее сказать, подвалили Борис и Володя с жёнами. Настроение резко пошло вверх! Вторым рейсом мы с ребятами перевезли остатки мебели и барахла, потом я поймал такси и отвёз Сергея Ивановича. Спускать с четвёртого и поднимать его на 5-й этаж было кому.

Мебель засунули в малую комнату, а Сергею Ивановичу и Елизавете Сергеевне собрали кровати в большой спальне, в зале освободили место посреди комнаты и стали накрывать на стол. Тут Сергей Иванович жестами потребовал, чтобы мы перенесли стол к нему в спальню. Подчинились. Народа набралось много, настроение было приподнятое, так что тосты пошли на ура! Сергей Иванович некоторое время смотрел на нас, потом потребовал и его посадить за стол. Так и сделали. И тут он потребовал пива. Налили пол стакана пива. Володя привёз пару копчёных сазанов чуть ни полуметровой длины! Сергей Иванович выпил пиво, посолонцевал рыбкой и попросился снова на кровать. С этого момента он стал поправляться. Через некоторое время стал подниматься и ходить по квартире, а весной вышел во двор. Речь его так и не восстановилась, но мы научились понимать его. Потом он даже ходил на базарчик и покупал семечки себе и голубям. Да, мы завели для него две пары породистых голубей на балконе, их, по обыкновению, привёз Борис из Куйбышева. По-моему, страсть к голубям – такая же мания, как игромания и другие. Не все ею болеют, но те, кого она накрыла, болеют до конца жизни. И голуби, видимо, не с каждым водятся: когда Сергей Иванович слёг снова, голуби улетели с балкона, хоть мы их и пытались прикармливать. Но зато весной 74-го к нам прилетела дочка Галя! В марте 74-го к нам приехала в гости моя мама: мы ждали прибавления семьи, и она приехала к этому событию. Получилось так, что Галя родилась 14 марта, как раз в День рождения мамы! Радость была двойная!

Осенью 74-го Сергею Ивановичу стало хуже, а роковую роль сыграла сугубо мужская болезнь, с которой можно было бороться только оперативно, но, видимо, врачи боялись, что он не выдержит ещё одного наркоза. И после одного вечера, когда я его повозил на «скорой» по нескольким клиникам города, и нигде его не взяли на стационар, он резко сник. А через три дня вечером, когда мы на кухне с Людмилой и Димой купали Гальку (ей было уже полгода), Людмиле пришлось оставить дочку на меня, потом я оставил её на Диму – но было уже поздно. Вызванный врач «скорой» констатировал 18 ноября

74-го факт смерти Афанасьева Сергея Ивановича. Похоронили его на Баныкинском кладбище. Когда делали и ставили оградку, я позаботился, чтобы там осталось ещё место для Елизаветы Сергеевны. Через 18 лет моя дальновидность получила своё подтверждение.

Я не скажу, что моя теща трепетно относилась ко мне, но она вскоре осознала тот факт, что при всех моих недостатках, она устроена в конце жизни не так уж плохо. Лучше, чем в Тамале: никаких забот о топке печи, есть туалет, ванна, вода холодная и горячая, отдельная комната. Вообще-то жили неплохо, даже денег хватало. Вот если бы я периодическими пьянками не «портил пейзаж», было бы совсем хорошо. Увы, до моей полной трезвости было ещё далеко – годы и годы! Я мог заниматься лекционной работой, а потом и поэзией, зная, что дети накормлены, под присмотром, в доме убрано, так что от меня требовались только минимальные бытовые усилия. И я тоже никогда не стремился обострять отношения с тещей, тем более, что зачастую (не всегда!) при моих ссорах с Людмилой, она вставала на мою сторону. Машины времени нет, сожалеть бесполезно, но если бы она была, я бы бросил пить лет на 10 раньше. Многих жизненных ухабов, травм и болезней избежал бы Ну, жизнь сложилась, как сложилась, и это моя жизнь, и у меня нет желания её повторять.

На два года в Тольятти приезжала Валентина. Она пожила у нас, потом снимал квартиру рядом же (Козинские куда-то съехали, уже и не помню: к тому времени я работал в другом отделе). Потом она вернулась в Тамалу: у выросшей и замужней дочери Наташи возникли какие-то проблемы. В общем, я не мешал Людмиле проводить семейную политику по её планам, зато был максимально разгружен от хозяйственных хлопот.

Карьерная лестница

На работе дела шли своим чередом. Мне давали всё более сложные поручения, я с ними справлялся, Эльбрус и Вадим заметили меня. Иногда меня посылали в цех курировать изготовление изделий по проектам КБ. Я легко решал многие вопросы, возникавшие в ходе изготовления деталей и узлов, недаром Эльбрус говорил, что «Воронцов в цехе, как рыба в воде».

А самой сложной работой, над которой трудилось почти всё бюро, была линия цинкования в колоколах каких-то мелких деталей. Огромная линия: метров 30 длиной, 6 шириной и 5 высотой. Линия представляла собой ряд ванн с электролитом, поставленных в два ряда в соответствии с технологическим процессом, и транспортирующие устройства, перемещавшие «колокола» с деталями, и т.д. и т.п. Конечно, аналоги в цехе были, но Эльбрус проделал колоссальную работу по компоновке всего этого под наши детали, ему ещё

приходилось курировать наши разработки механических устройств и узлов, а электрическую часть делало другое бюро, с ними тоже надо было многое согласовывать. Я разрабатывал загрузочный и выгрузочной узлы, точнее, целые машины, вмонтированные в линию.

Хорошее было время: интересная работа, классные наставники, хороший заработок. Зарплата выросла за счёт двух моментов: завод наращивал производство автомобилей, и премия в 40% стала обычным явлением (даже появился термин «депремирование»), а в начале 73-го года мне присвоили 3-ю категорию. Людмила к этому времени перешла на работу во вновь созданный райком КПСС Автозаводского района на должность зам. зав. Отдела агитации и пропаганды. Зарплата у неё была на моём уровне. А Сергей Иванович получал пенсию 61р.20 коп. – тоже вклад в бюджет семьи. (примерно через полгода после его ухода на пенсию вышло новое Положение, и пенсия возросла в 2 раза, но он, будучи примерным коммунистом, даже в Собес не обратился. Может, ему бы и прибавили, тем более что он – участник Гражданской войны). Я понимал его – тоже был коммунистом, хотя и с изъятиями в бытовом плане. Елизавета Сергеевна пенсии не получала: она почти всю жизнь была домохозяйкой. Но она родила семерых детей, шестерых вырастила. Один потом погиб под Ленинградом во время блокады.

После смерти Сергея Ивановича она стала получать социальную пенсию – какую-то часть от пенсии утерянного кормильца. Наш общий семейный доход уменьшился. Но тут мне случайно попался на глаза Василенко Юрий Петрович, коллега из ОГК НО, не так давно ушедший в Сборочно-кузовное пр-во. Оказалось, что он работает заместителем начальника КБ ОАПРО (КБ ремонтного отдела, короче) и предложил мне перейти к ним с повышением оклада, а затем вскоре и категории. А нач. КБ у них – Бабенко В.А., тоже выходец из нашего отдела.

Снова в ремонте

Я решил подумать. Мне уже предлагали перейти в Управление Главного Конструктора ВАЗа в отдел разработки ходовой части автомобиля в КБ тормозных систем. Собственно, это то, из-за чего я и ехал на завод. Щежин, который принимал меня в ОГК НО, уже ушёл с повышением, так что я мог бы перейти беспрепятственно. Но тут сработал «семейный фактор»: Людмила твёрдо заявила, что не согласна, т.к. я скоро должен получать квартиру, а вдруг там придётся становиться в хвост очереди?! И я договорился, что задержусь на какое-то время, а потом перейду. Но когда мне через «какое-то время» опять предложили перейти в УГК, отказался сам: в КВЦ я уже достиг чего-то, здесь мне поручают проектирование целых узлов и

даже несложных машин. А там я буду новичок (а уже не 25 лет), и мне при той специализации, что существует в УГК, дадут какую-нибудь тормозную колодку, которую я буду совершенствовать и адаптировать к новым моделям, а через 10 лет я, возможно, буду проектировать тормозную систему целиком, ещё через 10 лет – ходовую часть полностью, а когда буду готов проектировать автомобиль в целом, мне уже надо уходить на пенсию. И я решил, что лучше быть первым парнем в деревне, чем последним в городе. Теперь, когда всё позади, я не жалею о принятом решении: работать в СКП мне было не скучно (иногда даже ой, как не скучно!), заработок почти всё время (кроме одного периода – о нём позже) был нормальный, круг общения с людьми – огромный, лекционной деятельности препятствий почти не было.

Так что, отказавшись от мысли перевода в УГК, я на полном серьёзе продумал предложение Юрия Петровича (он был всего на 2 года старше, но – будущий начальник!). И я пошёл к Кебецу (он был в то время зам Гл. инж. УПУ по проектированию) и выкатил проблему: в связи со смертью тестя потерял один источник доходов семьи, а мне предлагают более высокую зарплату в СКП. Тот отнёсся к вопросу по-деловому:

– Дай мне 2 недели, я попробую тебе поднять зарплату здесь, а если не получится – отпущу! – На том и порешили. Через две недели опять короткий разговор:

– Знаешь, тебе ведь недавно повысили категорию, не получается у меня так скоро повышать тебя. Пиши заявление – я подпишу.

Василенко уже подгонял меня, но, отдел оказал мне большую помощь в похоронах Сергея Иванович: вырыли могилу, изготовили, покрасили и привезли оградку. Мне было неудобно уходить сразу после всего этого, поэтому я ещё потянул время и, наконец, написал заявление, завизировал у Турулина В.Н. (он теперь был вместо Щежина). Виза была отказной, но это меня не расстроило: Кебец был рангом выше. И в середине декабря 74-го я был принят в КБ ремонтного отдела ОАПРО СКП инженером-конструктором 3-й категории с окладом 150 р. Теперь мой заработок, наконец, превзошёл тамалинский. Работа в ремонте мне была знакома по всей моей трудовой биографии, включая службу в Армии. А ещё мне повезло вот в чём: поскольку все знали, что я работал в КБ гальванического оборудования, то меня и включили в группу ремонта гальваноборудования, которое я уже весьма неплохо знал.

А руководил группой ныне покойный Галушкин Евгений Михайлович, конструктор такого же уровня, что и Сагитов и Лясников, так что было у кого поучиться, и с кем посоветоваться. Правда, потом выяснилось, что у Евгения Михайловича был изъян: он любил выпить (со временем стал пьяницей, потом даже тяжёлым алкоголиком),

но при моём тогдашнем мировосприятии я не считал это большой бедой. Потом выяснилось, что у него есть одно важное преимущество: будучи холостяком, он имел однокомнатную квартиру – вот оно место для застолья! Но это – потом. Работа у меня пошла успешно, так что я скоро оказался на хорошем счету, и даже однажды избирали в партбюро Технических служб СКП. Но я уже говорил, что у меня задатки только фронтального лидера, а иерархическими лидерами становились другие товарищи (в том числе и те, которые в 91-м оказались далеко не коммунистами). Производственная база мне была, в основном, понятна, работать с итальянской, английской и французской документацией я уже немного умел, архивную службу ОАПРО быстро изучил. В КВИЦ уже давно перешли на работу в ЕСКД (единая система конструкторской документации), в ОАПРО СКП только начинали. Так что я тут был в передовиках.

Однако большую часть работы составляло всё же эскизирование и выпуск чертежей. Дело в том, что с целью экономии валюты закупалась документация выборочно: общие виды, сборочные чертежи узлов и некоторые наиболее важные детали. Но, видимо, некоторые наши командированные в Турин товарищи допускали халтуру в работе. В общем, КБ без работы не оставалось. И время летело стремительно. Не успел оглянуться – июнь 75-го. Отпуск.

Кишинёв

В отпуск решили двинуть всей семьёй, чтобы немного отвлечься от негатива, вызванного смертью Сергея Ивановича. План наметили грандиозный. И осуществили! Сели на теплоход и поплыли к Волгограду. Дима уже плавал со мной по этому маршруту, но ему всё равно было интересно. В Куйбышеве стоянка была часа три, нас навещал Борис с дочерью и зятем. Наутро в ресторане заказали осетровую уху. Но моя порция, стоившая немалых денег, пропала: накануне мы слегка отметили встречу с родственниками, но я под этим прикрытием ухитрился «напороться» так, что утром жирную осетровую уху не мог хлебать. Но потом я оклемался, не без помощи буфета, и день прошёл нормально.

В Саратове нас встретили Елисеевы. Они жили недалеко от порта, приглашали нас в гости, но мы не стали рисковать и дальше ближайших магазинов не пошли. На душе было празднично: по Волге, как по улице мимо знакомых домов. А в Волгограде нас встретил Володя. Он уже работал директором Учхоза (подсобно-тренировочное хозяйство Волгоградского СХИ.) и жил на Горной Поляне в 15-ти километрах от города. В Волгограде, точнее, на Горной Поляне, пробыли два дня. Прятались от жары в саду и ходили по два раза в день на канал «Волга-Дон» (в сопровождении Серёжки – Вовино сына)

купаться. У них была огромная камера от комбайновского колеса, и на ней плавали, как на лодке. А камыша там сколько было! Директорский дом у Володи был огромен: 10 комнат, включая просторные, городского типа, кухню и ванную (но Елизавета Сергеевна не высказала желания переехать сюда насовсем). Потом мы взяли в предварительной кассе билеты до Кишинёва с пересадкой в Киеве, оставили Елизавету Сергеевну у Володи, а сами местным поездом отправились в Чернышки. Дима тут уже бывал, дружил с двумя братьями и двумя сёстрами. Ходил на Цимлу ловить рыбу и раков. Сохранилась фотография, на которой он с видимой опаской держит на вытянутой руке щуку длиной в половину его роста. Вообще-то ловили Мишка и Пашка, но он тоже «при сём присутствовал»! А раков отваривали в большом эмалированном тазике на летней «грубке» во дворе, и ели всем «гуртом».

Утром пришёл поезд на Киев, мы сели на свои места (Галя, как малолетка, отдельного места не занимала, конечно) к «бабе Лизе», и на следующий день на вокзале Киева нас встречали уже знакомые мне её племянницы, Людмилены двоюродные сёстры. Я предполагал пробыть в Киеве дня три: тут есть что показать детям, да и самим посмотреть. Я любил этот город, в котором оказался в четвёртый раз. Мэни там всё дужэ подобалось! Архитектура, планировка, каштаны и другие деревья, спуск к Днепру, Труханов остров – всё отдавало какой-то стариной и романтикой, которая не уходит с годами, остаётся на всю жизнь. И подспудная мысль: «Это колыбель Руси! Вот откуда мы пошли!». Конечно, это наивно, но от этого не избавишься! Да и не хочется избавляться. Но планы резко изменились: когда мы вернулись после первой прогулки по городу, который я показывал Людмиле и детям, Елизавета Сергеевна объявила, что мы поедем сегодня вечером. Что случилось, пока мы гуляли, она не сказала, а теперь вообще никогда не узнаем: ни её, ни тёти Оли давно нет на свете.

Ночью мы выехали из Киева, а на следующий день уже любовались виноградными полями Молдавии и аккуратными селениями, напоминавшими украинские. А в середине дня Юлия Мостовая с дочкой Валей, которая за 12 лет (после Ташкента) стала совсем взрослой, встречали нас на Кишинёвском вокзале. Потом мы поехали на троллейбусе к ним домой. Город, как и большинство «Столиц», – в центре с претензией, а чуть от центра – одноэтажные частные домики, иногда – двухэтажные на 4 или 8 квартир. Юлия жила в одноэтажном многоквартирном доме с печным отоплением. Мы с Димой старательно кололи дрова на зиму. Сохранилось фото, на котором он замахивается топором (как взрослый!) на чурку. Вообще-то Юлин дом готовился под снос, и дрова, которые мы запасли с Димой, пригодились в последний раз.

В Кишинёве на каждом шагу продавалось вино; кроме магазинов, ларьков были дегустационные залы. Я смог убедить Людмилу, что побывать в Кишинёве и не продегустировать местных вин – это смертный грех! Как-то утром, когда винные магазины были ещё закрыты, мы оказались около такого зала, и он уже работал – как же: де-гу-ста-ци-я! В зале уже было довольно многолюдно, я занял очередь. Пока стоял, обратил внимание на то, что все эстеты-дегустаторы как-то похожи друг на друга... Ба! Помятые физиономии и красноватые носы! Подошла моя очередь, и я стал делать заказ буфетчице, орудовавшей алюминиевым ковшиком-стаканчиком на длинной ручке: «Фетяска», «Портвейн», «Алиготе», что-то ещё, всего шесть позиций – по 100 граммов! Но буфетчица ошарашила:

– Наливаю только по 250 граммов – стаканчик такой!

Я замялся: 6 позиций по 250 граммов даже для вина многовато! Оставить 2 позиции – тогда какая же это дегустация? – Людмила рядом! Мои сомнения быстро прервали «гурманы-дегустаторы», подпиравшие сзади – я вылетел из очереди, дегустация сорвалась: хвост очереди уже был до самой двери.

А ещё в Кишинёве продавали хорошую мебель без талонов и записи. Нам приглянулся набор из 4-х шкафов – «стенка» «Аурика», что значит «Золотая». Стоила «Аурика» 600 с чем-то рублей, нам по карману в то время. Купить в любой момент можно, но как увезти? Меня отправили на товарную станцию за речкой Бык. Видно, когда-то гурты скота поили, но сейчас в этой реке здорово не напьюсь! Зато прямо на пешеходном мостике располагалось кафе «Ветерок»! Вид чудесный! На товарной станции сказали, что контейнер можно заказать только за 2 недели! А у нас уже были взяты билеты на поезд № 87 «Одесса – Новосибирск», и через 5 дней надо уезжать!

Я долго слонялся по кабинетам малых и больших начальников, наконец, при помощи комплиментов и конфет мне удалось склонить на свою сторону какую-то даму в форме (железнодорожной, ясно!). Начался обеденный перерыв, и я пошёл в «Ветерок» с твёрдым намерением осуществить свою мечту – продегустировать солнечные молдавские вина! Народа было немного, поэтому я без спешки взял конфет и печенья и начал дегустацию 100-граммовыми дозами, как и полагал когда-то. Сортów пять обычных и один сорт креплёного вина я успел оценить, а потом надо было бежать делом заниматься. Что интересно, почти все вина были вкуснее молдавских же вин, но продававшихся где-нибудь в Богучаре или Куйбышеве.

Красноречие моё возросло, и я сумел «отвоевать» целую неделю. Но всё равно это на два дня позже нашего отъезда! Это то же, что никогда! Но я на всякий случай взял документы и пошёл в «Ветерок» искать утешения. Лето. 2 июля. Кишинёв. Жара почти как в Ду-

шанбе! «Ветерок», увы! оказался закрытым, я потопал пешком в город, прикрывая голову газетой и выбирая более тенистую сторону улицы. Но солнце светило почти вдоль улицы, и спрятаться было негде. Спасение пришло неожиданно: наискось на левой стороне улицы я увидел погребок. Спустился. Зашёл. Небольшой зальчик перегородивает стойка, за ней буфетчик и из стены торчат торцы двух деревянных бочек диаметром в полтора метра. Ничего себе! Из торцов торчат (извиняюсь за каламбур!) бронзовые краны с деревянными ручками – ни дать, ни взять чернышковская баня! Тут процесс дегустации ещё проще: в один стакан поочерёдно из каждой бочки! Но какая прохлада в погребе: он в полуподвале, а окошечки вверх – солнышко не допекает. Метров через пятьсот от этого погребка оказался такой же, но на правой стороне улицы. Интерьер – брат-близнец, процедура дегустации – такая же. Когда поднялся к главной улице, оказалось, что злополучный дегустационный зал рядом. Тут я уже принципиально пройти мимо не мог! Дегустаторов было заметно меньше: разгар дня, работают все точки. Ну, тут я уже сократил программу до трёх позиций и в радужном настроении поехал к Юле. По выходе из автобуса прихватил на всякий случай большую бутылку вина, запрятал её в дрова, что ещё оставались не перепиленные и не переколотые.

Людмила меня встретила без восторга, но Юлия заступилась: всё же я сделал большое дело! Даже за обедом мне налили винца (тут дозы, конечно, были заметно меньшие, чем «на воле»), а по поводу покупки и отправки решили так: Юлия сама отправит. Благо магазин продавал «Аурику» в разобранном виде, и погрузка в контейнер производилась тем же магазином.

Через несколько дней – опять поля и виноградники на пологих склонах невысоких молдавских холмов, а на склоне дня – Одесса, мечта всей жизни. У нас на Неледове кроме «Общего вида Киево-печерской Лавры» на стене в большой рамке под стеклом было ещё несколько фотографий и открыток, присланных моими старшими двоюродными братьями Митей и Ваней. На одной – Медаль «За оборону Одессы» на фоне Потёмкинской лестницы, которая спускалась к морю. А по сторонам – зелёные деревья! По лестнице идут весёлые нарядные люди! Сестра Нина всё говорила: «Вот вырастешь – съездим в Одессу!». Потом я прочёл десятки книг, в которых говорилось про Одессу, потом я прочёл множество книг авторов-одесситов. Потом... И вот я приехал в Одессу, но... на вокзал, с которого через три часа уезжать. А со мной кроме жены – тёща-старушка и двое детей, младшей – неполных полтора года. Как тут съездишь на Потёмкинскую лестницу посмотреть?! «Потёмкинская лестница – восьмое чудо света, ну, может быть, девятое – не стану уверять!..» Кто не знает

эту песенку! Эмоционально Одесса для меня сразу после Киева! В то же время я никогда не забываю, что в уголовном мире «Ростов – папа, Одесса – мама!». Ну и что? Люблю этот, такой незнакомый и таинственный, город! Почитай, заочно люблю. Из Одессы выехали, когда уже стемнело. Я долго стоял в коридоре вагона и смотрел на такие тёплые и уютные одесские огни. Какая жалость, что мне не удалось посмотреть на Одессу с Чёрного моря, как на Баку с Каспия.

Наутро мы пересекли Днепр, и когда я проснулся, поезд шёл через необъятные украинские поля. Начало июля – здесь разгар уборки хлебов. Тут и там виднелись комбайны, сустились автомобили – моей деревенской душе эти картинки были отрадны. На остановке в Миргороде я вышел из вагона поклониться Николаю Васильевичу. Памятник ему в виде скульптурного портрета Гоголя, задумчиво сидящего в кресле, стоял на перроне у самого входа в вокзал. Конечно, он не знал, что через его родной Миргород будут ходить поезда, заполненные людом со всех краёв Руси – Великой, Малой и Белой, и краёв, не всегда ему ведомых. Не мог он и знать, что среди этого люда окажется один, служивший рядом с Дубенской крепостью, сильно обветшавшей за столетия, но пока не превратившуюся в кучу глины. Но, думается, Гоголь верил, что потомки долго будут его помнить и вспоминать с гордостью: это наш предшественник, наш маяк! Гоголь числится в лике прозаиков, но в каждом его произведении столько поэзии, что не каждый поэт имеет в своих стихах. «Тарас Бульба» – это вообще поэма от первого до последнего слова. Причём, чувство родины, лиричность, трагедия и юмор у него, как в тигле мастера-металлурга, сплавлены неразрывно. Считаю, только Шолохову удалось приблизиться к Гоголю в этом великом мастерстве. Я тогда не думал (этого и представить было невозможно!), что пройдёт менее двадцати лет, и мне придётся вспомнить образ Тараса Бульбы и посвятить ему стихи с такими строчками:

*Вчера в могучей жили мы стране,
А ныне Русь и хвора и убога!
Зайди, Тарас, поспрашивай у Бога,
Не сдал ли нас в аренду сатане?*

Где-то часа в 2...3 мы были в Полтаве. Здесь поезд стоял дольше, чем в Миргороде, но наш состав поставили на какие-то ...ые пути, так что выйти в город я не решился. Пока слонялся с детьми по перрону, случился один мелкий казус, но я его буду помнить всю жизнь. Мы были напротив соседнего вагона, как вдруг в нашем вагоне раздался звон разбитого стекла, нестройные возгласы и чёткий крик кондукторши: «А кто за стекло заплатит?! Держите его!». Я оглянулся – последнее окно нашего вагона разбито, несколько человек бегут в мою сторону, впереди всех – парень, за которым гнались. Через какую-

то секунду он поравнялся со мной, я автоматически подставил ему ногу – парень растянулся, его тут же схватили пассажиры и проводница, которая потребовала с него 10 рублей за разбитое вагонное стекло. К моему удивлению, парень оказался трезвым, спокойно отдал десятку – его тотчас же отпустили. И сразу начались разговоры о хулиганстве и прочем. Ладно, деньги на замену стекла дал, но зачем проводнице эти лишние хлопоты? И как ехать дальше с выбитым стеклом? Оно, правда, почти не осыпалось, но всё растрескалось. Кто-то спросил: «А что он, чокнутый, что ли? Ведь не пьяный». «Да в него из окна девица-пассажирка бросила огрызок яблока и прямо в лицо угодило!» Ё – моё! Конечно, парень виноват, но эта стерва должна была в долю войти по справедливости. Она спровоцировала человека! Вот тебе, вроде бы неоспоримый факт: ЭТОТ человек совершил ПРАВОНАРУШЕНИЕ, а оценку можно дать разную. И если ТЫ видел ЧАСТЬ события, ещё не значит, что ты – полноценный свидетель. Потом, через несколько лет мне довелось быть Народным заседателем в суде, я часто вспоминал этот эпизод, и старался выяснить всю картинку происшествия, хотя судье это не всегда нравилось: если ограничиться данными предварительного следствия, то дело быстрее движется.

Ридный Харкив, и ещё более родной Дон проехали ночью, днём проследовали через пензенские места, слева в 50-ти километрах осталась Тамала. Елизавета Сергеевна никак это не комментировала, обстановка в нашем купе, которое мы занимали полностью, оставалась домашней. В Куйбышев приехали без приключений, далее домой – тоже.

Но в Тольятти меня ждал сюрприз.

2. ВАЗОВСКИЕ ГОРИЗОНТЫ

Предложение, от которого нельзя отказаться!

Дня через два после моего выхода из отпуска, меня вызвал Коко-тов В.Я. – новый начальник отдела:

– Александр Свиридович, Вы уже знаете, что от нас Голованов уходит в КВИЦ?

– Слышал! – я знал, что нач. Бюро запчастей Голованов Валерий собирался уходить в снабженческие структуры КВИЦ. Много лет спустя мне как-то ясней стало, что связка Березовский – Зибарев – Висторопский зарождалась давно, и своих людей они подбирали за много лет до 91-го года.

– Так вот, нам нужен начальник Бюро запчастей!

– А я-то при чём? – у меня появилось какое-то нехорошее чувство.

– Я хочу предложить Вам эту должность!

И тут у меня загорелось внутри от смеси негодования и субординации: Валерий Яковлевич, хоть и был на год моложе меня, но всё же был начальником нашего отдела, я с трудом сдержался и постарался как можно убедительнее и аргументировано вымолвить:

– Валерий Яковлевич! Я три года служил механиком авиавооружения, и если бы меня перевели на склад, даже склад боепитания – я бы застрелился. А если бы лётчику предложили перейти в интендантскую службу, он бы за оскорбление это счёл!...

– Ты напрасно так горячишься! – он перешёл на «ты» – Обеспечение запчастями – очень важное и сложное дело! Для ремонта важное!

– Но я конструктор! И хороший конструктор!

– Знаешь, хороших конструкторов у нас достаточно, а вот начальником такого бюро не каждый может быть. Ты не горячись, а потом зарплата будет значительно больше!

– Ну, зарплата у меня и без того неплохая, а скоро ещё вырастет!..

– Почему ты так думаешь?

– Так я же выполняю работы по сложности выше 3-й категории, и скоро буду претендовать на 2-ю, вот и зарплата повысится.

– Хм! А почему ты сложную работу делаешь? Да потому, что мы тебе её даём! Не будем поручать сложные работы – будешь, как Василий Егорович, до самой пенсии болты и гайки эскизировать!

Да! Шантаж самый натуральный. Я был озадачен. И, выражаясь спортивным языком, решил взять тайм-аут:

– Я подумаю, и в понедельник дам ответ!

На том и порешили. Дома я поразмыслил сам и поговорил с Людмилой. Вернуться назад в КВЦ? Это будет «возвращение блудного сына». Попроситься опять в УГК? Теперь, после двух моих отказов, мне неловко проситься, и теперь уж точно больше, чем Инженер-конструктор «б/к» с минимальным окладом, мне ничего не предложат, значит, 6 лет конструкторской работы – коту под хвост? Ну, искусственно понижать сложность заданий не будут, но на вторую категорию можно перейти через год, а можно – через пять: ведь никто не может ОБЯЗАТЬ руководство поднимать мне категорию каждые два-три года. К тому же, когда работал в пуско-наладке, я же решал ВСЕ задачи: и конструкторские, и технологические, и обеспеченческие. К тому же, не простым снабженцем предлагают стать, а нач. бюро. Решил согласиться, а потом – видно будет.

Вскоре я был представлен сотрудникам бюро как новый начальник. Очень быстро я понял некоторые неопровержимые истины: 1) работа в системе обеспечения запчастями не менее интересная, чем у конструктора; 2) мой конструкторский опыт не мешает, а помогает

в работе: я легко могу предметно понять устройство и работу заказанных в запчасти деталей; 3) мне недостаточно моих технических познаний: в задачи бюро входило обеспечение всей номенклатурой запчастей – и по механике, и по гидравлике, и по пневматике, и по электрике, и по электронике, даже автомобильные запчасти для «напольной техники»; 4) работа у нач. Бюро Запчастей труднее и ответственней: срыв ремонта из-за отсутствия запчасти может вызвать простой оборудования, а специфика СКП такова, что почти половина оборудования – уникальное, в единичном экземпляре, значит, через 2...4 часа задел кончится – минимум одна нитка конвейера станет. А я уже говорил: за 55 секунд с линии сходит автомобиль стоимостью в среднем 6000 руб. – что за час накапает?

Но главное – это взаимоотношение с людьми! По мере того, как я начал осваиваться с работой, мне начали подваливать всё новые функции. Поставили под моё начало 8 складов с кладовщиками, ночными дежурными, грузчиками и водителями двух пикапов (самый нахальный и пронирыстый народ!) – всего 23 человека! Почти через два года, перед уходом с должности я, наконец «выбил» штатную единицу мастера по складскому хозяйству («клетку» мастера). Занял её Вася Димитренко, оказавшийся большим поклонником ЗЗ (позапрошлой зимой он от него и погиб – замёрз во дворе своего дома в салоне своего же автомобиля). А до этого негласно (и не штатно) старшим по складам был Сергей Иванович Безруков – мужчина лет пятидесяти с небольшим, не числившийся в выпивохах, но способный выпить одним глотком без воды и без закуски полстакана спирта. Пьяным его никогда не видели, хотя иногда за день он выпивал бутылку спирта. Потом мне поручили обеспечение заготовками и контроль выпуска запчастей на мехучастке ремонтного цеха (цех 48). А численность инженеров почти не изменилась, поэтому некоторых приходилось догружать, они «отбрыкивались» и недостаточный контроль процесса с их стороны объясняли перегруженностью. Мне уже ссылаться было не на кого и не на что. Все претензии – ко мне.

Но это всё – текущая работа. Однако были и перспективные задачи. Их обычно ставил зам. нач. отдела Бреккель Эрик Иванович. Может, оттого, что он немец по рождению, он был очень педантичен в делах и прирождённый системник. Мне нравилось работать с ним, хотя мы иногда расходились во мнениях, а однажды дело дошло до матюгов. Но обиды мы друг на друга не таили. Ещё он был рабочей лошадкой: Кокотов часто бывал в командировках и на учёбе, а Бреккель тянул лямку отдела. (Так что я, будучи на 1 год старше его, многому от него научился, прежде всего, классификации проблем, с чего начинается решение любой задачи!). Уже будучи на пенсии, он издал книгу афоризмов, один экземпляр которой подарил мне.

Из перспективных задач наиболее злободневными были две: расчёт норматива оборотных средств для складского хранения и переход на систему автоматизированного учёта состояния складов. Я уже вспоминал немецкую поговорку, что «чёрт прячется в деталях». В принципе – проще пареной репы: если знать срок службы каждой детали и каждого запасного узла, знать необходимое время на замену его, то легко посчитать, сколько нужно деталей (узлов) на складе, чтобы ремонт машины произвести в нормативные сроки. А если известна стоимость детали, (а она обязательно бухгалтерии известна), то дело арифметики – перемножить и сложить. Но!.. Но в СКП выше двух с половиной тысяч единиц оборудования, из них уникальных (я уже говорил об этом) выше полутора тысяч. Если даже всего 100 деталей и (или) узлов на машину должны лежать на складе в виде запчастей, то уже получается невообразимое количество. Оставалось оперировать статистикой и интуицией, а для выработки того и другого требуется немало времени. А я – новичок! Посадил всё же на эту работу двух инженеров, сам уделял внимание, с Бреккелем советовался. Был один нюанс: с одной стороны хотелось сделать работу точнее, а с другой – знал, что превышение Норматива Оборотных Средств отрицательно скажется на ежемесячной премии. Пока норматив брался «с потолка», это нетрудно было загладить, а когда он обоснован технически... Думаю, всё ясно.

Вплотную к этой задаче примыкала задача перехода на механизированный учёт наличия и движения запчастей. Завод сразу обзавёлся собственным ЭВЦ, укомплектованным отечественными счётно-решающими машинами «Урал» и «Эрнани». Поначалу они отслеживали и регулировали взаимодействие цехов и производств в дискретном режиме, а информацию, получаемую с конвейерных узлов, в режиме реального времени. Постепенно круг задач, решаемых с помощью ЭВЦ, расширялся, парк машин обновлялся, они стали работать со сложной периферийной техникой.

Не обходилось в этом деле и без казусов. Однажды мне в пятницу позвонил инженер Управления Главного Механика Вячеслав Сергеевич П.:

– Александр Свиридович! В воскресенье я приду с проверкой состояния учёта на складах отдела и на промежуточных складах ремонтных участков. Кто у тебя из инженеров дежурит на воскресном ремонте?

Я ответил и подумал, что и самому придётся выйти, пробыть хотя бы до обеда, чтобы П., не дай бог, чего лишнего не написал: последствия будут неласковые, вплоть до «депремирования». Боже! На этой работе приходилось выходить и по субботам, и по воскресеньям (об отгулах и заикаться не приходилось!), и ночью присылали дежур-

ную машину, я потом сам вызывал и СКПовских и КВЦовских специалистов. А утром не раз оказывалось, что деталь или узел, который в авральном порядке делали всю ночь, есть на ремонтном участке. Вот что значит учёт!! Короче, я вышел на работу в воскресенье и встретил П. До обеда ходил с ним по складам. К счастью, особо крупных промашек он не нашёл, но мелкие замечания были, я их старательно «сглаживал». Хорошо, что вышел! Настал обеденный перерыв, пошли в отдел играть в шахматы. П. достал «тормозок», развязал его, достал пару варёных яиц, котлету и кусок хлеба – и стал перекусывать без отрыва от шахмат. И тут я решил сделать «ход конём»:

– Вячеслав Сергеевич! Чего же ты всухомятку ешь?

– А что, есть что-нибудь?

– Ну, конечно! Подожди пять минут!

У меня был ключ от кабинета заместителей нач. отдела Чистова и Близнюкова, а где они держат ключ от сейфа, я знал. Так что в обещанный срок я вернулся со стаканом спирта, а сатуратор с газировкой стоял напротив кабинета замов. П. по-братски поделился со мной своей снедью и мы совместили шахматы с обедом. Настроение приподнялось, я решил остаться до конца рабочей смены. В 15 ч. – подведение итогов воскресного ремонта (старшим был в этот день Чистов). Я прослушал доклады с участков и замечания представителя УГМеха. Замечания, естественно, были, хотя и не очень многочисленные и не очень страшные. Тем не менее, я решил дело ещё улучшить:

– Виктор Александрович, а не снять ли напряжение трудового дня товарищу из УГМеха? Он добросовестно намотал с десятков километров, пока обошёл все склады и рем. участки!

Предложение было принято. Пошли в кабинет к Чистову. Он пошарил в столе и нашёл: половинку яблока, два зубка чеснока и кусок подсохшего (но ещё не сухарь!) хлеба. Против этого я выставил початую трёхлитровую банку спирта, а сатуратор с газировкой – почти у дверей кабинета. Наливал я понемногу – граммов по 30...40 (спирт всё же!), но довольно часто: П. сказал, что домашние дела не позволяют задерживаться. После пятого или шестого тоста я заметил, что начал хмелеть, а Чистов и П. завязали разговор о методиках отслеживания состояния складов и о новых принципах организации складского хозяйства, со ссылками на Западный опыт. И с каждым новым тостом разговор становился всё более учёным. Я почувствовал себя неучем, дилетантом и тупицей, так что отделивался редкими репликами. Но вдруг П. сказал, что ему надо выйти ненадолго. Ну, надо, так надо. Но его возвращение что-то затягивалось. Мы скрасили ожидание ещё одним тостом, и я решил проверить, куда делся П.: хоть и трезвый, а мало ли... В туалете его не оказалось, я с некоторой тревогой пошёл к Чистову. Не успел закрыть дверь, как на проезде пе-

ред кабинетом с визгом затормозил дежурный пикап, в кузове которого, раскинув руки и ноги, лежал П. У меня всё оборвалось внутри, хмель тут же выветрился:

– Валера! Ты что, спишь его?!

– Да нет, Александр Свиридович! – и Валера Чадаев поведал мне трагикомическую историю, – зашёл этот товарищ к нам в диспетчерскую и попросил разрешения позвонить в город. Но я сам в это время занимал телефон, и сказал, чтобы он подождал. Он спокойно сел на стул, а через две минуты молча свалился. Я растерялся, не сердечный ли приступ: на пьяного он был не похож. А потом мне подсказали, что это проверяющий из УГМеха. Вот я его погрузил и к Вам в отдел привёз!

У меня немного отлегло на душе – проспится! Но возник вопрос: что с ним делать? Нести, как когда-то Сашку Крейдуну? Но ведь там проходной не было, а здесь – есть, в понедельник будет скандал заводского масштаба! Оставить его в кабинете? А ему же обязательно домой надо – обстоятельства такие! Проснётся – через окно выйдет, тогда скандал СКПовского масштаба, да и порезаться стеклом может... Чистов твёрдо заявил: надо оставлять! Сообразили: ключи от кабинета оставить у дежурного по рем. цеху и попросить его заглядывать сюда регулярно. На наше счастье дежурным был в этот день начальник участка диагностики Владимир Никитич Забойкин, золотой души человек (царство ему небесное!). Вопрос был решён. Через час я был дома, кое-как оправдался перед Людмилой (должен был вернуться с завода часа в два, а вернулся в семь, да ещё...), поужинал и стал смотреть телевизор. Но душа не на месте: звоню Забойкину, тот заглянул в кабинет, там всё по-прежнему, только В.С-а рвать начало, но из него одна вода идёт, как из утопленника. А что там могло быть ещё: мы графина два или три газировки выпили. Наконец, Забойкин доложил, что В.С. оклемался и его привели в диспетчерскую, а вскоре он уехал самостоятельно.

В среду я с нетерпением ждал УГМеховского отчёта по воскресенью – нет! Ну, иногда запаздывает. Четверг – нет! В пятницу – нет, и я возликовал: значит, его вообще не будет! Прошло недели полторы, я совсем забыл за делами этот эпизод, но мне пришлось появиться в УГМехе. Иду мимо стола П – а, он что-то пишет.

– Здорово, Вячеслав Сергеевич! Что строчишь?

– Да вот готовлюсь к воскресенью: металлургов надо проверить! – Он был озабочен, а меня чёт дёрнул позубоскалить:

– На фиг тебе эти металлурги! Приходи к нам! – Боже, что тут случилось! П-н посерел, лицо исказилось, он вытянул руки и откинулся корпусом:

– Нет! Нет! Никогда в жизни!

Не знаю, как там до конца его жизни, но пока я работал в БЗЧ СКП – он ни разу больше не был у нас ни с какой проверкой.

Ещё при мне «набивание» информации и периодическая передача её на бумажных носителях в ЭВЦ, как и доставка центнеров бумаги с распечатанной табуляграммой состояния складов, стала заменяться проводной связью. Теперь, конечно, ПВМ позволяют автоматически без ручных записей в табуляграммах, прямо с экрана контролировать состояние и движение складов. Конечно, и НОС теперь машина может посчитать, а инженеру останется только подкорректировать его. Так или иначе, мы в 77 году высчитали, что НОС у нас должен составлять около 7,5 миллионов рублей. Фактически на складах запасы доходили до 9 миллионов рублей, колоссальные деньги (по тогдашнему курсу около 16-ти миллионов долларов). Пришлось избавляться от залежалых деталей. Должен с гордостью сказать, что «сидя» на таких деньгах, я только раз покривил душой (спирт, по счастью, был не нашей номенклатурой, мы его в других отделах добывали – грех на них ложился). Вызвал Кокотов:

– Свиридыч, понимаешь, такое дело – у одного товарища из УГ-Меха личная «Волга» сломалась, нужны новые свечи зажигания. Дело копеечное, а он к нашему отделу более лояльно будет относиться. Так что выиграем больше, чем проиграем...

Мне, правда, стало не очень хорошо, но я из-за пяти рублей не стал «права качать» и дал поручение Панасову – инженеру, курировавшему «напольный транспорт». Так что коррупция была и тогда, но её стыдились, скрывали, потому много утащить не могли. Годом раньше я проявил большую принципиальность. Когда работал в КБ ОАПРО, нач. КБ Бабенко пытался дать мне задание: разработать стяжной ремень для пучков сварочных кабелей (когда по ним идёт сварочный ток огромной силы, они электромагнитными полями отталкиваются так, что если не закреплять, – за смену оторвутся!) из самых дорогих материалов, даже пряжку сделать хромированную! Я никак не мог понять, зачем? Мы же привыкли бороться за экономию! А если я не понимаю смысла задания, как я его буду выполнять? Так и отказался. Разгадка оказалась простой, я её узнал, когда уже работал в БЗЧ и начал получать из Могилёва пластиковые стяжные ремни. Стояли они не долго, вообще-то, но стоили по 15 коп. за штуку. И на ремни эти в своё время подали заявку на рацпредложение предшественник Кокотова и один из начальников УГМеха. Им для подсчёта экономического эффекта надо было сравнить предлагаемый образец с базовым, которым объявили ремень, сделанный по проекту Коли Крата и имевший бухгалтерскую стоимость около трёх рублей. Есть разница? Годовая экономия составляла при этом десятки тысяч рублей.

Но всё же основная масса людей в ремонте работала самоотверженно – сам характер работы к этому подталкивал. В обед процветали, как и на КВЦ, шахматы (правда, там остервенения было больше: Валька Чистяков не садился за доску, потому что «не все приёмы самбо ещё освоил»), пинг-понг, летом – футбол на дороге и на газонах. А у меня – лекции. Я и в БЗЧ не бросал лекторскую работу, хотя часто оставался без обеда. Конечно, интенсивность лекторской работы значительно упала. Зато ко мне постепенно возвращалась тяга к стихам. Я всё чаще писал друзьям и сотрудникам новогодние и юбилейные поздравления в стихотворной форме. Вирши мои встречали хороший отклик, особенно шуточные и даже с подтекстом. Помню, Кокотову на Новогодний вечер («корпоратив» по-нынешнему) вписал в открытку:

*В Москве науки превзошёл –
Стал насквозь видеть все прорехи
М по-научному пошёл
Нам «раздавать всем на орехи»!
Культурно нами управляет он,
Уж не грозит ни топором, ни плахой,
Не рявкнет, как бывало: «Пошёл вон!»
А скажет вежливо: «Идите ... в баню!» –*

Кокотов не обиделся, хотя все за столом хохотали. Вообще-то с Валерием Яковлевичем у меня были сложные отношения, но по работе мы уважали друг друга и долго обиды не держали. А через 11 лет после моего ухода из отдела, когда он был уже очень большим руководителем, а я, хоть и ведущим, но по-прежнему конструктором, он меня сильно выручил, когда я попал в ДТП.

Всё же отказался!

В конце концов я устал. Особенно выматывало чувство должника: запчастей на всех участках нужны, а их не хватает. Я виноват! Нужных запчастей мало, ненужных – с избытком. Я виноват! Попросил Кокотова перевести меня опять в конструкторы. Ответ:

– Александр Свиридович! У тебя два выхода: или работаешь в БЗЧ до пенсии, или за забор!

Плетью обуха не перешибёшь! Силой Кокотова мне не взять, остаётся найти обходной вариант. И такой случай скоро представился. Я знал, что на ВАЗе создали систему собственного станкостроения помимо КВЦ. (Построили, было, Завод генераторов и стартеров, чтобы делать их для ВАЗовских и иных двигателей. Но братская Болгария, которая дотоле поставляла нам эти изделия, попросила не лишать её такого классного заказа. Ей пошли навстречу – и Поляков предложил освободившиеся площади и оборудование занять под

дополнительные станкостроительные цеха). Кое-кто из ОАПРО (в том числе и Галушкин) ушёл в новое подразделение. И вот мне попался на глаза Повираев В.П., недавно бывший начальником 11-го ремучастка, а теперь – начальником отдела станкостроения. Кокотов как раз был в очередной командировке, кажется, в Японии. Я полутья спросил:

– Начальник, тебе работники не нужны? – это был намёк на инцидент в порту из анекдота, но Владимир Павлович отнёсся к нему без юмора.

Увы, работу в КБ станкостроения он мне не предложил, а сказал, что из разрозненных групп создаёт Бюро подготовки производства, и ему нужен начальник этого бюро. Заверил, что по ночам меня вызывать не будут, а субботы и воскресенья – выходные. И оклад чуть-чуть увеличит. Ну, это уже что-то. Я решился, и скоро уже работал в отделе у Повираева. Да, по субботам, воскресеньям и по ночам меня не беспокоили, но если в ОАПРО мне некогда было пообедать, то здесь некогда было в туалет сходить, а рабочий день так же продолжался до семи, а то и до восьми, иногда даже до девяти часов. Вскоре после моего ухода из БЗЧ его разделили на три бюро: Бюро нормализованных запчастей, Бюро спецзапчастей и Бюро планирования выпуска запчастей в ремонтном цехе. А складское хозяйство тоже выделили в самостоятельное подразделение. Если бы это было раньше, мне не пришлось бы матюгаться с Бреккем и засиживаться на работе по вечерам. Может, там и работал бы долгие годы и даже «вырос» бы до «зам нач.», а то и «нач. ОАПРО». Но... что случилось, того не переделаешь, и жалеть об этом бессмысленно...

В моё бюро включили плановую группу, группу подготовки производства (в основном, заготовки для мехучастка) и группу обеспечения материалами. Складское хозяйство – тоже подо мной. Но масштабы поменьше, чем в ОАПРО: там ИТР и рабочих было 37 человек, а здесь – только 23. Ну, и то – слава богу! Встретили меня нормально, особенно «вольный стрелок» Крейс Михаил Аркадьевич. Он тут же предложил мне сделать сейф для документации, и через неделю уже, лоснясь новенькой краской, рядом с моим столом стоял сейф с двумя полками. Ключ лежал в моём кармане, а запасной – в рабочем столе под бумагами. Но через год мне пришла домой анонимка с текстами документов, находившихся в моём сейфе.

Через некоторое время куратор от станкостроительной службы СКП прикомандировал меня на строительство и монтаж оборудования в 24-м корпусе – в основном, японского производства. От японской фирмы куратором был Имамуре, с которым установились нормальные деловые и товарищеские отношения. К его дню рождения я написал стихи, в которые постарался воткнуть как можно больше

японской экзотики: Фудзи-яму, сакуру, татами и ещё что-то. А среди многочисленных пожеланий ему – «Чтобы чище шапки Фудзи-ямы/ Были его мысли и дела» – тонкий намёк на то, что в ящиках с оборудованием КГБисты часто обнаруживали порнографические журналы. В общем, психологическая война не стихала. Имамуре был у меня в гостях. Его больше всего удивило, что я за 4-х комнатную квартиру площадью около 50 м² платил 26 руб. в месяц со всеми коммунальными услугами.

За себя на время этой внутренней командировки я оставил (по согласованию с Повираевым) Крейса – дал ему «поручить». Но когда я вернулся в бюро и стал его расспрашивать о выполнении плана, оказалось, что он некоторыми вопросами вообще не занимался: «Мне Годзинский (гл. инж. СКП) поручил разработать новую схему станкостроительной службы СКП». За срыв плана депремировали меня. Да ещё нотацию Повираев прочитал, хотя прекрасно знал, что и почему. Была у него ещё привычка работать с моими подчинёнными через мою голову. Однажды я получил сюрприз в виде жены Кокотова, которую Повираев включил в плановую группу. Потом он её регулярно отпускал с работы, не ставя меня в известность. Рядом были станкостроительные подразделения других производств. В том числе и ПТО (завод преобразовали в ВАЗовское производство – появился дублёр-соперник КВП). В одном работал начальником КБ бывший конструктор из ОГК НО Видякин. Поговорил с ним – он предложил мне работу по 2-й категории. Условились, что после отпуска я подам заявление на переход в ПТО.

Опять Чёрное море и тольяттинская суша.

Интересные бывают обстоятельства и совпадения. В 76-м после отдыха на Чёрном море я перешёл в службу станкостроения СКП. Мы отдыхали в Абхазии недалеко от Сухуми в посёлке Варча. Он запомнился сборными деревянными домиками. А ещё ежевечерним концертом лягушек в многочисленных лужах. Галя ходила голышкой, строила песочные крепости и просила: «Папа, давай походим по морю!» Конечно, ходили! По колено, а то и глубже – как волна накатит. Ещё в этом заезде оказались Паша Шестаков (увы, покойный ныне) – земляк и сосед по малосемейке и Николай Кульпин, коллега по лекторскому цеху. Посёлок был близко, домашнего вина – чуть меньше, чем воды в море, а цены – весьма доступные. Правда, жёны тормозили, а то бы...

Когда в 78-м ехали в Сочи, то в вагоне я вспомнил Галину просьбу, так появились стихи «ГАЛЯ И МОРЕ»: «... И проношу до воды над песком,

*Там опускаю – и Галя-малышка
Ходит по Чёрному морю пешком!..»*

Отдых на этот раз у нас был своеобразный: у Людмилы путёвка была в Сочи, А у нас в Адлере По возвращении я опять написал заявление на перевод на конструкторскую работу. По счастливому совпадению Кокотов опять был в командировке в Японии, причём взял с собой Колю В. – руководителя группы подготовки производства из моего бюро. Повираев не согласился и поставил визу «Возражаю». Но я пошёл к Годзинскому. Тот посмотрел на моё заявление и вскипел:

– Ты что это втыкаешь нож в спину производству?! Нам самим толковых конструкторов не хватает!

Одним словом, Годзинский велел меня оставить в КБ станкостроения у Повираева же. Это меня устраивало: дали 2-ю категорию, оклад всего на 5р. меньше, зато и меньше риска депремирования, а между мной и нач. отдела – промежуточное звено есть. Возглавлял КБ Сенчев Н.Ф. – бывший сотрудник по КВИЦ. А ещё в КБ работал Галушкин... Только в Тамале в пуско-наладке я работал с таким удовольствием, как в КБ СС. Получал задание. Самостоятельно работал, если что – советовался с Евгением Михайловичем. Потом сдавал работу Сенчеву. Сроки, как правило, были достаточно приемлемые, для детализовки мне давали кого-либо из женщин КБ. Наиболее толковой была Подкаменная Т.П., которая когда-то работала в КБ ОАПРО. Первой моей работой был стенд гидравлических испытаний цилиндров и теплообменников. Почти сразу после завершения проекта его сделали в нескольких экземплярах, и они ещё лет десять попадались мне на глаза в цехе станкостроения и ремонтных в цехах. Что ещё хорошо – от завершения проекта до воплощения его в металле проходили считанные месяцы, а иногда – даже недели! КБ работало почти как самостоятельное подразделение, а администрация отдела выступала как простой заказчик. Собрали хорошую техническую библиотеку, был огромный запас справочников. Сенчев вскоре ушёл с повышением – стал зам. нач. отдела, а вместо него из КВИЦ же пришёл Кочетков Андрей Михайлович. Технически он был более эрудирован, но осторожен до перестраховки! Ну, в проектном деле такие должны быть, а то авантюр будет слишком много.

Во время отпусков я довольно часто ездил к маме, сначала в Павловский, а потом, когда она оставила Петра Ильича и переехала в 84-м году в Чернышки – сразу к ней и к сёстрам. Потом обычно заезжал в Богучар. Так что годы пролетали незаметно. Но в 81-м пошли разговоры о реорганизации в СКП, наше КБ предполагалось изъять из Отдела Станкостроения и передать в ОГК СКП, который мне не нравился ещё с 75-го Разговоры оказались небеспочвенными: сначала бюро территориально разместили в ОГК СКП, а затем предложили написать заявления о переходе в этот отдел. Кое-кто вообще ушёл в другие производства, некоторые остались в старом отделе,

но уже не конструкторами. Так я оказался в ОГК СКП. Потом организовали Отдел капремонта оборудования, а в его составе КБ, которое возглавил Василенко Ю.П. В это бюро, уже волевым порядком, перевели меня и Галушкина как имеющих опыт работы в ремонте. Я не возражал. В новом отделе срок между окончанием проекта и его внедрением ещё сократился. Было много интересной работы по модернизации оборудования, но большей частью не в гальванике, а в цехах окраски, которые я тоже к этому времени знал неплохо.

Но не одними техническими проектами были у меня заняты голова и душа. К лекционной работе добавилось ещё одно увлечение: в конце 70-х я снова потянулся к стихам.

3.ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО ПЕГАСА!

«Пришёл я в литобъединенье»

Желание сделать стихотворный подарок для сотрудников и добавившаяся экзотика Черноморского побережья всё чаще меня подталкивали к стихам и даже... к музыке. Тут я сделал одно открытие, которое потрясло меня, как паузаса, передавшего бумажку с буквами белому человеку. Когда в 78 году я (предварительно «вдохновившись» в буфете) прогуливался с детьми на катере по Чёрному морю, в голову полезли восторженные стихи об этом самом море, потом я начал мурлыкать какую-то мелодию для поддержания размера строк, а потом мне подумалось: а почему бы припев не присобачить? Для припева должна быть другая мелодия, отличающаяся от основной. Придумал вместе со словами. На берегу подошёл к массовику и продемонстрировал ему своё искусство. Певец я никакой, но он понял, что я пытаюсь изобразить, и нашёл на баяне нужные мелодии и для запева, и для припева. А к вечеру он мне подал тетрадный лист с нотными знаками. По возвращении в Тольятти показал этот листок на собрании композиторского кружка (с ними меня познакомила Лариса Казачок, написавшая впоследствии несколько песен на мои стихи). Когда один из них взял баян и начал играть то, что играл в Кудепсте баянист нашей базы, — я чуть не ослобенел: то же самое!

Но, главное, я начал уже чувствовать, что поэзия не случайна в моей жизни. А началось с пустячка. Смотрю «Волжский автостроитель» и вижу там стихи Людмилы Скляр. Ничего себе, не так давно я удивлял всех в бюро своими «датскими» стихами к 8 марта, в том числе и Людмиле писал. А она сама стихи пишет. И публикует их!! А я что, хуже что ли? У меня к тому времени неплохо получились два шуточных стихотворения на бытовую тему, и я решил отнести их в редакцию газеты. А там мне зам. редактора заявил: «Стихи – не профиль газеты, мы не можем их оценить. Поэтому сходите в литера-

турное объединение «Лада», там посмотрят и дадут нам рекомендацию, публиковать или не надо». И подсказал, где искать. Литобъединение было не при газете («не профиль!»), а при ДК ВАЗа на правах одного из кружков самодеятельности. Потому и размещалось в помещении ДК. Осенью 77-го:

*«Пришёл я в литобъединенье,
Чтобы блеснуть своим умением,
И чтоб тольяттинская пресса
Ко мне прониклась интересом...»*

Ну, это отдельная интересная история. Я не получил заветной лицензии на публикацию, но стал регулярно ходить на занятия и очень многому научился. Месяца через два-три я вообще не мог никаких стихов написать: после первых же строчек становилось понятно – плохо! Так продолжалось с полгода. А потом я написал «Метеорит»:

*«...Сгорел. Угас. Огонь растрочен –
Не в этом суть,
А в том, что он звездой горячей
Закончил путь!»*

С первой же попытки опубликовал в родном Богучаре в «Сельской нови», потом в других местах и это, и другое стихотворения. Потом уровень публикаций стал подниматься. А в 82-м первая подборка в литературно-публицистической книге «Это наши долгие дела», которую «пролоббировал» Сергей Сергеевич Ульянов, пришедший в л/о «Лада» в один день со мной. Потом в 84-м – уже чисто художественный коллективный сборник «Мы из Тольятти». Тут был небольшой казус: когда в Тольятти из Куйбышева привозили на вычитку контрольный экземпляр, я был в отпуске. В итоге оказалось, что названия двух стихотворений перепутаны. Хорошо хоть, что они рядом стоят – легко разобраться. Потом в Куйбышеве в 89-м «День поэзии» с моей подборкой, наконец, во всесоюзном альманахе «Истоки» – 50 000 экземпляров тираж – это уже серьезно! Потом сборник тольяттинских авторов «Я тоскую о тебе брат» в московском издательстве, тираж тоже солидный – 20 000 экз. Если из газет приходили гонорары по 3, 4, 6, 10 рублей, то из этих двух изданий гонорары исчислялись уже сотнями рублей! Жена перестала ворчать, что я занимаюсь пустым делом. Правда, большой гонорар иногда оборачивался... Но об этом немного позже.

Думаю, что про литобъединение «Лада» надо издать отдельный сборник воспоминаний, чтобы более всесторонне осветить работу этого удивительного коллектива, из недр которого вышли Иван Стремяков (член СПР, живёт и работает в Питере), Валентина Макарова-Рашевская (ныне живёт в с. Ягодном), Константин Рассадин (ныне возглавляет городскую писательскую организацию СПР), два

Сергея – Аршинов и Тришкин (ныне покойные), Тамара Кириллина – автор 3-х поэтических сборников. И много других интересных авторов. В нашем лито росли Виктор Стрелец, Виктор Полев (увы, тоже покойный), с нами часто контактировали ведущие тольяттинские поэты из Союза Российских писателей Борис Скотневский и Любовь Бессонова.

Кроме публикаций было немало литературных концертов в разных учебных и трудовых коллективах, на Днях города, а также с выездом в профилактории и базы отдыха. Самые запоминающиеся поездки – в Москву в составе художественных коллективов ДК ВАЗ с выступлением на ВДНХ и на радиостанции «Юность» и в Ленинград. Там жили в гостинице «Карелия». Мы с Володей Богачовым шастали по музеям и пивным. Люди тогда были там замечательные – я точно знал, что по пьяни не заблужусь: посадят на нужный транспорт. Зато в «Карелии» чуть в международный скандал не попали: в гриль-баре познакомился с одним венгром. Он по-русски почти ничего не понимал, зато в совершенстве знал немецкий, а я кое-что ещё помнил. И мы общались на жуткой смеси русского, немецкого и английского. Но что интересно, с каждым новым тостом взаимопонимание было всё лучше! А завершение беседы я не помню, но наутро Володя сказал, что я заподозрил, а не шпион ли Габор – уж очень хорошо немецкий знал! И я, будто бы, решил проверить, не наклеенные ли у него усы? Габору, ясно, это не понравилось, он поднял хай, но Вовка увёл меня в номер.

И всё же я единственный из тольяттинских литераторов, кто привёз стихи о Ленинграде:

*«...Но есть нетленное богатство,
Ценнее жемчуга сто крат –
Дух простоты, радушья, братства,
Которым дышит Ленинград!
Который люди Ленинграда,
Как пламя вечного огня,
Смогли сберечь в аду блокады
И сохранили для меня!!*

Эти стихи я потом публиковал неоднократно и в газетах (в т.ч. «Вечерний Ленинград»), и в сборниках.

Новые горизонты

Увы! С началом «перестройки», как горбачёвцы называли реставрацию капитализма, рассыпалось и литобъединение. Роль Иоанна Крестителя для «Лады» сыграл Яков Кауфман, которого я никогда не видел, но слышан о нём от других ладовцев, вспоминавших его очень тепло. Они сначала кучковались около городской газеты

«За коммунизм», а потом Кальжанова Г. И. оформила л/о «Лада» как официальный кружок при ДК ВАЗа (нам даже в цехе реквизита пошили «выступные» костюмы!), но Галина Ивановна скоро передала руководство «Ладой» Брусникину Юрию Владимировичу, при котором я и влился в ряды «засветившихся» поэтов Автограда. Но и Брусникин передал руководство л/о Ульянову С.С., которого я уже упоминал, а тот – Вале Рашевской, которая дольше всех стояла у кормила «Лады», была принята в Союз писателей СССР, а потом сдала её Александру Фанфоре, а чуть позже л/о окончательно распалось, как и Союз писателей СССР. Несколько лет мы встречались только в частном порядке. За эти годы Костя Рассадин вступил в Союз писателей России, преемник СП СССР.

Писать стихи я, конечно, продолжал, но публиковать стало нигде, кроме как в оппозиционных газетах левого и патриотического толка. Буржуазных оппозиционеров тогда не было, и все буржуазные газеты были лояльны режиму. Возникли ещё номинально нейтральные газеты, но стихов там почти не печатали – всё больше рекламу.

В 94-м году меня познакомили мои сподвижники с Баклановым Олегом Дмитриевичем, одним из ГКЧПистов, выпущенных к тому времени из тюрьмы. А его супруга Нелли Фёдоровна работала в каком-то частном издательстве, державшим патриотическую линию. Во время приездов в Москву я бывал у них, за чаем читал стихи, которые им понравились. Вот Нелли Фёдоровна и предложила мне: «Готовьте рукопись в 3-х экземплярах, издадим у нас». Рукопись я готовил довольно долго: надо было найти машинистку, которая бы за умеренную плату в нерабочее время напечатала её. Редакторско-составительскую работу я взял на себя. Потом дождался очередного съезда РКРП в Москве и привёз рукопись. На следующий день пошли с Нелей Фёдоровной в издательство. А там ошарашили:

– Знаете, банк, через который мы работали, лопнул! Сгорели наши денежки, и мы теперь можем издавать книги только за счёт авторов.

– И сколько же надо?

– Сейчас миллион, а пока дойдёт до издания – миллион триста будет.

– Ну, таких денег у меня нет! И вряд ли будут.

– А Вы спонсора поищите?

– Это как так?

– Да просто! Поищите фирму, которой засветиться надо, на форзаце напишите благодарность руководителю... Ну, может, рекламку какую на заднике... Вот и дадут.

Меня это покорило: я никак не мог примириться с фактом, что надо просить деньги у подлецов, меня же и ограбивших. Однако Баклановы уже бессильны была помочь: начиналась черед падеия

банков, приведшая в конце концов к дефолту. Акулы финансового бизнеса здорово поживились за счёт мелкой рыбёшки и обнищания трудовой массы. Поэтому вопрос издания первой книги стихов завис. Но!..

Но тут вдруг (шёл уже 96-й год) председатель профкома СКП (он имел интересную фамилию – Карманников) в беседе совсем о другом вдруг предложил:

– Давай издание твоей книги стихов включим в план юбилейных мероприятий СКП (30 лет производству в 97-м). Какой объём книги будет и какой тираж?

Я пошарил взглядом по его столу, нашёл подходящую книгу и ответил:

– Хочу такой формат, объём примерно 9-10 печатных листов, тираж тысячи две – три.

– Ладно, узнай, сколько это может стоить.

На следующий день я съездил в полиграфкомбинат «Современник», здорово уже к тому времени растащенный, и узнал, что такое издание будет стоить порядка 25 миллионов, но если я сам сделаю набор, то дешевле.

Я рассказал Карманникову, он заметил: «Делай набор и месяца через полтора приноси!». Мне пришлось осваивать работу на персональном компьютере (нет худа без добра! Век живи – век учись!). Я сделал разбивку рукописи по темам, перетасовал стихи. Тем оказалось 8. С тех пор я все стихи так и раскладываю на эти темы-полочки. Уже привычка выработалась.

Вскоре Карманников известил, что в План включено издание моей книги, на которую выделялось 20 миллионов. Потом началось необъяснимое для меня: я уже набрал текст рукописи, переписал на дискету (был удивлён, что целая книга в 250 страниц разместилась на одной дискете, да ещё место осталось!) и принёс её Карманникову. Дубликат оставил у себя для «Современника». Там ждали уже: для них это – заработок. Неделя, месяц, квартал, полугодие, год! Причины разные, последняя – «не знаем, как оформить оплату: на издание книг деньги запрещено выдавать!» Ну, во-первых, это же было известно, когда в планы включался вопрос об издании книги. А, во-вторых, я ещё раз убедился, что новый интеллектуальный вектор антинародный, в первую очередь антирусский. Нас уничтожают хитроумным способом – уничтожением языка, отсюда уже один шаг до перерождения нации. Отдельные люди есть, а нации – нет! Куда делись хазары, половцы и другие народы? Нет, далеко не все истреблены, но целевшие растворились в других народах, их внуки стали уже представителями других народов и наций. Прямо как у Бориса Скотневского: «То же облако – облик не тот».

Новый уровень

И вот через два года, когда профком возглавлял уже Зубков, а миллионы стали тысячами, меня извещают, что вопрос решён окончательно: 10 000 даёт профком, а 10 000 – фирма «Алдис». Где и что делали два года выделенные 20 миллионов, я не знаю, но жалко, что теперь я уже мог рассчитывать только на 1000 экземпляров. Книгу я назвал «Ты понимаешь, я – не идол» – это первая строка последнего стихотворения в книге. Поскольку от подготовки рукописи до издания прошло значительное время, то я снял 3 стихотворения и взамен их поставил новые. В том числе «Фотографию» – это стихи, написанные после посещения квартиры убитого в Чечне Олега Серкина. Осколок, который убил его, пробил служебную книжку и семейное фото. На нём продырявлена голова отца. Часть тиража я отдал в фирму «Алдис», часть – в профком непосредственно, а в профкомовскую библиотеку подарил 110 экземпляров. До сих пор живут и работают. Презентацию книги провёл в Литгостиной библиотеки Автограда (бывшей профсоюзной библиотеке ВАЗа.

Прошло ещё два года. Встретил Костю Рассадина, тот предложил мне писать заявление в Союз, но надо, чтобы была ещё одна книга. (У Константина была прекрасная задумка: организовать самостоятельное отделение Союза писателей России). Ну, на первую книгу я материал готовил много лет, а тут за два-три года на такую же книжку не наберётся, да и денег где достать? Но если есть конкретная цель, то я становлюсь весьма деятельным. Решили с Костей, что оформление книги – не самое важное, а объёма достаточно в пределах 100 страниц. Да и с деньгами вопрос решился: зашёл к одному директору фирмы, которого знал ещё, когда он работал на ВАЗе (немалым, кстати, начальником), он пообещал помочь. Через месяц мне позвонили и сказали, что надо зайти в бухгалтерию такой-то фирмы и получить деньги. Так и сделал. Дали 26 000, я написал расписку, попрощался и ушёл. Оказалось, что оговоренный тираж при оплате «наличкой» стоит меньше. На остаток денег я заказал ещё 200 экз. Всего 700 получилось. Теперь уже экземпляров 5-6 осталось. Книгу назвал «Дымок» – опять же по названию заключительного стихотворения, посвящённого моей шальной юности:

*«... Пусть грохочет состав, и столбы налетают,
И подножка дрожит, уходя из-под ног,
Только пусть никогда надо мною не тает
Вечно юный такой паровозный дымок!»*

Увы, вторая книга помогла мне не сразу. Осенью 2-го года наша организация проводила Литературный фестиваль, в рамках которого проходило выездное заседание Секретариата Правления Союза. Должно было рассматриваться и моё заявление. Но «не срослось»: к нам временно включили в организацию человека из Сызранского региона, которого надо было принять – я оказался «пятый лишний». Но через год осенью 3-го я был принят в Союз на областном собрании писательской организации. Незадолго до этого, когда я отвозил

заявление и рекомендации в Самару в Правлении случился небольшой казус. По традиции «наливалось и закусывалось». Когда попытались налить мне, я отказался. Громов (председатель) удивился:

– А что так?

– Да я уже 13 лет непьющий!

– А как же мы тебя в Союз принимать будем? – сказано шутливо, но в каждой шутке ...

Всё равно вскоре приняли, а через год я там же и билет получил: процедура приёма – вещь долговременная. В 3-м году меня посетила, нет, не Муза, а мысль: приближается полукруглый юбилей – 65 лет. Что если издать к этой дате отдельно сборник любовной лирики и сборник гражданской лирики? Собрать всё лучшее, что уже издано, и что не издано, разделить на эти две большие темы – и выпустить хотя бы одну из книг. Так и сделал. Но!.. Оказалось, что эти две темы представлены в КАЖДОЙ из восьми тем, на которые у меня разделены первые книги. Прodelал эту сепарацию, сделал макеты и пошёл к «спонсорам». Просить деньги решил в тех организациях, в которых работал: на ВАЗе и в УММ, так как сомневался, что необходимую сумму в одном месте смогу «выбить». Атанов Павел Фёдорович, директор УММ, сдался только в качестве отступного за мой уход (надо было трудоустроить сына одного из руководителей подразделений). Нужная сумма почти неожиданно была перечислена в издательство – месяца через два книга была готова (8 печатных листов, 1000 экз.) В профком УММ я сдал несколько сот экземпляров. Там уже меня признавали как поэта: я регулярно выступал в Красном уголке и опубликовал подборку стихов в книге, посвящённой юбилею организации.

И когда я уже получил тираж книги «Неизъяснимая нежность моя», с ВАЗа дали положительный ответ. Я решил не увеличивать тираж этой книги, а издать меньшим (500 экз) тиражом книгу «Трубач». Там опять долго мурыжили, наконец, когда я задействовал старые личные связи, дело сдвинулось с мёртвой точки. Но издание книги оформили как закупку канцтоваров для библиотеки! Чёрт с ними! Книга из-за всего этого вышла в 5-м году, но на титульном листе дату менять не стали. Так что формально я за один год выпустил две книги.

Но такое повторилось фактически в 9-м году. Этот год для меня был особенный – юбилейный: 70 – это уже серьёзно! Я заблаговременно стал готовить себе подарок – сборник песен на мои стихи. Таких набиралось уже немало. Штук семь – восемь имели фонограммы, пять – с вокалом. А нотных записей качественных практически не было: только Лариса Казачок и Марина Мещерякова сделали, а остальные (Нидвига, Шевчик, Полегаева) – пели по памяти под гитару, о себе уже и говорить не приходится (мои мурлыкания пре-

вращали в ноты Лариса Казачок и Марина Мещерякова). После долгих поисков (уже на грани неверия и разочарования!) нашёл музыканта для нотной записи – молодую преподавательницу теории музыки Ирину (Николаевну!) Логинову. Терпение у неё – непостижимое! Слух и музыкальная память – тоже. Меня поразило, что она держит в голове 4 варианта одной музыкальной фразы, причём так мало отличающиеся, что я не всегда улавливал разницу и с умным видом поддакивал ей, когда она говорила, который лучше. Оказалось, что не только я, но даже слухачи-барды (я приносил их магнитофонные записи) каждый куплет песни поют по-разному. На концертах, при обычном голосовом исполнении, это не беда: каноническое, обязательное исполнение нигде же не зафиксировано, тем более что слушатели почти всегда разные. Исполнителю даже лучше и легче: можно передавать эмоциональные состояния, присущие каждому куплету. Но на бумаге должно быть только узаконенное звучание, мелодия должна быть единой в каждом куплете. Авторы заняты своими делами, их не всегда можно пригласить на эту запись. Волей-неволей приходилось решение брать на себя. Попутно кое-что сам понял и кое-чему научился.

Нашёл и музыкального редактора – Евгения Назарова, который потом, войдя в азарт, и сам выступил в роли композитора и написал музыку к двум моим стихотворениям, а в нескольких выступил в качестве соавтора. За неимением лучшего я тоже выступил в качестве автора 3-х песен, а в 3-х стал соавтором (идея песни и лейтмотив мои).

Деньги на песенник потребовались немалые (почти половина бюджета ушла на допечатную подготовку, зато кроме самих песен там разместились фотографии авторов и краткие статьи о них). Деньги собирал по частям в разных местах. Здорово меня выручил один бывший сослуживец по КВЦ, ушедший в бизнес ещё в 90-м году, Анатолий К. Он без долгих разговоров достал из кармана 6 пятитысячных купюр, а ещё дал заработать 20 000 рублей: я отредактировал книгу стихов друга его юности.

Так или иначе, к концу 2008-го все материалы по песеннику я сдал Громову в редакцию «Русского эха». Тогда же по губернаторской программе «Народная библиотека» запустили в работу сборник моих стихов «Что помнится крепче». Песенник я получил в начале 9-го, потом в начале марта попал в больницу с инсультом (видимо, напряжение последних месяцев сказалось), а сборник стихов получил уже в мае. Пока лежал в больнице, 14 марта умер в Тамале мой армейский друг и мой шурин Афанасьев Дмитрий Сергеевич. Я не мог даже поехать на похороны. Особенно досадно, что 14 марта – день рождения мамы и дочери Галины. Но жизнь есть жизнь. Поехал хоронить

дядю Диму мой сын Дима. Меня выписали только через неделю. Пока лежал в больнице, написал несколько стихотворений и помог одному хорошему человеку получить работу: слава богу, сотовая связь и в больнице работает.

На следующий год сборников не выходило, зато я был представлен хорошими подборками в Самарском альманахе «День поэзии» (традиция возродилась!) и в антологии «Писатели Самарского края». В ней представлены 100 писателей 19 и 20-го веков (Лев и Алексей Толстые, Максим Горький, Ширяевец и другие известные имена, а из современных – Сиротин, Маслов, Чепурных, Портнягин, Рассадин и другие, чьи имена «на слуху»), так что я попал в очень приличную компанию, чему не могу не радоваться. А вот теперь занят подготовкой этой книги, которая уже сбивает с толку библиотекарей. В какой раздел ставить на полку: в поэзию? В прозу? В мемуаристику? Ладно, придумают что-либо! Только успеть бы в срок. Почему мемуаристика? Да просто я решил написать немного о своих предках, пока ещё кое-что помню и знаю от сестёр; о самом себе, пока ещё жив; и о своих внуках, которые сменят меня в будущем, может даже не о самих внуках, а об интересных моментах самого интересного возраста – от двух до пяти.

В этом учебном году я веду занятия по поэтике с одной из групп «Школы юного журналиста». Занятия начал не с объяснения принципов и правил стихосложения, а предложил ученикам написать рассказ о своей семье. Когда начали углубляться в тему, оказалось, что почти у каждого есть замечательные люди в роду!.. Мне надо, чтобы они не просто научились писать, а чтобы знали, О ЧЁМ ПИСАТЬ, чтобы у них было чувство неразрывной кровной связи с семьёй и всем народом. Тогда можно писать, как Твардовский, можно чему-то научить читателя. А связующая нить проходит через несколько поколений, и нельзя допустить, чтобы она оборвалась.

Ну, что у меня получится с новой книгой, видно будет в ближайшие месяцы. Если то, что я сейчас написал, попадёт в руки читателя на странице книги, которую он держит в руках, то значит, что я взял ещё одну высоту. А если нет – придётся довольствоваться Интернетом.

Есть ещё две высоты, которые я взял – одна пониже, а вторая – покруче и повыше.

4. ВОЙНА С СОБОЙ ... ЗА СЕБЯ

Человек БВП

В последние годы рекламируют всё, даже самих себя, причём в такой интимной сфере, как межполовые отношения. Вернулись из дореволюционных времён (имею в виду революцию 1917 года) брачные объявления. В них часто человек, предлагающий себя, ставит зага-

дочную аббревиатуру – БВП. Я не сразу узнал, что это означает «без вредных привычек». Обычно при этом подразумевается, что человек не курит, не пьёт и в карты не играет (на деньги, естественно). Ну, в карты на деньги я почти никогда в жизни не играл, потому что там мне паталогически не везёт. А вот первые две ВП были моими спутниками с очень раннего возраста, я писал об этом. И я смог избавиться от их удушающих объятий.

В школьные годы я не курил в 9-м классе потому, что в Чернышках попал в хорошую кампанию (уже писал об этих ребятах), а в 10-м меня выбрали комсоргом школы – надо было подавать хороший пример, и я держался. То же случилось на 1-м году службы в Армии: меня выбрали комсоргом учебной роты (270 чел, из них почти 250 – комсомолы), дел и забот было столько, что мне было не до перекуров. Потом по инерции я и в Дубно долго не курил. Потом начинал и бросал, бросал и начинал неоднократно.

И вот в конце 70-х дошло до того, что я стал курить 2-3 раза в час, и почувствовал, что это уже отражается на «дыхалке». Решил бросать. Проанализировал, почему я срывался, и понял, что были 2 причины: а) нервное перенапряжение в первые дни, когда ещё полностью не отвык и б) самоуверенность после нескольких недель безникотиновой жизни, когда мне казалось, что всё уже позади, и я позволял себе «побаловаться» в кругу курящих друзей: выкурил одну папиросу – и ничего! Через несколько дней опять подворачивался случай, тут я уже считал, что если я один разик в день покурю, то не начну курить по-настоящему. Но недаром же католические монахи изобрели формулу: «Сатана не любит, когда его дёргают за хвост!» После пяти-шести случаев «стрельбы» у друзей покупал пачку, она лежала в столе, а дальше в нарастающем темпе я заглядывал в неё. Предстоял отпуск, я предполагал побывать и у сестёр, и у мамы, и в Богучаре. По опыту знал, что застолья с возлияниями будут, значит бросить курение весьма проблематично. Поэтому решил: вернусь дня на три-четыре пораньше, брошу курить (дома я всегда курил реже) и на работу выйду уже с меньшим желанием. Так и сделал. В Куйбышеве я заночевал у Бориса. Вечером за игрой в шахматы, сказал, что намерен бросить курить. Борис засомневался, и тут я решил не откладывать вопрос до возвращения домой. Играли на балконе. Борис с некоторым сарказмом спросил:

– И как ты это сделаешь? – он сам был заядлый курильщик, поэтому сомневался.

– А вот так! – я подошёл к перилам, затянулся два раза подряд и бросил окуроч, тот полетел с 5-го этажа, описав светящуюся параболу.

В этот вечер я пораньше лёг спать, утром отдал Борису остатки сигарет и поехал в Тольятти. Это было 2 июля 1980 года. Через две недели я помогал одному товарищу ставить стропила на дачном домике в Жигулёвске. С нами работал ещё один его приятель, курящий, в отличие от нас. До обеда было всё хорошо, а в обед мы выпили водки и сели отдыхать под яблоней. Николай закурил, с ветерком дым поплыл в мою сторону, и когда я его понюхал, то взбеленился, но каким-то чудом удержался, не попросил сигарету. После этого мне стало так легко! Я понял, что могу сдержаться, что мне не нужен табак! С того времени я не сделал ни одной затяжки даже в хмельном виде. Да, обратил внимание, что с похмелья голова у меня болела меньше. Через много лет я узнал, что секрет этого прост: один фактор загущения крови отпал, нейронов в мозгу уничтожено меньше. Через несколько месяцев я пришёл к хирургу и пожаловался на боль в нижней части ног. Он спросил:

- Куришь? – Тут у меня глаза выкатились.
- Доктор! Я не на лёгкие жалуюсь!
- А я спрашиваю: куришь?
- Почти год, как бросил! – Я был в растерянности.
- Надо бы лет на пять раньше бросать, а лучше – на десять, а ещё лучше – не курить вообще!

О том, что от никотина и алкоголя кровь сворачивается, как кисельные сгустки, я узнал только из видеофильма в 2004-м году, когда работал в химико-технологическом колледже. А табачный кашель у меня прекратился только через полгода. Ну, что ж, лучше поздно, чем никогда!

Второй фронт

С Зелёным Змием было ещё сложнее бороться. Я уже рассказывал, какие были сложные отношения у меня с ЗЗ. Но вот одна трагикомедия обернулась драмой, чуть ли не трагедией. В конце сентября 84-го я как-то взял отгул и пошёл в гости к Косте Рассадину. Оказалось, что он только что получил хороший гонорар из Москвы. Ясно, что мы тут же начали искать ему «достойное применение». Когда применили всё, что было у Кости и у меня, зашли к Евгению Михайловичу, он тоже не работал в этот день. Когда и у него уже применять стало нечего, мы с Константином пошли «на раздобычу». Ко мне заходить было нельзя: Людмила к этому времени уже должна была прийти с работы. Пошли, как предложил Костя. По пути зашли в какой-то подземный гараж, где после дневного света было довольно темно. И вот, завернув за угол, я вдруг провалился в смотровую яму. Яма не очень глубокая – меньше моего роста, я даже не упал на дно ямы – остался на ногах, но дышать почти не мог: прокатился левым бо-

ком по металлической окантовке ямы. Костя помог мне выбраться из ямы, раздобыл машину и отвёз меня домой. При этом наказал, чтобы «скорую» я не вызывал, чтобы на работе не засветиться: ведь сообщат, что был пьян. Однако мне вскоре стало так плохо, что пришлось вызвать «скорую», на которой меня отвезли в медгородок, где и поместили в Торокальное отделение хирургического корпуса. Несмотря на уколы, ночь прошла в полузабытье. Утром сделали рентген и обрадовали меня: сломано 5 рёбер и прободена плевральная полость. Один из докторов утешил меня:

– Если бы Вы были трезвым, Вы бы умерли от болевого шока!

– Милый доктор! Да если бы я был трезвый, разве бы я упал в эту яму?!

Зашёл один знакомый врач, Евгений Иванович, строго говоря, он мне был знаком не как врач, а как Женька Б., товарищ по поэтическому цеху. Сказал, что у меня анализ показал почти 3 промиле алкоголя в крови, я его попросил повлиять на запись, чтобы я выглядел по бумагам трезвым. Но он отрезал:

– Тебе сейчас надо не об этом думать, а о том, чтобы ТУДА не угодить.

Я только ухмыльнулся: мне не верилось, что положение такое серьёзное. Однако недели полторы у меня заметного улучшения не было: возили в процедурную, сажали на кушетку, сзади толстющей иглой делали прокол (чуть с кушетки не спихивали) и шприцом откачивали жидкость (смесь крови, лимфы и чего ещё – не знаю), но на следующий день уровень был такой же. Отделение было новое, оборудование чешское новое: рентгеновские аппараты снабжены компьютерами – на экране видно, что внутри, и сколько. Обезболивающего давали по минимуму, я думал, что из жадности, но оказалось, из-за опасения приучить меня к наркотикам. Приходилось терпеть. Но вот однажды утром меня посадили на кушетку, но не стали колоть в спину, а сделали обезболивающий укол с левой стороны груди, потом я отвернулся, и мне проткнули чем-то грудную клетку повыше соска ребра на три, в прокол ввели пластиковую трубку сантиметров 30 длиной, потом в палате подсоединили к палатной вакуумной системе. К вечеру температура у меня заметно снизилась, а на следующий день стала нормальной. Я пошёл на поправку. Ко мне приходили друзья и приносили всякой всячины. Соседи шутили: «Ты пристрой вороток на окно и будешь поднимать передачи! Так жить можно, хоть зимуй!» Но меня на 18-й день выписали. А ещё через 13 дней я вышел на работу. Больничный мне, естественно, не оплатили, но я получил страховку 400 рублей – по 80 за каждое ребро. В палате написал несколько стихотворений художественных и несколько – в качестве подарка медперсоналу и друзьям по несчастью. А ещё через

неделю поехал на турбазу на правый берег Волги на отработку социальных обязательств, записанных в личный план. Погода была ветреная, холодная, Волга бурная (начинался ноябрь) – ночью меня немного трясло, но зато я написал одно из лучших своих стихотворений о природе «Ветер».

Пока лежал в больнице, как-то сами собой появлялись мысли о пагубности моего служения ЗЗ. Надо «завязывать»! Но тут как назло приехал купить запчасти Коля Гребенюков, друг детства. Я помог ему, а когда он возвращался домой, поехал провожать в Сызрань. И там я не сдержался – взяли «на посошок», а когда посадил Николая в вагон, «для разгона печали» добавил в буфете. Так что на следующий день пришлось опохмелиться. До Нового года, за какие-то два месяца, – пять запоев, от двух до пяти дней каждый. Домашняя обстановка накалилась до предела, на работе руководство стало поглядывать на меня с подозрением. Если бы не слыл хорошим работником – вытурили бы из отдела. Однако мне стало понятно, что своими силами мне с собой не справиться, пообещал Людмиле, что после 4-го января пойду к врачу. А то дошло до того, что требовалось два раза брать по 200 граммов, только чтобы прийти в норму. Почему после 4-го? Это день рождения Димы, и по моим тогдашним понятиям это была «железная причина» для празднования с возлияниями.

Но каким-то чудом я уже 2-го января не стал пить. А числа 6-го пошёл к ВАЗовскому наркологу. Элеонора Андреевна выписала мне витамины и какие-то таблетки. Говорила приветливо. Я постепенно привыкал к мысли, что пить более стыдно, чем лечиться. Всё шло вроде бы неплохо, но тут дали мне путёвку в ялтинский санаторий «Киев», чтобы подлечить моё продырявленное лёгкое. В Ялте я две недели хорошо держался, потом сорвался. Но всё же небольшой цикл стихов написал («Графу М.С.Воронцову», «В Ялте», «Шторм в Ялте» и др.). Вообще-то Ялта мне понравилась больше Кавказского побережья: температура здесь пониже, но обстановка теплее. В магазинах даже сдачу дают, в ресторанах – домашний уют, хорошая работа ведущих. Санаторий – прямо на набережной; с балкона чаек интересно кормить. Что ни бросишь – до земли не долетает – в воздухе подхватывают. Посмотрел пять спектаклей в местном театре, который не имел своей труппы – всё гастролёры. Побывал на встрече с Адой Роговцевой и в Доме-музее Чехова. На обратном пути заехал к маме, мучаясь жутким похмельем, она удивлялась, почему у меня плохой аппетит – я ссылался на самолёт и автобус.

По возвращении домой чуть ли не на второй день направился к Элеоноре Андреевне и рассказал, что со мной произошло. Она подумала немного и заявила, что не будет травить меня таблетками, а направит к Валентину Степановичу Евдокимову – он иглоука-

лыванием лечит. Я не стал возражать: мне радикулит успешно лечили иглами. Потом узнал, что Э.А. и В.С. – муж и жена. Валентин Степанович меня и ещё нескольких пациентов (один их которых сам был врач-терапевт, кстати, хуже всех поддавался лечению) усаживал в кресла полукругом и ставил каждому по 10-12 иглок по определённой системе. Потом садился за стол и рассказывал разные истории из жизни своих пациентов. Из его мини-лекций (сеанс 20...25 минут) я узнал, что китайцам известно около 1000 БАТ (биологически-активных точек), сам он знает около 600, но освоил так, что можно с ними работать – 360. Остальные 240 до полного освоения не решаются использовать: есть точки, укол в которые приводит к негативным последствиям, а 21 точка – смертельная. Ещё я узнал, что алкоголизм сроков давности не имеет (привёл в пример одного директора школы в Казахстане, который сорвался после 10-летней ремиссии). Что промежуточные состояния крайне ненадёжны – только полная бессрочная ремиссия.

Полный курс лечения состоял из трёх циклов по десять сеансов с одномесечным перерывом. Мне не повезло: после двух циклов моего лечения В.С. назначили Главным психиатром города. Я был рад за него, но у другого врача лечиться не стал. Однако больше года я держался без особого труда. Причём нарушал завет католических монахов – дёргал Сатану за хвост: на юбилеях и проч. позволял себе до 150 граммов, а дальше было бесполезно, т.к. вместо эйфории начиналась головная боль. Но на следующий год, когда я с Галей поехал в Харьков на юбилейную встречу с институтской группой, на пикнике у Северского Донца я в течении дня эту дозу значительно превысил, дошло до эйфории. И на следующий день, когда наш самолёт сделал промежуточную посадку в Воронеже, я пошёл в буфет (Галя при мне) и взял пару пива. Когда расправился с пивом и вернулся в зал, там был переполох: нас искали. Проводница схватила Галю за одну руку, я – за другую и помчались к своему «ЯК 40», который уже выкатился на рулѐжную дорожку. Забежали по трапу – он тут же поднялся, а самолёт покати́л на взлѐтную полосу. Пассажиры ворчали, но я промолчал. Через час уже шли от самолѐта к автобусу.

Увы, дома я опять «встал на неверную дорожку». Оказалось, что после срыва самооценка падает сильнее: кажется, что уже тебя ничего не спасѐт. Я начинал заинтересованно посматривать на асфальт с балконов верхних этажей и на грузовики, мчавшиеся по улицам. Мрачные стихи стали появляться намного чаще обычного. Потом всё же опять пошёл на лечение. Теперь меня лечила Михайлова Лариса Альбертовна, заменившая Евдокимова на посту Главврача наркологии. Конечно, у неё опыт был меньше, чем у предшественника, зато она оказывала психотерапевтическое воздействие своей внешностью:

молодая, стройная, крепкая, как пружина, энергичная, почему-то темноволосая (она по происхождению немка). Перед ней стыдно было выглядеть киселём. Я рад, что у меня с ней до сих пор сохранились дружеские отношения. Скольких моих приятелей я направлял к ней на лечение! Сейчас она просто врач, а отделение возглавляет её сын.

После лечения опять несколько месяцев не пил, потом снова срывался, снова лечился. Чудом ухитрялся писать стихи, читать лекции и быть хорошим конструктором. Но дома тучки сгущались. В 88-м мы с Галей поехали в Чернышки: на теплоходе до Астрахани, потом вверх до Волгограда, далее поездом. Когда остановились в Саратове, нас встретили Елисеевы. Тут я и сорвался маленько. А на теплоходе были и буфет, и ресторан, а в Астрахани было много рыбы и чёрной икры (из-под полы). А ещё там ужасно наглые вороны: сидят на заборах, а потом срываются и выхватывают что-нибудь прямо из рук. А в магазине продавали белужьи головы, величиной со свиную. Ещё были жара и рыбный душок, а на рейде вперемешку стояли речные и морские суда. Однако в присутствие дочери я пил всё же умеренно. Мы с ней активно участвовали в самодеятельности, а я для концертов стихи писал.

Но дома опять пришлось идти на лечение, и я до конца года пребывал в ремиссии. Но в этом году мы взяли дачный участок, весной его засеяли и посадили, чем могли, чтобы показать, что участок занят. Тут я сделаю небольшое отступление от темы.

Дача

Участок оказался всего в шести километрах от города и в 12-ти от нашего подъезда. До этого несколько раз предлагали участки, но они все были далеко, а машины у нас не было. А тут!

К осени мы собрали прекрасный урожай. Даже арбузы вызрели! Но по размеру до неледовских им было далеко, а про душанбинские и говорить не приходится! Зато тыквы вымахали так, что некоторые не лезли в багажник «Жигулей» нашего приятеля. А ещё мы посадили с десяток, если не больше деревьев. Позже завезли из Тамалы черешню. Сейчас уже третий год ягодами нас одаривает её дочка, а маму спилили прошлым летом.

Заключённый, было, договор с новоявленным строительным кооперативом, я расторг, поняв, что дешевле будет самому построить домик. Проект, правда, я оставил: 6,5х5,5. Второй этаж – полумансарда. Осенью я вырыл траншею, поставил арматуру и залил фундамент бетоном. В ноябре, когда лёг ранний снег, я нанял бригаду, и стены первого этажа были сделаны. На следующий год выписал на бетонном заводе бракованные плиты – появилось перекрытие. На следующий... и так далее. В 10-м году поставил сливные желоба под стре-

хи. Осталось поставить сливные трубы под ними и ... можно начинать ремонт: время подошло – почти четверть века. Но какая у нас веранда! Всей семьёй обедаем, даже если сваты приезжают.

Деньги на начало строительства я взял у мамы в счёт моей доли в будущем наследстве. Надо сказать, что из этих денег я не пропил ни копейки: они у мамы образовались от продажи неледовского дома – на дом и ушли и перейдут к моим детям и внукам. Это – святое! На следующий год я купил велосипед, но успел на нём съездить только несколько раз: у нас появилась «Ока»!

Проделки Сатаны

Когда я с помощью приятеля купил на кирпичном заводе 5000 кирпичей по 61 рублю за тысячу и 4 м3 шлакобетонных блоков, то резонно посчитал, что надо их поставить на место сразу, иначе к весне их не будет: массив огромный – 3500 участков, а стройматериалы в дефиците. С бригадой каменщиков договорился. В стоимость работ вошла денежная сумма, двукратная кормёжка и три бутылки водки ежедневно. Водку давали по талонам, потому пришлось брать коньяк, ребята не возражали. Когда закладывали серебряный рубль под первый кирпич, меня настойчиво уговаривали принять участие в процессе благословления строительства. Я наотрез отказался, объяснив причину моими обстоятельствами. Но когда через несколько дней был положен последний кирпич, мне отвертеться не удалось: иначе стены, построенные с таким трудом в условиях начала зимы, развалятся! Вот он, русский менталитет.

На следующий день поехал в кассу Аэрофлота: у меня был отпуск, и я хотел смотаться к родным. Откуда ни возьмись – на остановке Витька Воднев, этого только не хватало!

- Сашка! Куда?
- За авиабилетом, в отпуск лечу.
- Прекрасно! Обмоем это дело!
- Так я же не пью!
- Ну и что? Я же пью!

Короче, взял я билеты, потом бутылку коньяка, потом пошли к Витьке. Наблюдая за собой, я заметил, что упираюсь не так рьяно, как вчера на даче. Немного, но всё же выпил. А сел бы Витька на другой автобус чуть раньше,

В Чернышках от нечего делать пошёл к зятю (Ирин муж) на работу – он преподавал «труды» в новой десятилетке. Пришёл, когда они с коллегой заканчивали уборку мастерской. Убрали, стали маяться: надо бы, а денег нет. Ну, я-то был с деньгами. Дал им на бутылку – пошли на «явочную квартиру». Мне как «спонсору», тоже предложи-

ли. После недолгих уговоров «уговорили» бутылку. Им показалось мало. Я дал ещё на одну. Потом уже меня и не уговаривали.

Дня через три поехал на попутных машинах через Лиховской поворот на Батовку: надо было завезти Коле Гребеннюкову распресвал и ещё какие-то детали. Ясно, что Коля меня угощал вином, там я уже и не отказывался. Наутро он рано ушёл на работу, а Лида, его жена, опохмелила меня, потом я пошёл прогуляться по родным полям. Дошёл до Неледова, вернее до его останков в виде холмиков на месте бывших хат. Нашёл дедовский дом, прогулялся до Мышкина леса. Пока гулял, сочинил и заучил одно из лучших своих стихотворений:

*«Не беда, что я поплачу
Где-то в поле на меже:
Если плачу, это значит –
Что-то есть ещё в душе...» –*

чтобы не забыть, повторял его, пока не вернулся в Батовку. Записал и прочёл Лиде – ей очень понравилось. После я немного «подшлифовал» эти стихи, убрал одну строфу и в таком виде многократно публиковал в книгах, журналах и газетах.

Во второй половине дня пришёл Николай, мы пообедали, и я поехал на попутке в Богучар. Пока не стемнело, рассматривал родные места и трассу, по которой 10 лет назад со столькими приключениями гнал «Колхиду». Примерно через час я уже подходил к дяде Андрею. Там обменялись новостями, он налил мне пару стопок какой-то спиртовой настойки, и я подался к дяде Мише. Там картина примерно так же повторилась, только вместо настойки – «Московская». Ночевать в Богучаре я не собирался: уже поджимало время. Поэтому я отправился к дяде Андрею, а к двоюродным братьям уже не пошёл, но заглянул в ресторан. Там бутылку на вынос не дали, я взял 150 граммов коньяка зашёл к дяде, забрал чемодан и сетку и отправился на трассу. Рядом был придорожный ресторан, вот там я прихватил с собой бутылку, что-то перекусить и стал «голосовать», так как автобусов на Воронеж уже не было. Один КАМАЗовец взял меня и ещё одного человека с экзотической фамилией – Скизанов.

Поскольку я уже был хорошо «воодушевлённый», то беседа завязалась быстро. Водитель был доволен: не заснёт за рулём. Поговорили о политике, где я оказался им очень полезным собеседником, потом перешли к поэзии. Я предложил Скизанову поддержать мой энтузиазм. Но он сказал, что уже месяц «в завязке». Я понял его и не стал совращать с пути истинного. Поэтому до Воронежа я вдохновлялся самостоятельно и прочёл несколько десятков стихотворений, которые особенно понравились Скизанову.

От трассы до Воронежского вокзала мы со Скизановым поехали на такси. Дорогой я купил у таксиста две четвертинки. Потом на вок-

зале взял билет до Москвы и пошёл провожать попутчика. Пока трогательно прощались в скверике, я опустошил одну четвертинку. Потом вернулся в вокзал, и тут обнаружилось, что я не помню, где стоит мой чемодан. Заметался по залам, не нашёл, а тут объявили прибытие моего поезда. Решил пропустить его, чтобы продолжить поиски чемодана. К рассвету уехал... без чемодана. Настроение упало, даже хмель не помогал. Улёгся на полку. Проснулся довольно поздно, пошёл завтракать в вагон-ресторан. Там при помощи уцелевшей четвертинки опохмелился. До поезда на Тольятти было ещё много времени, я решил навестить своих друзей: на Преображенке жила удивительная семья Костиных во главе с Ириной Дмитриевной. Но чёрт меня дёрнул добавить ещё. Я купил около шашлычной бутылку у какого-то ханыги и с ним же её распил, потом подался в метро, чтобы ехать к Костиным. Что было дальше – не помню. Пришёл в себя вечером: ходил по улице недалеко от метро «Преображенская» и спрашивал прохожих, как пройти на остановку, откуда можно было уехать к Костиным. В левой руке держал огромную, величиной с наливную авторучку, леденцовую конфету в бумажной обёртке. Паспорт оказался в кармане, денег в обложке паспорта – ноль! Если бы ограбили, вряд ли паспорт оставили. И откуда конфета? Смутно мерещилась какая-то цыганка. Чёрт возьми, наверное, напоролся опять на какую-нибудь Русалину! По счастью, в заднем кармане брюк сохранилось две купюры – 10 и 5 рублей. Ни себе шиша! Ни чемодана, ни денег и 1000 вёрст до дома. Вот тебе и срыв. Как прав был Валентин Степанович – бывших алкоголиков не бывает!

Но! Не имей сто рублей – имей сто друзей! От Костиных дал телеграмму Коле Гребенюкову, покантовался у Костиных дня два, пока он мне телеграфом прислал эти самые сто рублей. Я купил мандаринов, апельсинов, пару лимонов – это, конечно, не могло заменить подарков, которые я вёз в чемодане, но... Как прошло возвращение блудного отца, не буду описывать, всё же несколько недель я провёл в трезвости, считая, что в таком состоянии останусь и дальше. Однако Сатана хитёр – заходит иногда с той стороны, что и не подумаешь. Меня послали в командировку в Ленинград: надо было добиться завершения заказа и отправить на ВАЗ транспортёрную ленту. Из дому тоже получил поручение от Людмилы: съездить к её приятельнице Клавдии Васильевне и передать привет. И вот я в Питере. Дня за два добился на заводе РТИ включения нашего заказа в план выпуска. Ещё дня через три заказ будет готов – начал беспокоиться об отправке. Созвонился с заводом – требуют скорейшей присылки. А в транспортных конторах: только после Нового Года. А в одной комнате со мной жили два шофёра из Нового Уренгоя. У них другая проблема: перед праздниками жизнь замирает, грузиться нечем. Договорились, что они

на своём КАМАЗе заберут меня вместе с моим пустяковым (по масштабам машины) грузом. Они не торопились, целыми днями шлялись по буфетам, а в номере пили пиво. Так что мне не надо было уже метаться по всему городу, можно было заняться личными делами.

И вот в пятницу я подался на какую-то линию Васильевского острова в поисках Клавдии Васильевны. Нашёл довольно быстро совсем близко от знаменитой Стрелки в двухкомнатной квартире на втором этаже обычного для этого района дома. Она была лет на 10 старше меня, муж Николай Иванович примерно такого же возраста, уже на пенсии. От них, как и от всей квартиры веяло уютом и умиротворением, общение сразу же стало простым и лёгким. После обычных приветствий, передачи приветов и описания обстановки сели за стол. Этого я боялся, но традиции не переломишь. Николай Иванович, конечно, поставил бутылку на стол. Мне неудобно было признаться, что я не простой сотрапезник, потому отказываться не стал, решил, что завтра устою. А завтра у меня было намечено важное мероприятие.

Эдита Станиславовна

Я должен был идти на юбилейный концерт Эдиты Пьехи в киноконцертном зале «Октябрьский». В начале осени у нас в Тольятти было несколько её концертов в ДКИТе. К нам тогда многие звёзды ездили: считалось, что Тольятти – город хлебный. Многие отсюда уезжали на новеньких «Жигулях». Выступали иногда даже на стадионе или во Дворце спорта «Волгарь». Давали от двух до четырёх концертов в день. Зарабатывали, конечно, хорошо, но работа – адова.

Пьеха работы не боялась, а публика её ценила и любила. Мне тоже нравилось её творчество, её голос впервые услышал по радио в 57-м году. «Красную розочку» тогда мурлыкал если не каждый, то каждый второй. Потом появился телевизор. И вот я мог увидеть живую Пьеху. Купил букетик гвоздик и пошёл на концерт один (Людмила была в Куйбышеве). Кроме голоса и артистизма, о которых я уже имел представление, мне понравились её добросовестность и неутомимость. Хороших голосов и выдающихся артистов у нас побывало много, но она поразила меня отношением к своим собратям по концерту: представила каждого, нашла для каждого тёплые слова. Чувствовалось, что она – человек благодарный! Она знает, что она – бриллиант, но он хорош, когда вправлен в хорошую оправу. Значит, у остальных участников концерта появлялся стимул стараться изо всех сил. Такой был ещё Махмуд Эсембаев. Цветы я решил подарить артистке во второй части концерта. Посмотрел, как это у других получается. И вот я несу ей цветы сразу после приветствия одного участника обороны Ленинграда. Я тоже сказал ей несколько приветственных фраз, прав-

да, не в микрофон, но ей понравилось. И когда я уходил со сцены, она сделала комплимент всем тольяттинским мужчинам, ссылаясь на ветерана и меня.

Когда возвращался домой, «на меня напали стихи». Приехал – записал, немного подработал и решил прочесть их Эдите Пьехе: она героиня стихотворения. Позвонил в гостиницу «Жигули» (самая лучшая в Тольятти), мне дали номер телефона. Часа через полтора удалось созвониться. Представился по имени и отчеству, напомнил эпизод на сцене ДКИТа и сказал причину звонка. Она заинтересовалась и попросила прочесть стихи. Прочёл. Она попросила текст. Условились встретиться завтра между вторым и третьим концертами.

Назавтра я подождал за кулисами в служебной части сцены завершения концерта. Какая-то дама из команды попросила подождать. Минут через 10 пригласила в гримёрку. Пьеха сидела перед зеркалом слева от входа, по её просьбе ей принесли пол стакана бальзама, потом она обратилась ко мне:

– Здравствуйте, Александр... Свиридович! – Я поразился: сутки назад назвался по телефону, а она до сих пор помнит! – Вы позволите, я буду сидеть, а то ноги устали?

– Конечно, Эдита Станиславовна! Я же видел, как Вы работаете на сцене.

Я подарил ей текст «Певицы», распечатанный на машинке, и ещё несколько стихотворений про цыган: у неё в программе была песня про цыганские палатки. Потом подарил книгу «Мы из Тольятти». Она в ответ подарила свой рекламный буклет с фотографией в рост. Тут она меня опять поразила, на этот раз деликатностью. Когда начала подписывать буклет, то спросила:

– А можно, я подпишу буклет Вашей семье?

Потом дала мне свой Ленинградский адрес и номер телефона, пригласила заходить, если там окажусь. На том наша беседа завершилась: ей надо было готовиться к очередному концерту. И, если честно говорить, то на командировку в Ленинград я напросился – могли бы и другого послать. И вот я в Ленинграде. На второй же вечер нашёл её улицу, дом, квартиру. Дверь мне открыла дама, приносившая Пьехе бальзам. Она сказала, что Эдита Станиславовна в «Октябрьском» – готовится к концерту. Как раз в эти дни она отмечала тридцатилетие сценической деятельности и давала серию юбилейных концертов. Мне повезло! Я нашёл Пьеху в фойе Дворца: она руководила размещением декора. Мы поздоровались, она извинилась, что очень занята, и сказала, чтобы я снова шёл к ней: там мне выдадут контрамарку. Я так и сделал.

Настала суббота. Вчерашнее гостевание меня не очень мучило похмельем, но пружина была уже отпущена. До 18 часов надо чем-

то заняться. И я нашёл занятие. Когда в половине шестого поднимался по эскалатору, чтобы выйти из метро около «Октябрьского», то заметил наверху двух сержантов милиции. Это бы полбеда – они меня тоже заметили! В итоге вместо кресла в зале я занял топчан в медвытрезвителе. В два ночи меня отпустили. На такси приехал в гостиницу. Отоспался. Этот эпизод меня несколько встряхнул. До приезда в Тольятти уже ничего не пил. Кое-как созвонился с Эдитой Станиславовной, объяснил командировочными делами отсутствие на концерте. Она посочувствовала, но сказала, что контрамарок больше нет. Хорошо, что концерты шли несколько дней. Пришёл всё же. Минут через пятнадцать после антракта вышел на сцену с очень скромным букетиком (деньги почти иссякли), попросил микрофон, передал привет от города Тольятти, а потом прочёл стихи. Когда прозвучали последние строки:

*«... Певица – озорная Личность,
Но Личность с литеры большой!»*

– зал взорвался овацией, мне даже неудобно перед Пьехой стало. И подумал: хорошо, что меня «замели», а то бы я позавчера и сам опозорился и Эдиту Станиславовну скомпрометировал бы дружбой с таким зюзей.

Наконец ребята-дальнобойщики взяли меня вместе с грузом, и я поехал домой в кабине КАМАЗа.

«Ока»

До Москвы мы доехали без особых приключений, хотя заканчивался декабрь, и снежок иногда переметал дорогу: предновогодние дни, машин на трассе мало. Остановились у Междугородного переговального пункта. Они там долго перезванивались, потом сказали: «Поедем в Алексин (это в Тульской области), пробудем дня три: друзья приглашают. Обещают «тёлок» привести на Новогодний вечер!». Условились, что я поездом поеду домой, а они груз потом, после праздников, привезут.

Денег у меня совсем мало оставалось, но ведь в Москве друзья есть! Накормили. (Могли бы и напоить, но я держался крепко!). Дали 10 р. Этого мне на дорогу по тем временам хватало. Я взял билет и бутылку вина (на всякий случай). В вагоне было всего четверо: я, ещё пассажирка и две проводницы. Я сидел вольготно у окошка, смотрел на московские огни и писал дорожные стихи. В десятом часу проводники пошли в 4-й вагон, пригласили и меня. Там собралось человек двенадцать, включая бригадира. Вот он «всякий случай» для бутылки. Но пили немного: большинство за столом были проводники (цы) – им надо было работать.

Так я единственный раз в моей жизни встретил Новый год в поезде. Заодно и стихи поездные написал. Всё бы хорошо: задание успешно выполнил, с Эдитой Пьехой пообщался, друзей навестил. Но... второй раз влетел в «трезвяк»! А если на работу пришлют бумагу? В общем, грыз себя и в очередной раз заверял, что никогда больше... А ведь наступил 89-й год – летом будет 50. Хороший возраст, солидный даже, пора бы и за ум взяться!

Вернулся на работу, отчитался по командировке, стал ждать прихода ленты. Недели через полторы появился заветный КАМАЗ. На душе отлегло: ребятам я верил, но мало ли чего в дороге, да и они не трезвенники тоже. В Тольятти они пробыли недолго, но я успел помочь им достать дефицитные запчасти для «Жигулей».

Сам я автомобиля не имел и даже не мечтал об этом: всех наших накоплений – 1200 руб. на Сберкнижке – хватило бы только на четверть автомобиля. И тут я от кого-то случайно узнаю, что первую экспериментально-промышленную партию автомобилей «Ока» – 500 шт. – продают работникам завода, преимущественно передовикам производства и по себестоимости. Цена при этом – около 3 тысяч. А я на велосипеде собираюсь на дачу ездить! А ещё вождение автомобиля станет сдерживающим фактором против ЗЗ. Я быстро собрал характеристики, ходатайства, написал заявление и вскоре получил заветное решение – был включён в списки, которые передаются в ВАЗовский магазин «Жигули».

Но и с ходатайствами нужны деньги. Где они? Нашёл всё же, причём, рядом – в бюро у сотрудника – у Капустина М. В. Он дал 2000руб. взаймы, но с возмещением сберкассовских процентов. На заводе я попросил мастеров немножко «подшаманить»: кое-что усилить, поставить подголовники и 28 мая пригнал из магазина, заплатив 3080 рублей, новенький автомобильчик. «Ока» была в новинку, потому на всех заправках, особенно за пределами Тольятти, окружала толпа зевак, а кавказские «перекупы» предлагали огромные деньги – в два раза больше, чем стоят настоящие «Жигули». Один так привязался, что 18 000 предложил (мошенник, вероятно). Чтобы отвязаться от него, я сказал, что подумаю и в пятницу дам ответ. Когда я отъезжал, он вдогонку кричал: «Смааатри, нэ кому нэ продавай! У нас в районе нэ у кого такой нэт – у меня пэрваго будэт!». Господи, скольких людей погубил «выпендрёж»!

А меня продолжал губить ЗЗ. До юбилея как-то держался: занят был покупкой машины и «телячим восторгом» от поездок НА СВОЕЙ машине. Всем пояснял: 50 лет ходил пешком, теперь на машине поезжу. Забегая вперёд, скажу, что за 5 месяцев я на «Оке» наездил почти 25 000 километров, несмотря на все её «детские болезни». По ровному месту я ездил наравне с «Жигулями», меня обгоняли ре-

же, чем я их (ну, им не надо было никому ничего доказывать). Скоро я начал «таксовать»: пассажиров тогда было намного больше, чем машин. Ухитрялся в салон сажать по 4 человека, а вьетнамцев (у нас тогда много вьетнамцев работало на заводе) – даже по 6 иногда. Кроме малого расхода топлива у «Оки» тогда было ещё одно преимущество: её нельзя было украсть, т.к. всего 500 штук на всю страну – наперечёт!

Юбилей отмечал в ресторане «Дружба». Была вся моя семья, друзья поэты, сотрудники с завода, а ещё земляки. Человек под тридцать набралось. Всё прошло хорошо. Домой пошёл пешком (машину оставил на новоявленной платной стоянке.

Через некоторое время оказалось, что можно подрабатывать на извозе. Стал вечерами выезжать на улицу. Заработки были не ахти какие, но на бензин, на платную стоянку, а потом и на бутылку зарабатывал. Плохо то, что я опять сорвался. К осени стало совсем худо: стукнул машину, жена чемоданы выставила, а потом и на работе махнул рукой на начальника и ушёл с работы, чтобы с ним не разговаривать (я был тогда И.О. нач. КБ, через месяц могли бы утвердить на должность постоянно). Недельку «побомжевал» (в основном, Евг. Мих. выручил). Незадолго до этого я отремонтировал машину (бывший подчинённый помог – почти бесплатно сделал), потом продал её, вернул долг Капустину, а часть остатка отнёс дочери (сын уже работал после института в Куйбышеве):

– Галя, вот пока немного, но я хочу купить другую, подержанную машину. Останутся деньги – ещё принесу. Жалко талоны УРСовские потерял, ты бы что-нибудь купила на них.

– Папа! Да ты мне их вчера отдал!

– А что, я приходил?

– Конечно!

Это меня убило: алкогольная амнезия! А ведь раньше у меня сначала ноги отказывали, а потом голова. Нет, надо бросать окончательно!

Один за другим два тяжёлых разговора – на работе, а потом дома с Людмилой. Всё, договорились кое-как, возвращаюсь и веду трезвый образ жизни. Поехал за вещами. Но тут у меня начался сильный сердечный приступ, вызвали скорую – к вечеру оклемался, друзья поймали машину и отправили домой. Отлежался. Октябрьские праздники провёл «всухомятку», но об этом не горевал, а даже радовался, что удержался.

И вот настало последнее испытание, как с табаком в Жигулёвске. Я купил автомобиль «ВАЗ 21011» у одного сотрудника УВД, сослуживца моего коллеги по лекторскому цеху. Автомобилу было 12, 5 лет. Стоял он на территории УВД за Южным шоссе и был цве-

та «золотое руно» и «на ходу». Поскольку владелец был работником УВД, то проблем с оформлением покупки и постановки на учёт не возникло. М.Н., довольный, что избавился от таратайки, которая непонятно как попала к нему, купил дюжину шампанского (водки даже он не смог достать), пригласил А.М. и меня соответственно, так что мы часов до двух ночи обмывали сделку. Вот тут я удержался и не довёл себя до состояния сильного опьянения. Это было в ночь с 9-го на 10-е ноября, аккурат под День милиции – у моих приятелей оказалась ещё одна причина для борьбы с шампанским.

На следующее утро я не выпил ни грамма и 10 ноября 1989 года считаю Днём Победы над ЗЗ в тяжёлой борьбе, которую я вёл 4 года и 9 месяцев с ним и, главное, с собой.

Уффф! Взял ещё одну высоту! А 2/3 жизни-то прошло. Ну, лучше поздно, чем никогда!

5. «ВЕРШИНА ТРУДОСПОСОБНОСТИ»

Реставрация личности

Медленно, но неуклонно после моего расставания с ЗЗ стали «усыхать» и даже уходить некоторые хронические болезни, стали налаживаться домашние отношения, и прекратилось сползание моего авторитета на работе. Это для меня оказалось в скором будущем очень важно: после контрреволюции 91-93 годов я значительно стал расходиться в политическом плане со многими, особенно с руководством. И если бы я продолжал пить, как, скажем, Евгений Михайлович, меня мигом бы вытурили не то, что из отдела, а с ВАЗа вообще, и быть бы мне уборщиком мусора или вообще безработным.

Оглядываясь назад, и мне не стыдно за свою трудовую биографию на том же ВАЗе. Начал работу здесь инженером-конструктором б/к (без категории), в июне 74-го получил 3-ю категорию, через два с половиной года стал начальником бюро и пребывал в таком статусе 4 года, вернулся на конструкторскую работу уже со 2-й категорией, в 82-м году мне присвоили 1-ю категорию, а в 91-м мне присвоили высшую категорию – Ведущий инженер-конструктор. Стать начальником Конструкторского бюро не дала дружба с ЗЗ. Тут, правда, был ещё один фактор. В бюро работала дама со 2-й категорией, что считается большим достижением для женщины, но у неё муж работал на значительной должности, и ей очень хотелось стать Нач. КБ. На нашем огромном заводе я знал только одну женщину, возглавлявшую Конструкторское бюро на КВЦ, но у неё муж занимал совсем высокую должность... И вот Н.Б. организовала на меня охоту, начиная распусканием нелепых слухов обо мне и кончая анонимками... не жене, а

руководителю жены на работе. Это, мягко скажем, не способствовало моей трезвости, так что кольцо замыкалось.

Ну, слава богу, всё это позади: Крейс – в Израиле, Н.Б. – на пенсии, а я – Александр Воронцов. И книги мои стоят во многих библиотеках города и России. Кстати, о книгах. Когда бросал пить, то неделями ничего не лезло в голову и сердце. До этого лучше всего писалось с похмелья. Классический случай – «Русалина». Но если ремиссия была долгой, то через месяц-другой начинал писать не хуже, чем «до того». И с этой стороны не жалею, что «впал в трезвость». О публикации моих стихов я уже писал немного. Гонорары были небольшие, но шли со всех сторон, в совокупности с гонорарами за лекции ежемесячно набиралась неплохая сумма. Конечно, это способствовало улучшению семейных отношений, особенно, когда завязал.

Между тем в стране бушевала «перестройка», а на заводе – реорганизации. Наше КБ затолкали в ОГК СКП, там образовали КБ Сопровождения Действующего Оборудования (КБ СДО). Потом освободилась должность нач. КБ сварочной оснастки, меня перевели и.о. нач. КБ, но там месяца через три произошёл казус, о котором я упоминал. И я несколько дней был настоящим БОМЖем – ни дома, ни работы. Но потом всё стало на свои места, а через год создали Отдел Капремонта, в котором предусматривалось КБ. Ясно дело, меня перевели к моему вящему удовольствию. Начальником там был Василенко Ю.П. Ещё через год я стал ведущим конструктором. Что было хорошо, так это почти мгновенное воплощение проектов в металл.

«Челленджер»

Однако через некоторое время на горизонте появилась новая проблема. Я стал замечать, что у меня нет былого восторга и предвкушения интересной работы, когда я крепил на доске кульмана чистый лист ватмана (извиняюсь за каламбур). Всё меньше нового для меня оборудования, всё меньше новых проблем, всё больше знакомых решений. И, потом, капремонт с элементами модернизации – это всё же не проектирование новой машины, даже имеющей аналогии.

Самой большой машиной, которую я спроектировал, была установка зачистки сварочных швов рамки двери. Сварка была автоматической, но в процессе стыковой сварки, когда используется ток огромной величины (несколько сотен ампер!), элементы рамки смещаются и получается уступ до одного миллиметра, иногда даже до полутора, а сварочный шов имеет толщину 2...3 миллиметра.. Потом этот шов вручную на абразивных кругах снимается, зачищается и шлифуется. Если учесть, что на каждом автомобиле четыре двери, а за день с конвейеров сходит более 2500 автомобилей, то объём ручной работы колоссальный. Механизация этого процесса дала бы значительный

экономический и социальный эффект. Да и медицинский: абразивно-металлическая пыль – не самый лучший подарок для лёгких.

А тут ещё я заметил, что из техпроцесса вышло много шлифовальных станков нескольких моделей. Идея возникла быстро: поставить импульсно вращающийся стол с закреплёнными рамками, вокруг него поставить 5 шлифовальных машин, а 6-ю позицию использовать для съёма и установки рамок. Мне удалось убедить руководство в реальности проекта – дали «добро», включили в план. Начал работать. Сначала один, потом человек пять разработчиков узлов и деталей подключили, да ещё электрика. А через год установка с габаритами 5х6х2 метра была готова. Начались испытания. Но скоро выяснилось, что требуется подналадка шлифовальных станков установки чуть ли не на каждую рамку или предварительная сортировка их по величине и направлению сдвига деталей, иначе либо стенка детали протиралась насквозь, либо половина сварочного валика оставалась. Если бы тогда существовали такие компьютерные системы слежения и управления, как сейчас!.. Ах, опять эти немцы вспоминаются! Чёрт прячется в деталях! Не было тогда ещё у нас таких компьютеров, точнее, были, но в импортных (в основном, японских) установках. Острословы тут же нашлись и обозвали установку «Челленджером»: как раз за несколько месяцев до этого взорвался на взлёте американский космический челнок с таким же названием. Ну, я не очень обижался: «Челленджер» по-английски значит «вызывающий». Жалко было, но в производство мой «Челленджер» не пошёл и остальные пять экземпляров его близнецов так и не родились. Но зато я в реальности смог руководить, как когда-то Сагитов и Лясников, коллективами конструкторов-механиков и электриков для решения конкретной задачи. И я смог создать установку из пяти шлифовальных станков и оригинального привода, работоспособную в принципе. После этого я разработал проекты нескольких успешно работавших сварочных машин для дуговой и контактной сварки.

Поэтому присвоение мне квалификации «Ведущий инженер-конструктор» я принял «без ложной скромности». В отделе Капремонта меня и застали события августа 91-го.

По кругу

Но эпоха локальных реорганизаций на ВАЗе не закончилась: КБ СДО изъяли из отдела Капремонта и снова передали в ОГК СКП, который стал называться просто Конструкторским Отделом СКП. (Сейчас его вообще преобразовали в Конструкторско-Технологический отдел). Да и сам завод уже не носит гордое имя «Волжский автозавод имени 50-летия СССР»: его запрятали в объединение «АвтоВАЗ», которое с реставрацией капитализма было преобразовано в «Акцио-

нерное общество». Разграбление велось быстро, но поэтапно и камуфлировалось организационно-техническими мероприятиями, так что большинство людей на заводе и через 10 лет не поняли, что ВАЗ принадлежит кучке частных лиц.

Эти обстоятельства наложились на возраст и на возникновение нового вектора интересов (я два года был уже автовладельцем), так что интерес к творческой части работы стал затухать. А тут ещё возникло одно обстоятельство. Через некоторое время я обратил внимание на то, что у меня заработок тысяч на 300-400 меньше, чем у Евгения Михайловича (хотя он пил, а я его многократно спасал, организуя больничные листы) и на 500-600 тысяч меньше, чем у Л.С., хотя он был послабее меня как конструктор. Категории при этом у нас были одинаковые – «ведущие». Но я махнул на это рукой, т.к. активно участвовал в митингах и других протестных действиях, и не хотел, чтобы думали, что я борюсь за свои шкурные интересы. Но всё же году в 96 или 97 подумал, что вовсе неплохо восстановить справедливость в отношении самого себя. После настойчивых разбирательств и заявления, что обращусь в конфликтную комиссию, мне открыли тайну: в малых отделах (Отдел Капремонта в т.ч.) оклады меньше, чем в больших (КО СКП, в частности). При передаче Бюро в КО, оклады Л.С. и Евгению Михайловичу изменили, а мне оставили прежний. Поскольку из-за бешеной инфляции ежеквартально проводили индексацию на определённые проценты, то у них зарплата росла быстрее, чем у меня, и через год-полтора стала весьма заметной. В экономических службах СКП пообещали мне вернуть недоплату с момента подачи заявления. Я имел право требовать сделать это с момента перевода, но не стал их «топить» и довольствовался их вариантом. Я понимал, что дискриминация была не случайной, поэтому расценил эту свою победу как небольшой выигрыш в классовой борьбе.

Конечно, это тоже не способствовало моему конструкторскому творчеству. И когда у меня возникла необходимость уйти с завода, я сделал это без особого сожаления, хотя оно и было: более 29 лет я работал на ВАЗе, знал его «географию» и технологию так, как знали немногие. Я сроднился с заводом и всё же ушёл, как только стукнул пресловутый «пенсионный возраст».

6. ПОСЛЕВАЗИЕ

Новые обстоятельства

В середине 90-х, чтобы без особых хлопот избавиться от пенсионеров, вспомнили простое и безотказное решение – приманку. Объявили, что уходящее на пенсию в течение 1-го месяца после достижения пенсионного возраста получают выходное пособие по столько-

то тысяч за каждый год ВАЗовского стажа. Деньги были переменные – и сумма была переменная. Евгению Михайловичу, например, в 95-м году «светило» 10 миллионов. Когда он бывал в запое, я пытался его напугать; «Михалыч, что ты делаешь? Тебе три месяца осталось дотянуть! Если тебя уволят, ты 10 миллионов потеряешь!» Ответ был прост: «На хрен мне твои миллионы! Ты мне лучше бутылку принеси!» У него были больные ноги, и они быстро отказывали при запое. Дверь он не запирали, а приходящего посылал за водкой. Ясно, что и обворовывали иногда. Хорошо, что воровать было особо нечего. Я звал на помощь его земляка, тоже Женьку, тоже пьяницу, но бывшему «в завязке». Или звал сотрудника по КБ Станкостроения, тоже Женьку с украинской фамилией – Шалённый (Шалённый изначально). Мы сажали Галушкина на стул, выносили на площадку, далее – лифт, моя машина, наркология. Там опять сажали на стул, несли в приёмное отделение, сдавали. Его госпитализировали на несколько дней и выдавали больничный. Угроза увольнения за прогул снималась. Недели через две процедура повторялась. Ещё здорово помогала Вера Миллер, человечный человек, каких мало на свете! Она работала в другом бюро, но бескорыстно опекала Михалыча из простого человеческого сострадания. И когда, наконец, он почти перестал пить и достойно ушёл на пенсию, мы с ней радовались, как родители радуются успеху дитяти. Через некоторое время Евгений Михайлович благополучно продал квартиру и переехал в родной Тамбов. Год назад его не стало.

Впрочем, речь не о нём.

Источник повышенной опасности

Все мы знакомы с этой юридической формулой, но приведу несколько эпизодов в подтверждение её справедливости.

С 89 года после «Оки» по март 12 года, когда я продал последний автомобиль, у меня перебивало 12 машин, в основном, б/у, но были и новые, правда, долго не задерживались. Пить я вскоре перестал, но автомобиль и при трезвом водителе опасен во многих отношениях.

Купленную у Е.М.Н. «011»-ю я довольно быстро привёл в порядок: заменил кое-какие детали, кузов мне «подшаманили» ребята из 46-го цеха, в котором я иногда бывал в качестве перегонщика машин Потом я заменил кузов, автомобиль стал приятного серо-голубого цвета. Но тут нагрянули августовские события 91-го года, и я часто стал ездить после работы в Самару, чтобы получить более достоверные сведения о происходящих в стране переменах и как-то согласовать действия участников ДКИ (Движение коммунистической инициативы). Чтобы компенсировать расходы, приходилось брать пассажиров, благо, их тогда было «навалом». Однажды в начале сентя-

бря возвращался во втором часу ночи (а поднялся в 6 ч.) и на Южном шоссе заснул на несколько секунд. Когда очнулся, увидел, что слева приближается автобус. Мне почему-то казалось, что я приближаюсь к перекрёстку Ворошилова и Дзержинского, значит, автобус обязан меня пропустить. Когда понял, что я на 1-м кольце Южного шоссе, начал резко тормозить, но, как назло, уже накапывал мелкий дождик, машина начала юзить. Стал резко поворачивать вправо, чтобы уклониться от автобуса, но было уже поздно. Успел крикнуть пассажирам, чтобы упали на сиденье, и сам упал на переднее пассажирское сиденье. В итоге у «Икаруса» оторвалась жестянка рядом с колесной аркой прицепа, а у моей машины свернут передок, как после боксёрского удара «крюком». Досаднее всего было то, что кроме наших машин на шоссе уже ничего не было. Мне бы подъехать на четверть секунды позже!

Поскольку передние лонжероны «ушли», то я отремонтировал и продал эту машину и купил «03»-ю, переделанную в «06»-ю. Видимо, не все запчасти могли найти, как надо, поэтому спидометр был в экспортном исполнении – в милях, а не километрах. Потом я её обменял на на-стоящую «06»-ю, но старую и перекрашенную в чёрный презентабельный цвет. На этой машине у меня в старом городе на перекрёстке оборвалась правая подвеска двигателя, он перекосился и упал на лонжерон, машина затряслась, словно камнедробилка. Хорошо, что есть опыт работы в СХТ и в ремонте: монтировкой приподнял движок, подсунул две рукавицы – дотянул до гаража. Там ребята помогли отремонтировать. Недели через две так же сорвалась левая сторона, но уже в Самаре. Теперь я уже не напугался: опыт есть. Часа три пилил – доехал.

Услышал, что первая установочная партия «Оки» – не в счёт, поэтому можно просить на заводе другой автомобиль. Выделили мне «053»-ю. Ну, денег у меня даже на «пятёрку» не было, но «за право выкупа» давали вполне приличные машины. Мою блестящую чёрную «шестёрку» уговорил продать ему один полу знакомый азербайджанец, обещавший съездить со мной на Урал, где машины очень дешёвые, и там за эти деньги я куплю чуть ли не новый автомобиль. Но потом ему «некогда» было, а цены росли не по дням, а по часам, потом меня одна коммерческая дама (я её знал по работе на ВАЗе) подставила (скрывая свою недоработку) под рэкет, так что у меня осталось денег только на «Москвич 412», которому было больше 17-ти лет. Я на нём даже до аэропорта не смог доехать: отказал стеклоочиститель. Надо было видеть, как я возвращался.

Поэтому я и решил продать «право выкупа». Нашёл одного мало-знамого Толика с шельмоватым видом, но имевшего связи с ГАИ. Он оказался на удивление щедрым: дал мне двухгодовую «се-

мёрку!» Правда, задняя левая форточка отсутствовала, вместо неё кусок фанеры: «Разбил нечаянно, уже достал новую, отдал на тонировку, вот скоро сделают». Дело было под Новый год – начиналась череда праздников. Механический противоугон нигде не мог купить. В гараж к приятелю ставить в проезде Председатель кооператива запретил. Днём ставил под окнами, на ночь – на платную стоянку. И вот в Рождественское утро пришёл без десяти восемь – машины нет, сторожей нет! Потом они заявили: предпраздничное сокращение рабочей ночи, мы дежурство закончили в семь! Мы тебя предупреждали! Доказать обратное я не смог: машину ставил один, без свидетелей с моей стороны.

Благо, что я машину застраховал от угона ещё при покупке. Половину страхового возмещения мне выдали сразу, а вторую половину – через три месяца, за это время цены на машины взлетели! Хорошо, что на «Москвич» нашёлся покупатель. Но всё равно ещё одалживаться пришлось.

«Повышенная опасность» автомобиля проявлялась и в другом. По вечерам приходилось ездить на подработку. Пассажиров было много, но среди них попадались тааакие типы! Приходилось иногда в рукопашную вступать (а мне было уже порядком за 50), и быть дипломатом, и быть в постоянном напряжении. Водитель априори находится в слабом положении: руки на баранке, ноги на педалях, а глаза контролируют дорожную обстановку – за салоном не всегда уследишь. Как-то из кармана чехла сидения утащили бутылку коньяка, а однажды – тут я потешался! – бутылку с дистиллированной водой для аккумулятора. Я научился на глаз определять, кого можно взять, а кого нет, хотя на 100% никогда не поймёшь. Стал понимать, что если пассажир заводит душещипательный рассказ о каких-то событиях жизни, сочувствовать водителю и жаловаться на трудности современного бытия – точно смоемся, не расплатившись. А однажды часов в 10 вечера на Приморском бульваре попросился отвезти в речной порт мужчина среднего роста и средних лет (35...40), **ВООБЩЕ ВЕСЬ ТАКОЙ СРЕДНЕБКИЙ И СМИРНЫЙ**. Я сказал, что могу отвезти, если оплатит оба конца. Он согласился. Ехать недалеко, приехали быстро, он отдал плату «туда» и вошёл в калитку забора, а я в ожидании его развернулся. Он пришёл на удивление скоро. Поехали. Когда стали подниматься на Спортивную, боковым зрением увидел, что он достал из правого кармана пистолет, вынул из него обойму, она оказалась пустой, потом из левого кармана вытащил снаряжённую обойму и вставил в рукоятку пистолета. Я был в недоумении, что делать: отнять у него пистолет (по комплекции я превосходил его, однако он моложе), но для этого надо остановить машину. Не дурак же он – как только остановлюсь, может пустить в ход оружие. А тем более, ес-

ли не смогу отнять? Решил – будь, что будет. Сделал каменную физиономию и спокойным голосом спросил:

- Ты что, в охране что ли работаешь?
- Да, бригадир!
- Куда везти, на то же место?
- Нет, в 6-й квартал на бульвар Королёва.

Когда он выходил из машины, обратную дорогу не оплатил, подлец, а я напомнить ему постеснялся.

Были разные поломки и аварии. Я уже писал, что трижды внезапно отказывали тормоза, но каждый раз на стоянке или на малой скорости. Были и аварии, мелкие и покрупней. Одна – серьёзная. Поздним вечером вёз двух пассажиров по Карла Маркса. У «Буревестника» надо было повернуть налево на Горького, там две пары светофоров, но стоп-линии нет, поэтому я пошёл на поворот без остановки, но в момент, когда пересёк площадь и начал пересекать встречную полосу из-за снегового вала высотой в полтора метра и длиной почти на всю ширину площади выскочила «десятка». Светового пятна от её фар я не видел, потому что яркие чуть желтоватые фонари заливали светом свежий снег на перекрёстке. Я мгновенно прибавил газу и через доли секунды резко повернул вправо, навстречу «десятке», в расчёте на занос задка моего автомобиля, чтобы проскользнуть мимо встречной, которая тоже пыталась отодвинуться. Увы! Не хватило сотых долей секунды. Но удар всё же получился косой, почти вскользь, и в центральную стойку! Кузов от этого сильно пострадал, но и чёрт с ним! Зато женщина на переднем сидении совершенно не пострадала, а у мужчины на заднем сидении – лёгкий ушиб ноги. Более того, оказалось, что через пять дней на «десятке» должны производить гарантийную замену кузова! Машина принадлежала какой-то фирме, владелец фирмы и машины был в салоне. Попытался «наехать» на меня, но я тут же осадил его, заявив, что дело буду иметь только с водителем. Но потом у нас установились более-менее нормальные деловые отношения. Я задействовал все ВАЗовские «подвязки», включая В.Я. Кокотова (увы, давно покойного). Так что восстановление «чужой» машины мне обошлось примерно в 10 000, а когда я восстановил свой автомобиль в гараже друзей, итоговые расходы мои составили 16 тысяч. Приходилось занимать и перезанимать, занимал у нескольких человек небольшими суммами. Текущая задолженность доходила до 65 тысяч.

Ну вот, машину отремонтировал, с долгами расплатился, но всё равно на битой машине далеко не уедешь... Продал, снова одолжился и купил на ВАЗе некондиционную «шестёрочку» серебристо-серого цвета. Некондиция по разнотону окраски. На ходовые качества не

влияет, но на гарантию не поставили, и потом при продаже покупатель не безглазый – цену здорово срезал.

Потом были ещё автомобильные приключения, но не такие масштабные... В марте 12-го продал девятилетнюю «рекордсменку» (ездил на ней 6 лет с 06 года) «ВАЗ 2111». Пассажиров давно не стало, бензин всё дороже, ремонт – тоже, штрафы всё больше. Да и здоровье не то. Источника повышенной опасности не стало. Жизнь поспокойнее пошла, однако к зятю стал чаще обращаться.

Но, если быть объективным, автомобиль это не только источник повышенной опасности. Когда-то мои друзья-литераторы и мои друзья-политики прощали мне мою трезвость, потому что было кому их привезти на мероприятие (даже в Горьком, Москве, Воронеже, Самаре, Оренбурге) и привезти домой. Поездки на съезды в Свердловск, Челябинск, Москву были бы крайне затруднены для нашей организации без моих автомобильных «доходов». Увы, всё это теперь позади. От времени нет защиты ни у кого, ни у чего: всё течёт, всё изменяется!

Жестокая необходимость

Некондиционный источник повышенной опасности тоже стоил денег, и порядочных. Пришлось снова одолжиться, с обязательством до Нового года погасить долг. Моя зарплата позволяла, хоть и Но тут взбунтовалась Людмила: «Не хочу под долговым прессом ещё полгода жить! Увольняйся, бери выходное пособие, и расплатимся с долгами!»

Многие воздерживались от получения выходного пособия: работы на ВАЗе были неплохие, а пенсии назначали такие мизерные, что... В июне мне выдали пенсионное удостоверение, в котором были такие цифры: средний заработок – 3450 р., пенсия – 331 р. Есть разница? Но где гарантия, что через полгода не сократят? Недавно все вякали: «Мы и при социализме ничего не имели!». А то, что имели мирное небо над головой и уверенность в завтрашнем дне – это пустячок? Сколько поверхностных людей на свете!

14 июня 99-го мне «стукнуло» 60. В июле я получил по 750 руб. за каждый из 29 лет ВАЗовского стажа, расплатился с долгами за «некондиционную» и поехал устраиваться на новую работу: на 331 рубль точно не прожить! Недели полторы до этого опять на лестнице, как много лет назад, я встретился с Повираевым, он уже работал на недавно образованном «дочернем» предприятии (ВАЗ начали потихоньку растаскивать). Разговор опять, как и в тот раз:

- Привет, начальник! Тебе работники нужны?
- Да! Знаешь, я организую КБ, которое возглавит Василенко.
- Ба! Кругом свои люди! Ну, я скоро получу расчёт.

– Приходи – возьму.

Потому я особенно не волновался, тем более что новое предприятие возглавляет Алексей Зверев, бывший комсорг СКП. Но когда я пришёл в отдел кадров, там завертелись и с неловкими физиономиями отказали. Повираева на месте не оказалось, зашёл сразу к Звереву. Он прямо не сказал, но дал понять, что с завода звонили, чтобы меня не брать: профсоюз «Единство» проводил забастовку, и я на их мероприятиях здорово засветился. Вот тебе и бывший секретарь Комитета Комсомола! По опросам Анпилова В.И. в 90-м году в СССР было только 10% людей с коммунистическими взглядами, но это полбеды. Беда в том, что в правящей КПСС таких людей было всего 3%,! Остальные 97 % были либо просто балласт, либо те самые «карьеристы и проходимцы», о которых предупреждал Ленин.

Кто-то подсказал, что поблизости есть подразделение бывшего мощнейшего треста «Куйбышевгидрострой» – Управление Малой Механизации (УММ). От бывшего подразделения, в основном, осталось название да кое-какое оборудование, уже никому не нужное. Но предприятие по инициативе директора Атанова П.Ф. перепрофилировали на выпуск деталей для ВАЗовских автомобилей. Взяли на ВАЗе же станки в аренду, некоторые выкупили, перевели с ВАЗа персонал частично, а частично своих переучили. Там работало немало моих знакомых по СКП. Главным инженером был Чалышев Н.Н., который в СКП был начальником цеха. Он мне предложил создать и возглавить группу Планово-предупредительного ремонта, но буду я числиться не инженером, а слесарем 5 разряда с тарифной ставкой 2200 рублей. Ну, «погоны» мне уже были не нужны, а заработок, учитывая, что ещё будут какие-никакие премиальные, да ещё пенсия, да пенсия Людмилы и её заработок (она работала в больничной школе в медгородке) – жить уже можно. А само дело для меня не новость и не в тягость, тем более что за 25 лет работы в СКП это оборудование я узнал неплохо.

В конце июля я уже работал в Отделе Главного механика УММ. Дали мне стол, компьютер, проинструктировали, и начал я составлять карты циклов периодического обслуживания оборудования. Я научился на компьютере рисовать схемы смазки машин, писать текстовые документы, а вскоре и начал подбор кадров в группу. Похоже, как в Тамале в 69-м.

Я уже говорил, я – счастливый человек в том плане, что у меня никогда не было работы, которая вызывала бы неприятие. Да, тут я уже не конструктор, но в той работе я достиг вершины, после чего – топтаться на маковке и спускаться. А эта, новая, работа совмещала в себе возможность применения всех старых навыков. Первые 6...7 месяцев я работал, как ломовая лошадь. (Возможно, это стало той ка-

плей, которая переполнила чашу: у меня начались сердечные приступы и появилась «мерцательная аритмия». Хорошо, что в УММ был замечательный здравпункт). Потом, когда группу скомплектовал, методику работы освоил, научился сам и всех научил, у меня оставалось свободное время для внесения стихов в компьютер и сочинения новых, написания политических статей и иных документов, участия в художественной самодеятельности (да, там и такое было!) и для игры в шахматы с Главным механиком Бородичем Михаилом Иосифовичем, который, несмотря на такое имя, был просто белорусом.

Могу с гордостью сказать, что за 5 лет работы в ППР было всего три случая поломок техники из-за некачественного обслуживания. И всего 2 случая лёгкого травматизма (пальцы придавливали). К технике безопасности я относился с необычайным для меня педантизмом. Каждое утро, вручая наряды на работы, каждого инструктировал применительно к конкретной машине, на которой он должен работать. Всякое нытьё типа – «Свиридыч, я на этой машине уже 10 раз работал...» – жестко пресекал: «Да, работал, но после последнего раза на машине и на оборудовании рядом стоящем произошли изменения». Конечно, для этого надо быть в курсе всего, что творилось в цехах, но это мне было не скучно и не в тягость. Зато уходил из УММ с лёгкой душой: все целы!

Я бы там и ещё 5 лет отработал, но... опять пресловутое «но». Приходит Бородич с совещания у Главного и вместо того, чтобы сыграть партию в шахматы, начинает ходить кругами, словно он и не белорус: «Знаешь, плохие новости... Но я не буду говорить, чтобы не портить настроения. В понедельник скажу». Я сходу навалился на него:

– Михал Иоць! Выкладывай всё, как есть!

– Знаешь, Свиридыч, Чалышев сказал, что у нас в отделе пенсионеров многовато: я, ты, Максименко.

– Что дальше?

– Ну, в марте будет инспекция омологационной комиссии (международная комиссия по безопасности автомобиля), до неё ты поработай, а после придётся уйти. Ну, мы и так по 5 лет после ухода на пенсию работаем (Бородич был на 3 мес. старше меня), как говорится, пора и совесть знать.

– Не волнуйся, Иоць! Я не пропаду.

До понедельника я обдумал ситуацию. Мне хотелось полукруглый юбилей (65 лет) встретить всё же здесь, а потом уходить. Комиссия пробудет почти до конца марта, там и майские праздники недалеки, а после них – мой отпуск, а после него – День Рождения, а потом и заявление можно писать. Сходил к Чалышеву. Предложил до мая подготовить преемника. Он согласился. Ларчик открывался просто: у руководителя одного из подразделений сын закончил институт, по-

лучил диплом, и парня надо трудоустроить. Я добросовестно натаскивал Игоря: научил пользованию уже имеющейся документацией, правилами составления годовых и квартальных планов работ по обслуживанию техники, показал, как надо составлять схемы смазки и многое другое. Даже познакомил его со всеми работниками УММ, с которыми ему придётся контактировать по работе, даже свозил в СКП и на КВИЦ – там тоже познакомил, с кем надо. Всё бы хорошо, но огонька любопытства в его глазах я не видел. Более того, время от времени просьбы: «Александр Свиридович, а можно, я сегодня уйду пораньше?» Или «завтра приду попозже». Мои опасения относительно него, увы, оправдались: он проработал меньше года и ушёл совсем из УММ. Одно утешает: его сменил серьёзный парень, так что дело моё не пропало.

Но нет худа без добра! Я уже много месяцев уламывал Атанова дать денег на издание сборника стихов, хотя бы половину суммы, а вторую часть рассчитывал получить на ВАЗе. Когда я дал слово, что обязательно уйду летом, Атанов отвалил ни много ни мало 70 000 – на весь объём! Так что к юбилею я уже сдал 400 экземпляров в библиотеку УММ, традиционно подарил три десятка экземпляров в Библиотеку Автограда и по несколько экземпляров в другие библиотеки города. Годом раньше УММ отмечало свой юбилей, и к этому событию была издана публицистическо-художественная книга, в которой поместили подборку моих стихотворений, некоторые из них были посвящены работникам этого коллектива.

А ещё я помог поправить здоровье его дочери. Она работала в бухгалтерии на невысокой должности и никогда не строила из себя «директорскую дочку». Более того, когда хотели сократить одну смиренную уборщицу, имевшую незаурядный интеллект, но не имевшую других источников существования кроме нищенской пенсии, то М. взяла лист бумаги, собрала подписи и пошла к отцу – уборщицу оставили в покое. Когда я узнал об этой истории, я «зауважал» её. А когда узнал, что она часто болеет, захотел ей помочь. Нет, я не маг...

Экстрасенсорика

В 92-м году, видимо, из-за стресса у меня усилились некоторые хронические заболевания, и на меня обрушились новые. На голове, чуть повыше лба стал периодически появляться какой-то струпик, потом начал кровоточить. Пошёл к кожному – направили в онкологию, а там сказали – «базалиома!» – лёгкая форма рака кожи. Лечится просто: 15-тикратное облучение рентгеном с запасом по площади, при этом выжигается всё подряд – и больные, и здоровые клетки. Процесс заживления ожога занимает до полутора месяцев. Дают

больничный примерно на 2 месяца. В других местах – новые очаги – всё повторяется. За 2,5 года лечился 5 раз!

Один мой товарищ посоветовал съездить в Ульяновск к «бабке» у которой он лечил позвоночник. «Бабка» оказалась женщиной, лет на 7...8 моложе меня, по профессии хирург-костоправ, и сильный экста-сенс. В кабинете была полутьма, и горели свечи. Она положила меня на массажный стол и что-то бормотала, я лежал, закрыв глаза, вдруг она поднесла свечу к лицу – я приоткрыл глаза и увидел, что никакой свечи нет, есть её ладони, от которых шло тепло, как от калорифера. За сеанс она взяла очень умеренную плату и велела через несколько месяцев приехать на сеанс поддержки.

Как говорится, результат – на лице: за следующие 5 лет я рентгеном прижигался только два раза. В 5 раз реже! Как-то я пробыл на пляже часов пять – у меня пошла опухоль по старому шрамику недалеко от глаза. Пришлось срочно ехать в Ульяновск. Возвращаясь от Любови Михайловны, уже около Димитровграда в зеркале увидел, что опухоль пошла на спад. Она мне аритмию уменьшала, сильно тормозила другие болезни. Лечила успешно и других членов моей семьи. Вот к ней-то я и предложил М. съездить. Месяца через четыре М. заметно поправилась, вышла замуж, и сейчас она – мама двух прелестных девочек.

Я успешно получал поддержку от Л.М. до 7-го или 8-го года, потом она мне сказала:

– В следующий раз не приезжайте без нательного креста. Мне батюшка запретил лечить таких.

– Любовь Михайловна! В детстве меня крестили, но потом я стал неверующим. Как же я буду крестик носить?

– Не знаю, не приму!

Но я не очень сильно принял это к сердцу: вот, церковники и сюда стали вмешиваться.

Через какое-то время я снова приехал к ней, но не стал напоминать её установки. Она взяла меня и стала проводить сеанс, начиная с разминки позвоночника. Потом приказала:

– Повернитесь лицом вверх! – я повернулся, – Ах, вот почему мне так тяжело работать с Вами! Я же говорила, чтобы без крестика не приезжали!

Я стал что-то мямлить в оправдание, что она даже мусульман принимала, и тут услышал:

– Мне батюшка сказал: «Если ты что-нибудь подцепишь от своих пациентов, то даже я не смогу тебя вытащить!»

А я-то думал, что это просто поповская уловка для расширения паствы! Оказывается, попы – тоже экстрасенсы (конечно, если это не блатные актёры, изображающие из себя священнослужителей), да

ещё какие – сильнее Л.М.! Ну, я менять свои убеждения уже не могу, а рисковать здоровьем человека, так много сделавшего для меня – верх неблагодарности. Нацепить купленный в киоске кулончик в виде креста – бесполезно: надо его освятить, сходить на исповедь и на причастие. Она рукой проведёт над тобой и сразу выявит фальшивку, а позориться перед ней – последнее дело. И я больше не езжу к ней: проживу, сколько проживу, и без того на 15 лет превысил «среднероссианский» век мужчины

Прощальный бал

Вскоре после Дня рождения, который я отметил на даче в узком кругу (семья и самые близкие друзья), я организовал презентацию книги «Неизъяснимая нежность моя» в Доме Офицеров военного училища, благо, что в училище работала дочь Галина. Книгу я назвал так потому, что в ней есть стихотворение с таким же названием посвящённое Людмиле. Случилось, что 8 марта 2001 мы приехали вечером от друзей. Я погнал машину в гараж, а когда добрался домой, понял, что с Людмилой творится неладное. Спросил, не вызвать ли скорую, она, на удивление, не стала меня отговаривать, как обычно. Я вызвал «скорую» и стал, как мог, бороться с кризом: тёр ладони, виски, шлёпал по щекам, разговаривал, но глаза у неё уходили куда-то вверх. Звонил ещё на «скорую» – ответ стандартный: «Много вызовов. Ждите!» Через 45 минут, которые показались вечностью, появились врач и медсестра. Первое, что они сказали:

– Где полис?

Тут я взорвался:

– Вы что, не видите – человек при смерти! Спасайте, а потом будем искать полис!!

– Где полис?

Я готов был вышвырнуть их на лестницу, но тогда совсем не на кого надеяться. Заметался по квартире в поисках полиса. Чудом Людмила смогла сказать, что он в паспорте, а паспорт в её сумке. Подал им злосчастный полис, тогда они зашевелились. Когда в третьем часу ночи в палате медгородка Людмила впала в забытие, я попросил померить давление себе – 190/110.

Бывает, меня спрашивают, почему я до сих пор не могу примириться с капитализмом, – я вспоминаю эту сцену, которая была страшнее ленинградской в апреле 91-го...

Вот презентацию этой книги я и делал вкупе с другими юбилейными мероприятиями. Умилили меня внуки, когда они одна за другой выступили со сцены. Старшие музицировали (в школе искусств учатся), а младшая просто сказала речь (она в той же школе, но на художественном отделении), да ещё какую! Часа в два ночи мы с

Людмилой вернулись на дачу в машине, набитой подарками и букетами. Ну, цветов на даче у нас и своих немало, но всё равно приятно – даже соседок одаривали.

На следующий день у меня закончился отпуск, я вышел на работу и написал заявление, как и договаривались и занялся поиском информации о вакансиях для лиц моего юного возраста.

1-й колледж

Итак, я начал изучать объявления в газетах. Довольно быстро наткнулся на объявление, что одному из Тольяттинских колледжей нужны мастера производственного обучения. Созвонился, приехал с документами. Тут меня, учитывая прежде всего мой возраст, начали отговаривать от работы мастером и предложили работу преподавателя со смешной ставкой 50 р/час. Предложили на выбор несколько предметов и попросили приехать на завтра для уточнения. Назавтра сказали, что точный расклад предметов и часов по ним будет ясен в конце августа, а пока, чтобы чем-то заняться, я могу поработать в мастерских. Я, конечно, согласился.

Время было каникулярное, студенты и преподаватели в разъезде. Оказалось, что колледж готовит специалистов нескольких уровней: рабочих, как обычное ПТУ, специалистов среднего звена (то, что раньше делали техникумы) и специалистов более высокого уровня – «бакалавров» (знай наших – впустили Дуньку в Европу!) Поэтому мастерские работали в непонятном режиме. Меня познакомили с одним сварщиком и со слесарем, работавшими в мастерских на постоянной основе. Я с ними быстро нашёл общий язык, они отнеслись ко мне хорошо, но с некоторым сожалением: я – непьющий. Особенно это огорчало сварщика Володю. Делали какие-то непонятные финтифлюжки. Вскоре стали делать более понятные изделия: элементы металлического забора. Потом выяснилось, что для директорской дачи. Вскоре моих коллег пригласили поработать в субботу и воскресенье на монтаже забора. Я был рад, что не меня: делать это не для производства мне было противно, а отказаться – значит, выразить моё отношение к этому заданию и вступить в конфликт, не начав ещё учебного года. Директор, кстати, был неплохой человек, куда лучше многих. А что же тогда творят худшие?

Вспомнилась одна беседа с Кокотовым, когда машину ремонтировал. Я ему рассказал, что не так давно навестил на работе дальнего родственника, который по договорам отделявает квартиры, дачи и коттеджи. Привёл такой разговор с Юрой: – Зима, ты работаешь в одной рубашке, а батарей и электрокаминов не видно. Откуда обогрев?

– Да здесь полы со встроенными змеевиками, обогреваются от котла, могу показать – сам из Москвы привёз. Он стоит, как однокомнатная квартира в Тольятти. – У меня отвисла челюсть: дом имел два этажа плюс цокольный, плюс жилая мансарда, а во дворе были гостевой двухэтажный дом и баня с бильярдной.

– Так кто же это строит? Мафиозник какой-либо?

– Нет, какой-то ВАЗовский начальник – и он назвал фамилию – Н – в.

Я знал пофамильно всё высшее руководство завода. Такого среди них не было. Назавтра, придя на работу, долго перелистывал объёмистую телефонную книгу ВАЗа. Наконец, нашёл! Н – всего лишь один из заместителей Главного Механика завода! И вот я рассказал эту историю Кокотову:

– Валерий Яковлевич! А сколько коттеджных посёлков вокруг города! Это какие же деньги присвоены!

– Свиридыч! О чём ты толкуешь?! Разве это деньги? Если бы ты знал, какие суммы со свистом улетают за границу!

Так что забор моего нового директора – такая малая пылинка, что и разговора не стоит.

В самом конце августа после педсовета выяснились неприкрытые места «в кроссворде». Мне насовали штук шесть предметов, два из которых должны начинаться со второго семестра. Там было: «Основы слесарного дела» (кроме практики – предмет вели отдельные мастера), «Металловедение», «Технология и оборудование для металлообработки» и т.п. – всё то, что мне хорошо известно.

Но когда я начал конкретные занятия, то понял, что я сильно отстал от жизни. Оказалось, что интеллектуальный и особенно моральный уровень нынешних СТУДЕНТОВ, т.е. завтрашней ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ – не выше бывших моих соучеников по УМСХ № 6. Однажды очередная попытка добиться того, чтобы ВСЕ студенты группы усвоили тему занятия, привела к интересной реплике одного из хороших студентов:

– Александр Свиридович! Да бросьте Вы его – всё равно он учиться не станет. А то, пока возитесь с такими, все настроенные на учёбу тоже отстают.

Боже! Такая концепция, прагматически верная, не укладывалась в мои понятия. Да как же бросить раненого на поле боя? Я ведь когда-то даже пьяного Сашку Крейдуну 5 километров на себе тащил.

Потом я заметил, что есть группы более управляемые, с которыми можно работать чуть спокойнее, и есть группы из «пофигистов». Спросил, почему такая разница, словно в группы специально подбирали людей? Ответ ошарашил меня своей простотой: эти группы

«бюджетные», а эти – платные. Во! И здесь капитализм со всеми его прелестями! Одному балбесу заметил:

– Зачем ты ходишь на занятия? Только деньги отцовские тратишь! Сидел бы дома и время от времени выкидывал в форточку десятки.

– Я бы так и сделал, если бы за это дипломы давали!

Что случилось с моим народом? Исконно лучшие черты – доброта, добродушие, доверчивость, стыд и совесть – улетучились чуть ни до нуля. Как бывший лектор я умом давно понял, что это неизбежно, но одно дело – умозрительность, а другое – вот он факт! На этой неделе (11 или 12 марта 13г.) Малахов в своей передаче рассказал о случаях, когда ученики избивают учителей. Я слушал рассуждения людей из зала, но ни одна ... душа не назвала коренную причину всего этого. Сейчас православная религия пытается как-то затормозить этот процесс, но она обречена на поражение: во-первых, РПЦ не предлагает изменить экономическую базу существования народа. Во-вторых, те силы, которые когда-то ломали нашу идеологию и государство под фальшивыми лозунгами, «возрождения религии и духовности», дают изо всех сил на православие: «мавр» больше не нужен, в-третьих, как когда-то КПСС, наводняют РПЦ такими кадрами, людьми с такой моралью, что участь КПСС им гарантирована.

Вскоре я понял, что найти педагогическую тактику и приёмы работы даже с таким «контингентом» можно, но для этого понадобятся годы, а они у меня есть? А здоровья мне хватит? И тут подвернулся ещё один случай.

Осенью 3-го года надо было ехать в Самару за получением членского билета Союза писателей. Председательство в нашей организации К. Рассадин передал одному поэту, в миру бывшему директором колледжа. У него была служебная машина, на которой он иногда нас возил. Я спросил у него, не отвезёт ли и на этот раз. Тот ответил, что поможет бензином, но машину дать не может: шофёр недавно уволился. Пришлось поехать на своей. Когда мы поздно вечером возвращались с хорошим настроением, но в плохую погоду, он обратил внимание, что я очень своевременно включаю дальний свет: действительно, впереди оказывалась какая-то помеха, и сменил тему разговора: давно ли я вожу машину, на каких автомобилях ездил? И совсем неожиданно: «А сколько тебе П. (директор моего колледжа) платит? Я назвал сумму, он тут же предложил:

– Я тебе дам на тысячу больше, если пойдёшь ко мне шофёром? – Вот в чём причина его любопытства.

– Заманчиво, конечно! Но к тебе и от тебя на «Газельке» ездить, я эту тысячу проезжу. Надо подумать.

На следующий день мы созвонились и нашли решение проблемы, но я поставил два условия: я перейду к нему по завершении про-

граммы первого семестра, и с III. он поговорит сам, чтобы тот меня не считал дезертиром или перебежчиком.

2-й колледж

В конце декабря я получил рабочее место в виде автомобиля «ВАЗ 21102». С ненормированным рабочим днём. Ну, это меня не очень пугало, а сама езда на автомобиле мне даже нравится. Автомобиль этой марки мне, в общем, был знаком – мелкие неисправности устранял сам, техобслуживание и более серьёзный ремонт – на станции техобслуживания за счёт колледжа. Поездки были, в основном, по городу. Пока директор сидел в кабинете, он отдавал автомобиль (ясно, что с водителем) в бухгалтерию (чаще всего) или в учебную часть. Город и окрестности я знал хорошо: «таксовал» всё же, теперь освоил в подробностях и значительную часть Старого города, Комсомольский район, Фёдоровку (там прошло детство моего шефа, и там живут его родственники), Хрящёвку, посёлок Жигули. Мне не нравилось ездить в Самару: она с каждым годом всё теснее, а, главное, шеф был членом аттестационной комиссии, и пока там шло заседание и неременная неофициальная часть, приходилось нудно ждать у стен института. Летом ещё ничего, а зимой приходилось жечь горючее, чтобы отопление салона поддерживать, а километраж был нулевой, приходилось писать заявления на повышение нормы расхода топлива.

Поскольку шеф был председателем нашей писательской организации, а я – секретарь, то первое время сохранялись обычные товарищеские взаимоотношения, он приглашал меня на встречи с друзьями, юбилеи и проч. и представлял как поэта, члена Союза писателей России. Но постепенно он становился директором, а я – водителем персонального автомобиля. Ну, это меня мало трогало. По натуре он человек вспыльчивый, но отходчивый. И любитель каламбуров, тут мы спелись. По вопросам политики взаимоотношения были сложные: он очень критично относился к нынешней системе, но, поскольку сам в неё был встроен, выступить против системы не решался. На подпитии любил крылатую фразу: «Если не мы, то кто?» Но однажды, возвращаясь с родительских могил с другом детства, в автомобиле разоткровенничался: «По планам Мирового правительства в России из 150 миллионов, должно остаться только 50. Значит, нам надо дать своим детям такое образование, чтобы они вошли в число этих 50-ти миллионов!» При постороннем для меня человеке я не стал ему ничего говорить. Надо же! Хрен с ними со ста миллионами соотечественников, лишь бы его дочери-внучки уцелели!

И всё же конфликт состоялся. Две городские писательские организации – наша и организация Союза российских писателей решили совместно провести Городской конкурс молодых литераторов.

Создали Экспертный Совет, Жюри, разработали условия и т.д. Дошло дело до подведения итогов. Предварительно я и один представитель от ТГО СРП просмотрели рекомендации экспертов и пришли к единому мнению: лауреатами конкурса признать тех конкурсантов, которые отмечены обеими частями Экспертного Совета, а дипломантами – всех тех, кто отмечен одной из сторон. Предложили это на заседании Жюри, получили одобрение. Сверили рекомендации двух сторон ЭС и определили лауреатов и дипломантов. Написали протокол. Тут коллеги из СРП предложили: «Давайте мы аккуратно всё на компьютере распечатаем, а потом соберёмся и подпишем». На том и порешили.

Через неделю возвращаемся вечером из Самары. Шеф говорит:

– Давай на Ленина, 77.

– А что так?

– Да протокол подпишем, он уже готов.

Поехали к ребятам из СРП. Я удивился, почему меня раньше не предупредили. С нашей стороны должен быть ещё один член Жюри, но, видимо, его тоже не пригласили. Это мне не понравилось. Получил экземпляр протокола, вижу – что-то не то. Достал черновик (он был при мне), сверил – подлог! Причём, с явным перекосом в сторону кандидатур, отмеченных ими. Заявил, что не подпишу. К моему удивлению, шеф присоединился к голосам уговаривающих. Те стали доказывать, что нашли ошибку у одного нашего эксперта. Хорошо. Но почему не предупредили? Даже не поставили в известность? Я немного поругался с ними и ушёл в машину, шеф задержался. (Позже выяснилось, что согласование всё же было – с моим шефом).

Когда через день мы поехали за грибами в Шигонский лес, то дорогой эта тема всплыла, у нас до матюгов дошло. Потом всё на некоторое время утихло. Но дня через два-три СРПовцы опубликовали протокол. Оказалось, что шеф подписал его не как член Жюри, а как Председатель ГО СПР, т.е., фактически предал организацию. Кто-то из наших соорудил бумагу в Департамент культуры, её подписали человек пять, включая Рассадина, дали и мне на подпись. Я, конечно, подписал, хотя и предупредил, что останусь без работы. Один из наших, В.С., бодро заявил, что работу мне найдёт (у него сын на какой-то фирме очень не рядовой). Точно, через неделю, после посещения Департамента культуры, шеф мне предложил написать заявление. Теоретически можно было начихать на это: вопрос не производственный, причины для увольнения нет. Но специфика моей работы была такова: как это находиться в тесном пространстве, которое в любой момент может стать братской могилой, с человеком, с которым «в контрах»?

Я думал недолго. Назавтра написал заявление на три дня отгулов и заявление на увольнение после этого. Даже машину помыть не решил. Ну, и ладно! За месяц до этого пригнали в гараж «Шкоду», на которую я категорически отказался садиться, вот на ней шеф вскоре и начал ездить. Но, по слухам, недолго: машину разбили в аварии.

Шеф потом некоторое время бушевал, пьяный звонил мне и ругался, а Косте Рассадину вообще угрожал. Но, видимо, проспался, и всё затихло. С поста председателя мы его переизбрали, он не хотел отдавать печать, но оказалось, что в связи с несвоевременной сдачей отчётов нашу организацию областное Юридическое Управление через суд закрыло. Мы зарегистрировались заново.

Лебединая песня

Итак, в самом конце 2007-го, имея за плечами 50 лет трудового стажа, я оказался безработным. Обещания В.С., оказались пустым звуком, надеяться пришлось на себя. Вскоре через одну фирму, я нашёл работу контролёра ОТК! Причём недалеко от дома. Организация когда-то занималась механизацией строительных работ. От бывлой роскоши осталось название, значительный по числу, но сильно изношенный парк автомобилей и тракторов, бульдозеры, грейдеры, краны подъёмные разных видов и часть некогда славного коллектива. Как и везде, новые собственники частью по своей алчности, частью по условиям, в которые поставлены, практически не обновляли технику, а за счёт ремонта выжимали последние капли ресурса и сдавали её в металлолом. Деньги шли на коттеджи и за границу. Пожалуй, и сейчас так. Всё «на боку».

Обещали «десятку чистыми», но оформили на 1950 р. ??? «Остальное будут надбавки!». Я полагал, что мне выдадут белый (или синий, хотя бы) халат, дадут мерительный инструмент от линейки до микроскопа, и – вперёд!! Познакомили с предприятием и его ремонтной базой. Да, со времён Тамалы (37 лет) я такого не видал, но мне не привывать, тем более что тракторы и автомобили – «мой профиль». Но дали первое задание: сходить с шофёром на нефтебазу, проследить, не налили ли ему лишний литр масла, и всё ли он залил в автомобиль. Я был ошарашен. Но Б.В.Н. (мой непосредственный начальник) пояснил:

– Если остаток возьмёт – может продать в городе!
– Но, В.Н.! Я вот на легковушке езжу, и то литр масла с собой запас вожу, а тут – «КАМАЗ»! Если произойдёт утечка, что он будет делать?

– Ничего, позвонит, мы техпомощь пошлём – «КРАЗ» притащит.

Эта логика меня убила. Нечто похожее мы с Генкой Грибакиным наблюдали в Харьковском зоопарке: бегемот жевал травинку! Ген-

ка предложил сопоставить калорийность травинки с затратами энергии на жевание центнеровыми челюстями.

Технический контроль в настоящем понимании всё же был: утром надо было проверять автотранспорт при выходе на линию: тормоза, рулевое управление, светотехнику, замки дверей, запоры кузовов – всё то, что влияет на безопасность работы. Но когда я попытался не выпустить некоторые машины на линию – их выпустили в обход меня. При возвращении машин я их тоже проверял: нет ли новых дефектов. Как назло, стояли сильные морозы, я застудил ноги – отдало в челюсти: заболели зубы. Но всё же больше меня угнетала надзирательская работа – не моё это призвание. А когда Б. потребовал ещё писать докладные, иначе чуть ли не уголовное дело – покрытие воров. Я поразмыслил и написал заявление: не хотел, чтобы завершающая работа в моей трудовой биографии была поперёк души.

Проработал всего полтора месяца, один раз получил зарплату, 30% её отдал фирме-вербовщику, и это была моя последняя работа по найму с официальным оформлением. Потом я несколько месяцев работал «курьером с автомобилем». Если я до этого «знал город», то теперь узнал в нём такие закоулки! А в Промзоне нагляделся – волосы дыбом! Чуть ни в каждом строении – цех по разделке металлолома. Всё, что было создано в годы Советской власти пошло под гильотину, а где новое взамен? Нет его, нового. Зарботок был более чем скромный: езды много, а денег – чуть. Тут если бы лет пяток поработать, чтобы все адреса усвоить. Но и это не панацея: большинство фирм часто меняет названия и местоположение – уходят от налогов. Тем не менее, я считал себя при деле – моральное удовлетворение! Но в начале марта 9-го загремел в больницу с инсультом, по счастью не сильным: всего полдня говорить не мог.

На следующий день я уже «развернул бурную деятельность: снова начал писать стихи, принимал многочисленных посетителей, устроил на работу по медицинской части одного человека и повёл переговоры с Департаментом культуры по поводу предстоящего юбилея. Поскольку 14 июня – лето, жара, отпуска, не гарантировано моё хорошее самочувствие, то решил подстраховаться и провести 2 творческих вечера: в ДКИТ ВАЗа 16 июня (воскресный день) и осенью, в конце октября, где-нибудь в другом месте. В Департаменте сразу заявили, что денег на мероприятие если и найдут, то очень мало. Я не удивился: их скудных возможностей хватает только на некоторую поддержку Союза российских писателей. Но, спасибо им, написали ходатайство, с которым я как ветеран ВАЗа, да ещё имеющий остатки личных контактов, получил Малый зал ДКИТа. А ещё они на юбилейный вечер прислали работника с Губернаторской грамотой, огромным букетом и

настенной метеостанцией из 4-х приборов! Оказывается, и без денег можно жить! («Сто рублей – и сто друзей!»).

Несмотря на жару, народа собралось немало. В начале вечера школьники Лицея искусств исполнили мою песню «Рассвет» в сопровождении струнного оркестра (среди оркестрантов была внучка Маша). Вела вечер Балабашина С. Е., работница Деп. культуры. Юбилейный вечер совместил с презентацией двух книг: сборника песен и сборника стихов. И опять, как и 5 лет назад, мы приехали на дачу с кучей подарков и охапкой цветов – вся машина была забита. Но главное, чему я радовался, – я выдержал и не упал, даже немного повальсировал со Светланой Евгеньевной. Тем не менее, я решил не отменять осенний дублирующий вечер в Музыкальной школе, где директором Владимир Михайлович Свердлов(!). Я не могу похвастать приятельскими отношениями с ним, но то, что они уважительные, – это однозначно. Он разрешил провести мероприятие в небольшом уютном актовом зале. Обстановка была более домашней, чем в Малом зале ДКИТа. Я много читал, были песни на мои стихи, были выступления друзей-литераторов и музыкантов. Вёл вечер я сам, а помогала мне Ирина Логинова – музконсультант сборника песен: она работает в школе у Свердлова.

После первого вечера я стал меньше выступать публично: более плотно занялся подготовкой вот этой самой книги (если она состоится и выйдет!).

А ещё я после инсульта и этих последних рывков стал на автомобиле ездить реже и менее уверенно. Всё же в Пензу в 11-м съездил. Но в марте 12-го продал машину: ни денег на её содержание, ни здоровья на управление ею уже в достатке не стало. Не скажу, что теперь я абсолютный балласт – иногда мои книги покупают (осталось уже совсем немного), иногда молодым (начинающим) редактирую сборники стихов. В общем, это называется «случайные заработки». Сейчас вот в «Школе Юных журналистов» веду уроки поэзии – два академических часа в неделю, а что – тоже при деле! И с ребяташками интересно заниматься. Есть – подающие надежды, а я – в роли «старика Державина».

Теперь нет ни автомобиля, ни денег за него (если 90 000 – деньги): достройка дачи, теплица, благоустройство балкона. Но и этого не было бы, если бы я в своё время не избавился от одной пагубной страсти...

Однако есть и ещё «одна, но пламенная страсть».

7. «Я ПОСЛЕДНИМ УЙДУ С БАСТИОНА»

Видит око

Я уже писал, что в конце 80-х стал замечать: Горбачев «не туда гребёт». Честно говоря, до середины 80-х внутренние дела и политика меня не очень интересовали: нельзя объять необъятное, поэтому время я делил между внешней политикой и поэзией. В то время я был состоявшимся лектором и начинающим поэтом. Ясно, что каждому

хочется делать то, что у него лучше получается. Но вот с неизбежностью внешняя политика повела меня, словно курицу зерновая дорожка из дырявого мешка: американские и западноевропейские политики стали больше говорить о делах в СССР, и тон их высказываний стал меняться. Я не буду цитировать никого, но читатель может вернуться к статье «Третья причина» – во второй части этого тома.

И когда Горби позволил себя так называть, когда он заявил, что «нет такой идеи, во имя которой можно было бы согласиться с уничтожением человечества», я задумался. Если изменить масштаб до величины отдельной личности, то тогда Иисус Христос – «неадекватный», Джордано Бруно – сумасшедший, Тарас Бульба – помещанный, Матросов, Космодемьянская, Чайкина, Гастелло, молодогвардейцы – совсем чудаки? Тогда Мальчиш-Кибальчиш – дурачок, а Мальчиш-Плохиш – умница? А когда в Вене договорились открыть «информационную границу» врагу, то кто же тогда Михаил Меченый? Уж очень на Андрия стал похож! И вот в 90-м году я написал открытое письмо Горбачёву: «С кем Вы, товарищ Генеральный секретарь?» Одна машинистка распечатала мне её в пяти экземплярах. Послал в «Правду», «Известия», «Комсомольскую правду» и «Советский патриот». Из «патриота» ответили: «Принимаем только 1-е экземпляры». Остальные даже не ответили. Стало понятно: опоздал – всё «схвачено» пораженцами. Угнетало то, что мне было ясно: уничтожение коммунистической идеологии – только первый этап на пути полного уничтожения России, как многовекового государственно-го образования. А за этим последует уничтожение физическое либо этническое русского и других народов. Где половцы, хазары, гунны? Их потомки влились в другие народы, стали частью этих народов, а своё происхождение уже через 5...6 поколений забыто.

Начал искать единомышленников для сопротивления. Увы, их оказалось до обидного мало. А разрушители тем временем старались во всю мочь: Межрегиональная депутатская группа, Демократическая платформа и полу противостоящая им Марксистская платформа. А о существовании Движения Коммунистической Инициативы – молчок! О нём я узнал от своего друга Оськина Василия. Он и ещё несколько человек были делегированы на Первый Съезд ДКИ. Съезд проходил в два этапа с интервалом почти в полгода. ДКИ образовалось после 28-го съезда КПСС, на котором Секретари Ленинградских парткомов крупных предприятий дали первый, увы, и последний успешный бой горбачёвщине. 1252 делегата предложили и проголосовали за альтернативный проект программы, предусматривающий социалистический путь развития страны без уступок апологетам уже народившейся советской буржуазии («совбурам»). И даже официально оформили «особое мнение» меньшинства. Ядро ДКИ состав-

ляли интереснейшие и грамотнейшие люди: Тюлькин В.А., Терентьев Ю.Г. – секретари парткомов крупных предприятий, Анпилов В.И. – журналист немного авантюрного плана, как и подобает этой профессии, генерал-полковник Макашов А.М. (отчаяннейшая личность! Не сомневаюсь, что он в любой момент мог бы стать в цепь своих подчинённых), Косолапов Р.И., Сергеев А.А – профессора, члены ЦК КПСС, Игошин Д.В. – станочник Сормовского судостроительного, отличный профорганизатор. Заметными фигурами были наши, самарские секретарь парткома «Прогресса» Козленков В.В. и член профкома завода «Экран» Барабин Г.В. Да и вообще каждый участник – это смелая и оригинальная личность! Но даже с помощью таких друзей мне не удалось одолеть противника... нет, не Горбачёва и окруживших его Шеварднадзе, Алиевых, Арбатовых... Нет. Не удалось победить тёмную массу, которую охмурили за каких-то 5 лет с 86-го года с такой же легкостью, как немцев после 1933-го.

А если?

В апреле 91-го Василий пригласил меня на 2-й Съезд ДКИ, 1-й этап которого должен был состояться в Ленинграде. Из Тольятти ехали четверо: кроме меня Василий Оськин, Т.В.В. и Б.А.П. У Василия там были родственники, и мы остановились у них.

На Съезде всё было не так, как на конференциях, на которых мне доводилось бывать: в фойе раздают и продают газеты и буклеты немислимо широкого политического спектра. Общение не официальное, споры – на каждом шагу. Запомнилось выступление Белова – 1-го Секретаря Ленинградского Обкома. Он всё гнул, что всё равно заставят пойти на приватизацию народного хозяйства, поэтому предлагал не сопротивляться, а выработать рекомендации относительно одного какого-то варианта, наносящего наименьший ущерб трудовому народу. Через несколько лет я увидел его в руководстве КП РФ и не удивился этому. Ещё запомнилось выступление профессора Попова М.В. Оно вызвало моё восхищение как лектора: последовательность изложения, темп речи, интонации, жесты, даже внешний вид – такая вершина ораторского мастерства, до которой мне ещё надо карабкаться с немалым трудом! Профессор Сергеев брал железной логикой, связью происходящего с прошлым, честностью речи. Слушать его было не менее интересно, чем Попова, хотя Сергеев и уступал ему в риторике.

По завершении первого дня работы я поехал на Невский в авиакассы. Вышел из автобуса и пошёл по улице. В голове – продолжение дебатов, а по улицам ходит народ, будто ничего и не происходит. Конец апреля – Ленинские дни – завтра его день рождения, в городе довольно тепло, вдоль тротуаров стоят лотки и лотошники (мел-

кой буржуазии уже дали зелёную улицу). Продают большей частью овощи и фрукты. Много импортных – лимоны, апельсины и даже бананы! Цены немалые, но берут охотно – есть деньги у населения! И мыслишка: «А, может, прав всё же Горби? Может, зря мы сопротивляемся?» Последний лоток – метрах в двадцати от входа в кассы, я не успел решить задачу – вход, очередь, ожидание, изучение расписания. Хорошо, что рейсов в Курумоч (Куйбышевский аэропорт) было ещё много. Билеты взял довольно быстро – часа не прошло. Выхожу. Справа метрах в двух от выхода стоит обычная чугунная урна, над ней наклонился какой-то человек в длиннополой одежде, и что-то шарит в ней. Потом выпрямляется – в руках банановая кожура, которую он тут же начинает облизывает с внутренней стороны. Я замер! Такого проявления нищеты я не видел с военных лет. Но то же была война! Чуть не все – бедняки. А тут люди (некоторые) берут бананы по 175 рублей за килограмм! А рядом – как бездомные собаки, из мусорниц питаются. И это – В Ленинграде! Люди, о которых я писал: «Дух простоты, радушья, братства... / Смогли сберечь в аду блокады / И сохранили...».

Нет! Нельзя допустить, чтобы это закрепилось и усилилось! Я примкнул к правильным людям! Хватит ли у меня и у них сил душевных и телесных, чтобы выстоять и победить? Вот это – вопрос... Никаких «если»!

Началось

Вернувшись домой, мы с Василием развернули бурную деятельность по пропаганде материалов, особенно решений, съезда ДКИ. Местные «верхи» нас прямо не тормозили, но видно было, что большая часть партийной верхушки не помогают нам; а мне и таким, как я, приходилось работать мало и урывками: надо было семью содержать. В средствах массовой информации развернулась травля Нины Андреевой, одной из первых давшей откровенную классовую оценку происходящему в знаменитой статье «Не могу поступиться принципами». Те, кто её травил, забыли принцип великого Сократа: «Платон мне друг, но истина дороже!». В принципе, их действия были не так уж сложны: любой лектор знает, что такое подмена понятий. Сначала классовый интерес подменили партийным интересом, потом партийный интерес подменили интересом партийной верхушки. А верхушку эту предварительно запятнали и разложили через жён, других родственников и советников-референтов. Внутри партии попытки повлиять на них выставляли как антипартийную позицию, чем затыкали рот немалому числу честных коммунистов. А вне партии – показывая пальцем на «партократов», через СМИ клеймили всю коммунистическую партию и, более того, дискредитировали саму коммунистическую

идею. Причём в роли наиболее рьяных «разоблачителей» выступают как раз прогнившие, а в качестве виноватых выставляли оставшихся честными и чистыми! Кто не помнит историю с Егором Лигачёвым! Нечто похожее сейчас происходит в РПЦ. Если врагам России удастся реализовать этот замысел – ей станет намного хуже, чем сейчас. А иерархи так и будут ходить в золоте и парче, ездить на «Мерседах», только скажут, что они теперь другой веры – униаты, например, или просто служители единого бога Ягве-Саваофа. И будут пальцами, униженными перстнями, показывать на тех немногих, что не отреклись от своей веры и убеждений.

До поездки на вторую часть 2-го Съезда время пролетело быстро. Я закончил работу над статьёй «3-я причина», которую начал в конце 90-го. И вот во второй половине июня прибыл в Москву. За два с половиной месяца столько изменений! В одном из докладов прямо говорилось, что на конец августа намечен запрет КПСС, а на конец года – роспуск СССР. Это подтвердило мои выводы и дало дополнительный материал для статьи «3-я причина». А ещё я взял несколько экземпляров газеты «Русское дело», на первой же странице была статья «Технология гражданской войны», в ней чётко обрисовывались планы в отношении СССР. Жизнь скоро подтвердила правдивость статьи, а сейчас она подтверждается событиями на Ближнем Востоке

Вернулись в Тольятти с пониманием, что откладывать дальше некуда. Выступили с Василием в Автозаводском Райкоме КПСС – бурной поддержки не получили: позиция большинства – выжидательная. А когда я назвал «борьбой нанайских мальчиков» противостояние Ельцина и Горбачёва, один из членов Райкома – директор какого-то завода из Промзоны начал возмущаться, что я «смею оскорблять» самого Генерального секретаря! Пришлось его осадить, приведя ещё некоторые факты, о которых сразу не говорил. События развивались бурно, уже раздавались в Советах призывы «самораспуститься». Пришлось ездить и на пленумы Советов по всему городу. Противники Советской власти и социализма пока не решались на прямые формулировки, но фактически разрушение началось. Однако, когда был провозглашён ГКЧП, многие тут же поджали хвосты. Зам главного Редактора газеты «За коммунизм» позвонил мне и сказал, что мою статью «Третья причина» хотят поставить в номер. Подробнее об этом написано в ремарке к этой статье в части второй книги.

Но, похоже, и ГКЧП был создан, как один из актов трагикомедии по уничтожению СССР и социалистического строя в нём. Уверен, что и уничтожение СССР – тоже всего лишь первый акт трагедии с названием «Убиение России». Поражало полное бездействие комитетов КПСС всех уровней – ни одного призыва выйти на улицу и поддержать ГКЧП, который можно было бы превратить в реальный ин-

струмент борьбы с реставрацией капитализма. Теперь, когда многие «бонзы» оказались во главе фирм и банков, понятно, что причина такой апатии не столько в робости, сколько в гнилости. Так что финал ГКЧП – закономерный. А тех, кто остался твёрд, например, Пуго и Ахrameев – уничтожили. Некоторые чрезмерно простодушные, задают вопрос: «А куда же КГБ смотрел?» Да туда же, друзья мои! «Командовал парадом» Бобков – начальник 5-го управления КГБ. Такие перевороты без перевербовки охранных структур не делаются!

23 августа вся нечисть, почему-то считающая себя «демократами», выкатилась на улицы. На душе было мерзко и от происходящего вообще, и оттого, что среди «демократов» оказались вчерашние «товарищи» – какая же мразь рядилась в личины долгие годы! Я потом ещё несколько лет опасался встретить друзей, которых долго не видел: а вдруг и они были переодетые. Ну, хоть бы из приличия не якшались с демократами! Или в те годы не рядились бы в тогу коммунистов!

Как-то сами собой появились слова:

*«Я последним уйду с бастиона,
А, быть может, совсем не уйду».*

Эти слова лежали в запаснике души и памяти до августа 94-го, когда Анпилов В.И. пригласил принять участие в протестном пикетировании Тоцкого полигона, где «ельциноиды» задумали провести совместные российско-американские учения: сдача военных секретов шла полным ходом. Акцию протеста Анпилов предложил назвать «Редут». Мгновенно в памяти всплыли эти слова, и я за один вечер написал стихотворение:

*«Ах, Россия, Россия, Россия,
Над тобой вороньё, вороньё!
Ну какая нечистая сила
Истоптала и в грязь измесила
Лучезарное имя твоё?!*

.....
*А наступит оно, время оно,
Вострубит грозный ангел беду –
Я последним уйду с бастиона,
А, быть может, совсем не уйду».* –

Всё, чемодан сброшен, не прыгнуть под откос я уже не могу. Несколько экземпляров я успел распечатать и привёз на пикет. Несколько лет спустя Раиса Нидвига написала музыку на эти стихи – получилась песня, которую она с успехом поёт до сих пор. Песню я включил в сборник песен.

Но вернусь в 91-й. Буквально через 2..3 дня мне позвонила из Комсомольского района незнакомая женщина и представилась: «Меня зовут Михеенко Анна Васильевна, работаю заведующей детского са-

да. Прочла Вашу статью в газете и подумала, что Вам надо бы встретиться с первым секретарём Горкома Фадеевым Юрием Петровичем. Я могу организовать эту встречу». Она оставила свой контактный телефон. И уже в последних числах августа я приехал в Горком. Покоробило, что здание оккупировано какими-то непонятными деягами, а для Горкома оставлена одна комната – чуть ли не под лестницей. Мелькнула нехорошая мысль: «Если он согласился на это, то вряд ли он что-то сможет сделать». Поздоровался. Представился. Сослался на Анну Васильевну. Предложил поговорить в скверике: опасался прослушки. То, что я услышал от Фадеева, покорило меня ещё больше. Я уже описывал эту встречу в какой-то статье, но не помню, вошла ли она в эту книгу. Когда я сказал, что пора уже собирать остатки разгромленного войска и приводить его в какой-никакой порядок: не может быть, чтобы все люди с партбилетами сникли окончательно, кто-то же остался несломленным. Тут началось главное:

– Но ведь Ельцин запретил КПСС!

– Ну и что? Думать и говорить же он не запретил! И дело не в названии партии, а в убеждениях!

– Знаете, я вообще-то в партию и не хотел вступать, когда меня агитировали на пятом курсе: тогда пришлось бы точно поехать по распределению. Потом меня уже на заводе в Брянске уговаривали, я отказывался, а то не уволюсь, когда мне надо будет. Всё же вступил, но от должности Главного инженера отказался наотрез – очень хотелось в родные края. В конце концов приехал в Тольятти... – он что-то ещё рассказывал, но я уже почти не слушал. В голове крутилась мысль: «И такие люди управляли нами! Какой из него лидер в час испытания?!» Я прервал его:

– Но Вы остаётесь депутатом Верховного Совета РСФСР. Можете там поставить вопрос, чтобы прекратили преследование коммунистов? К следователям и в Прокуратуру уже вызывали многих, кто не бухнулся в ноги новой власти, мою жену даже в день рождения вызывали.

– Да, конечно! Мы можем обратиться в Организацию Объединённых наций.

Я остановился, мне уже не хотелось даже ругаться на него. Махнул рукой и ушёл.

Кто кроме...

Потом я созвонился с Анной Васильевной, вкратце рассказал о нашей «беседе», и мы решили, что надеяться на «бога, царя или героя» уже невозможно. Надо начинать самим. И начали. Числа 5-го сентября на скамеечке в Парке Победы собралась семёрка: я, Анна Васильевна, Василий Оськин, Николай Гузаев, Валерий Дубинин (ны-

не покойный), Сергей Котляров (убит в 93 году при странных обстоятельствах) и Валерий Жуков. Мне было 52 года. Анна Васильевна была старше меня лет на 7...8, остальные – моложе меня. Самый молодой – Сергей (36 лет, редактор ВАЗовского радио). Его и Василия дольше всех тягали по прокурорам и судам. По-скольку я был самый мобильный (автомобильный), то я обеспечивал связь и внутри города, и вне его. Об одной поездке в Куйбышев, и чем она закончилась, я уже рассказывал. В середине октября мы с Василием и двумя куйбышевскими товарищами поехали в Горький, дорога оказалось сложной: ночь, туман, но всё обошлось благополучно, даже в городе не заблудились.

На Съезде было немало знакомых по ДКИ: профессора Сергеев, Попов, Золотов (тогда ещё доцент), Василий Шишкарёв – наладчик с ЗИЛа, докеры из Ленинградского порта Николаев и ещё кто-то, Дмитрий Васильевич Игошин – Сормовский корабел (он на правах хозяйина обеспечивал работу Съезда), который поддержал линию ДКИ.

По завершении первого дня работы я поехал навестить Сашку Болдырева (да, того самого, неледовского соседа): он под старость лет разошёлся с женой, и уехал к Полине в Горький. Я упоминал, что когда я с дочерью плавал по Волге до Москвы, заходил к ним на квартиру. Увы, как и в тот раз, Сашки не было дома. Но на этот раз причина была посерьёзней: в Богучаре после инсульта парализовало тётю Ганю, его маму, он поехал ухаживать за ней. Позже я навестил его в Богучаре. Он забрал туда и Полину, жили в сарайчике, а в доме – первая жена и тётя Ганя. Шурик строил там на горе большой дом, отпраздновал досрочно новоселье в неотделанном доме (следующий год – високосный, нельзя въезжать). Но астрофизику не обманешь – на следующий год он умер, не дотянув полгода до 60-тилетия.

Со Съезда Советов рабочих, принявшего решение развернуть образование Советов рабочих, крестьян, специалистов и служащих, а также поддержавшего курс ДКИ на создание новой Коммунистической партии, мы вернулись воодушевлённые и взялись за дело. К середине ноября в нашей организации было уже около 30 человек и примерно такой же резерв из сочувствующих. 7 ноября Нина Андреева провела в Минске Съезд и первая организовала компартию – ВКПБ. Учредительный Съезд ещё одной компартии был намечен Движением КИ на конец ноября в Свердловске. От Тольятти поехали я, Василий и Георгий Иванович Иванов, более известный как «сталинист Иванов» – очень авантюрный, знающий миллион интересных историй и самолюбивый дед (ему было уже за 70). Несколько лет спустя пришлось его исключить из партии, но на тот период он был очень полезен.

Съезд проходил в Клубе Железнодорожников. На подступах к нему были выставлены группы провокаторов, но большую часть из

них мы распропагандировали, и они потихоньку рассосались. Зато на следующий день в ход пошла «тяжёлая артиллерия»: нам объявили, что здание кем-то заминировано, но ни один делегат не покинул зала. Мы заявили: взрывайте, но мы не уйдём – наше дело правое! Была куча корреспондентов, в том числе фото- и видео-. Особенно вились около Макашова и Анпилова, который сам был журналистом, получил известность после командировки в Никарагуа, в район боевых действий, но прославился тогда, когда организовал живые цепи вокруг Мавзолея Ленина и Музея Революции. А ещё он создал Движение «Трудовая Москва». Одна молодая журналисточка выкатила Макашову вопрос: «А должен ли политик быть гибким?» Я заинтересовался, чем ответит на эту каверзу Альберт Михайлович. Но он буквально через 2-3 секунды обыденным тоном выдал афоризм, который я до смерти не забуду: «Да, должен! Но без остаточной деформации!» Изумительно! И по смыслу, и по форме.

На второй, заключительный день работы Съезда приняли постановление об учреждении Российской Коммунистической Рабочей партии (РКРП) как преемницы идеологической линии РСДРП – РКП(б) – ВКП (б) – КПСС. Избрали ЦК и другие центральные органы. Центральному Комитету поручили зарегистрировать партию в Минюсте. Приняли решение также развернуть по всей стране Движение «Трудовая Россия» по опыту Москвы и нескольких других городов. Анпилову, как самому опытному в этом вопросе, поручили возглавить процесс. (Забегая вперёд, скажу, что Виктор Иванович блестяще справился с этой задачей, но, видимо, началось головокружение от успеха, и он попытался «бежать впереди паровоза» – пришлось исключать из партии. Потеряли ценного «кадра». Жаль. До сих пор.)

Завершился Съезд пением «Интернационала» – никогда я не пел с таким подъёмом! Особенно грело «чувство локтя»! Казалось, ещё несколько усилий, – и победа будет за нами. Увы, самые большие трудности оказались не там, где предполагались вначале. Самое непреодолимое – инерция и инертность масс. Вожаки нашего врага, буржуазии, – это же перебежчики, вчерашние «товарищи», которые изучали и знали истмат не хуже нашего. Потому их преимущество в том, что они беспринципны и безжалостны к своему же народу – это вылилось в том, что они начали зомбировать массы, не гнушаясь ни ложью, ни применением массовых технологий, и не останавливаясь даже перед моральным разложением своего же народа. Наиболее наглядное – это массовый вброс наркотиков в страну. Не менее действенное средство – понижение уровня грамотности и интереса к чтению. Дошло уже до слома святая святых любого народа – началась ломка языка.

Мальчиши-Плохиши из верхов бизнеса и власти знают, что стоит только людям осознать себя людьми, так они за одну неделю сметут всю нечисть. И поэтому делается всё, чтобы этого не случилось. Самое страшное – запрет на производительный труд (в основном, за счёт уничтожения фабрик, заводов и иных предприятий) и прививка отвращения к нему. В итоге престижно теперь быть торгашом, проституткой, вором, даже убийцей-киллером. Столько эвфемизмов вытаснено на свет! Даже проституция и биржевая спекуляция называются ЗАРАБАТЫВАНИЕМ денег!

Уже 10 января 92-го наша партия стала первой зарегистрированной Коммунистической партией. (Нина Андреева не стала регистрировать свою партию). К этому времени в Тольятти было выявлено около трёхсот коммунистов (это из 19 тысяч партбилетоносцев КПСС!) 30 из них вошли в нашу партию, несколько десятков вошли в хитромудрую Социалистическую партию, организацию которой возглавил в Тольятти Виталий Минчук. Но большинство оставались «индивидуальными» коммунистами, не связывая себя с какой-либо партией. Но в политработе участвовали.

Будни

Наметили основные направления работы: просветительно-агитационная, участие в протестном движении, помощь рабочему движению и связь с областными и центральными структурами. Два главных вопроса стояло перед большинством людей: ЧТО и ПОЧЕМУ случилось? Ведь получилось, как в цирке: фокусник-манипулятор открыто работает перед тысячами глаз, все всё видят, для убедительности он даже некоторых вызывает на арену, и они видят всё с расстояния вытянутой руки, но превращения так и остаются загадкой. Даже мне была ясна только часть, только принцип фокуса, в результате которого страна из социалистической превратилась в капиталистическую и рассыпалась на куски за считанные годы. А большинство видели только трагедию трёх-четырёх дней! А если учесть, что Интернета тогда не было, денег на издание газет – тоже, то оставались устная агитация и жалкие тиражи самодельных листовок. Но были ещё митинги, которые собирали по несколько сотен человек – это уже кое-что. Причём старались использовать любые митинги, даже организованные не нами. На одном из таких митингов я познакомился с художником Зотовым Михаилом Васильевичем, некогда активным «диссидентом», но быстро понявшим, кто и для чего использовал диссидентское движение. Но о нём я довольно подробно рассказал в статье «Он выбрал свою сторону баррикады». Нашу сторону! На Урале и в Зауралье наши товарищи действовали более активно, там в содружестве с левопатриотическими силами даже удавалось наладить

выпуск газет. С большим отставанием, но и к нам приходили эти газеты. Там мне удалось опубликовать полностью статью «Третья причина», в одной газете ей изменили название: «Пока вас не захомутали».

Поскольку я был «моторизованным», то мне приходилось довольно часто ездить вечерами (днём – на работе) или по выходным дням в Самару, особенно когда меня выбрали в Обком. На нескольких Съездах меня выбирали в состав ЦК, поэтому приходилось неоднократно ездить в Питер и в Москву на пленумы. Штаб-квартира ЦК у нас в Питере (Ленинград уже переименовали), но большую часть мероприятий всё же проводили в Москве: дешевле проезд для участников. Проживали либо у знакомых, либо в общежитиях каких-либо предприятий, а то и в помещениях, где проходили мероприятия: кто на столах, кто на стульях, а то и на полу – народ не привередливый: у всех пролетарская закалка. Но каков темперамент! Однажды в Челябинске (там гостиница была!) вечером собрались в нашем номере для товарищеского ужина, на котором дебаты продолжались и с каждым новым тостом всё горячее! Слева от меня сидел Секретарь Московского Горкома Гусев В. И., а справа – Судоргина Надежда Константиновна. Вот они схватились в диспуте и меня с двух сторон давят и орут в оба уха, а я – трезвенник, не выдержал, сделал замечание. Владимир Иванович на секунду опешил, а потом выпалил: «Иди к социалистам: у них тихо!» Как ёмко сказал!

Но однажды пришлось пошиковать! 17 марта 92-го была годовщина Референдума по Союзу. К этой дате приурочили 1-й съезд Фронта Национального Спасения, где тон задавали буржуазно-патриотические партии и деятели вроде Бабурина и Алксниса, и были отчаянные, по смелости дававшие фору любому мужчине Сажи Умалатова и Светлана Мигуля (была ещё одна женщина – землячка-самарчанка Н.Н. – она 7 КАМАЗов медикаментов в Приднестровье отправила). Но были приглашены и силы с левого политического фланга: Зюганов, Купцов, Зоркальцев, Крючков и даже наши Тюлькин, Анпилов, Макашов. Поскольку организаторы представляли национально-патриотическое крыло новой буржуазии (за 90...91-й годы она почти вся вышла из подполья), то деньги у них были. Нас кормили в приличных столовых и кафе три раза в день, а проживали мы в гостинице «Россия»! Там я познакомился с земляками воронежцами (среди них Надежда Константиновна, которую я уже упоминал). С ними я ещё долго поддерживал и политические и дружеские отношения, а потом Вячеслав Кузьмич засиделся в ОблДуме, а Надежду Константиновну повело в сторону леваков-троцкистов, и пути наши разошлись.

Клязьма

Начали расходиться пути и с другими товарищами, причём, ещё раньше. В конце 92-го стало ясно, что Ельцин поторопился доложить своим заморским покровителям о том, что «с коммунизмом в России всё покончено». Использовали проверенный веками рецепт: не можешь остановить движение – возглавь его и направь в нужное тебе русло. Дали зелёный свет «мягким коммунистам» с заметной «остаточной деформацией»: Купцов, Белов, Зоркальцев, Зюганов и др. Было позволено пересмотреть в Конституционном суде запрет Компартии. Конечно, нашли нужное им решение: разрешили деятельность, но... только не на заводах и фабриках. Перед всем миром выглядят демократами, но Компартию переводят в режим холостого хода. Главная задача любой действительно коммунистической партии – организовать, обучить рабочий класс и возглавить его борьбу за свои права, за ликвидацию капитализма, за социализм. Лишённая возможности выполнять эту функцию, партия превращается в пустой звук, она станет в шеренгу других буржуазных партий и будет отличаться от них только риторикой.

Среди коммунистов тут же началось расслоение: одни заявили, что лучше это, чем ничего (вот он, оппортунизм в действии); другие считали, что надо поступить с буржуазным режимом так же, как они с нами: на словах согласиться, а на деле сопротивляться везде, где только можно и использовать все лазейки; третьи предложили стать в гордую позу и вести нелегальную работу, либо вообще её прекратить. Это было повсеместно, у нас – тоже.

До этого «манифеста» в Тольятти был организован своего рода союз коммунистов, который координировал действия организации РКРП, Соцпартии и одиночных коммунистов. И вот пришло известие о предстоящем Восстановительно-Объединительном Съезде в Москве в начале весны 93-го. К этому времени выпустили из тюрем почти всех товарищей, проходивших по делу о ГКЧП. Собрали подготовительную конференцию и мы. Задача: сформировать делегацию на областную конференцию, подготовить рекомендации по Программе и Уставу будущей партии, а так же и по её названию. Вопрос на первый взгляд мало существенный. Но! Товарищи, ходившие в масках Социалистов, так привыкли к ним, что и маскироваться уже не надо. Они предложили назвать партию Коммунистическая партия российской Федерации. Мы возразили, что такое название тут же даёт сигнал Ельцину: мы приняли твоё переименование страны, мы готовы подчиняться и дальше (здесь даже лингвистически слово «российской» – всего лишь прилагательное к слову «Федерация»). Наш вариант: просто Коммунистическая партия России (похожие дебаты были и в Союзе писателей). По программе наибольшие дебаты вы-

звал вопрос о собственности. Понимая, что полностью избавиться от частной собственности долгое время невозможно (да и не нужно во многих случаях), мы настояли на формулировке: «многоукладность экономики в переходный период» и «допускается частная собственность, основанная на личном труде собственника и членов его семьи» – иначе неизбежно повторение уже случившегося. В Самаре было сложнее: оппонентом был последний Первый (как звучит!) секретарь Обкома КПСС Романов В.С., тоже сидевший в Соцпартии. У нас был свой козырь – Козленков В.В., член недолго просуществовавшего ЦК РСФСР. Его коллеги Зюганов, Зоркальцев, Купцов и др. тоже «нечаянно» оказались в Соцпартии. По словам Козленкова самым «революционным» был Зюганов, а самым реакционным – Купцов.

Оргкомитет съезда назначил дату Съезда на апрель 93-го и норму представительства в ЦК и в КРК (Контрольно-ревизионная комиссия). Я был включён в состав делегации с правом совещательного голоса. Но в целом у РКРП был перевес над СП, и мы решили предложить нашего Козленкова в ЦК, как более важный орган, а Романова – в КРК. Макашова ввели в состав бюро ЦК сразу на съезде. Мы уже почти потирали ручки, но... У них был колоссальный опыт аппаратной работы. Я на съездах и конференциях такого насмотрелся! Можно сделать так, что через 5...10 минут люди (добровольно!) будут голосовать диаметрально противоположно. Первое, что выяснилось, это: было объявлено при подготовке Съезда, что организаторы бронируют себе 40 мест из 150-ти, а тут заявили, что 60. Многие наши сильные товарищи отсутствовали: были запланированы мероприятия по рабочему движению. Вечером поехали в свои домики (съезд проходил на базе отдыха). Решили вечером собраться и определиться, кого куда? Валера Д. уехал на ночлег к родственникам. Альберт Михайлович деликатно заявил, что ему нельзя голосовать: он уже избран – и это будет выглядеть как давление на собрание. В итоге оказалось: 3х3 – пат! Всё решит голос Д., потому я не волновался. Утром толпились в холле 1-го этажа. Я беседовал с Егором Лихачёвым. На мой вопрос: «Горби пришёл в ЦК уже предателем, или стал таковым «в процессе перестройки»? Лихачёв ответил: «Нет, пришёл он своим, но не смог устоять под напором наводнивших ЦК «демократов». Понятно. Кстати, сам Егор Кузьмич дальше знаменитой формулы – «Борис, ты неправ!» не пошёл, настоящего боя «рыночникам» не дал. Сработала инерция мышления: выступить против линии Генерального – значит выступить против линии партии. А что эта линия уже изогнулась в обратную сторону, об этом как-то не думалось: «партия не ошибается».

Наконец появился Валера Д. Все к нему: «Твоё мнение, кого в ЦК – Козленкова или Романова?» Он быстро, даже слишком быстро,

выпалил: «Конечно, Романова!» Я был поражён! На обратном пути в вагоне спросил, почему он так проголосовал? Ответ был обескураживающий: «У подъезда меня встретил М. и сказал, что вы решили Романова направить в ЦК. Не возражаю ли я? Ну, если вы решили, то что же я против всех попру?» Вот так М., вот это союзничек! И с ним, возможно, придётся в одной партии состоять! Но потом был финт почище! В нашей партии есть замечательный человек – Слободкин Ю.М. – юрист по профессии. Ему поручили подготовить к будущему референдуму проект Конституции. Газета «Правда», которую отдали новоявленным КП РФовцам, опубликовала несколько анонсов: «Скоро напечатаем проект Конституции Слободкина». Наконец опубликовали. Читаю – совсем другой проект. Тут мы подняли шум. Ответ: «Извините, вышла техническая ошибка – скоро исправим». До сих пор исправляют.

Но вернусь к делам Съезда. Напуганные Горбачёвым, делегаты решили Первого Секретаря избирать на Пленуме ЦК. Проголосовали почти единогласно. Но сразу возникла проблема: неофициально все знали, что таковым должен стать Купцов, на фоне которого даже Зюганов выглядел пламенным революционером. И уже минут через 15 Макашов прорвался на трибуну. Его попыталась стащить охрана, которую набрали из военных. Один полковник схватил Альберта Михайловича за рукав и стал тянуть. Альберт тут же развернулся: «Ты чего хватаешь?! Я сам генерал-полковник! Сейчас как врежу по роже – с тебя и папаха слетит!» Полковник отступил: он знал, что у Макашова дала со словами не расходятся. Макашов сразу стал повелителем зала, и помимо президиума предложил залу: «В порядке исключения на первый срок избрать Первым Секретарём ЦК Зюганова Г.А.». Проголосовали. Приняли. Проект программы протолкнули полурыночный. А ещё приняли важное решение: всем коммунистам до 7 ноября определиться, вливаться в КП РФ, или оставаться в прежних партиях. Беспартийные коммунисты в большинстве своём примкнули к КП РФ: как же, их много, значит, они сильнее! Видно, размышления и анализ – самая трудная работа для нашего народа. Несколько человек из нашей организации перешли в КП РФ сразу. В июне последовало Обращение «четвёрки» – Зюганов, Купцов, Зоркальцев и Белов. Прочитав его, я заявил, что определился до 7 ноября – остаюсь в РКРП в любом случае. Постепенно некоторые товарищи переходили в КП РФ, самые совестливые перешли последними. По пути из Москвы Макашов высказал своё кредо: «Для меня главное – чтобы была Россия, а какой она будет – дело второе!». В политике одной решительности и стойкости характера мало. И я не удивился после этой формулы, что он, прошедший бои в Москве, отси-

девший в тюрьме, всё же оказался в рядах КПРФ, хотя кое-что от него осталось ...

Время летело, жизнь вертелась, бандиты и буржуи стреляли друг друга. Приход капитализма в Тольятти отмечился серией убийств. В городе открыто орудовали две большие банды – «Димы Большого» и «Напарника» – и несколько более мелких. С буржуазной властью они дружили, поэтому хоронили их на самых почётных местах кладбища. Вскоре и они отблагодарили режим: когда в Москве начались кровавые события октября 93-го, то кроме «Бейтаровцев» (частично импортированных, частично подготовленных помощником Лужкова Боксером) и американского спецназа доморощенным карателям помогали уголовники. Москвичи рассказывали, как две ночи напролёт гонялись за защитниками Белого Дома по подъездам, дворам и скверам, как расстреливали на месте или загоняли на стадионы.

Уже с марта 93-го стало ясно, что Ельцина нацеливают на завершение слома страны. Как только начала бороться вторая пара «на-найских мальчиков» – Ельцин-Руцкой, так снова вспомнилась статья «Технология гражданской войны». Там приводились рекомендации из эзотерических источников: «Хотите уничтожить табун? Есть два способа: а) найдите хорошего наездника на хорошем коне, и пусть он возглавит табун; а когда табун помчится за ним, пусть он направит его к обрыву пропасти, а сам в последний момент отскочит в сторону; б) найдите двух хороших наездников на хороших конях, пусть они разделят табун надвое и помчатся в разные стороны, а потом повернут навстречу друг другу, в последний момент всадники выскочат в разные стороны, а части табуна сомнут друг друга». Сколько раз уже за последние 20 лет мы наблюдали это! А человеческие табуны, как и лошадиные, несутся за обманками: Горбачёв – Ельцин – Руцкой (Хасбулатов) – опять Ельцин – Путин – Медведев – опять Путин.

Кровавый октябрь

Когда началась мясорубка 3-4 октября, информации из Москвы, практически не поступало, кроме как по официальному радио и ТВ. Ходил к Зотову: у него был приёмник, который ловил германские станции. Настроение самое ужасное: боль за товарищей, стыд оттого, что я не там, отвращение к толпам зевак, которые, по логике, должны бы встать на защиту осаждённых, и недоумение: как же так, откуда взялись эти палачи? Ещё вчера был социализм и Советская власть, учили гуманизму, а сегодня – эти монстры! Умом я, конечно, понимал и знал, что Советской власти давно уже нет – одни этикетки остались! Но легче от этого не становилось

Тревоги побеждает только действие: уже 5 октября я подготовил обращение в органы власти и силовые структуры, включая Воен-

ное Училище с требованием не допустить расправ и кровопролития в Тольятти. Пришлось даже устно блефовать немного: мол, в городе поднимем волну протеста. Но все структуры заверили, что... Без мелких инцидентов, правда, не обошлось: мне вечерами звонили с угрозами, так что я из гаража всегда возвращался с обрезком медного кабеля в левом рукаве, его можно было вытащить за доли секунды. Семью Оськина пришлось эвакуировать: там угроза была более реальной, сам Василий был в это время в Ульяновске.

Городские власти, конечно, тоже не были заинтересованы в обострении обстановки в городе – предложили провести «круглый стол», с участием всех политических партий, представителей СМИ, священника о. Валерия и Администрации. Организацию «круглого стола» взял на себя Володя Иглин. Ну, говорильня и говорильня. Но вот что запомнилось: беседуют между собой два «банкира» (члены КПРФ!). Я стоял рядом – слышу: «Представляешь, как мы вляпались бы, если бы действительно ликвидировали организацию Соцпартии!». Батюшки! Да ведь принимали же решение во всеуслышание: с созданием КПРФ закрыть её, т.к. практически все члены её перешли в новую партию. Значит, кустики всё же оставили! Союзнички...

Вышедший из тюрьмы Анпилов в апреле 94-го собрал 2-й Съезд «Трудовой России». Против неё спецслужбы уже повели работу: в Москве была зарегистрирована ещё одна организация с таким же названием. Пришлось переменить название на «Трудовую столицу». На съезде Виктор Иванович держался уверенно, но былого задора уже не стало: отсидка даром не прошла. В перерыве за буфетным столом поговорили о Тольяттинских делах, тут Виктор впервые упомянул «праймериз» – своего рода предварительные прикидочные выборы среди сторонников партии. Наша партия по численности была не такая уж и большая, но сторонников имела много, а движение «Трудовая Россия» умножала наши силы в десятки раз. И она была «на слуху». Я тогда особого значения словам Анпилова не придавал.

Летом стало известно о планах ельциноидов провести совместные российско-американские военные учения. Да не где-нибудь, а на знаменитом Тоцком полигоне. Анпилов организовал сопротивление этим планам, сначала в виде сбора подписей, а потом – прямым пикетированием Тоцкого полигона. Я об этом эпизоде писал в статье «Тоцкое противостояние». О работе с 94-го по настоящее время, думаю, ещё рано писать. Поэтому кратко расскажу только о двух эпизодах.

В конце 90-х арестовали по обвинению во взрыве памятника Николаю Кровавому группу комсомольских активистов, некоторые из них состояли в нашей партии. Ребятам дали большие сроки, наиболее стойкой и политически подкованной была Надежда Ракс. Она получила 9 лет, в тюрьме и на зоне не прекращала просветитель-

ской работы. Был брошен призыв: помочь ребятам, кто чем может. Я понял, что могу помочь морально и психологически: послал каждому по две книги: «Трубач» и «Неизъяснимая нежность моя». А с Надей завязалась переписка, продолжавшаяся несколько лет. Я посвятил ей несколько стихотворений, лучшее из которых – «За окном». Его я писал в вальсовой ритмике, поэтому Марина Мещерякова написала музыку, аранжировку сделал Александр Маклаков, а потом сама Марина и её дочь Екатерина спели вальс «За окном», где есть такие строки:

*«Хочется воли, но правда нужней,
Верная правда...»*

Я записал эту песню на кассету и отправил на зону Надежде. Ей очень понравилось; конечно, я этому был рад: мой вклад в их борьбу состоялся. Через 7,5 лет отсидки её, наконец, выпустили по УДО. Незадолго до освобождения она вышла замуж, вскоре уехала к родителям на Украину в Ровно. Надо же! «Ровенская область, г. Дубно, в/ч 275...». Земляки оказались. Песню я ей отправил на диске ещё до возвращения (она дала адрес родителей). Потом Надя родила сына Василька и уехала к родителям в прекрасный город Ровно. Через несколько лет, уже совсем недавно, мне сделали видеоклип на этот вальс. Его я уже пересылал по эл. почте. Около года назад наша переписка прекратилась. Где она, что делает – не знаю, но уверен, что без дела не сидит, скорее всего, ведёт просветительскую работу, в том числе и политическую.

А ещё за эти годы я награждён Грамотой ЦК РКРП и двумя партийными медалями: к 130-й годовщине И.В. Сталина и 140-й – В. И. Ленина.

Оглядываясь назад, я теперь вижу яснее причины малой эффективности нашей работы. Объективные: а) поздно начали, надо бы лет на 10, как минимум, для этого надо было идти вразрез с практикой партийной работы. Был такой диссидент в Самаре – Александр Разлацкий, которого по тихому, без «раскрутки» в СМИ, запрятали в тюрьму, а «диссидентам» от буржуазии давали такую рекламу! – одно это уже должно было натолкнуть на мысль, что враг уже в штабе окопался; б) события 89...93 годов застали нас врасплох по большому счёту, слишком были мы убаюканы мощью партии и государства, нет бы, нам задуматься, – для чего как поганки стали расти «школы восточных единоборств? Для чего комсомольцам стали прививать частнособственнические инстинкты? в) выступили против врага люди среднего и старшего поколения (мне в 91-м исполнилось 52 года), обременённые не только возрастом и болезнями, но и семьями; г) у противостоящего нам врага уже имелись подручные (благодаря ко-

рупции): полуподпольная торговая мафия и уголовный мир – сила этих двух категорий в их беспринципности.

Субъективные причины – а) большая часть наших сторонников прошла школу КПСС, которая ушла далеко в сторону от линии РСДРП, недаром один из ренегатов, Черномырдин, заметил: «Какую бы партию мы ни начинали строить, всё у нас получается КПСС»; б) мы не наработали теоретической базы революционной борьбы на случай реставрации капитализма. А ехать в Женеву, чтобы там 10-15 лет обучаться, уже было некогда; в) у нас не оказалось ни Маркса, ни Ленина, чтобы разработать методику агитационной борьбы в современных условиях, поэтому использовали методику классиков: даём знания, на основе которых слушатели выработают убеждения, и в соответствии с ними начнут действовать. А противник применил против нас и всего народа методы психологической войны (зомбирование – команда «фас!»), о которых мы знали, но по инерции считали, что это только для международных отношений.

Так что теперь задача – уберечь для будущих поколений «искру», из которой когда-то «возгорится пламя».

ЭПИЛОГ

Вот, дорогой терпеливый читатель, перед тобой жизнеописание простого советского человека, который был и остался таковым и не боится заявить об этом вслух. Как видишь, я сначала прожил немалую жизнь, а потом уже повествовал о ней в стихах и прозе.

Конечно, я должен сказать слова благодарности своей супруге Людмиле Сергеевне за её терпение и благоразумие. Начинали мы свою совместную жизнь с двумя чемоданами и двумя сетками-авоськами, а закат жизни встречаем с детьми и внуками, имеющими крышу над головой, образование и не голодающими. 17 февраля 2012 года мы скромно в семейном кругу, который стал в 5 раз шире (у нас есть зять Виктор, сноха Виктория, три внучки и внук), отметили наш полувековой юбилей.

Конечно, я должен сказать слова благодарности своим сёстрам Клавдии и Ирине за постоянную сестринскую поддержку словом и делом. За то, что они продолжают любить такого брата-баламута. Я поддерживаю связь с ними (теперь уже и при помощи Интернета!) и с их разветвившимися семьями.

Конечно, я должен сказать слова благодарности своим покойным родителям, без которых не было бы меня и моей страны. Я склоняю голову перед военными и трудовыми подвигами своего отца Свирида Стефановича и, особенно, перед гражданским и материнским подвигом мамы Евдокии Никитичны.

Конечно, я должен сказать слова благодарности своей стране, которая дала мне возможность в труднейших условиях стать человеком. И как бы

ни старались её очернить сейчас, для меня она – мать, и лучше её нет ничего на свете.

Начинал я свой жизненный путь обычным колхозным мальчишкой, уже в 10 лет заработавшим свой первый пуд пшеницы, а теперь я – ведущий инженер-конструктор на заслуженном отдыхе, теперь я не последний человек в поэтическом и политическом сообществах, и есть много людей, которые не стесняются советоваться со мной, и людей, которым я помог видеть дальше и чётче, и они выросли в своём мастерстве.

Вот перечитаю, что написал, сокращу, конечно. Но уже сейчас мне по-прежнему вспоминаются Есенинские строки:

*«...Я с собой на досуге,
В этот вечер вся жизнь мне мила,
Как хорошая память о друге...».*

За три четверти века многое прошло перед моими глазами, многое изменилось. Я помню рассказы бабушки Танюши о том, «как жили в старину». А теперь старина – то самое время, когда я был мальчишкой. «Это было недавно – это было давно...»

На моей памяти была одержана великая Победа в Великой войне, на моей памяти страна поднималась из руин, на моей памяти она пережила расцвет, потом застой и крах. И душевный надлом у многих. Меня от депрессии спасло только то, что я почти никогда не сижу, сложа руки. Я что-то делаю, пусть малоуспешно, но делаю. И опять же по-иному вспоминается Гайдаровский рассказ о горячем камне. Я не хочу начинать жизнь заново, даже родным наказал – когда умру, то никаких реанимаций! Думаю, я за одну жизнь сделал достаточно для подъёма витка спирали бытия. Так что – никаких дублей!

Конечно, я не все отрезки жизни прожил так, как надо бы, не всё вспомнил и не обо всём написал... Но, может быть, будет ещё и 80-летие. Возможно, что-нибудь добавлю.

А пока приведу вот такое небольшое стихотворение:

*Жизни конец до обидного прост,
Истину эту несложно постигнуть:
Тело моё отвезут на погост,
Мысли мои разбегутся по книгам.*

*Тешу себя, что вовек не умру,
Памятен буду средь сереньких буден.
Соком кленовым пройдя сквозь кору,
Чувства мои растекутся по людям.*

*Мне же не надо ни тризн и ни риз,
Можете даже забыть моё имя,
Только один мне позвольте каприз –
Вы уж оставайтесь друзьями моими.*

СОДЕРЖАНИЕ ВТОРОГО ТОМА

Часть 3.2 Журавли и синицы

1. Здравствуй, оружие!	4
2. Опять «гражданка»	43
3. Мои недолгие университеты	51
4. Опять «дальние страны»	75
5. Такая тёплая Азия	80
6. От Тамалы не убежишь	118

Часть 3.3 Оседлость

1. Наконец-то Тольятти!....	184
2. ВАЗовские горизонты	208
3. Возвращение блудного Пегаса	219
4. Война с собой... за себя	227
5. «Вершина трудоспособности»	242
6. ПослеВАЗие	245
7. «Я последним уйду с бастиона»	263

ЭПИЛОГ	280
--------------	-----